ПОѢЗДКА

ВЪ КИРИЛЛО-БѢЛОЗЕРСКІЙ МОНАСТЫРЬ.

ВАКАЦІОННЫЕ ДНИ

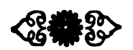
ПРОФЕССОРА С. ШЕВЫРЕВА

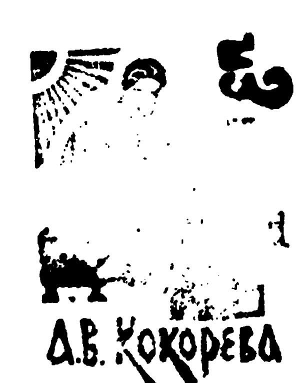
ВЪ 1847 ГОДУ.

Въ двухъ частяхъ.

(Съ 25-ю литографированными рисунками).

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

МОСКВА.

Въ Университетской Типографіи.

1850.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва. Января 15-го дня, 1850 г.

Цензоръ Ст. Совѣт. и Кавалеръ И. Снегиревъ.

ТРОИЦКАЯ ЛАВРА.

Цѣль поѣздки и описанія. — Путешествія по Россіи. — 24-е Іюня. — Воспоминанія по дорогѣ къ Троицѣ. — Мытищи. — Село Пушкино. — Хатьковъ монастырь. — Странники. — Дорога до Троицы. — Лавра. — Юродивый съ хлѣбомъ. — Литургія у раки Препод. Сергія. — Мысль всей жизни Преп. Сергія. — Трапеза. — Картины на стѣнахъ и странники. — Иконы. — Ризница. — А. В. Горскій. — Его Исторія Флорентійскаго собора.— Ученые Московской Духовной Академіи.— Библіотеки: Академіи и Лавры.— Новое открытіе А. В. Горскаго о годѣ изобрѣтенія Славянской грамоты. — Рукописи. — Ѳ. А. Голубинскій. — Двойной характеръ его бесѣды. — Мысли о нѣмецкихъ философахъ. — Богоугодныя заведенія при Лаврѣ.—Виѳанія.— Церковь. — Домъ Митрополита Платона. — Геѳсиманія.

Мнѣ нуженъ былъ отдыхъ отъ трудовъ академическаго года. Я хотѣлъ согласить его съ занятіемъ по сердцу. Ни на чемъ такъ нельзя отдохнуть человѣку, утомленному кабинетною жизнію, какъ на пути скоромъ и дѣятельномъ. Здѣсь мысль, не прерывая своего занятія, живетъ внѣшними предметами. Впечатлѣнія смѣняются быстро: душа, освѣжившись, бодрѣй возвращается въ свой внутренній міръ.

Давно желалъ я взглянуть на предѣлы нашего сѣвера. Особенно хотѣлось мнѣ посѣтить бѣлозерскія мѣста, съ которыми связана память преподобнаго Кирилла, одного изъ просвѣтителей тамошнихъ краевъ въ эпоху Татаръ. Лѣтомъ 1847 года, удалось мнѣ исполнить это желаніе. Кратокъ по времени былъ мой отдыхъ и путь; но много впечатлѣній прошло по душѣ; много новыхъ свѣдѣній собрала память: не хочу, чтобы это пропало даромъ, и рѣшаюсь передать читателямъ.

Въ дорогѣ все случайно: не знаешь, на что нападешь; не знаешь, съ кѣмъ встрѣтишься и что замѣтишь.

Я имѣлъ цѣль предположенную въ своей поѣздкѣ, но не пренебрегалъ ничѣмъ, что̀ любопытнаго попадалось на пути. Пускай разсказъ мой будетъ вѣрною, незатѣйливой копіею съ самаго странствія. Мыслящая бесѣда съ замѣчательнымъ человѣкомъ, живыя рѣчи простолюдиновъ, мѣстность природы, впечатлѣнія городовъ и селъ, памятники древней Руси, монастыри, храмы, иконы и хартіи, дѣятельность Россіи новой, обычаи и нравы, преданія, языкъ народный и его физіогномія — все взойдетъ въ мой разсказъ, безъ строгаго порядка и связи, все какъ случилось. Спутникъ мой, Н. В. Б., владѣющій карандашемъ съ такою же граціей, какъ и стихомъ, снялъ нѣсколько очерковъ, за которые я ему весьма благодаренъ. Пускай они очевиднымъ напоминаніемъ оживятъ мое слово.

У насъ есть люди, готовые осмѣять даже мысль о путешествіи по Россіи. Выдавая себя за строгихъ поклонниковъ запада, они въ этомъ случаѣ однако позволяютъ себѣ отступать отъ него, потому что западъ не только не пренебрегаетъ такими путешествіями, но ввелъ ихъ въ моду и безпрерывно обогащаетъ свою литературу ихъ описаніями. Мы также весьма охотно читаемъ ихъ, но въ этомъ чтеніи насъ не столько занимаютъ разсказы объ нашемъ отечествѣ, сколько мнѣніе, какое объ насъ составили западные путешественники. Данныя мы всегда признаемъ невѣрными, неосновательными, и даже извиняемъ въ томъ: гдѣ же иностранцу, говоримъ мы, не знающему ни языка, ни исторіи нашей, собрать вѣрные факты о землѣ и народѣ? Но мнѣніе, не смотря на то, для насъ все таки имѣетъ великую цѣну и важность, хотя логически слѣдовало бы такъ заключить: данныя неосновательны, слѣд. и мнѣніе, изъ нихъ выведенное, таково же. Но подобное заключеніе требуетъ другаго условія. Надобно имѣть для того мнѣніе о самихъ себѣ, какъ націи, а мы покамѣстъ его еще не составили — и потому дорожимъ мнѣніемъ другихъ, точно такъ какъ всякій человѣкъ, не имѣющій о себѣ самостоятельнаго мнѣнія, хотя съ вида и стойкій, зависитъ отъ постороннихъ.

Есть еще причина, почему поклонники запада считают невозможнымъ путешествіе по Россіи. Эта причина, надобно съ ними согласиться, самая основательная; она состоитъ въ недостаткѣ комфорта, великаго плода Европейской цивилизаціи, столько лестнаго самолюбію нашей человѣческой натуры. Справедливо говорятъ: въ Россіи можно только ѣздить по дѣламъ, а путешествовать не льзя. Въ самомъ дѣлѣ, вы путешествуете только за границей: путешествіе тамъ сопровождалось, покрайней мѣрѣ прежде, всякой день, прекраснымъ завтракомъ, вкуснымъ обѣдомъ, мягкой постелью. Странствуя по Россіи, вы безпрерывно подвергаетесь тѣмъ лишеніямъ, которыя для инаго, скованнаго привычками воспитанія, просто невыносимыя несчастія, удары судьбы; вы на самихъ себѣ, и ночью и днемъ, чувствуете почти всякой часъ, какъ отстали мы въ комфортѣ жизни передъ другими — и выно́сите чувство непріятное, могущее повредить всякой пользѣ, еслибы эта польза была даже возможна. Съ этимъ не льзя не согласиться. Кто противъ этого можетъ спорить?

24-го Іюня я выѣхалъ изъ Москвы, въ Крестовскую заставу. Ивановъ день сказывался вѣнками цвѣтовъ на поярковыхъ шляпахъ фабричныхъ щеголей Московскихъ. Красныя рубашки, синіе халаты и черныя кудри подъ увѣнчанной шляпой мелькали безперерывно. Весела физіогномія нашего промышленника, котораго кормитъ Москва своею работой; его довольство блещетъ въ его нарядѣ; праздникъ принадлежитъ ему — и онъ не чувствуетъ тяжкой нужды продать его за деньги. Но лицо его слишкомъ рано теряетъ цвѣтущую краску юности; рано морщины втираются въ него и разрушаютъ свѣжесть тѣлесную; глаза темнѣютъ и тупѣютъ; подъ наружнымъ забытьемъ и весельемъ таится что-то болѣзненное и мрачное. Причина всему — вино.

Катясь по Троицкому шоссе, наслаждаешься выгодами Европейской гражданственности и въ тоже время вспоминаешь старинную Русь съ ея царскими походами. Вотъ на лѣво Марьина роща и поле, гдѣ подъ шатрами отдыхалъ

Царь Алексѣй Михайловичъ съ своею Царицею. Вотъ древнія главы церкви села Алексѣевскаго! Вотъ Тайнинское— забава Царя Алексѣя Михайловича! Путевыя впечатлѣнія И. М. Снегирева—необходимая книжка для мыслящаго странника къ Троицѣ: они оживляютъ дорогу памятью минувшаго.

Но какъ изгладились слѣды его! Ужъ нѣтъ дворца въ Алексѣевскомъ, гдѣ Карамзинъ съ какою-то любовію смотрѣлъ на тѣ вещи, которыя принадлежали еще къ характеру старой Руси; съ какимъ-то неизъяснимымъ удовольствіемъ брался рукою за дверь, думая, что нѣкогда отворялъ ее родитель Петра Великаго, или Канцлеръ Матвѣевъ, или собственный предокъ его, служившій Царю, и чувствовалъ, что въ немъ не простыла Русская кровь! Въ селѣ Тайнинскомъ нѣтъ уже давнымъ давно дворца Елисаветы Петровны, который еще при Карамзинѣ продавался на своз! Въ Братовщинѣ — ни деревянной церкви, ни царской вышки, въ которой на мягкихъ перинахъ отдыхалъ Царь Алексѣй Михайловичъ.

Въ Мытищахъ Европейская цивилизація вамъ напомнитъ обычай заграничныхъ дорогъ. Вы приведете на память этотъ Нѣмецкій Schein, который васъ такъ часто будилъ ночью! Не худо замѣтить для новичка-странника по этимъ Европейскимъ дорогамъ, что ярлыкъ, который дадутъ вамъ за ваши деньги, надобно сберечь на дальній путь, еслибы даже сторожъ и сказалъ вамъ, что вы можете сдѣлать съ нимъ все что̀ хотите. Помню, за границей, мнѣ всегда хотѣлось на самомъ ярлыкѣ прочесть, что̀ съ нимъ дѣлать, на примѣръ: *отдать на такой-то станціи*.

Самоварная промышленность предлагаетъ вамъ отвѣдать чаю изъ самой лучшей подмосковной воды. Преданіе именуетъ родникъ *громовымъ колодцемъ*; такое названіе нерѣдко встрѣчается въ Россіи; народъ вѣрилъ, что небесная молнія открывала лучшую воду людямъ. Есть еще у насъ *святые колодцы*: они вырыты руками святыхъ мужей, потрудившихся для здравія народнаго. Эти колодцы открыты также святымъ вдохновеніемъ съ неба.

Село Пушкино, какъ говорятъ, славится своими хороводами. Думая, что въ Ивановъ день они соберутся, мы остановились здѣсь напиться чаю. Но хороводовъ не было. Сосѣдняя фабрика отнимаетъ праздничные дни у народа. Трудъ, конечно, полезнѣе пѣсенъ. Нѣсколько дѣвушекъ въ нарядныхъ платьяхъ сидѣло на залавкѣ у одного богатаго крестьянскаго дома. Не вдалекѣ отъ нихъ стоялъ молодой щеголь села, хозяйской сынъ, видный собою, въ плисовой сборчатой коротенькой поддѣвкѣ, которая сжимала стройный станъ его; изъ подъ нея видна была цвѣтная пестрая рубашка; русыя кудри вились изъ подъ шляпы; сложивши руки, гордо стоялъ онъ и поглядывалъ на дѣвицъ; видно было, что онъ щеголялъ собою и своимъ нарядомъ. — «Что не водите хороводъ, дѣвушки?» — Да вотъ молодцы не затѣваютъ, отвѣчали онѣ, указывая на щеголя. — «Что же, другъ, не позовешь ихъ?» — Да куда мнѣ звать? это нашъ домъ: вотъ онѣ сами пришли ко мнѣ въ гости и незваныя. — Вотъ и еще успѣхи цивилизаціи, подумалъ я. Ужъ это нравы прямо изъ современныхъ Парижскихъ водевилей, гдѣ міръ теперь выводится наизнанку и дѣвушки волочатся за мужчинами. Я думалъ, что вижу передъ собою сцену изъ Fièvre brûlante въ подмосковныхъ костюмахъ.

Грудные младенцы на рукахъ у матерей и ребятишки, бѣгавшіе около нихъ, привлекли мое вниманіе. Какъ они блѣдны и тощи! Какой болѣзненный видъ! Прежде это случалось съ барскими дѣтьми. Нравы родителей видны на дѣтяхъ. Грустно!

Я прошелся по селу. Его веселая наружность мнѣ полюбилась. Взошелъ на колокольню. Прекрасенъ видъ на окрестность; извивы рѣки Учи его оживляютъ. Волновались поля будущею жатвой. Вдали видна фабрика. Она отняла у насъ хороводъ; но спасибо ей за то, что кормитъ народъ и пріучаетъ его къ честному труду.

Сошедъ съ колокольни, мы гуляли вдоль по селу. По дорогѣ тянулся обозъ отъ Троицы. Впереди ѣхала кибитка. Въ ней сидѣлъ священникъ. Насъ поразила благообразная красота его. Никогда еще не встрѣчалъ я такого чуднаго

лица, котораго черты намѣкали бы такъ ясно на божественный ликъ, коему мы покланяемся на иконахъ. Кстати такой прекрасный даръ удѣленъ служителю алтаря, особливо если черты души отвѣчаютъ чертамъ лица. У насъ, по какому-то предразсудку, совѣстно остановить вниманіе на прекрасномъ лицѣ, какъ будто бы это не созданіе Божіе, достойное изумленія. — Духовенство наше отличается вообще крѣпостью тѣлосложенія и свѣжестью силъ: добрый признакъ его чистыхъ нравовъ. Пускай иноземцы укоряютъ у насъ это сословіе въ томъ, что оно слишкомъ отдѣлено отъ другихъ. И прекрасно: такимъ только образомъ можетъ оно уберечь себя и свои тѣлесныя силы.

Идучи по селу, я вмѣшался въ народный разговоръ. Крестьянинъ всегда радъ бесѣдѣ съ нами — и весьма радушно принимаетъ наше слово. Въ этомъ всего лучше выражается его добрая душа. Полетъ воздухоплавателя еще былъ здѣсь свѣжею новостью. Памятно мнѣ слово одного простолюдина: «Самъ себѣ смерть покупаетъ.» — Что́ бы вамъ такъ? спросилъ я. Вѣдь вотъ вы сколько трудитесь, сколько работаете, а толи дѣло? слеталъ на воздухъ, да взялъ себѣ денежки.—«Нѣтъ, баринъ, страшно.»—Да вѣдь ты пойдешь же на смерть, если отдадутъ въ рекруты? — «Та ли это смерть, баринъ? Это служба великому Государю.» — Величаво было это слово — и величавъ видъ, съ какимъ произнесено оно.

Люблю я бесѣду съ нашимъ народомъ. Она для меня всегда поучительна и мыслію и словомъ. Мысль его свѣжая, незаученная; таково и слово. Кромѣ того, послѣднее нерѣдко бываетъ для меня отголоскомъ изъ памятниковъ древняго языка. Одинъ Владимірскій плотникъ говорилъ мнѣ недавно: вмѣсто взялися — *ялися* все сдѣлать. Мнѣ такъ и припомнилось выраженіе изъ Несторовой лѣтописи — *ялися* по дань. Но Владимірцы сознаютъ однако, что рѣчь Московская чище: — «у насъ во Владимірской губерніи *говорятъ сѣро́*», такъ выражаются они, и, приходя въ Москву на работу, стараются поскорѣе перенять наше произношеніе и складъ рѣчи. Москву они уважаютъ и

любятъ за то, что она ихъ кормитъ; но у нихъ есть на нее и пословица, не совсѣмъ выгодная: *Москва кому мать, кому мачиха.* Въ городѣ у насъ считаютъ они себя чужими, а потому и ходятъ сѣрò — не щеголяютъ; но за то у всякаго на селѣ, у того мать, у другаго жена, бережетъ красную рубашку да синій халатъ къ его возврату: придетъ плотникъ съ Москвы къ сѣнокосу домой — и тогда-то наряжается онъ въ береженое платье, и щеголемъ идетъ къ обѣднѣ въ сельскую церковь, гдѣ увидятъ его люди свои, знающіе его и по имени и по рожденію.

И. П. Сахаровъ въ Сказаніяхъ Русскаго народа говоритъ, что пѣсня: *Не будите меня молоду*, поется въ селѣ Пушкинѣ съ какимъ-то народнымъ торжествомъ, и что Московскіе жители нарочно ѣздятъ туда слушать эту пѣсню. Мнѣ хотѣлось повѣрить это на дѣлѣ—и я обратился къ одному изъ первыхъ мастеровъ хороводныхъ пѣсенъ, который сказалъ мнѣ, что эта пѣсня поется здѣсь, какъ всякая другая, и что въ ней нѣтъ ничего особеннаго. Неужели такъ скоро измѣнился обычай?

Было пора ѣхать въ дорогу. Хозяйка на прощаньѣ приглашала опять на возвратномъ пути. »Къ намъ заѣзжаютъ-де все лучшіе господа; мы эдакъ изъ простаго народа никого къ себѣ не пускаемъ, какъ другіе; у насъ не такой-де домъ; оно, знаете, *тово-вотко* нечисто».... А! вотъ и аристократія въ сельскихъ нравахъ!

Когда своротишь съ большой дороги на Хатьковъ, мѣста дѣлаются живописнѣе.

Рано утромъ, перешедъ рѣчку Ворю, я пошелъ въ монастырь, просѣкой лѣса, вверхъ по горѣ. На мосту, передъ самымъ монастыремъ, встрѣтили мы многихъ странниковъ изъ Москвы. Я спрашивалъ: кто откуда? Тотъ съ Воробьевыхъ горъ, другой изъ подъ Боровска, этотъ изъ Ряжска. Особенно заняла меня старушка изъ Каширы: она въ болѣзни дала обѣщаніе сходить къ Угоднику—и теперь его исполняетъ: «не было бы рукъ, ни ногъ — каткомъ бы покатилась къ чудотворцу.» На мосту сидѣли нищіе: не проходилъ ни

одинъ богомолецъ, какъ бы самъ бѣденъ ни былъ, не подавши имъ милостыни, деньгами, хлѣбомъ, сухаремъ. Вотъ и у моей старушки въ буракѣ были размоченные водой сухари, ея насущная пища; деревянной ложкой зачерпнула она ихъ и положила въ чашку нищаго, сопровождая даръ крестнымъ знаменіемъ и молитвой.

Не умолкаютъ паннихиды у раки блаженныхъ родителей Преподобнаго Сергія. Какъ въ этомъ обычаѣ до сихъ поръ выражается мысль проповѣдника Пресвятыя Троицы, который и теперь, приглашая къ себѣ странниковъ, даетъ имъ на пути урокъ благочестія семейнаго и сыновнихъ обязанностей! Какъ ни алкала его душа иноческой жизни и пустыннаго уединенія, но онъ внялъ голосу больныхъ и престарѣлыхъ родителей, и служилъ имъ до конца ихъ жизни, и тягостная житейская нужда ихъ сдерживала въ немъ даже порывъ высокаго призванія! Эти отношенія семейныя составляютъ прекрасную человѣческую черту въ характерѣ Преподобнаго Сергія, черту, которой особенно сочувствуетъ нашъ народъ.

Толпы нищихъ, въ оградѣ монастыря, избалованныхъ милосердіемъ странниковъ, безпрерывно упражняютъ въ нихъ эту добродѣтель: вѣдь это также занятіе. Слѣпая съ трехъ лѣтъ отъ рожденія сидитъ у воротъ монастырской ограды. Восемьдесятъ семь лѣтъ служила она тутъ и именемъ Христовымъ питала себя, и вѣроятно, семью свою.

Дождикъ ливмя лилъ, когда отправились мы къ Троицѣ. Заволокло со всѣхъ сторонъ — и на сплошномъ сѣромъ небѣ ни трещинки, которая обѣщала бы перемѣну къ лучшему. Но мнѣ было не скучно: я говорилъ съ извощикомъ. Малой, 21-го года, не женатый, разсказывалъ мнѣ, какъ учила его читать и писать монахиня Хатькова монастыря, когда было ему еще девять лѣтъ. Мнѣ припоминались времена древней Руси, когда монастыри наши были первоначальными школами для всѣхъ сословій. Видно и теперь грамотность нашихъ крестьянъ, даже и подъ Москвою, въ томъ же завѣдываніи обителей. Мѣщане учатся

болѣе въ уѣздныхъ и приходскихъ училищахъ. Выучка чтенію стоила отцу его 20 рублей ассигнаціями, да за письмо столько же.

Парень весело разсказывалъ мнѣ о ихъ осеннихъ и зимнихъ посидѣлкахъ. Карты проникли и въ хижины нашихъ поселянъ. Парни съ дѣвками играютъ въ свои козыри и въ короли. Особливо веселитъ ихъ послѣдняя игра, когда король раздаетъ разныя приказанія, угодныя ихъ вкусу. Въ хороводахъ любимыя пѣсни: *Заинька*, *Взойди красно солнце*, *ни низко ни высоко*. Пѣсни старыя лучше новыхъ, говорилъ представитель молодаго поколѣнія. А кто сочиняетъ у васъ эти пѣсни?—Да такъ, другъ дружкѣ сказываемъ, другъ у дружки перенимаемъ, повторилъ онъ мнѣ отвѣтъ, который слыхалъ я и прежде въ разныхъ концахъ Россіи. Иногда заѣзжіе въ деревню завезутъ новую пѣсню въ гости. Парни болѣе учатся у дѣвушекъ. Языкъ извощика былъ для меня урокомъ въ нашей Московской народной рѣчи. Особенно останавливало мое вниманіе обиліе уменьшительныхъ нарѣчій, какъ напримѣръ: *теперичка*, *тутотка*. Едва ли какой нибудь языкъ простираетъ до того страсть свою уменьшать всѣ слова, какъ нашъ народный. Въ этомъ сходимся мы съ другими Славянскими племенами. Болгары уменьшаютъ мѣстоименіе личное: *азъ* до нельзя—*азика*, *азикана*, *азиканака*. Мнѣ этимъ объясняется наша простонародная откличка: *ась?* которая конечно есть нашъ славянскій *азъ* т. е. *я*. Народъ и его уменьшаетъ и превращаетъ очень граціозно въ *асенька*.

Видно, что парень мой былъ охотникъ до пѣсенъ, но отъ Хатькова до Троицы никогда не раздается пѣсня извощика. «Не хорошо пѣть пѣсни на такомъ святомъ пути,»—сказалъ мнѣ скромный юноша. Этотъ путь, богомольный странникъ долженъ посвятить поминанію родителей Св. Сергія. Блинки, которые предлагаютъ на дорогѣ, какъ Русское лакомство, указываютъ на древній обычай поминанія. На походахъ Царей къ Троицѣ подносились и имъ блинки, согласно тому же обычаю. Въ лѣсу раздается иногда чтеніе Псалтири, совершаемое благочестивыми бого-

мольцами, поселившимися около этихъ святыхъ мѣстъ. Это также голосъ вѣковаго поминанія.

Дождь не переставалъ во время нашего разговора. Вдали, на закатѣ, у края неба, стало прочищаться. Но лишь только мы выѣхали изъ лѣса на поляну и понеслись по березовому проспекту, влѣво семицвѣтная дуга двойною окружностью охватила небесный сводъ. Давно уже не видалъ я такого зрѣлища. Мы остановились передъ нимъ. Радуга надъ Москвою ломается о верхи колоколенъ и домовъ. Здѣсь оба конца ея очевидно упирались на чистое поле—и всѣ семь цвѣтовъ ея горѣли ярко, ярко. Влѣво сіяла Лавра въ лучахъ заходящаго солнца своими золотыми главами. Нельзя было найти счастливѣе минуты для въѣзда въ святую обитель.

На другой день утромъ юродивый даритъ васъ хлѣбомъ. Даръ его безкорыстенъ. Денегъ онъ не беретъ, а если кто насильно и дастъ ему, онъ раздаетъ тотчасъ нищей братіи. Въ этомъ дарѣ выражается уваженіе Русскаго человѣка къ хлѣбу, какъ высшему дару Божію на землѣ, который удостоивается быть тѣломъ Хрістовымъ. Уронить хлѣбъ на полъ считается грѣхомъ у корешнаго Русскаго человѣка. Не могу не вспомнить, что Германскій мыслитель Баадеръ весьма сочувствовалъ этой чертѣ нашего народа.

Невозможно проводить время отдыха лучше, какъ я проводилъ его у Троицы. У меня было тамъ три занятія: богомолье, изученіе памятниковъ древности, бесѣда съ учеными мужами.

Каждыя четверть-часа, отъ ранняго утра до поздней обѣдни, въ которомъ нибудь изъ многочисленныхъ храмовъ и придѣловъ, начинается литургія. Такъ гостепріимна Лавра къ своимъ богомольцамъ, что всякой, взошедъ въ нее утромъ, въ какое угодно время, не долго прождетъ духовной трапезы. Нищіе, баловни народа, роящіеся какъ мухи около храмовъ, вамъ скажутъ, гдѣ начинается обѣдня. Мнѣ же, собиравшемуся въ долгой путь, кстати досталось выслушать первую литургію въ церкви Божіей Матери Одигитріи (путеводительницы).

Есть особенная отрада въ мысли, что молишься въ этихъ благолѣпныхъ храмахъ, окруженный пришельцами со всѣхъ краевъ нашего Отечества. Каждый принесъ сюда свою задушевную мысль, свою просьбу, свою благодарность Богу. Здѣсь живѣе чувствуешь въ себѣ, что ты членъ великой Русской семьи, которой всякое единство возможно только въ ненарушимой полнотѣ единства церковнаго. Въ тѣсной толпѣ богомольцевъ изъ всѣхъ сословій пріятно мнѣ было встрѣчать синіе воротники нашихъ студентовъ, усердно путешествующихъ къ Троицѣ-Сергію.

Благолѣпіе и неистощимая глубина церковнаго богослуженія во всякомъ Русскомъ храмѣ поразительны; но мысль особенно проникается ими, когда стоишь подлѣ раки того, кто не въ храмахъ, облитыхъ серебромъ и золотомъ, а въ деревянной церквицѣ, не въ жемчужныхъ, а въ крашенинныхъ ризахъ, часто безъ кадильнаго ѳиміама, при блескѣ сосновой или березовой лучины, до того мыслію и чувствами углублялся въ небесныя тайны богослуженія, что молитвами своими низводилъ Ангеловъ съ неба и удостоился посѣщенія Владычицы. Внутренній трепетъ благоговѣнія чувствуешь, когда въ храмѣ, гдѣ почиваютъ нетлѣнные останки ученика Пресвятыя Троицы, раздаются слова литургіи: *Возлюбимъ другъ друга, да единомысліемъ исповѣмы Отца и Сына и Святаго Духа, Троицу единосущную и нераздѣльную.*

Въ этихъ словахъ сосредоточивается мысль цѣлой жизни Преподобнаго Сергія. По благочестивому преданію, онъ пророчилъ объ этой мысли еще въ утробѣ матери. Потомъ вся жизнь его была непрерывнымъ ея выраженіемъ. Онъ училъ народъ исповѣдывать Пресвятую Троицу, народъ, который въ частныхъ поклоненіяхъ, дозволяемыхъ Церковію, готовъ иногда потерять изъ виду основную истину Хрістовой Вѣры. Безъ великой мысли нѣтъ великаго подвига жизни, нѣтъ и блага народу. Безъ этой мысли не углубился бы Сергій въ чащу лѣсовъ, не побѣдилъ бы дикихъ силъ природы, не ископалъ бы студенцовъ, не пришла бы къ нему братія и не признала бы его достойнымъ

за всѣхъ *«предстоять престолу Святыя Троицы»* и *«возсылать къ Богу серафимскую трисвятую пѣсню;»* не протоптали бы народъ, Князья и Цари безчисленныхъ путей въ эти дебри и чащи, не загремѣла бы Донская битва, не возсіяла бы Лавра своими звѣздными главами, не совершился бы 1612 годъ съ славною осадою.... Да, все, все сотворила здѣсь одна верховная мысль Христіанства, камень его премудрости, мысль о Пресвятой Троицѣ. Ею-то угодилъ Препод. Сергій Богу и народу Русскому, который съ именемъ Бога въ Троицѣ покланяемаго соединяетъ и имя Ея ученика. Не богословскимъ трактатомъ запечатлѣлъ онъ поклоненіе Пресвятой Троицѣ, но молитвой, богослуженіемъ, примѣромъ, любовью къ народу, милостыней, цѣленіями, нищетою, трудами, словомъ и поученіемъ.

Въ палаткѣ Серапіоновой или кельѣ Преподобнаго Сергія, гдѣ онъ удостоился посѣщенія Богоматери, я съ особеннымъ благоговѣніемъ поклонился десной рукѣ и власамъ моего Ангела, первомученика Стефана. Великолѣпенъ Успенской Соборъ. Размѣрами онъ напоминаетъ Московской. Во время богослуженія, по огромному его пространству, летали голуби. Народъ любитъ, когда эти птицы прилетаютъ къ нему на храмовую молитву: онъ чтитъ въ нихъ символъ Святаго Духа.

Послѣ литургіи я любилъ посѣщать трапезу странниковъ и освѣдомляться: откуда кто? Охотно высказываютъ они это — и всѣмъ какъ будто пріятно слышать, что вотъ они, съ разныхъ концевъ Русской земли, сошлись сюда.

Обширная трапеза передъ церковью Преподобнаго Сергія вся исписана живописью. Есть здѣсь школа художника Малышева, которая трудилась надъ этими картинами, подъ руководствомъ самаго мастера. На потолкѣ изображены: Страшный Судъ; Вознесеніе Божіей Матери и Апостолы внизу около трапезы, гдѣ приготовленъ и Богородицынъ хлѣбъ или такъ называемая панагія; Спаситель, изгоняющій изъ храма торжниковъ. Рисунокъ смѣлъ и композиція величава. Большое поле и для великихъ художниковъ. Кругомъ по стѣнамъ, изображенія милосердія изъ притчей Евангельскихъ. Одинъ добрый человѣкъ, одѣтый

по нашему, ходилъ съ крестьянами-странниками и объяснялъ имъ эти картины. Надобно было видѣть, съ какою жадностію внимала ему толпа. И старики и старухи тѣснились около него, и старались быть къ нему ближе. — Пріятно ли вамъ это слушать? спросилъ я у одного странника. — Какъ же, батюшка, отвѣчалъ онъ мнѣ, все услышишь доброе слово. — Народъ нашъ готовъ поучаться, какъ видно, лишь бы являлись ему добрые учители. При объясненіи духовныхъ картинъ, сколько полезныхъ истинъ Церкви можно передать народу. Живопись—языкъ очевидный и для всѣхъ понятный. Все Евангеліе въ лицахъ можетъ здѣсь онъ увидѣть. Мнѣ показалось, толкователь не одинъ ли изъ молодыхъ ученыхъ Академіи, по волѣ начальства, принявшій эту обязанность передъ народомъ; но нѣтъ — это былъ посторонній образованный богомолецъ, который раздавалъ странникамъ добровольную милостыню поучительнаго разсказа о святыхъ предметахъ, изображенныхъ въ трапезѣ.

Иконы въ храмахъ Лавры достойныбъ были особеннаго изученія, по древности своей и красотѣ стиля. Усердіе обложило ихъ здѣсь, какъ и повсюду, серебряными и золотыми окладами, не позволяющими видѣть живопись. По указанію Путевыхъ впечатлѣній И. М. Снегирева, я обратилъ вниманіе на образъ Живоначальныя Троицы, стоящій по правую сторону Царскихъ вратъ Троицкаго собора. Въ дорогихъ окладахъ мнѣ были видны только лики трехъ Ангеловъ. Письмо Византійское превосходное. Необычайная красота и грація разлиты по этимъ ликамъ, чисто греческимъ. Очертанія лицъ, глазъ и волосъ имѣютъ волнистое движеніе. Всѣ три Ангела съ любовью склоняютъ другъ къ другу головы и составляютъ какъ бы одно нераздѣльное цѣлое, выражая тѣмъ символически мысль о любвеобильномъ единеніи лицъ Пресвятыя Троицы. Когда смотришь на величавыя и прекрасныя иконы Греческаго стиля, тогда приходитъ на умъ: ужь не содѣйствовали ли мы его искаженію, даже и въ такъ называемой Строгоновской школѣ, которая удалилась отъ величія типовъ греческихъ, отъ красоты

очертаній, и пустилась въ мелочи, въ складочки одеждъ и въ постороннія архитектурныя украшенія. Отецъ Намѣстникъ, учредившій въ Лаврѣ школу иконописи, въ заботахъ своихъ о томъ, чтобы дать поприще для дѣятельности новому искусству, не забываетъ сокровищъ и древняго. Нерѣдко подъ новою живописью онъ открываетъ древнія иконы. Такъ указалъ онъ мнѣ на глубокомысленный символическій Образъ примиренія человѣка съ Богомъ во Христѣ. Въ Вознесеніи Спаситель представленъ возносящимъ съ собою души праведныхъ. Мнѣ видѣлись въ этомъ изображеніи слова изъ проповѣди Кирилла Туровскаго на Вознесеніе: «Имѣяшеть же съ собою Господь и душа человѣчьскы, яже възнесе на небеса въ даръ своему Отцю, ихъ же въ горнемъ градѣ усели.» Живопись наша, какъ и духовная поэзія народа, одушевлялась словомъ проповѣдниковъ Церкви.

Въ Ризницѣ, вниманіе ваше, утомленное золотомъ, серебромъ, жемчугами, драгоцѣнными камнями, бархатомъ, парчою, съ благоговѣніемъ устремляется къ деревяннымъ сосудамъ Преподобнаго Сергія, покрытымъ красною краскою. Изъ нихъ-то самъ вкушалъ онъ хлѣбъ жизни и предлагалъ его народу. Эти сосуды видомъ своимъ напоминаютъ простую сельскую красную посуду, которую употребляютъ крестьяне и которая, издревле, въ большомъ количествѣ производится въ Троицко-Сергіевскомъ посадѣ. Напоминая простому народу его бѣдную домашнюю утварь, они тѣмъ для него дороже. Смотря на ихъ скудость, на крашенинныя ризы Сергія, и потомъ на все великолѣпіе другихъ ризъ, престоловъ, митръ и проч., видишь, какъ въ очью совершаются слова Евангелія: ищите прежде Царствія Божія—и сія вся приложатся вамъ. Такова исторія нашей Церкви, если взять ее со стороны внѣшняго ея обогащенія. Первые подвижники ея никогда не думали о земныхъ благахъ,—а только служили народу молитвой и дѣломъ—и народъ со всѣми державными представителями своими сыпалъ на обители, ими основанныя, золото, серебро и жемчуги безъ числа и дарилъ ихъ многолюдными селами. У насъ Церковь стала богата не потому, что любила прі-

обрѣтать, а потому что была безкорыстна въ главныхъ своихъ представителяхъ. Правда, умноженіе этихъ сокровищъ, движимыхъ и недвижимыхъ, произвело ношу, которая стала отяготительною для духовнаго существа Церкви и ослабляла полезное дѣйствіе ея на народъ. Но все это было только временно, а истиннаго вреда не могло произойти отсюда, потому что источникомъ обогащенія Церкви была любовь народа, незнавшая чѣмъ угодить ей, слѣд. чувство прекрасное и безкорыстное, а доброе начало чувства, если бы иногда и перешло за границы, не можетъ быть предосудительнымъ.

Роскошь украшеній, состоящая въ безъотчетномъ богатствѣ, начинается у насъ особенно со временъ Патріаршества. Можетъ быть, еще прежде внесла это Византія, но все не столько. Борисъ Годуновъ весьма тому содѣйствовалъ. Нерѣдко дарилъ онъ царскія свои порфиры на ризы обителямъ. Великолѣпнѣйшіе покровы на раку Преподобнаго Сергія начинаются съ него. Прежнія пелены древней Руси представляютъ намъ смиренный образъ Угодника въ простыхъ одеждахъ, шитый шелками. Изумительна крѣпость ткани изъ крученаго шелка: куда дѣвалось это прочное искусство, которое поспоритъ съ самымъ лучшимъ непромокаемымъ макинтошемъ? Крѣпость вѣковѣчная ткани, засвидѣтельствованная четырьмя или тремя столѣтіями, и смиренная простота изображенія, выражаютъ совершенно подвигъ Угодника, который въ смиреніи нищеты трудился для вѣчности. Новые покровы: золото, серебро, каменья, жемчуга, бархатъ. На пеленѣ, подаренной въ 1499 году *Царевною Цареградскою*, *Великою Княгинею Московскою*, Софіею Ѳоминишною, надписи видно вышиты были людьми неграмотными. Вмѣсто μητὴρ θεοῦ (Μρ̃ Θῦ), Матерь Божія, вы читаете мар — ѳу; ѡндрѣй вмѣсто Андрей напоминаетъ выговоръ Суздальской, какъ въ Лаврентьевскомъ спискѣ Несторовой лѣтописи, а Ѳама, вмѣсто Ѳома, наше Московское произношеніе, слышное здѣсь въ памятникѣ конца XV вѣка.

Рукописные Служебники и Евангелія требовали бы здѣсь особеннаго изученія тѣмъ болѣе, что всѣ обозначены годами и потому важны въ филологическомъ отношеніи. Служебникъ Пр. Никона, содержащій въ себѣ чинъ православной литургіи, можетъ быть, одинъ изъ древнѣйшихъ, какіе мы имѣемъ съ означеніемъ года. Текстъ Евангелія Сvмеона Іоанновича Гордаго, относящагося къ 1344 году и современнаго Пр. Сергію, замѣчателенъ своею любовью къ буквѣ *ь*, которая встрѣчается даже въ прошедшемъ времени: — вмѣсто *лъ* читаете *ль*. Эта особенность противорѣчитъ сильно мнѣнію Добровскаго, который въ своей Грамматикѣ считаетъ *ерикъ* особеннымъ признакомъ рукописей XI и XII вѣка. Вотъ послѣ этого, утверждайте признаки языка для памятниковъ словесности Словено-Русской по столѣтіямъ: такое требованіе могутъ объявить только люди, никогда не заглядывавшіе въ нашу древнюю письменность. Если положенія Добровскаго безпрерывно опровергаются новыми открытіями, то кто же возметъ на себя утвердить эти признаки, когда еще бо́льшая часть памятниковъ, на основаніи которыхъ надобно сдѣлать это утвержденіе, остается въ неизвѣстности?

Давно желалъ я познакомиться лично съ Профессоромъ Церковной Исторіи при Московской Духовной Академіи, Александромъ Васильевичемъ Горскимъ. Я питалъ уже къ нему уваженіе за важныя открытія, сдѣланныя имъ въ древней Словесности Русской: мы обязаны ему сочиненіями Иларіона, перваго Митрополита изъ Русскихъ. Онъ же объяснилъ въ Москвитянинѣ Житія Кирилла и Меѳодія, почти современныя первоучителямъ грамоты. Недавно выдалъ онъ Исторію Флорентійскаго собора. Книга Сиропула на Греческомъ языкѣ, которою до сихъ поръ мало пользовались, послужила для него главнымъ источникомъ. Но безпристрастный авторъ не оставилъ безъ употребленія Исторіи, написанной Дороѳеемъ, Митрополитомъ Митиленскимъ, и признанной со стороны Римской Церкви. Соборы XV столѣтія на западѣ: Констанскій, Павійскій, Сіенскій

и наконецъ Базельскій, столько страшный для Евгенія IV-го, свидѣтельствуютъ, что «Церковь Западная, какъ говоритъ Авторъ, путемъ долговременныхъ бѣдствій, стала возвращаться къ той древней церковной, но всегда ненавистной для властолюбія папскаго, мысли, что видимою вселенскою властію въ Церкви должна быть власть Вселенскихъ Соборовъ.» Признаніе необходимости осьмаго Вселенскаго Собора было великою уступкою со стороны Папъ, на которую они рѣшались безсознательно.

Весьма подробно и ясно изложены здѣсь пренія обѣихъ сторонъ. Какъ торжествуетъ сила церковнаго догмата въ устахъ Марка Ефесскаго, въ его краткомъ и разумномъ словѣ, которое умолкаетъ тогда только, когда всѣ доводы истощены, и дѣло переходитъ въ ухищренныя слова и кривыя толкованія. Хорошо оттѣненъ краснорѣчивый и лукавый Виссаріонъ, который употреблялъ истину средствомъ для цвѣтовъ краснорѣчія, а потомъ отошелъ отъ нея изъ видовъ честолюбивыхъ. Маркъ съ двумя товарищами отстояли истину за духовенство. Когда же измѣнники возвратились въ свои земли, въ Царь-градѣ народъ первый вступился за истину православія, въ Москвѣ Великій Князь Василій Темный.

Смиренный труженикъ не выставляетъ имени своего на прекрасныхъ трудахъ своихъ—и я прошу у него извиненія въ томъ, что нарушаю его скромность. Въ его обществѣ я имѣлъ удовольствіе познакомиться съ Г. Казанскимъ, который извѣстенъ сталъ въ послѣднее время новыми разысканіями о жизни и трудахъ Іосифа Волоцкаго; съ Г. Соколовымъ, Авторомъ статьи о сношеніяхъ Армянской Церкви съ Православною Восточною касательно соединенія; съ Г. Амфитеатровымъ, Профессоромъ Словесности, который также извѣстенъ своими трудами и котораго братъ въ Кіевѣ издалъ недавно прекрасную книгу о Словесности Церковной.

Ученые духовной Академіи представляютъ для насъ примѣръ трудолюбія въ соединеніи со смиреніемъ, не признающимъ своей личности. Здѣсь за добросовѣстнымъ тру-

домъ скрыто лицо. Это самоотверженіе великій подвигъ, объясняемый изъ лучшей стороны нашего народа.

А. В. Горскій показалъ мнѣ ту древнюю пергаменную рукопись, подъ заглавіемъ: Златая Чепь, въ которой Авторъ Исторіи Русской Церкви открылъ четыре слова Серапіоновы. Подъ его просвѣщеннымъ руководствомъ взглянулъ я и на библіотеки.

Въ Троицкой Лаврѣ двѣ библіотеки древнихъ рукописей: одна духовной Академіи, другая собственно Лавры. Первая помѣщена въ самомъ зданіи Академіи. Помѣщеніе очень хорошо для лѣта и напомнило мнѣ своею простотою и полусвѣтомъ отчасти Гёттингенскую библіотеку; но для зимы оно неудобно, потому что нѣтъ тепла. На столѣ лежитъ Евангеліе, какъ первая книга. Печатныхъ томовъ до 20,000. Весьма замѣчательно Еврейское пятикнижіе, рукопись XII вѣка, подаренная Преосвященнымъ Гавріиломъ, которому въ Одессѣ поднесли ее Караимы. Славянскихъ рукописей до 200. А. В. Горскій показалъ мнѣ здѣсь книги Пророковъ съ толкованіями, рукопись, о которой упоминаетъ Востоковъ въ своемъ предисловіи къ Остромирову Евангелію. Она писана въ XV вѣкѣ, но съ рукописи, относящейся къ 1047 году, слѣд. ранѣе Остромирова Евангелія. Писавшій сію послѣднюю попъ *Упирь лихыи*. Многія слова, отмѣченныя Профессоромъ въ текстѣ, примѣчательны: *мечка* вмѣсто *медвѣдица*., *рзаніе* вм. *ржаніе*. Но всего любопытнѣе для меня было открытіе, которое сдѣлано А. В. Горскимъ и которое онъ до сихъ поръ таитъ подъ спудомъ, не смотря на то, что оно обрадовало бы многихъ филологовъ и во главѣ ихъ Шаффарика. Въ одной рукописи, содержащей въ себѣ переводъ Шестоднева и Небесъ, сдѣланный Іоанномъ Экзархомъ Болгарскимъ, встрѣчается между прочимъ и извѣстное *Слово о письменехъ Черноризца Храбра*. Это одно изъ древнѣйшихъ свидѣтельствъ о изобрѣтеніи Христіанской нашей грамоты Кирилломъ и Меѳодіемъ и о томъ, что до нея у языческихъ Славянъ были вмѣсто письменъ *черты и рѣзы*. Свидѣтельство тѣмъ особенно важно, что оно ясно опредѣляетъ годъ изобрѣтенія грамоты 855, а именно за

три года до крещенія Бориса Царя Болгарскаго и бояръ его въ 858 году, какъ говоритъ наша лѣтопись. Черезъ 6 лѣтъ намъ придется праздновать тысящелѣтіе Христіанской нашей грамоты — и оно же кстати совпадаетъ съ столѣтнимъ юбилеемъ Московскаго Университета (1855). До сихъ поръ не знали, къ какому времени отнести это свидѣтельство черноризца Храбра. Древнѣйшій списокъ его, найденный Калайдовичемъ, принадлежитъ XIV вѣку. Смѣлѣе другихъ, Шаффарикъ относилъ Автора къ XI-му столѣтію. Въ рукописи Академіи А. В. Горскій указалъ мнѣ на слѣдующія слова, которыя не встрѣчаются въ другихъ: *суть бо еще живи, иже суть видѣли ихъ*, т. е. Кирилла и Меѳодія, изобрѣтателей грамоты, слѣд. извѣстіе черноризца Храбра объ нихъ почти имъ современное. Отсюда очевидна важность означенія года изобрѣтенію. Какъ свидѣтельство современника, оно неоспоримо. Кромѣ того, есть и другія отмѣны въ текстѣ. По изданію Калайдовича читается: «прѣжде оубо Словѣне не имѣху книгъ, но чертами и рѣзами *чьтѣху* и *гатааху*, погани суще.» Въ текстѣ рукописи академической слова *чьтѣху* нѣтъ, а просто *гадаху*.

Замѣчательна еще огромная рукопись Св. Григорія Богослова. У насъ въ глубокой древности, любили этого проповѣдника, и много отличныхъ и весьма древнихъ экземпляровъ его Словъ дошло до насъ. — Лѣствичникъ съ толкованіемъ за подписью Митрополита Кипріана. — Прекрасный экземпляръ Златоструя Сѵмеона Царя Болгарскаго. Пора бы издать это произведеніе Сѵмеона, преемника Бориса, крестившагося въ Вѣру Христову и крестившаго свой народъ. — Сочиненія Максима Грека, экземпляръ неполный. Къ сожалѣнію, Лавра не имѣетъ полнаго экземпляра сочиненій Блаженнаго Максима, который въ ней окончилъ жизнь свою и страданія. Въ пергаменномъ Евангеліи находятся Греческіе обороты ранѣе временъ Максима Грека. Вообще въ Славянскомъ текстѣ Писанія Церковь наша всегда допускала большое разнообразіе въ буквѣ текста, давая тѣмъ разумѣть, что не въ этомъ настоящее единство, а во внутреннемъ смыслѣ содержанія.

Библіотека Лавры содержитъ въ себѣ до 800 рукописей. Она помѣщается на огромномъ чердакѣ, надъ трапезною церковію. По стропиламъ крыши церковной пробирались мы въ это книгохранилище, обезпеченное отъ пожара, но не отъ холода и сырости. Стаи голубей поднимались отъ шума нашихъ шаговъ. Памятно мнѣ будетъ гостепріимное радушіе библіотекаря Отца Иларія. Книги размѣщены по содержанію. Отличные экземпляры пергаменные Григорія Богослова и житія Нифонта, переводъ съ Греческаго. Собранія каноновъ замѣчательны по языку. Одно изъ нихъ писано Грекомъ по Славянски съ весьма затѣйливыми фигурами, которыя разгадываетъ опытная начитанность отца Иларія. Кромѣ тѣхъ грамотъ, которыя стоятъ въ фоліантахъ и были пересмотрѣны Археографической Экспедиціей, Библіотекарь открылъ новыя, приведенныя имъ въ порядокъ. Замѣчательна между прочимъ просьба одного инока Мардарія временъ Царя Михаила Ѳеодоровича: онъ, какъ видно, провинился противъ устава монастырскаго и проситъ прощенія у обители.

Въ числѣ лучшихъ моихъ духовныхъ пріобрѣтеній у Троицкой Лавры я считаю личное знакомство и троекратную бесѣду съ Ѳеодоромъ Александровичемъ Голубинскимъ. Въ Ильинскомъ предмѣстіи, за рѣчкой Садовой, въ укромномъ домикѣ живетъ почтенный представитель Хрістіанской философіи у насъ. Простота и смиреніе осѣняютъ его мирное жилище. Меня поразило высокое чело нашего отшельника-мудреца. Лицомъ и особенно глазами напомнилъ онъ мнѣ Шеллинга, котораго я видѣлъ въ первый разъ также въ сельскомъ уединеніи, около Мюнхена. Таже ясная голубизна въ глазахъ, таже дума. У Шеллинга еще возможна личная страсть; въ чертахъ Русскаго мудреца господствуетъ спокойное самоуглубленіе. Такова и тихая рѣчь его, которая всегда тепла, но вспыхиваетъ живѣе при выраженіи радушія и участія.

Въ сельскомъ пріютѣ своемъ Ѳ. А. Г. живетъ, окруженный тремя сыновьями, изъ которыхъ двое съ отличнымъ успѣхомъ проходятъ курсъ въ Виѳанской семи-

наріи, а третій еще готовится дома. Я слышалъ одинъ урокъ. Мнѣ особенно понравилась ясная кротость наставника семинариста, противоположная крикливой настойчивости, которая не даетъ разума ученію.

Кругомъ по стѣнамъ пріемной комнаты развѣшаны портреты нѣкоторыхъ лицъ, просіявшихъ духовною жизнію. Тутъ вы увидите Тихона Воронежскаго, Серафима, отшельника Саровской пустыни, Паисія—портретъ, присланный старцами Оптиной обители, усердно посвятившей себя памяти этого мужа, изъ Молдавіи столько дѣйствовавшаго на духовную жизнь и въ нашихъ предѣлахъ. Особенно остановилъ меня портретъ Георгія Алексѣевича, затворника Задонскаго. Онъ былъ военнымъ, но воспитанный набожною матерью, рано почувствовалъ призваніе къ иночеству и прославился своею духовною жизнію. Онъ не имѣлъ столько учености, какъ Отецъ Макарій Болховскій блаженной памяти, но имѣлъ столько же любви — и писалъ письма, исполненныя умиленія, которыя изданы однимъ изъ старцевъ Оптина. Благообразное и разумное лицо Георгія весьма поразительно.

Многіе гости изъ Москвы, любя бесѣду Ѳ. А. Г., навѣщаютъ его здѣсь охотно. Ему передаютъ они вѣсти о шумномъ движеніи западнаго міра. При мнѣ говорили о чудѣ въ Греноблѣ, объ Эдгарѣ Кине, о Мишеле. Съ участіемъ внимаетъ всему радушный хозяинъ, но и съ спокойствіемъ, котораго ничто не взволнуетъ. Эта тишина мысли и слова въ человѣкѣ, привыкшемъ къ самоуглубленію, дѣйствуетъ успокоительно на насъ, людей, живущихъ въ томъ мірѣ, гдѣ разумъ неразлученъ со страстью и почти всегда подчиненъ ей.

Рано началось классическое ученіе для Ѳ. А. Г. Первыя занятія дѣтства были устремлены на поэзію. Десяти лѣтъ, онъ уже прочелъ пять пѣсенъ Виргиліевой Энеиды. Занятія Философіею онъ избралъ по собственному влеченію. Лекціи Исторіи Философіи, имъ читанныя въ духовной Академіи, существуютъ въ рукописяхъ. Нѣкоторыя написаны имъ самимъ, другія составлены его учениками. Теннеманнъ и Риттеръ служили ему для его лекцій. Перваго онъ предпочитаетъ въ томъ, что касается до изложе-

нія системъ, за исключеніемъ одностороннихъ мнѣній Кантіанскихъ; Риттеръ не столько вѣренъ въ изложеніи. Но главною основою для Ѳ. А. Г. было конечно собственное изученіе, руководствомъ при которомъ служило начало, тѣсно сопряженное со всею его жизнію.

Бесѣда Ѳ. А. Г. имѣетъ двойной характеръ. Я никогда не встрѣчалъ человѣка, который бы умѣлъ такъ строго править силами души въ своемъ разговорѣ и такъ разграничивать сферы, въ которыхъ вращаются его мысли. Этихъ сферъ — двѣ: Религія и Философія, живущія въ духѣ его слитно и согласно. Изъ обѣихъ сферъ равно почерпаетъ онъ предметы для своихъ бесѣдъ, обѣ равно ему доступны. Когда говоритъ онъ отъ Философіи, въ рѣчи его выражается ясное и спокойное сознаніе разума, въ расположеніи мыслей господствуетъ строгая логическая отчетливость, и каждое слово точно и опредѣлительно. Когда говоритъ онъ отъ Вѣры, онъ весь полнота умиленнаго чувства и слово его растворено любовію, а украшено одною простотою, истекающею изъ глубокаго искренняго смиренія. Тогда слово его понятно будетъ ребенку и простолюдину.

Въ такомъ случаѣ онъ любитъ разсказъ или притчу. Не могу здѣсь не вспомнить одного событія, которое онъ мнѣ передалъ. Оно случилось еще при Императрицѣ Екатеринѣ II. Одинъ сельской священникъ перестаоъ служить вовсе обѣдню, потому что никто изъ прихожанъ не ходилъ въ церковь. Тогда настоятель сосѣдняго монастыря, узнавъ о томъ, далъ ему совѣтъ служить для Ангеловъ, говоря, что они шепнутъ своимъ и приведутъ ихъ за собою. Священникъ послушался совѣта, началъ служить — и въ самомъ дѣлѣ церковь мало по малу опять наполнилась прихожанами.

Наша мысль, увлекаемая свободою разговора, весьма часто переходила изъ одной сферы въ другую. При этихъ переходахъ, въ особенности, могъ я видѣть опытность мудреца, превосходно владѣющаго логическимъ разумомъ и теплымъ чувствомъ въ своемъ словѣ. Всѣ системы Германской философіи ясно проносятся въ его головѣ. Изло-

женіе его, когда говоритъ онъ о наукѣ, сохраняя ученый характеръ, вовсе чуждо темноты и ясною глубиною свидѣтельствуетъ о совершенномъ знаніи предмета. Вотъ нѣсколько отрывочныхъ мыслей, собранныхъ мною изъ поучительной бесѣды, о разныхъ великихъ лицахъ, славныхъ въ исторіи Нѣмецкой философіи.

Въ Шеллинговомъ ученіи было точно такое начало, которое могло вести къ примиренію Философіи съ Религіею. Доказательство тому всѣ ученики его, чувствовавшіе эту потребность: Клейнъ, Капне и другіе. Потенціи его, которыми онъ въ послѣднее время силился логически доказать догматъ Пресвятыя Троицы, показываютъ только безсильную попытку разума вмѣстить въ формулу невмѣстимое.

Баадеръ принадлежитъ къ такимъ мыслителямъ, которые сами не строютъ системъ, но своими сочиненіями въ другихъ разшевеливаютъ, возбуждаютъ мысль. Надо же быть и такимъ мыслителямъ.

Съ уваженіемъ и сочувствіемъ говорилъ Ѳ. А. Г. о Якоби, котораго и въ Германіи называли новѣйшимъ Платономъ. Онъ великъ тѣмъ въ особенности, что Шеллингу предсказалъ всѣ послѣдствія его первоначальной философіи, которыхъ Шеллингъ не принялъ, но которыя дали пищу Гегелеву ученію. Весьма важно сочиненіе Якоби о Спинозѣ.

Въ ученіи Спинозы проведено повсюду логически начало необходимости. У него нѣтъ понятія о злѣ. Отсюда невозможность и нравственной Философіи. У Гегеля въ его построеніи философскихъ наукъ также нѣтъ нравственной философіи, которая есть у Канта. Гегель смѣялся надъ Кантомъ въ этомъ отношеніи, приписывая нравственную сторону его системы вліянію его набожной матери и предразсудкамъ, навязаннымъ ему издѣтства.

Гегель признаетъ развитіе, но вотъ задача, которой онъ не разрѣшаетъ: какъ въ развитіи его изъ предъидущаго развивается послѣдующее? Откуда берется новое въ жизни? Гдѣ источникъ этому истеченію? Это можетъ быть объяснено тогда только, когда въ основу развитія полагается полнота бытія, а у Гегеля бытіе равное небытію,

да и самое его Seyn, по его же собственному выраженію, eine schlechte Unendlichkeit.

О сомнѣніяхъ прекрасно выразился Христіанскій мудрецъ. Важны и значительны сомнѣнія мужественныхъ душъ, а не сомнѣнія натянутыя, ни изъ чего не вытекающія, разъигрываемыя. Сомнѣвался и блаженный Августинъ. Сомнѣвался и Декартъ. Изъ такихъ сомнѣній можетъ выработаться знаніе истины, убѣжденіе.

Прошу извиненія у почтеннаго мудреца въ томъ, что взялъ на себя изложить нѣкоторыя мысли, особенно врѣзавшіяся въ моей умственной памяти. Принимаю на себя всю отвѣтственность въ томъ, если далъ какой нибудь неправильный оттѣнокъ тому, что̀ слышалъ. Мнѣ было пріятно заслушиваться этой рѣчи разумной, ученой и ясной, которая вливала мысль въ мой разумъ, свѣдѣнія въ память и тишину въ сердце. Я позволялъ себѣ думать: что̀ еслибы эти уста отверзлись для того, чтобы передать исторію науки наукъ не одному академическому, но и университетскому нашему юношеству? Съ какою жадностію оно бы стало слушать ученаго старца? Сколько бы пользы произошло отсюда? А передавать науку такъ легко для его опытности; такъ кажется, все готово и все созрѣло здѣсь для передачи, и съ какимъ радушіемъ сообщается знаніе его владѣльцемъ, какъ будто это не личная его собственность, а достояніе всѣхъ.

Много расточено великихъ и прекрасныхъ силъ по нашему Отечеству, которыя не сознаны; много свѣтильниковъ, таящихся подъ спудомъ, а не горящихъ на свѣщникѣ. Русское смиреніе часто укрываетъ таланты Божіи — и люди, призванные быть благовѣстниками истины, готовы тратить силы свои и время на такое служеніе, которое за нихъ всякой другой могъ бы легко исправить. Какъ часто у насъ тамъ не сознается личность, гдѣ она является сосудомъ мысли свѣтлой, божественной, и сознается сильно тамъ и кричитъ на всю Россію, гдѣ она только сосудъ самолюбія, а иногда и того хуже!

Я видѣлъ В. И. П-ву въ скромномъ ея уединеніи. Здѣсь у святыни Троицкой имѣетъ она пріютъ. Дѣти пра-

вославнаго Грека, Турецкаго подданнаго, страдавшаго за вѣрность Православію, нашли въ ней мать и воспитательницу. Послѣднее отдаетъ она этимъ сиротамъ въ чужбинѣ, возбуждающимъ искреннее участіе къ судьбѣ своей. Вотъ какъ Церковь соединяетъ насъ до сихъ поръ узами духовнаго родства съ тѣмъ народомъ, отъ котораго мы приняли Вѣру (*). Кромѣ этой малолѣтной усыновленной семьи, у В. И. П-вой есть другая престарѣлая, которая ее не меньше любитъ. Отъ обители содержится богадѣльня для ста и болѣе старушекъ, состоящая подъ начальствомъ Княжны Елисаветы Дмитріевны Цицiановой. Удобно, спокойно и тепло помѣщаются онѣ въ особенныхъ покояхъ. Рукодѣлье по силамъ составляетъ ихъ занятіе. Чистота, опрятность, миръ, тишина и молитва поселились здѣсь, въ этомъ пріютѣ женской старости. Ежедневно, за обѣдомъ и ужиномъ, В. И-на читаетъ для нихъ жертвенникъ, т. е. житія Святыхъ Отецъ, и правила. Подъ ея руководствомъ обошелъ я эти покои. Пріятно было видѣть, съ какою радостію богадѣленки принимали молитву и привѣтствіе сердобольной послушницы, и съ какою ласкою бросались къ рукѣ ея. При богадѣльнѣ находится и больница. Въ сію послѣднюю принимаютъ мѣщанокъ и крестьянокъ изъ окружныхъ и дальнихъ мѣстъ. Тутъ Дмитровская мѣщанка, мать семейства, лишенная движенія руками и ногами, нашла врачебныя пособія. Сюда изъ Витебска безногая дѣвка приползла на четвереенькахъ въ полномъ смыслѣ этого слова! Лавра имѣетъ своего безмезднаго врача-инока, отца Анастасія, который со всѣмъ безкорыстіемъ, приличнымъ его званію, и со всею добросовѣстностію ученаго посвятилъ себя Медицинѣ. Онъ неутомимо посѣщалъ университетскія лекціи и клиники. Слава его простирается на сотни верстъ въ окружности и привлекаетъ къ нему множество больныхъ.—Кромѣ богадѣльни, для приходящихъ богомолокъ есть страннопріимная палата, состоящая подъ особымъ наблюденіемъ Юліи Самойловны Головинской. Лавра дѣйствуетъ, какъ

(*) Къ сожалѣнію, судьба съ тѣхъ поръ разлучила В. И. П-ву съ ея усыновленною семьею.

дѣйствовали наши обители, которыя кормили народъ во время голода, давали прибѣжище больнымъ, страннымъ и престарѣлымъ. Но много пособій нужно еще нашему народу. Не всѣ обители въ состояніи тоже дѣлать, что̀ дѣлали прежде.

Въ трехъ верстахъ отъ Лавры, по дорогѣ въ Александровъ, немного въ сторону лежитъ Виѳанія. Память Митрополита Платона здѣсь всегда жива. Почти не умолкаютъ панннихиды надъ его гробомъ. Два храма возвышаются, одинъ надъ другимъ: внизу во имя Господа, воскресившаго Лазаря, вверху во имя Господа преобразившагося. Храмоздатель самъ въ одномъ изъ словъ своихъ такъ выразилъ таинственное соотношеніе этихъ двухъ храмовъ. «Храмъ сей посвященъ святѣйшему имени преобразившагося Господа: а сущій подъ нимъ храмъ посвященъ тому же Господу, воскресившему Лазаря изъ мертвыхъ. Одинъ храмъ къ другому имѣетъ близкое отношеніе. Ибо между Воскресеніемъ и Преображеніемъ есть союзъ таинственный. Не говорю я о Воскресеніи и Преображеніи Хрістовомъ: но о воскресеніи и преображеніи нашемъ. Ибо Хрістосъ и воскресъ для нашего воскресенія, и преобразился для преображенія нашего....

«Выходя изъ нижняго сего храма, восходимъ на сей верхній. Такъ выходя изъ гроба воскресеніемъ, восходимъ мы въ храмъ славы, преобразуясь изъ тлѣнія въ нетлѣніе. Не можно удостоиться преображенія, доколѣ не удостоимся воскресенія.»

Основная мысль этого двоякаго храма, какъ мысль, внушенная Вѣрою, принадлежитъ всѣмъ вѣкамъ. Но на формѣ ея исполненія лежитъ печать XVIII столѣтія, которое любило блескъ фантазіи и игру эффектовъ. Предстоятели Церкви считали у насъ за нелишнее снисходить этой слабости. Отсюда объясняю этотъ искусственный Ѳаворъ, изображающій самую гору съ ея потоками. Въ верхнемъ храмѣ два предмета особенно замѣчательны: комнатная икона Людовика XVI, та, передъ которой, можетъ быть, онъ изливалъ душу свою не за долго до смерти; она стоитъ на самомъ престолѣ; снятіе со Креста — образъ

новой Италіянской живописи, привлекающій давно молитвы богомольцевъ и славный чудотвореніями. Церковь соединяетъ у насъ все во имя высшей истины, и первая подаетъ примѣръ противъ всего исключительнаго. Въ нижнемъ этажѣ, въ сторонѣ, близь могилы храмоздателя, хранится тотъ деревянный гробъ, въ которомъ пребывали нетлѣнные останки Преп. Сергія. Простота его, окруженная великолѣпіемъ прошлаго вѣка, и здѣсь напоминаетъ ту духовную силу, безъ которой не блистала бы и Виѳанія.

Домъ Митрополита Платона напомнилъ мнѣ видомъ Фернейской замокъ Вольтера. Сближеніе покажется страннымъ, но оно касается одной внѣшности: есть у каждаго вѣка свое особенное въ наружномъ быту, въ украшеніяхъ, въ пріемахъ. И тамъ и здѣсь вы находите портретъ Императрицы Екатерины: въ Фернеѣ вышитъ шелкомъ и подаренъ самою Государынею; здѣсь вырѣзанный изъ бумаги весьма искусно и подаренный Потемкинымъ. Тамъ картины, относящіяся къ жизни Вольтера; здѣсь также, къ жизни хозяина. Но тутъ противоположность. Вольтеръ, какъ будто язычникъ, находитъ убѣжище у Аполлона, которому подноситъ свою Генріаду. Платонъ, въ тяжкую минуту жизни, утѣшенъ Ангеломъ, подносящимъ ему сердце съ надписью: «горѣ сердца!»

Преосвященный любилъ природу. Прекрасные виды на окрестность, оживленные прудами, окружаютъ его домикъ. Вмѣсто ландшафтовъ служатъ зеркала. Зеркало въ шкафѣ отражаетъ видъ на Лавру. Въ опочивальнѣ его также зеркальной потолокъ. Много любопытныхъ воспоминаній хранится о частной жизни покойнаго. Въ лѣтней спальнѣ вы найдете его соломенную шляпу. На картинѣ изображенъ его поваръ, у котораго вытаскиваютъ занозу изъ ноги. На другой портреты его пѣвчихъ, которые духовными концертами услаждали его въ минуты грусти: тутъ же и Турокъ, воспитанный имъ и обращенный въ Православіе. Въ алтарѣ домовой церкви хранится стулъ съ Китайскими изображеніями.

Домовая церковь при покояхъ—во имя Сошествія Св. Духа. Въ ней только двѣ иконы — и то малыя. Смыслъ

Ветхаго и Новаго Завѣта изображенъ словами: «Законъ Моисеемъ данъ бысть; благодать же и истина Iисусъ Хрiстомъ.» Здѣсь Митрополитъ, при служенiи, исправлялъ должность причетника.

Выходя изъ этихъ покоевъ съ живымъ воспоминанiемъ о личности усопшаго хозяина, вы невольно остановитесь мыслiю на надписи главнаго крыльца: «Да благословитъ Господь входъ и исходъ твой отнынѣ и до вѣка,» какъ будто бы Преосвященный простиралъ и теперь свое благословенiе на всѣхъ посѣщающихъ его скромное убѣжище. Но послѣ этой молитвы, прочтете съ боку и Русскую благоразумную пословицу: *не выноси сору изъ дому.*

Уѣзжая изъ Виѳанiи, я взглянулъ на новый домъ Семинарiи: это великолѣпные чертоги.

По той же дорогѣ, которая ведетъ въ Виѳанiю, влѣво вы посѣтите пустынное уединенiе Геѳсиманiи, вновь учрежденное Преосвященнѣйшимъ Архимандритомъ Лавры. Высокiя и густыя лѣсныя сѣни окружаютъ его. И въ немъ, какъ въ Виѳанiи, пускай самъ Хозяинъ и Учредитель объяснитъ намъ мысль учрежденiя, своими же словами:

«Если памятнику свойственно возвращать мысль ко временамъ и предметамъ, которые ознаменованы памятникомъ: то, прости мнѣ, великая Лавра Сергiева, мысль моя съ особеннымъ желанiемъ устремляется въ древнюю пустыню Сергiеву. Чту и въ красующихся нынѣ храмахъ твоихъ дѣла Святыхъ, обиталища святыни, свидѣтелей праотеческаго и современническаго благочестiя; люблю чинъ твоихъ богослуженiй, и нынѣ съ непосредственнымъ благословенiемъ Преподобнаго Сергiя совершаемыхъ; съ уваженiемъ взираю на твои столпостѣны, непоколебавшiяся и тогда, когда поколебалась-было Россiя; знаю, что и Лавра Сергiева и пустыня Сергiева есть одна и та же, и тѣмъ же богата сокровищемъ, то есть, Божiею благодатiю, которая обитала въ Преподобномъ Сергiи, въ Его пустынѣ, и еще обитаетъ въ Немъ и въ Его мощахъ, въ Его Лаврѣ: но *при всемъ томъ желалъ бы я узрѣть пустыню, которая обрѣла и стяжала сокровище, наслѣдованное потомъ*

Лаврою. Кто покажетъ мнѣ малый деревянный храмъ, на которомъ въ первый разъ наречено здѣсь имя Пресвятыя Троицы? Вошелъ бы я въ него на всенощное бдѣніе, когда въ немъ съ трескомъ и дымомъ горящая лучина свѣтитъ чтенію и пѣнію; но сердца молящихся горятъ тише и яснѣе свѣщи, и пламень ихъ досягаетъ до неба, и Ангелы ихъ восходятъ и нисходятъ въ пламени ихъ жертвы духовной. Отворите мнѣ дверь тѣсной келліи, чтобы я могъ воздохнуть ея воздухомъ, который трепеталъ отъ гласа молитвъ и воздыханій Преподобнаго Сергія, который орошенъ дождемъ слезъ его, въ которомъ впечатлѣно столько глаголовъ духовныхъ, пророчественныхъ, чудодѣйственныхъ.»

Еще прямѣе выражена мысль духовнаго убѣжища въ другомъ Словѣ, говоренномъ при освященіи храма его: «Если для любви къ совершенному безмолвію и въ обителяхъ часто бываетъ тѣсно, и въ дикихъ пустыняхъ не совсѣмъ свободно, а доставить ей благопріятное для нея убѣжище должно быть полезно и нынѣ, какъ полезно было прежде; то гдѣ мы поселимъ ее нынѣ, въ семъ вѣкѣ молвы многія? *Не будетъ ли, можетъ быть, ей пріятно поселиться въ малой, простой, уединенной, отъ молвы по возможности огражденной обители, подъ тѣнію обители великой*, подобно какъ нѣкогда безмолвствующій Варсонофій Великій обиталъ въ совершенномъ уединеніи, подъ тѣнью аввы Серида?» (Слова. ч. II. 512).

На это убѣжище духовнаго успокоенія и молитвы не употреблено ничего изъ тѣхъ матеріаловъ, которые добываются въ нѣдрахъ горъ. Одна растительная природа, наиболѣе доступная человѣку, предложила свое простое вещество. Деревянная церковь, напоминающая самое первоначальное церковное зодчество у насъ, взята изъ села Подсосенья. Она была сложена повелѣніемъ Архимандрита Діонисія. Сосновые срубы ея, не смотря на 200 слишкомъ лѣтъ, остались невредимы. Въ верхнемъ храмѣ во имя Успенія Богоматери иконы частію древнія, а другія вновь написанныя въ древнемъ стилѣ. На южныхъ дверяхъ находится изображеніе спасеннаго разбойника. Замѣча-

тельны правильность и жизнь въ тѣлесныхъ очертаніяхъ. Стиль напоминаетъ Перуджинову кисть, создавшую изображеніе Св. Севастіана. Крестъ вырѣзанъ изъ дерева, служившаго для престола прежней церкви. По обѣимъ сторонамъ на стѣнахъ храма, иконы и вмѣстѣ портреты Преподобнаго Архимандрита Діонисія, строителя прежняго храма, и Святителя Димитрія Ростовскаго. Нѣтъ ни одного украшенія, которое бы противорѣчило мысли цѣлаго.

Въ нижнемъ храмѣ престолъ во имя Страстей Христовыхъ. Здѣсь, для изображенія ихъ, допущено и новое искусство. Всякую пятницу, какъ день посвященный воспоминанію о смерти крестной Спасителя, совершается литургія. Неумолкаемо раздается чтеніе Псалтири.

Такъ все, все знаменуетъ здѣсь сознательное возвращеніе къ разуму первоначальной нашей Церкви: — внѣшнее великолѣпіе и блескъ затмились передъ простотою и смиреніемъ, отъ которыхъ пошла и сила нашей Церкви, и сила жизни народа и царства.

Послѣднія минуты въ Троицкой обители провелъ я въ прогулкѣ по стѣнамъ двухъ-этажной ея ограды съ А. В. Г-имъ. Окрестная природа рисуетъ мирные ландшафты въ амбразурахъ стѣнъ; память историческая предлагаетъ грозныя воспоминанія, которыхъ отголосокъ живъ въ каждомъ камнѣ. Нижній этажъ далъ трещины во многихъ мѣстахъ отъ того, что толща ограды строена въ два пріема. Ограда, охранявшая обитель и Россію отъ враговъ, теперь служитъ для мирныхъ и торжественныхъ шествій благополучной Церкви, которая по ней носитъ свои хоругви и иконы, сопровождаемыя клиромъ и толпами усерднаго народа. Да иногда, молодые ученые духовной Академіи гуляютъ подъ массивною тѣнью этихъ сводовъ, какъ философы древности въ своихъ портикахъ, укрытыхъ отъ солнца.

АЛЕКСАНДРОВЪ.

Дорога отъ Троицы къ Александрову. — Слотино. — Новгородское нарѣчіе. — Александровъ. — Наружность города. — Уѣздное училище. — Успенской дѣвичій монастырь. — Соборная церковь монастыря. — Единоглавіе. — Иконостасъ. — Васильевскія двери. — Успенскій храмъ. — Остатки покоевъ Іоанна. — Подвалы. — Италіанскіе часы. — Основаніе обители. — Память сестеръ Петра Великаго. — Усыпальня. — Монастырская ризница. — И. Ѳ. Барановъ. — Отсутствіе устныхъ преданій о Грозномъ.

На сорокъ верстъ отстоитъ Александровъ отъ Троицы. Дорога не большая, но проѣзжая. Колеи такія, что способу нѣтъ, а когда грязь, такъ не приведи Господи! Сначала однообразно тянется она перелѣсками, потомъ нѣсколько оживляется. Путь сокращалъ мнѣ извощикъ Ѳаддей, очень умный малый, котораго подрядилъ я въ Троицкомъ посадѣ до Александрова. Память Святаго жива въ народѣ. — «Потрудился Сергій Чудотворецъ для народа, говорилъ мнѣ крестьянинъ, всѣмъ послужилъ. Колодцевъ съ десять онъ все вырылъ. Вѣдь тутъ вездѣ былъ лѣсъ дремучій; звѣри жили; людей никого. Безъ Сергія Чудотворца не было бы и намъ ничего, а теперь имъ мы живы. У него, говорятъ, всего было довольно; кто-то ему въ келью накладывалъ; придетъ и наложитъ, а кто незнамо. Вѣстимо, что чай были Ангелы.»

Что̀ Владимірцы-то въ Александровѣ какъ говорятъ? по вашему? — «Нѣтъ, тамъ говорятъ не такъ чисто, какъ у насъ. Бывалые въ Москвѣ, конечно, говорятъ почище, а тутошніе въ Александровѣ *присцокиваютъ*.» — Смѣетесь вы надъ ними? — «За чѣмъ же смѣяться? Вѣдь и мы не лучше противъ ихняго скажемъ.» — Мнѣ понравился этотъ отвѣтъ смиренный, это благоволеніе къ другому нарѣчію,

хотя оно и противно уху. Крестьянинъ дальный, наѣзжая часто въ Москву, самъ добровольно подчиняется звукамъ и чистотѣ образованнаго нарѣчія Москвы; но Москвичь не будетъ смѣяться надъ пріѣзжимъ провинціаломъ.

Поводомъ къ этому разговору было село Слотино, которое мы проѣзжали. Странно мнѣ было вдругъ встрѣтить здѣсь нарѣчіе Новгородское. Женщина, у которой мы спросили квасу, сильно *цаюкала*. Вотъ вамъ *чашецка*— говорила она. Крестьянинъ, мужъ ея, говорилъ чище чѣмъ она: виденъ человѣкъ ѣзжалый. Это привело меня къ тому заключенію, что нарѣчія мѣстныя изучать надобно отъ женщинъ домосѣдокъ, которыя не покидали родины. Отъ мужика же вы рѣдко услышите чистое первоначальное нарѣчіе его села или деревни. Чуждое вліяніе всегда уже будетъ замѣтно въ его рѣчи.

Какъ зашло сюда нарѣчіе Новгородское? Слотино существовало уже во времена Грознаго. Когда Царь выселился изъ Москвы въ Слободу, грозя оставить царство,— тогда Епископы, поѣхавшіе къ нему туда уговаривать его о возвращеніи, остановились въ Слотинѣ. Здѣсь же остановился Князь Владиміръ Андреевичь съ женою и дѣтьми, когда ѣхалъ на оправданіе къ Грозному; сюда явился разъяренный Царь съ толпою всадниковъ; эту деревню они окружили съ обнаженными мечами; въ одномъ изъ сельскихъ домовъ скрылся Царь; сюда привели къ нему Князя Владиміра съ его семействомъ — и здѣсь онъ погибъ жертвою его неистовыхъ подозрѣній. Никакъ нельзя вообразить, чтобы это село, болѣе похожее на деревушку, могло быть когда нибудь свидѣтелемъ такихъ трагическихъ событій.

Но откуда же взялось Новгородское нарѣчіе? Іоаннъ III, покоривъ Новгородъ, выселилъ изъ него болѣе осьми тысячъ Бояръ, именитыхъ гражданъ и купцевъ, получившихъ земли во Владимірѣ, Муромѣ, Нижнемъ, Переславлѣ, Юрьевѣ, Ростовѣ, Костромѣ. Не къ тому ли времени относится и Новгородское населеніе Слотина?

Историческія воспоминанія пріятно соединять съ живою Русью, которая олицетворяется для васъ въ каждомъ простолюдинѣ. Я заслушивался разсказовъ Ѳаддея. Мнѣ любопытна была жизнь его. Сиротинкой остался онъ годочку послѣ отца, на рукахъ у вдовы матери. Ей не на что было воспитать сына; она должна была собирать для него милостыню и воспитала его около Троицкой Лавры однимъ Хрістовымъ подаяніемъ, и снарядила ему домикъ. Теперь онъ ее поитъ да кормитъ, да покоитъ, а она бабушка и няня дѣтей его. — А какъ ты женился, Ѳаддей? — «Да тоже взялъ за себя сиротинку. Ужь такъ пришлись, одинъ къ другому. Жили двѣ дѣвушки; съ ними тетка, крестная мать ихъ; у нихъ была изба. Вотъ я и взялъ одну изъ дѣвушекъ за себя, а сестру ея тоже къ себѣ въ домъ, съ тѣмъ, чтобы выдать за мужъ и себѣ получить избу. Такъ и сдѣлалъ.» Дѣйствительность-то здѣсь выше той натянутой и брюзгливой поэзіи, которая сама плоше всякой плохой дѣйствительности.

Ну, а сколько у тебя теперь лошадокъ, Ѳаддей? — «Да четверня, по милости Божіей.» — А которую лошадку ты больше другихъ любишь? — «Да что — всѣхъ равно люблю.» — Нѣтъ, ужъ у васъ всегда есть любимая. — Да вотъ развѣ эту; эта будетъ *послóвнье*. — А разсказываютъ ли у васъ на посадѣ сказки? — Бываетъ иногда. — Да гдѣ же больше разсказываютъ? — Да по трактирамъ шляются такіе сказочники; веселятъ народъ.

Дорога мрачностію соотвѣтствуетъ слободѣ Александровой и ея грознымъ воспоминаніямъ. Мѣста лѣсисты; конечно, это малые остатки отъ лѣсовъ прежняго времени. По сторонамъ открывались иногда виды довольно живописные. Замѣчательны имена урочищъ. У Троицы есть рѣчка Торгошъ и Кóнчура. А вотъ тутъ передъ селомъ Коринскимъ рѣчка Пéчкура! Самое Коринское также село древнее. Производятъ его отъ *каръ* Грознаго; но, конечно, это производство поэтическое. Вѣрнѣе то, что село Коринское упоминается въ 1609 году. Въ немъ Сапѣга встрѣтилъ передовую дружину Князя Михаила Скопина.

По мѣрѣ того, какъ подъѣзжаете къ Александрову, мѣста становятся мрачнѣе и лѣсъ гуще. Но передъ тѣмъ, какъ открыться городу, лѣсъ, раздвигаясь, уступаетъ мѣсто обширной полянѣ. Вдали виденъ городокъ, сначала какъ будто въ лощинѣ; потомъ выше, живѣе и красивѣе вытягивается онъ, особенно горною своею стороною. Какія-то развалины съ башенкой возвышаются надъ новыми зданіями: это остатки славнаго коннаго завода, который былъ основанъ при Елисаветѣ, великолѣпно построенъ при Екатеринѣ, сгорѣлъ и не возобновленъ.

Въѣзжая въ городъ, по яркой пестротѣ цвѣта на одеждахъ простолюдиновъ вы замѣтите, что городъ оживленъ фабричною промышленностью, что народъ въ довольствѣ, что красивыя бумажныя издѣлья, которыми снабжаетъ Александровъ Россію, служатъ и населенію самого города. На улицахъ пріятно было встрѣчать лица свѣжія, женщинъ прекрасной наружности, дѣтей здоровыхъ и веселыхъ. Вотъ здѣсь фабрики, видно, съ пользою дѣйствуютъ на низшій классъ, не изнуряя силъ его, но питая его и довольствуя.

Остановившись въ гостинницѣ, довольно скромной для промышленнаго города, у хозяина-извощика, я направилъ шаги прежде всего въ уѣздное училище, къ своимъ сослуживцамъ. Насъ провожалъ по городу хозяйскій племянникъ, одинъ изъ учениковъ школы, хорошенькой и умный мальчикъ, лѣтъ 12-ти. Дорогою, чтобы не терять времени, я экзаменовалъ его. Весьма толково сказалъ онъ мнѣ наизусть всѣ 12 членовъ Сѵмвола Вѣры, хорошо знаетъ начатки Катихизиса, Краткую Священную Исторію, Географію Европы и Россіи. Объ учителяхъ своихъ и товарищахъ, особенно о старшемъ ученикѣ, говорилъ онъ съ уваженіемъ и любовью. Всѣ историческія примѣчательности города извѣстны 11-ти лѣтнему мальчику: и усыпальницы въ монастырѣ, и гробницы Маргариты и Ѳеодосіи, сестеръ Петра Великаго, и охотный дворъ Императрицы Елисаветы. Отъ товарища по ученью слышалъ онъ, что отецъ его имѣетъ книгу, печатанную въ Александровой Слободѣ, при

Царѣ Грозномъ: вѣдь здѣсь, баринъ, прежде была типографія. Мальчикъ изумлялъ меня своею смѣтливостью, проворствомъ, знаніями, хотя и смѣшалъ въ отвѣтахъ Ревекку съ Саррою. Послѣ оказалось, что онъ совсѣмъ не изъ лучшихъ учениковъ училища, что нерѣдко лѣнится въ классахъ, а между тѣмъ и онъ могъ служить хорошимъ аттестатомъ для всей школы. Я поручилъ ему отъискать старинную книгу; но послѣ онъ отвѣчалъ на вопросы мои объ ней съ какимъ-то смущеніемъ, которое обнаруживало, что онъ, въ порывѣ дѣтской откровенности, проговорился о томъ, чего не велѣно было ему сказывать. Такимъ образомъ слѣдъ любопытный старинной книги пропалъ у меня изъ виду. Можетъ быть, кто нибудь другой, счастливѣе меня, ее откроетъ.

Рѣка Сѣрая дѣлитъ городъ на двѣ части. Имя рѣкѣ дано по цвѣту, который еще сталъ сѣрѣе отъ фабрикъ, искажающихъ красоту Божія міра для потребностей человѣческихъ. Училище — маленькой свѣтлой домикъ — помѣщено на горной сторонѣ Александрова. Прекрасный видъ открывается оттуда на широкой, пространной лугъ и на городъ, лежащій вправо. Ученье только что было закрыто передъ моимъ пріѣздомъ, но Штатный Смотритель И. Ѳ. Милославовъ привелъ ко мнѣ лучшихъ учениковъ. Они, отвѣтами на мои вопросы, подтвердили мнѣ еще болѣе то доброе мнѣніе, которое составилъ я объ училищѣ по мальчику, мною случайно встрѣченному. Грамматика, Священная и Русская Исторія очень тверды. Экзаменъ былъ сдѣланъ невзначай, безъ всякихъ приготовленій, по желанію начальника школы, обрадовавшагося Профессору, который можетъ взглянуть своими глазами на его ревностныя усилія. Училище такъ содержится опрятно, какъ будто бы ждали кого-то. Карты географическія для черченія развѣшаны въ классахъ. Училищъ 4. Въ Уѣздномъ 30 учениковъ, въ приходскомъ 61, въ частной школѣ 40, въ женской 22 ученицы. Число учениковъ къ народонаселенію относится какъ 1 къ 14. Учащіеся мальчики, по большей части, ограничиваются одною грамотой и по-

ступаютъ на работу. Рѣдкой изъ нихъ пройдетъ всѣ классы школы. Часто порядокъ ученья нарушается тѣмъ, что мальчикъ по цѣлой недѣлѣ не ходитъ въ школу. Баловство родителей нерѣдко тому виною. Промышленность также отнимаетъ учениковъ у школы въ работники для своихъ фабрикъ, а сама не радитъ о ученьи народа. Мы думаемъ, что она, съ теченіемъ времени, больше получила бы и матеріальныхъ выгодъ, не говоря уже о нравственной пользѣ, если бы поступала иначе и умѣла бы согласовать требованія просвѣщенія съ своими вещественными видами.

Вся древность города сосредоточена въ стѣнахъ Успенскаго первокласснаго дѣвичьяго монастыря, который съ своею пространною оградой возвышается на другой сторонѣ города за рѣкою, на гористомъ мѣстѣ. Вечеромъ я успѣлъ только быть у всенощной. Народу въ церкви было не много, особенно для такого большаго праздника, какъ день Св. Апостоловъ Петра и Павла. Правда, есть еще въ городѣ большая соборная церковь. Но надобно сказать и то, что фабрики утомляютъ народъ, и немногіе, освободившись поздно отъ тѣлесныхъ трудовъ, рѣшаются еще на продолжительное стояніе во храмѣ Божіемъ. Промышленность должна бы быть предупредительна — и наканунѣ большихъ праздниковъ дать хотя два часа роздыха передъ всенощною, чтобы народъ могъ, отдохнувъ немного, посвятить послѣдніе часы дня и вечера Богу. Плоды духовной жизни въ народѣ, конечно, принесли бы пользу и самой промышленности, которая на нравственности народной, основѣ порядка и благоустройства, выгадала бы тѣ два часа, которые уступила бы здѣсь въ пользу Религіи и Церкви.

Отъ монахини привратницы узналъ я, что въ монастырѣ сто монахинь, которыя живутъ на общинѣ. Игуменья Аполлинарія, отошедъ на покой по лѣтамъ, предоставила строеніе монастыря Игуменьѣ Елисаветѣ, весьма дѣятельной и бодрой. — «А какъ у васъ будетъ завтра поздняя обѣдня, матушка, въ которомъ часу? — Да вѣдь мы не по вашему считаемъ часы, а по Русски. — «Какъ это, ма-

тушка?» — Да, у насъ есть на башнѣ свои часы, Русскіе. Вотъ какъ заходитъ солнце, это значитъ 24 часа, а по захожденіи, идетъ первый часъ, тамъ второй, и далѣе. Такъ и бьютъ они. Это Русскіе часы. — «Ну, матушка, такъ у васъ часы не Русскіе, а Итальянскіе. Такъ до сихъ поръ считаютъ часы въ Римѣ. Завтра можно видѣть ваши часы?»— Можно, можно, сударь. У насъ такъ они и заводятся. — Италіянскіе часы въ Александровѣ монастырѣ! Должна быть непремѣнно древность отдаленная.

На другой день, послѣ литургіи, осмотрѣлъ я соборную церковь. Она объ одной главѣ. Наружною архитектурою напомнила она мнѣ бывшую церковь Николы Явленнаго на Арбатѣ, несомнѣнно строенную при Іоаннѣ Грозномъ, которая недавно была сломана. Только размѣрами она гораздо пространнѣе. Время строенія положительно неизвѣстно; но есть признаки, что также при Іоаннѣ Грозномъ. Одноглавыя церкви у насъ вообще древнѣе пятиглавыхъ, но и пятиглавіе ведетъ начало свое тоже отъ глубокой древности. Въ 1158 году Князь Андрей Боголюбскій во Владимірѣ «заложи церковь камяну святой Богородици.... сверши же церковь 5 верховъ, и всѣ верхы золотомъ украси, и створи въ ней епископью.» Верхи здѣсь конечно означаютъ глáвы. Но многія церкви, какъ Переславскій соборъ, какъ Спасъ на Бору, были одноглавыя. Любопытнѣе вопросъ: когда у насъ, съ какихъ поръ, начали перестроивать древнія одноглавыя церкви въ пятиглавыя и тѣмъ искажать красоту размѣровъ и внутреннее освѣщеніе храмовъ, и съ какою цѣлью эти передѣлки совершались? А въ исторіи нашего храмоваго зодчества это искаженіе церквей—фактъ несомнѣнный.

Здѣсь единоглавіе, къ счастію неискаженное, представлялось мнѣ во всемъ своемъ превосходствѣ касательно внутренняго дѣйствія храма. Свѣтъ падалъ сверху изъ продольныхъ стеколъ шеи купола и чудно озарялъ весь иконостасъ: давно не испытывалъ я подобнаго впечатлѣнія. Вся великая тайна Бога Слова, предвѣчно рожденнаго, земное воплощеніе, Царь міра и сонмы небесные Церкви,

склоняющіеся съ обѣихъ сторонъ передъ неисповѣдимою тайною Хрістовой Вѣры: Богоматерь, Предтеча, Ангелы, Апостолы, мученики, исповѣдники, праотцы, въ лучахъ дневнаго свѣта, являлись мнѣ во всѣхъ подробностяхъ и производили на меня то впечатлѣніе, которое долженъ производить иконостасъ храма — это видимое таинственное небо нашей Церкви. Въ другихъ храмахъ недостатокъ свѣта, или золотыя украшенія, въ которыхъ самоуслаждалась или личность золотыхъ дѣлъ мастера или щедролюбивое усердіе доброхотнаго дателя, мѣшаютъ тому высокому созерцанію, которое такъ необходимо для молитвы. Здѣсь же мнѣ все было ясно, доступно, близко.

Надпись, видная въ алтарѣ на исподѣ иконы Владимірской Богоматери, которая находится по лѣвую сторону священника, предстоящаго престолу, свидѣтельствуетъ, что иконостасъ поставленъ и возобновленъ при Царяхъ Іоаннѣ, Петрѣ и Правительницѣ Софіи. Слѣдовательно, если онъ только возобновленъ живописью, то стало быть древнѣе Царя Алексѣя Михаиловича: ибо нельзя предположить, чтобы потребовалось возобновленіе въ малый промежутокъ времени отъ Царя Алексѣя до троихъ дѣтей его.

Но главное доказательство въ пользу древности храма, такъ называемыя Васильевскія двери, находящіяся въ южномъ входѣ въ Соборную Церковь. Этому памятнику 511 лѣтъ. Онѣ названы Васильевскими по имени Новгородскаго Архіепископа Василія, который устроилъ ихъ въ церкви святой Софіи въ 1336 году, какъ сказано въ Новгородской лѣтописи («Боголюбивый архіепископъ Василій у святѣи Софіи двери мѣдяны золочены устроилъ»). Іоаннъ Грозный, послѣ разгрома Новгородскаго въ 1570 году, вывезъ эти ворота въ свою Слободу. Должно думать, что тогда же онѣ и поставлены въ церкви.

Я осмотрѣлъ этотъ памятникъ по описанію Н. Н. Мурзакевича, которое нарочно взялъ съ собою. Описаніе составлено вѣрно и добросовѣстно. Весьма немногія поправки и дополненія случилось мнѣ сдѣлать. Содержаніе изображеній на дверяхъ относится къ жизни Богоматери

и Інсуса Хріста. Они начинаются плачемъ Іоакима о неплодіи и молитвою Анны о зачатіи, и кончаются изображеніемъ Пресвятой Троицы. Обѣ половины дверей, затворенныя вмѣстѣ, представляютъ какъ бы нѣкоторый порядокъ въ событіяхъ, но не безъ отступленій. Видно, квадраты изготовлены прежде, а потомъ совокуплены невѣждою въ одно цѣлое. Преображеніе слѣдуетъ послѣ Воскресенія: это напомнило мнѣ знаменитое выраженіе профессора Сорбонны, Эдгара Кине: la resurrection, et puis le Thabor. Впрочемъ художникъ дверей не имѣлъ ли въ виду сказанія Евангельскаго, что Преображеніе Спасителя было обнародовано зрителями его по Воскресеніи? Въ надписяхъ на дверяхъ, Славяно-церковныя формы языка мѣшаются съ Новгородскимъ нарѣчіемъ: *меце* вмѣсто мещетъ или мечетъ. Нѣкоторыя слова закрыты прикрѣпленными сверху золотыми листами: очень жаль, потому что скрыто много любопытнаго.

Внизу на дверяхъ, послѣ всего того, что́ относится къ жизни Інсуса Хріста и Богоматери, видны изображенія, съ отношеніемъ къ Царской власти. Давидъ, какъ образецъ Царя, вѣрнаго Церкви, поражаетъ Голіаѳа и несетъ торжественно ковчегъ Завѣта. Рядомъ съ нимъ примѣръ другой: Царь міра Інсусъ Хрістосъ сидитъ на престолѣ; ликъ его закрытъ прибитыми желѣзными листами; но вы отгадываете сидящаго по Евангелію и кресту, которые передъ Нимъ лежатъ на алтарѣ, съ орудіями страданій по одну сторону, и чашею по другую. Кентавръ, символъ любострастія, держитъ правою рукою маленькую фигуру и какъ бы кидаетъ ее далеко отъ Царя Бога: въ надписи сказано, что царь братъ Кентавра и что Кентавръ *мечетъ* (*меце*) *братомъ своимъ на обѣтованную землю.* Тутъ же другое нравоучительное изображеніе: мущина сидитъ на деревѣ, отягощенномъ плодами, и наслаждается ими; внизу двѣ мыши подтачиваютъ корни дерева. Не могу согласиться съ почтеннымъ авторомъ описанія, что будто бы два различные мастера, Грекъ и Русскій, работали эти двери и что искусство одного уступаетъ искусству другаго. Люди

въ одеждахъ изображены лучше, чѣмъ нагіе: такъ бываетъ всегда въ первоначальномъ искусствѣ. Воскресеніе І. Х. и побѣда Давида надъ Голіаѳомъ весьма благообразны, потому что здѣсь тѣло покрыто одеждами. Не льзя того же сказать о крещеніи Спасителя, потому что художникъ не въ силахъ былъ рисовать наготу тѣла (*). Въ складкахъ же одеждъ видны вкусъ и нѣкоторое искусство.

По другую сторону у сѣвернаго входа есть образъ Спасителя съ Греческою надписью, которая какъ видно принадлежитъ Русскому невѣждѣ: вмѣсто τὸ φῶς τοῦ κόσμου (свѣтъ міра) читаете: τω φος του βοσμου. Всѣ малыя паникадила передъ мѣстными иконами серебряныя — даръ Царевенъ Маргариты и Ѳеодосіи Алексѣевнъ, какъ это можно видѣть по надписямъ, ихъ окружающимъ. Въ алтарѣ есть еще маленькой придѣлъ Сѵмеона Богопріимца.

Успенскій храмъ, по мнѣнію молодаго священника, весьма образованнаго, заключаетъ въ себѣ наибóльшую древность монастыря; но не столько самая церковь, сколько то зданіе, изъ котораго она построена. Главная церковь во имя Успенія Богоматери, котораго икона весьма ува-

---

(*) См. Журн. Мин. Нар. Просв. 1837. Декабрь. Васильевскія двери въ городѣ Александровѣ. Сдѣлаю нѣкоторыя дополнительныя замѣчанія къ дѣльному описанію Н. Н. Мурзакевича. Если двери затворить, то не будетъ такого безпорядка въ постепенности изображеній, какой замѣченъ Авторомъ, хотя правда не во всемъ. При распятіи у креста присутствуетъ Іоаннъ и потому должно читать.... аннъ, а не анны (стран. 609). Никодимъ, сидя у подножія креста, не держится за веревку, а клещами вынимаетъ гвоздь изъ ноги Спасителя. Въ Сошествіи Св. Духа на Апостоловъ внизу изображенъ побѣжденный царь тьмы въ коронѣ, отдѣленной отъ верхней картины круговидною чертою. Подобное изображеніе встрѣчается не рѣдко на иконахъ того же содержанія. Тоже видѣлъ я въ Троицкомъ Соборѣ Лавры на паперти. Въ воскресеніи Лазаря слуга не пособляетъ встать воскресшему, а снимаетъ съ него пелены. Иконы съ изображеніемъ Богоматери, прядущей волну (стран. 621), встрѣчаются и въ другихъ мѣстахъ, какъ напримѣръ въ Кіевѣ. Вотъ все, чтò я могъ замѣтить въ знакъ уваженія къ труду почтеннаго археолога, безъ котораго не ясны бы для меня были Александровскіе ворота.

жаема, подновлена усердіемъ И. Ѳ. Баранова. По бокамъ два придѣла, Іоанна Предтечи и Св. Маріи Египетской. Въ послѣднемъ придѣлѣ иконостасъ замѣчателенъ красотою своей иконописи: особенно поразилъ меня необыкновенною граціею образъ Архидіакона Стефана на сѣверныхъ дверяхъ, съ кадиломъ въ правой рукѣ и съ камнемъ въ лѣвой. Живопись, должно думать, временъ Царя Ѳеодора Алексѣевича, при которомъ было сильно Италіянское вліяніе. Все это зданіе всѣми подробностями своими показываетъ, что оно первоначально назначено было не для церкви. Окна и двери не на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ бы слѣдовало имъ быть; углубленія въ стѣнахъ безъ всякой причины. Подобныя я видѣлъ послѣ въ Твери, въ церкви Отроча монастыря, передѣланной изъ келліи Митрополита Филиппа. Въ трапезѣ большой церкви съ праваго краю и во всемъ придѣлѣ Маріи Египетской вы видите остатки деревяннаго пола, составленнаго изъ сосновыхъ квадратовъ. Это, конечно, полъ прежняго зданія. Внѣшнія части зданія при церкви, подъ одною съ нею кровлею, показываютъ также, что оно все вмѣстѣ когда-то составляло одно цѣлое: при передѣлкѣ же его въ церковь съ двумя придѣлами, нѣкоторыя части не взошли въ новый планъ — и теперь въ нихъ жилыя комнаты. Конечно, опытный въ храмовомъ нашемъ зодчествѣ архитекторъ могъ бы окончательно рѣшить вопросъ о первоначальномъ назначеніи этого зданія. Не здѣсь ли былъ монастырь Грознаго? Не тутъ ли кельи его опричниковъ? Священникъ сказывалъ мнѣ, что по преданіямъ и догадкамъ, тутъ и полагаютъ покои Іоанновы.

Еще болѣе убѣждаютъ въ вѣроятности этого предположенія подземные своды или подвалы, которые находятся подъ этимъ зданіемъ и занимаютъ огромное пространство. Тутъ теперь монастырскіе погреба. Своды сложены изъ бѣлаго камня, точенаго въ большихъ размѣрахъ. Кладка, по признакамъ, очень древняя. Въ одномъ мѣстѣ стѣны, какъ бы впадина нарочно сдѣланная, и выдаются какіе-то два бруса съ обѣихъ сторонъ: трудно рѣшить, для какой цѣли это устроено? Тѣ, которые предполагаютъ, что въ

этомъ мѣстѣ была обитель Іоаннова, спрашиваютъ: не для пытки ли какой? Въ самые нижніе подвалы спускаться довольно трудно по обвалившимся ступенямъ, въ глубокой темнотѣ, при свѣтѣ лучины. Здѣсь чуть-чуть проникаетъ свѣтъ въ самыя узкія отверстія, которыя сдѣланы надъ землею. Мѣстами на камняхъ сводовъ я замѣчалъ слѣды буквъ: м, р. Подъ другою церковью Покрова Богоматери, гдѣ теперь хлѣбня и запасы муки для монастыря, находятся другіе своды и подвалы. Въ глубину сходы такіе, что спускаться страшно. Входятъ въ тѣ, которые служатъ магазинами, а на дальніе только показываютъ съ ужасомъ, предполагая, что здѣсь были какіе нибудь тайники или подземные проходы. Подозрительный Іоаннъ любилъ ихъ. Вообще вся эта подземная сторона гадательно напоминаетъ о темномъ пребываніи здѣсь Царя Грознаго.

Надъ церковью Покрова̀ устроены тѣ часы, которые въ монастырѣ слывутъ Русскими и которые, начиная счетъ времени отъ заката солнечнаго, обличаютъ Италіянское происхожденіе. Старушка живетъ при часахъ, ежедневно заводитъ ихъ, свѣряетъ съ солнцемъ и завѣдываетъ ихъ механикой, которая, судя по наружности ея и устройству, должна быть первоначальная. Надобно слышать, съ какимъ заботливымъ участіемъ говоритъ старушка о своихъ часахъ. Посредствомъ двухъ деревянныхъ дощечекъ, она какъ-то устроила правильное движеніе маятника, который было испортился. Вся жизнь ея въ этихъ часахъ. Впрочемъ для монастыря они чрезвычайно важны, потому что всѣ занятія монастырской общины распредѣлены по нимъ. Когда эти часы сдѣланы или откуда привезены? неизвѣстно. Если они устроены уже по основаніи монастыря, то въ эти времена у насъ были свои Русскіе часовщики. Изъ юридическихъ актовъ мы знаемъ, что Петръ Кузьминъ Печонкинъ, Тихвинецъ, посадской человѣкъ, въ 1655 г., взялся для одного дѣвичьяго монастыря своими работными людьми собрать казенные часы боевые, поставить ихъ на колокольнѣ наготово, *какъ имъ бить на четверо часы по четвертемъ, безмятежно*, указать ихъ

монастырскому человѣку и вывести кругъ указной, по чемъ ихъ водить и знать, и впредь шесть мѣсяцевъ починивать ихъ *безволокидно*, а все это за *полпята рубли*. (Акты Юрид. № 199).

Должно думать, что все это мѣсто, послѣ смерти Грознаго, оставалось въ запустѣніи до самыхъ тѣхъ временъ, когда здѣсь была основана женская обитель. Время основанія оной не опредѣлено. Въ Исторіи Россійской Іерархіи сказано, что Царь Алексѣй Михаиловичь въ 1651 году разрѣшилъ грамотою для старицъ строить при церкви кельи и ограду. Но древнѣйшая грамота, хранимая въ самомъ монастырѣ, относится къ Өеодору Алексѣевичу. Есть преданіе о старцѣ Лукіянѣ, который имя свое далъ пустынѣ, лежащей въ 10 верстахъ отъ Александрова, что онъ, съ благословенія Патріарха Іоакима, основалъ и освятилъ эту женскую обитель. Протоіерей соборной церкви сказывалъ мнѣ, что есть о томъ рукописное сочиненіе, которое ходитъ по рукамъ любителей старины. Вѣроятно, для обители воспользовались существовавшею уже церковью Успенія Богоматери и зданіями Іоанна Грознаго, которыя отличались необыкновенною твердостью, какъ это можно видѣть изъ многихъ памятниковъ его времени.

Здѣсь-то жили въ инокиняхъ двѣ сестры Петра Великаго: Марѳа (Маргарита) и Өеодосія Алексѣевны. Первая преставилась въ 1697, а вторая въ 1713 году. Память ихъ есть древнѣйшее и священное преданіе монастыря. Ихъ смиренныя, низменныя кельи пристроены къ колокольнѣ. На нихъ показываютъ съ благоговѣніемъ. Ими устроены деревянныя усыпальницы, или похоронные погреба, гдѣ и теперь хоронятъ монахинь, ставя гробъ на гробъ. Мы видѣли нѣсколько гробовъ, поставленныхъ одинъ надъ другимъ, съ воткнутыми въ нихъ вербами отъ заутрени вербнаго воскресенія. Откуда взялся обычай усыпальницъ — не знаю. Онъ напомнилъ мнѣ обычай погребенія, прежде существовавшій въ Римѣ, хоронить въ подземныхъ погребахъ и также ставить гробъ на гробъ. Въ этихъ же усыпальницахъ похоронены были и Царевны, согласно ихъ соб-

ственному желанію, вмѣстѣ съ другими монахинями; но потомъ перенесены были ихъ гробы въ другую отдѣльную усыпальницу, подъ церковь Срѣтенія Господня. Здѣсь на двухъ гробницахъ горятъ неугасимыя лампады — и народъ чтитъ память Царевенъ-инокинь частыми панихидами. Передъ входомъ, у окна, вы видите портретъ Маргариты, имѣющій большое сходство съ Петромъ Великимъ и Царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ.

Монастырская ризница хранитъ также память Царевенъ. Богатыя ризы, шитыя жемчугами, серебромъ и золотомъ, ихъ рукодѣлье. Замѣчательны: крестъ, построенный въ церковь Царицею Натальею Кирилловною въ 1694 году за здоровье ея, Петра Алексѣевича и Царевича Алексѣя Петровича; ложка столовая Царевны Софьи Алексѣевны съ буквами ея имени, — и блюдо серебряное, вѣсомъ фунтъ и 5 золотниковъ, которое Царю Алексѣю Михайловичу поднесли Голландцы съ надписью: «21 весъ фунт. 5 зол. Государю челомъ удари Галанскіе торго немцы давыдъ микула стоварищи РНЅ Өев. ВІ.» 7156—1648, въ 12-й день Февраля, т. е. на праздникъ Алексія Митрополита, но это не былъ день имянинъ Царя. Имянинникомъ бывалъ онъ 17-го Марта, какъ значится въ царскихъ выходахъ: Марта въ 17 день слушалъ Государь всенощную, на свой Государевъ ангелъ, въ Алексѣевскомъ монастырѣ. Жаль, что въ выходахъ 1648 года весь Февраль утраченъ, а не то, можетъ быть, мы и прочли бы что нибудь о приношеніи Давыда Микулы съ товарищи.

Тутъ же въ ризницѣ хранится нѣсколько кожаныхъ лоскутковъ, т. е. старинныхъ денегъ, тѣхъ самыхъ, которыя изъ этого же монастыря присланы были въ наше Историческое Общество. Это маленькіе четвероугольнички изъ толстой кожи съ знакомъ въ родѣ загнутаго гвоздя. Я помню: наши скептики, тогда бывшіе еще въ большой силѣ, ихъ оподозрили и объявили поддѣлкой. Но что же за нужда была городу Александрову ихъ поддѣлывать? Отъ ризничей слышалъ я, что этихъ кожаныхъ лоскутковъ можно много найти и по городу. Гдѣ отрыты они были — неизвѣстно.

Отъ памятниковъ древней Руси возвращаясь къ новой, не могу не сказать, что нынѣшній городокъ Александровъ всею жизнію и дѣятельностью своею обязанъ своему гражданину, всѣми уважаемому, Ивану Өедоровичу Баранову (*). Я и прежде слышалъ объ немъ отъ Барона А. К. М—фа, какъ объ человѣкѣ ума и просвѣщенія необыкновеннаго, съ великими замыслами, могущими принести честь торговлѣ и промышленности Русской. Къ моему сожалѣнію, И. Ө. былъ въ Петербургѣ, куда поѣхалъ за сыновьями, которые воспитываются тамъ въ высшемъ Коммерческомъ училищѣ. Я не могъ познакомиться съ нимъ, чего весьма желалъ.

И. Ө. Барановъ здѣсь главный двигатель торговли и промышленности, не смотря на то, что есть купцы въ Александровѣ и богаче его. Онъ понялъ, что Россія въ своихъ торговыхъ замыслахъ должна имѣть въ виду Европу и Азію: Европу, какъ образецъ, съ которымъ не только должно сравняться, но даже его превзойти; Азію, какъ неисчерпаемый источникъ для матеріала, и какъ средство для сбыта. Крашенье бумаги и ситцы — главное его занятіе; промышленность народная, соотвѣтствующая потребностямъ всѣхъ классовъ. Народъ нашъ любитъ свѣтлыя одежды и яркость красокъ: красный и розовый — его любимые цвѣта̀. Промышленникъ долженъ примѣняться и къ народному вкусу, если хочетъ успѣха и выгоды. И. Ө. учредилъ въ селѣ Карабановѣ новую ситцовую фабрику, съ цѣлью превзойти всѣ иностранныя издѣлья въ этомъ родѣ. Марену̀ вывозитъ онъ изъ Хивинскаго царства, и въ обработкѣ ея вошелъ въ соперничество съ Элберфельдомъ, этимъ Манчестеромъ Германіи, который одинъ до сихъ поръ завѣдывалъ ею въ Европѣ: марена̀ Барановская являлась уже на Лейпцигской ярмаркѣ и состязалась съ Элберфельдскою. Изъ Хивы же выписалъ онъ въ нынѣшнемъ году 35,000 пудъ хлопчатой бумаги. Г. Чихачевъ

(*) Къ несчастію, Александровъ лишился съ тѣхъ поръ своего благодѣтельнаго гражданина.

въ своей статьѣ, которую читалъ въ Географическомъ Обществѣ. 3-го Декабря: *объ изслѣдованіи верхняго бассейна Сыръ-и Аму Дарьи,* относительно торговли нашей съ Азіею, выражаетъ ту мысль, которую Г. Барановъ давно уже исполняетъ на дѣлѣ. «Главная польза замѣны Американской хлопчатой бумаги и заморской марены Азіатскими, говоритъ онъ, состояла бы въ томъ, что Россія платила бы за нихъ своими мануфактурными издѣліями и что притомъ доставкой хлопчатой бумаги и марены занимались бы не иностранцы, но большею частію сами Русскіе, которые перевозили бы также и свои издѣлія на Азіатскіе рынки.» То и дѣлаетъ И. Ѳ. Барановъ. Виды его простираются на Кавказъ въ слѣдъ за нашимъ оружіемъ: ужь онъ ведетъ большой торгъ и въ Тифлисѣ.

Въ такомъ славномъ нашемъ фабрикантѣ пріятно найти благочестиваго и добраго человѣка. Придѣлъ въ соборной церкви Александрова отдѣлывается на его счетъ, со вкусомъ и великолѣпіемъ. Во всемъ околодкѣ раздаются отъ народа единогласныя похвалы И. Ѳ. Баранову за его добро. «Да, онъ не побоится, какъ другіе, говорилъ мнѣ извощикъ, чтобы у него фабрика сгорѣла. Нѣтъ того бѣднаго человѣка, кому бы онъ не сдѣлалъ добра. У мужика коровка свалилась, коровку дастъ. Къ нему вѣдь какіе гурты-то гоняютъ по осени!» Такой голосъ — лучшая награда доброму дѣлателю.

Гдѣ воспитался И. Ѳ. Барановъ, умѣвшій соединить Европейскія мысли съ такою чистою Христіанскою основою? Въ какой нибудь Академіи, въ высшемъ училищѣ? Нѣтъ, мнѣ говорили, что Александровъ былъ его колыбелью и мѣстомъ воспитанія.

Я старался развѣдать: не сохранилось ли въ народѣ какихъ нибудь преданій объ Іоаннѣ Грозномъ, о его пребываніи здѣсь, объ Александровской слободѣ, которая, по сказанію одного древняго житейника, хотя по слову и означала тоже что свобода, а была *горше Египетской работы.* Одинъ почтенный старожилъ, Семенъ Антипіевичъ, сказывалъ мнѣ, что онъ ничего не слыхалъ отъ своихъ пред-

ковъ. Мои сослуживцы по учебному вѣдомству также не могли мнѣ сообщить ничего. Народъ помнитъ конный заводъ Елисаветы Петровны, охотный лугъ, гдѣ охотилась сама Императрица, эта прекрасная всадница, какъ воспѣлъ ее Ломоносовъ; но все, касающееся до Іоанна, покрыто, по видимому, забвеніемъ. На мѣстѣ его чертоговъ и келлій стоятъ памятники благочестія. Одни мрачныя каменныя подземелья гадательно напоминаютъ объ немъ. Въ народѣ не ходитъ ни сказки, ни пѣсни, ни преданія о грозномъ царѣ въ томъ мѣстѣ, которое было свидѣтелемъ его жестокостей и причудъ. Вотъ еще добрая черта нашего народа! Онъ не злопамятенъ; исторія злопамятнѣе его, какъ сказалъ Карамзинъ. Что, думаетъ онъ, помнить дурное о царяхъ и сочинять на это сказки? Лучше забыть, да помолиться на томъ мѣстѣ, гдѣ совершено какое зло. Извѣстно, что даже сыноубійство Іоанново въ одной народной пѣсни, касающейся этого событія, исправлено — и казнь, повелѣнная царемъ палачу Скуратову, не исполняется усердіемъ добраго боярина. На мѣстахъ крови и зла, мы издревле любили ставить не обелиски и не пирамиды Египетскіе, но храмы и кресты. На западѣ, въ подобномъ случаѣ, стояла бы какая нибудь башня съ привидѣніями, и разсказывалась бы страшная легенда о Грозномъ, въ вѣчное отмщеніе его памяти, и путешественникъ - собиратель обрадовался бы такому разсказу и передалъ бы его читателямъ, прикрасивъ его съ своей стороны какими нибудь цвѣтами. Что касается до меня, то я радъ былъ за нашъ народъ, что не нашелъ въ немъ никакой памяти о злодѣйствахъ Іоанновыхъ. Не знаю, впрочемъ, можетъ статься, другой путешественникъ будетъ несчастнѣе меня въ отношеніи къ мнѣнію моему о нашемъ народѣ и счастливѣе въ отношеніи къ романической занимательности своего разсказа объ Александровѣ.

ПЕРЕСЛАВЛЬ ЗАЛѢСКОЙ.

Дорога въ Переславль.—Озеро Плещеево.—Слѣды пожара въ городѣ.— Древности Переславля. — Проводникъ Акимъ Алексѣевъ.— Новый соборъ.— Преданіе о Купалѣ. — Древній соборъ Спасопреображенскій. — Иконы. — Изображеніе таинства брака 1682 года. — Гробницы.—Храмъ Петра Митрополита. — Видъ съ колокольни собора.—Птицы-рыболовы.—Житіе Никиты Переславскаго, слышанное изъ устъ неграмотнаго мѣщанина. — Монастырь Горицкій. — Рыбацкая Слобода. — Даниловъ монастырь. — Веськово. — Гремячь. — Ботикъ Петра Великаго. — Указъ Петра В. — Видъ на озеро.— Учкиница. — Проектъ изданія древностей Владимірскихъ.

Неразговорчивъ былъ извощикъ, который везъ насъ изъ Александрова въ Переславль, до станціи. Онъ не *ѣзжалый* человѣкъ, не покидалъ своего Холопова, или какъ онъ произносилъ Фолопова, мѣняя букву х на ф и тѣмъ доказывая, что онъ вѣренъ своему мѣстному произношенію. Вообще замѣтилъ я, что мужики, мало ѣздившіе, а болѣе сидѣвшіе въ деревняхъ своихъ, неразговорчивы, необразованы. Оно и естественно. Общеніе съ людьми прежде всего образуетъ человѣка. Красивый, высокій мущина смѣнилъ его на станціи. Крестьяне въ Петровъ день разговѣлись: кто молочкомъ, а кто побогаче — говядинкой.

Плохихъ лошадей, измученныхъ работой, мы должны были смѣнить въ другомъ селѣ. Сельской писарь, умный малой, вывезъ на лихой тройкѣ. «У насъ окружный-то, говорилъ онъ мнѣ, вотъ кажется и со всякимъ младенцемъ поговоритъ. Никого словомъ не *обездолилъ*.» — Въ день Петра и Павла бываетъ праздникъ у ботика Петрова на озерѣ Переславскомъ, и гулянка у крестьянъ села Веськова. — Объ озерѣ разсказываетъ народъ, что оно все выплескиваетъ, что́ бы въ него ни бросили, хотя бы въ

самую середину. Отъ того и названо, конечно, Плещеевымъ. Разъ везли по озеру камень во сто пудъ: — онъ упалъ въ воду какимъ-то образомъ. Озеро не въ силахъ было волнами своими выплеснуть его на берегъ: такъ весною, когда ломало ледъ, *икрами* вытерло его на то мѣсто, гдѣ его и показываютъ. Икрами называются огромныя льдины. Дно всего озера чистый песокъ: въ немъ нѣтъ ни ила, ни растеній. Вода такъ прозрачна, что въ ней рѣшительно видно все, на какой бы глубинѣ что̀ ни кинули, какъ говоритъ народъ и подтверждаютъ очевидцы. Чистота воды даетъ и рыбѣ вкусъ превосходный.

Ночью пріѣхали мы въ Переславль. Вдали бѣлою полосой лежало озеро. Передъ гостинницей, гдѣ мы остановились, виднѣлись обгорѣлыя развалины каменныхъ домовъ послѣ пожара, недавно бывшаго. Въ городѣ это было еще свѣжимъ грустнымъ событіемъ. Но вмѣстѣ съ несчастіемъ разсказывали и о благотворительныхъ подвигахъ купечества. Первый помогъ Алексѣй Петровичъ Столбовъ, старѣйшій изъ гражданъ Переславскихъ. За тѣмъ помогъ изъ Москвы племянникъ его, Константинъ Алексѣевичъ Куманинъ. Ждали, что̀ пришлютъ Киселевы изъ Шуи, а они родня Темерину-Додонову, головѣ, котораго фамилія старинная въ Переславлѣ; домъ его также сгорѣлъ. Честь и слава доброму нашему купечеству! — оно, первое, является на помощь въ подобныхъ бѣдствіяхъ.

Рано утромъ пошелъ я осматривать древности Переславля. Въ то время, когда на улицѣ затруднялся я въ проводникѣ и разговаривалъ о томъ съ мальчикомъ гостинницы, замѣтилъ мое затрудненіе шедшій по улицѣ мѣщанинъ. — «Что̀ вамъ угодно, баринъ?» — спросилъ онъ у меня. — Да вотъ взглянуть на вашу древность, на ваши соборы и монастыри. — «Извольте, баринъ, я вамъ все покажу. Какъ намъ не знать своего города?» — Да у тебя, можетъ быть, есть дѣло. — «Ничего, ничего, батюшка. Радъ вамъ послужить.» — Этотъ Переславской чичероне Акимъ Алексѣевъ, мѣщанинъ Ѳедоровской слободы. Я

рекомендовалъ бы его всякому, кто бы захотѣлъ познакомиться съ Переславлемъ: преумный малый, знаетъ въ городѣ все, старое и новое, а грамотѣ не учился. Я не разставался съ нимъ цѣлый день.

Въ новомъ соборѣ нѣтъ ничего древняго, кромѣ двухъ иконъ. Одна — Владимірской Богоматери. Объ ней существуетъ слѣдующее народное преданіе, разсказанное мнѣ Акимомъ. Въ Переславлѣ народъ покланялся идолу Купалу. Когда Владиміръ внесъ Христіанскую вѣру, Переславцы хотѣли все-таки продолжать свое языческое поклоненіе. Но Владиміръ прислалъ къ нимъ икону Пресвятой Богоматери и тѣмъ удалилъ ихъ отъ кумира. Потому и празднуютъ ей наканунѣ того дня, какъ праздновали Купалу. А икона въ народѣ слыветъ до сихъ поръ Купальницей. — Другая икона Спаса Нерукотвореннаго, также весьма уважаема народомъ, какъ древняя святыня. Она была обожжена въ какомъ-то пожарѣ. Протоіерей полагаетъ, что перенесли ее изъ стараго собора. Судя по стилю, этотъ образъ долженъ напоминать самыя первоначальныя времена Переславля. Въ сохраненіи его нѣтъ ничего необыкновеннаго. Во время пожаровъ, конечно, прежде всего спасали святыню.

Но вотъ неподалеку отъ новаго собора, близъ высокаго валу, древній соборъ Спасопреображенскій, сложенный изъ бѣлаго камня, объ одной главѣ. Поразительны простота и гармонія этого зданія. Можете взглянуть на изображеніе его въ Русской Старинѣ, Г. Мартынова, и на прилагаемый рисунокъ, но здѣсь ясна будетъ для васъ одна внѣшняя его форма, а не стройность размѣровъ, которую можно передать только посредствомъ архитектурнаго рисунка. Въ 1152 году, говоритъ Никонова лѣтопись, Великій Князь Юрій Долгорукій «градъ Переславль отъ Клещина пренесе, и созда болши старого, и церковь въ немъ постави камену святаго Спаса.» Стало быть, древнѣйшій городъ находился на берегу озера Плещеева, въ старину Клещина или Клешнина; теперешній же городъ отдаленъ отъ него, а валъ, окружавшій древній городъ, строенный Княземъ Юріемъ, еще далѣе отъ озера. Соборъ

стоитъ почти у самаго валу. Отъ вала обращенъ онъ на востокъ. И. М. Снегиревъ въ описаніи этого храма передалъ намъ историческія воспоминанія, соединенныя съ нимъ.

Иконы внутри храма, большею частію, древнія. Замѣчательнѣйшая Спаса Милостиваго: по сторонамъ Спасителя Богоматерь и Іоаннъ Креститель. Лицо сего послѣдняго — типъ превосходный, чисто Византійскій. На свиткѣ, находящемся въ рукахъ его, надпись, по стилю буквъ и языку древняя: «Се агнецъ Бж҃ии вземляи міру грѣхи.» Буква ж необыкновенной формы; буква з по Востокову весьма древняя. Замѣчателенъ дательный падежъ: міру грѣхи — вмѣсто грѣхи міра — также древній Славянской оборотъ, котораго нѣтъ и въ Остромировомъ Евангеліи на этомъ мѣстѣ. Снятіе этой иконы можно бы рекомендовать художнику-археологу, который захотѣлъ бы у насъ заняться собраніемъ иконъ замѣчательныхъ. Здѣсь же есть удобство для такого изученія, чего нѣтъ въ другихъ храмахъ; иконы безъ окладовъ и доступны во всей ихъ цѣлости.

По правую сторону отъ царскихъ дверей, вторая мѣстная икона весьма примѣчательна не столько древностію своею, сколько содержаніемъ. На верху читаете надпись: Образъ Распятия Господа — Седмь Таинствъ. По серединѣ иконы изображенъ Спаситель, распятый на крестѣ, а вокругъ Него семь Таинствъ. Шесть изображено въ кружкахъ, и лица самаго ме́ньшаго размѣра. Но видно, что на Таинство брака живописецъ обратилъ вниманіе гораздо бо́льшее. Оно представлено внизу и какъ бы указываетъ поводъ, по которому икона была написана. Іерей благословляетъ чету, богато одѣтую, соединяя руки жениха и невѣсты, на которыхъ одежды древне-Русскія. Возлѣ невѣсты стоитъ женщина не молодая, также въ богатомъ нарядѣ, подъ фатою, и въ лѣвой рукѣ у нея свѣча, а правою держитъ она вѣнецъ на головѣ невѣсты, которая, съ распущенными волосами по обычаю, даже теперь существующему у нашихъ крестьянокъ около Москвы, подаетъ правую руку жениху, въ лѣвой же держитъ ширинку. На шеѣ и на груди ея много монистовъ и

драгоцѣнныхъ каменьевъ. На платьѣ изъ парчи узорочной обозначена талія поясомъ съ городками. Женихъ, съ подобранными волосами на головѣ, въ парчевой ферязи съ петлицами, изъ-подъ которой виденъ зипунъ, подаетъ правую руку невѣстѣ. При женихѣ стоитъ мущина, еще нарядпѣе одѣтый чѣмъ самъ женихъ, судя по узорамъ ферязи, съ длинными волосами, вьющимися по плечамъ, и какъ у женщины, въ одной рукѣ у него свѣча, другою же онъ держитъ вѣнецъ на головѣ жениха. Вѣнцы жениха и невѣсты различные: на послѣдней онъ имѣетъ видъ пламени, бьющаго къ верху. Кругомъ всего образа написаны стихіры, которыя поются на Воздвиженіе Креста. Надъ Таинствомъ же брака большая надпись: Тайна седьмая святаго бракосочетания. Надъ головою жениха: Бракъ есть таинство, въ которомъ служитель церковный обручаетъ два сочетавающыяся лица. Надъ головою невѣсты: О нихже речено еже Богъ сочетаетъ, человѣкъ да не разлучаетъ и будете оба въ плоть едину. Въ самомъ же низу иконы читаете: *Въ лѣто ҂ЗР҃Ч* $\left(\frac{7190}{1682}\right)$ *поставилъ сей образъ всоборный и Ап҃льстей ц҃ркви Преображенія Спасова по обѣщанію своему подьячей Никита Ведерницынъ. Писалъ иконописецъ Стеѳанъ Кагариново.* Вѣроятно, этотъ образъ имѣетъ отношеніе къ браку подьячаго. Совершеніе обряда и древнія наши одежды, особенно женскія, большая у насъ рѣдкость, весьма любопытны. При невѣстѣ дружкою женское лицо, не какъ теперь. Письмо иконы Фряжское. Краски весьма ярки, но съ желтизною. Эта икона стóитъ того, чтобы снять съ нея копію, особенно съ нижней ея части. Прилагаемая здѣсь литографія послужитъ живымъ объясненіемъ къ моему разсказу (*).

(*) Весьма радъ, что мое описаніе иконъ Спасопреображенскаго собора, равно и нѣкоторыя другія подробности перешли въ описаніе Переславля, составленное Г. Савельевымъ-Ростиславичемъ послѣ полугодичнаго его пребыванія въ этомъ городѣ и напечатанное въ 6-й книжкѣ Сына Отечества 1848 года.

Т
Бра́кѡ
сочетаниа́.

Въ алтарѣ церкви гробница: думаютъ, что здѣсь погребенъ Князь Іоаннъ Дмитріевичъ Переславскій, внукъ Невскаго, основываясь на лѣтописи, которая расточаетъ ему большія похвалы, не означая однако мѣста погребенія. Въ самой церкви двѣ гробницы: предполагаютъ, что похоронены его предшественники. Но впрочемъ все это гадательно, потому что надписей нѣтъ. Древняя Русь не считала нужнымъ, какъ видно, надписывать имена лицъ на надгробныхъ камняхъ.

Не подалеку отъ древняго собора находится церковь Св. Петра Митрополита, вторая по своей древности. Новыя пристройки безобразятъ, къ сожалѣнію, ея изящную архитектуру. Особенно красива верхняя часть ея: осьмиугольникъ съуживается къ верху и осѣняется главою, которая имѣетъ сходство съ Архіерейскою Митрою. Нѣтъ ли въ этой формѣ какого нибудь символическаго значенія? Не было ли у насъ различія въ образахъ церковной архитектура, смотря по посвященію храма? Въ Угличѣ я видѣлъ древнюю церковь во имя св. Алексія Митрополита, точно такого же вида, какъ Переславская. На древнихъ Спасскихъ соборахъ глава также всегда одинаковой формы. Символика нашего древняго зодчества — тайна еще не разгаданная у насъ, но тутъ не можетъ быть случайности. Все, конечно, было опредѣлено. Внутри церкви иконопись до того подновлена, чьимъ-то усердіемъ, что не осталось и слѣдовъ ничего древняго. Грустью отзывалось мнѣ въ сердцѣ слово: *поусердствовали!* которое я нерѣдко слыхалъ въ монастыряхъ и древнихъ нашихъ храмахъ. Конечно, никто не осмѣлится порочить благочестивыхъ побужденій въ такомъ священномъ дѣлѣ; но если хотите построить или украсить храмъ Богу: то зачѣмъ же непремѣнно вамъ надобно разорить для того или зáново измѣнить какое нибудь зданіе, которое служитъ памятникомъ молитвы вашихъ предковъ и прожило нѣсколько столѣтій? Вы стрóите въ XIX вѣкѣ: архитектура храма должна отвѣчать новымъ потребностямъ времени. — Еще ужасно видѣть, какъ рука новаго живописца размазываетъ на древнихъ иконахъ свои новыя, румяныя и дебелыя, изображенія, въ которыхъ

самоуслаждается его развитая личность. Да не ужели же нѣтъ для того простаго дерева? Зачѣмъ же надобна непремѣнно для такихъ подвиговъ древняя икона, на которой печать вѣковъ? Великій художникъ, конечно, не совершитъ такого святотатства, а совершить его можетъ одинъ 1[illegible]а, съ развитою безусловно личностью.

Въ церкви я нашелъ одну только древнюю икону — Святителя Петра, висящую на стѣнѣ съ лѣвой стороны, и та сохранена, какъ сказывалъ мнѣ священникъ, по приказанію Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Цесаревича.

День былъ свѣтлый. Я взошелъ на колокольню новаго собора, и оттуда открылся мнѣ прекрасный видъ на озеро, городъ и его окрестности. Озеро Плещеево стелется вдаль, ясное и лазоревое, и шумитъ, весело плеща своими волнами. По небесному цвѣту поверхности вы видите, какъ чисто должно быть песчаное дно его. По краямъ видны сёла: слѣва Веськòво, памятное ботикомъ Петра Великаго, Соломидино, справа Борисоглѣбское, Воронцово, а тамъ далеко, далеко за озеромъ, село Купань (*). Къ озеру отъ города примкнула рыбачья слобòда, гдѣ лѣнивый и грязный Трубежъ вливаетъ свою мутную волну въ его лазоревую и чистую влагу. Городъ весь виденъ, какъ на ладони. Отсюда вы легко можете обѣжать глазами весь зеленый валъ, который образуетъ параллелограммъ промежъ домовъ и церквей. Взгляните отсюда, какъ были малы древніе города! За валомъ лежали слободы и посады. Живописно, но нескладно разметанъ городъ по ровному мѣсту. Новыя улицы отличаются отъ древнихъ прямизною. Двадцать двѣ церкви возвышается надъ домами: изъ нихъ замѣтнѣе красотою стиля древній соборъ и церковь Петра Митрополита! Обиліе Божіихъ храмовъ — принадлежность древнихъ городовъ. Церкви,

---

(*) Въ Москвитянинѣ я было напечаталъ Кутань, хотя мнѣ и назвали село, какъ записано у меня въ дневникѣ, Купань. Г. Савельевъ-Ростиславичь меня поправилъ. Но считаю обязанностію оправдаться. На картѣ стоитъ Кутань. Я повѣрилъ картѣ, думая, что, можетъ быть, ослышался, и записалъ невѣрно, а вышло такъ.

сады, огороды, дома каменные, деревянные, домики, хижины, лачуги, площади, улицы, пустыри, извилины рѣки, зеленая трапеція вала — все это въ живомъ разнообразіи перемѣшано произвольно и изображаетъ вамъ нескладное раздолье самой жизни. За городомъ, въ разныхъ сторонахъ, возвышаются монастыри: всѣхъ живописнѣе слѣва на горѣ упраздненный монастырь Горицкій, гдѣ прежде былъ архіерейскій домъ, а теперь развалина; подалѣе монастырь дѣвичій Өедоровскій, основанный Грознымъ въ 1557 году, въ память рожденія сына его Өеодора и во имя Св. Өеодора Стратилата; ближе къ городу, у въѣзда отъ Москвы, монастырь Св. Даніила Переславскаго, а на право вдали монастырь Св. Никиты Столпника. Съ одной стороны глаза разбѣгаются по голубой равнинѣ озера; съ трехъ другихъ сторонъ — по полямъ и горамъ, которыя оживлены нивами, лугами, лѣсами, деревнями. Это одинъ изъ свѣтлыхъ, привлекательныхъ видовъ, которые не такъ часто встрѣчаются въ нашемъ краю. Надъ всѣмъ городомъ и надъ озеромъ летаетъ изумительное множество бѣлыхъ рыболововъ. То даютъ они широкіе круги — надъ домами, во всѣ стороны города; то рѣютъ какъ бѣлыя точки въ небѣ надъ озеромъ; то, завидя рыбку, бросаются стремглавъ на воду.

Замѣчательно изобиліе этихъ птицъ въ Переславлѣ. Онѣ очень красивы: малы тѣломъ, бѣлы какъ Мартовскій снѣгъ на солнцѣ; клювъ и лапки у нихъ розовые. Такіе же ручные, какъ голуби въ Москвѣ, но еще ласковѣе и дружелюбнѣе къ человѣку. Летаютъ по домамъ, по дворамъ, садятся на окнахъ; иногда такъ пролетятъ надъ вашею головой, что чуть-чуть не заденутъ. Народъ ихъ любитъ, кормитъ и не бьетъ. Рыбаки считаютъ даже грѣхомъ убить рыболова, не смотря на то, что конечно эта птица поѣдаетъ здѣсь множество рыбы. Но Русскій человѣкъ не жаденъ, не корыстенъ — и любитъ давать волю прекрасному Божію созданію, которое своимъ полетомъ оживляетъ для него мертвую природу. Мы еще не дожили до того, чтобы птицамъ бояться промышленности нашего народа.

Изъ собора мы отправились въ монастырь Даніила Переславскаго. Акимъ былъ нашимъ спутникомъ. Хоть онъ и не грамотенъ, а чего не знаетъ въ Переславлѣ, и про старое, и про новое время. Житія Переславскихъ чудотворцевъ ему извѣстны подробно. Сначала разсказывалъ онъ мнѣ о Св. Даніилѣ, какъ онъ изъ Горицкаго монастыря смотрѣлъ часто на то мѣсто, гдѣ теперь стоитъ его обитель; потомъ заговорилъ о Никитѣ Столпникѣ — и то передавалъ мнѣ живою устною рѣчью, что̀ я самъ только что прочелъ въ рукописномъ житіи Никиты, которое было со мною. Вотъ то, что̀ я слышалъ отъ него.

«Никита жилъ въ Переславлѣ и былъ другъ мытарямъ.» — А кто такіе мытари? — «Да сборщики податей, батюшка. Сбирали подати княжескія, и промышляли воровствомъ и разными неправдами. Вотъ Никита разъ пошелъ на рынокъ купить мяса: купилъ, приноситъ женѣ своей. Жена начала варить его въ горшкѣ. Смотритъ въ печку: бьетъ изъ горшка страшная пѣна и всплываетъ то голова, то рука, то нога человѣческая. Сказала она о томъ мужу: Никита пришелъ въ ужасъ, покаялся и сказалъ женѣ: иду въ монастырь.»

Никита Переславскій жилъ въ XII столѣтіи. Этотъ разсказъ, записанный въ житіи и до сихъ поръ живущій въ устахъ народа, указываетъ на свирѣпые нравы времени.

«Вотъ приходитъ Никита въ монастырь къ игумну и открываетъ ему грѣхъ свой. Никиту въ монастырь не принимаютъ. Онъ пошелъ, да и легъ въ ближнее болото, во стѣ саженяхъ отъ монастыря. Лежитъ онъ день, другой, третій, не ѣстъ и не пьетъ.... Вдругъ увидѣли монахи: надъ болотомъ столпъ комаровъ и мошекъ вьется отъ земли до самаго до неба. Вздивились они тому, пришли до того мѣста, смотрятъ: лежитъ Никита — они и взяли его съ собою. Тамъ онъ и постригся. Донынѣ, батюшка, на праздникъ Никиты Переславскаго, 26-го Мая, если случается ведряное время, столпъ комаровъ и мошекъ вертится на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ въ болотѣ лежалъ Никита, а въ другіе дни этого не бываетъ.

«Не долго прожилъ въ монастырѣ Никита. Онъ заключилъ себя въ столбѣ, что̀ стоитъ у большой дороги, и носилъ вериги. Сталъ служить народу, изцѣлять и творить чудеса, и много людей начало къ нему стекаться со всѣхъ сторонъ. Вотъ мытари, его бывшіе *содружебники*, позавидовали ему, что къ нему много народу приходитъ, и убили его. Вериги-то на немъ считали они золотыми или серебряными, сняли ихъ, повезли въ Ярославль; какъ привезли и увидѣли, что онѣ были желѣзныя, бросили ихъ въ рѣку Которость.... Вериги-то поплыли.»

Какія нравственныя мысли почерпаетъ народъ изъ этого разсказа? Гражданинъ, неправдами и разбоемъ достигшій крайнихъ предѣловъ порока, вдругъ раскаявается и въ смрадномъ болотѣ очищаетъ свое злодѣяніе. Постригшись въ монастырѣ, онъ не остается однако въ затворѣ обители. Заключивъ себя въ придорожномъ столбѣ, онъ служитъ народу словомъ, совѣтомъ, поученіемъ, врачевствомъ, милостынею. Чистая слава его и польза сзываютъ къ нему всѣхъ, но и порождаютъ зависть. Онъ, очищенный и прославленный, убитъ прежними своими друзьями, свидѣтелями его прежнихъ злодѣйствъ. И вотъ природа сама нарушаетъ для него законъ, чтобы почтить святаго, и желѣзо, удручавшее его тѣло, не тонетъ на водѣ, а сохраняется на память народу. Такъ самоочищеніемъ отъ всякой мерзости и благодѣяніями народу снискалъ Никита святость: онъ продолжаетъ служить ему и теперь.

Церковь во имя Князя Андрея Смоленскаго, гдѣ покоются его мощи, не сохранила ничего древняго. Усердіе поновило все.

Съ особенною грустью вспоминалъ мой Акимъ о прошломъ великолѣпіи Горицкаго монастыря, когда тамъ былъ Архіерейской домъ и когда Амвросій Бантышъ-Каменскій положилъ въ немъ основаніе Геѳсиманіи. Теперь уже все опустѣло — и только изрѣдка бываетъ служеніе. По мѣрѣ того, какъ идешь къ Данилову монастырю, и Горицкой вправо растетъ по горѣ и виднѣется яснѣе и красивѣе.

Отъ временъ древнихъ мы въ разговорѣ переходили и къ новымъ временамъ. Главный доходъ города — рыба, говорилъ Акимъ. Но рыбой завѣдываетъ не городъ, а особая рыбачья слобода. Рыбы столько въ озерѣ, что можно наловить, по крайней мѣрѣ, на 60,000 ассигнаціями въ годъ. Такъ по разсчету Акима, конечно, въ пять разъ преувеличенному его воображеніемъ противъ статистической дѣйствительности, которую предлагаютъ Владимірскія Губернскія Вѣдомости.—«Рыбаки, продолжалъ онъ, еще въ озерѣ запродали рыбу. Рыбаки Переславскіе не Русскіе, а все Чухна: переселены Петромъ Великимъ. У нихъ рѣчь-то хоть и Русская, да лица то вовсе не Русскія. Ростомъ малы, безобразны. Съ нами Русскими они не водятся — да и мы тоже съ ними. У нихъ и обычай другой, и нравы другіе, чѣмъ наши.» — Это замѣчаніе Акима мнѣ подтвердилось совершенно на томъ рыбакѣ, которому заказалъ я копченыхъ сельдей и лодку на озеро. Лицо у него чухонское, ростъ маленькой. Въ обращеніи смѣсь низости съ грубостью. «Сто разъ поклонюсь въ ноги, а не обидьте,» говорилъ онъ мнѣ, не будучи доволенъ никакою платою за своихъ сельдей. Никогда не скажетъ этого Русской простолюдинъ—и не будетъ кланяться въ ноги изъ лишняго алтына.

Я сдѣлаю замѣчаніе, относительно сближеній Русскаго народа съ иностранцами. Когда переселяется къ намъ человѣкъ отдѣльный изъ другаго народа, мы за него беремся и въ третьемъ поколѣніи претворяемъ его въ нашу собственную народность. Когда же переселяется цѣлое племя или колонія, тогда оно остается неприкосновеннымъ и никакъ не смѣшивается съ народонаселеніемъ Русскимъ. Возьмите въ примѣръ Нѣмецкихъ колонистовъ въ южныхъ губерніяхъ; возьмите Татаръ, Цыганъ, Чувашей, Мордву; сюда же относятся и Корелы, переселенные Петромъ Великимъ въ Переславскую рыбачью слободу. Они потеряли свой языкъ, но сохранили наружность и характеръ. Народъ нашъ не восприметъ въ себя другаго народа, изъ уваженія какъ къ своей собственной народности, такъ и къ чужой.

Въ монастырѣ Даниловѣ я, къ сожалѣнію, не нашелъ Настоятеля. Въ Ризницѣ не могли показать мнѣ ничего

примѣчательнаго. Любопытнѣйшія грамоты напечатаны въ описаніи обители, которое составлено изъ подлинныхъ монастырскихъ бумагъ и издано въ 1834 году. У раки Преподобнаго Даніила я увидѣлъ почтеннаго старца, который молился: сѣдой какъ лунь, высокаго роста, сложенія исполинскаго. Но старость брала уже свое въ его нетвердыхъ движеніяхъ. Этотъ поклонникъ Святаго, схоронившій жену свою въ монастырѣ и часто посѣщающій ея могилу, — тотъ самый Алексѣй Петровичь Столбовъ, который помогъ погорѣлымъ Переславцамъ. Воспоминаніе о мѣстѣ, гдѣ почиваетъ Преп. Даніилъ, слилось въ моемъ воображеніи съ величавымъ видомъ благочестиваго старца.

Акимъ возилъ меня на своей тележкѣ въ Веськово, село, близъ котораго хранится ботикъ Петра Великаго. Народъ изготовлялъ дорогу для сановнаго лица. Влѣво на горѣ виденъ Горицкій монастырь во всей красотѣ своей. За Веськовымъ на мѣстѣ, называемомъ Гремячь, находится домикъ, достроенный Августа 1-го дня 1803 года, и въ которомъ, по желанію Переславскихъ дворянъ, разрѣшено было хранить ботикъ Петра Великаго. Березовая аллея ведетъ къ нему. На этомъ самомъ мѣстѣ былъ дворецъ Петра. Остатки его вовсе не существуютъ, но кой-гдѣ на землѣ видны еще слѣды основаній зданію. Березы, саженныя Петромъ Великимъ, срублены чьею-то рукою. Осталось двѣ, но это едва ли не внучки прежнихъ. Акимъ, который все знаетъ, увѣрялъ, что въ этомъ дворцѣ, когда онъ былъ цѣлъ, жили фрейлины Ягужинскія; послѣ онѣ постриглись въ Ѳедоровскомъ монастырѣ. Ботикъ поставленъ въ большой залѣ: вотъ зерно Русскаго флота! вотъ игрушка отважнаго Петра, которому Переславское озеро было первою школою мореплаванія! Сюда уѣзжалъ онъ изъ Москвы отъ матери, подъ предлогомъ, что ѣдетъ молиться къ Троицѣ. Здѣсь тѣшилъ юный духъ свой и воображалъ себѣ море. Число Августа 1-е, выставленное на домикѣ, напоминаетъ тотъ крестный ходъ на озеро 1692 года, когда Царь самъ, при погруженіи креста въ воду, палилъ изъ пушекъ съ своихъ фрегатовъ.

Прочная постройка ботика весьма примѣчательна. Онъ вмалѣ пророчитъ что-то великое. Тутъ навалены якори, мачты, топоры, канатъ, разныя снасти.... Объ этомъ-то корабельномъ хламѣ народъ говоритъ, какъ я слышалъ отъ извощика, что все тутъ есть, всякое снадобье, все дѣлалъ Царь, все самъ — и даже лапоть крестьянскій плелъ да не доплелъ: сказалъ, что это самая трудная работа.

Въ верхнемъ этажѣ домика хранятся остатки оконъ изъ слюды отъ прежняго дворца. По слюдѣ изображены красками воины и горожане въ разныхъ костюмахъ, Русскихъ, но болѣе Голландскихъ. Вѣроятно, дѣланы въ Голландіи.

Тутъ же въ особомъ столѣ хранится и указъ Петра Великаго, писанный его собственною рукою:

Указъ Воеводамъ Переславскимъ.

«Надлежитъ вамъ беречь остатки кораблей, яхтъ и галеры, а буде опустите, то взыскано будетъ на васъ и на потомкахъ вашихъ, яко пренебрегшихъ сей указъ.»

Петръ.

Въ Переславлѣ, въ 7 день Февраля 1722 года.

Строгой указъ, какъ видимъ, строго и исполняется.

Когда выйдешь изъ этого домика къ берегу, открывается очаровательный видъ на озеро, на городъ вдали, на монастырь Горицкой. День былъ прекрасный, вѣтеръ совсѣмъ утихъ, ровно и спокойно разстилалось голубое озеро и напоминало своимъ цвѣтомъ отчасти лазурь средиземную. До сихъ поръ я помню это впечатлѣніе. Странно, какъ мы не умѣемъ наслаждаться тѣмъ прекраснымъ, которое у насъ подъ рукою. Подумаешь: во 120 верстахъ отъ Москвы, по гладкому шоссе, которое скоро вполнѣ будетъ окончено, лежитъ это прекрасное озеро съ своими окрестностями. И никто изъ насъ никогда не вздумаетъ прокатиться сюда, чтобы полюбоваться на его чудныя волны, заглянуть въ его серебряное дно, посмотрѣть на прекрасные виды, его окружающіе. Когда Русская жизнь внутри отечества забьетъ сильнѣе, когда мы сознаемъ красоты и блага земли своей, когда отъ одного пустаго комфорта, вкусныхъ обѣдовъ и безконечнаго преферанса перейдемъ

къ чистымъ и благороднымъ наслажденіямъ мыслящей жизни: тогда, подъ тысячами веселъ, заплещутъ волны Переславскаго озера, запестрѣютъ разноцвѣтные флаги судовъ, раздастся одна полная хоровая пѣсня — и будутъ пѣть ее тысячи голосовъ! Это мечта — скажутъ мнѣ? Нѣтъ, это сбудется непремѣнно. Не все же намъ дремать въ праздной скукѣ! Не понапрасну же Богъ расточилъ по землѣ Русской красоты Своей природы! Не для однихъ же сельдей существуетъ Переславское озеро. Гуляла же по немъ яхта Петра Великаго — и раздавалась его потѣшная пальба. Церковь совершаетъ по Трубежу и по водамъ озера торжественное плаваніе въ лодкахъ съ хоругвями и иконами, въ шестое воскресенье послѣ Пасхи, при звонѣ всѣхъ колоколовъ Переславскихъ, при пѣніи клира, въ сопровожденіи многочисленнаго народа. Если Церковь въ своихъ торжественныхъ молитвахъ освящаетъ намъ красоты природы, отъ чего же мы не пользуемся ими для благородныхъ общественныхъ наслажденій — и дремлютъ понапрасну воды озера, какъ дремлетъ тамъ и наша Русская жизнь безъ мысли, безъ чувства, безъ пѣсень и безъ чистыхъ радостей? Отъ чего такъ сонны и праздны и скучны наши красивые города? Отъ чего какъ будто не для нихъ эти голубыя, многоводныя рѣки? не для нихъ густая тѣнь лѣсовъ и широкое раздолье полей?

Послѣдніе часы въ Переславлѣ провелъ я въ бесѣдѣ съ почтенными представителями Владимірскаго и Переславскаго Дворянства. А. А. Б., слушавшій у меня лекціи Словесности на первомъ курсѣ, теперь Почетнымъ Смотрителемъ Переславскихъ училищъ. Въ уѣздномъ 84 ученика — и въ томъ числѣ 12 дворянскихъ дѣтей; въ двухъ приходскихъ по 56; въ женскомъ 42 дѣвочки. Молодые дворяне наши, живущіе по деревнямъ семейно, весьма охотно занимаются земледѣліемъ, не по системамъ западной Европы, а практически, согласно съ потребностями жизни и края. Отвлеченныя статьи журналовъ, по большей части, не удовлетворяютъ ихъ. Лучше бы было, если бы они писали сами по своимъ собственнымъ опытамъ и наблюденіямъ и обмѣнивались другъ съ другомъ такими свѣдѣніями.

Губернскій Предводитель Владимірскаго Дворянства сообщилъ мнѣ много дѣльныхъ свѣдѣній о своей губерніи, которую, какъ видно, онъ изучаетъ внимательно Есть мысль прекрасная: составить мѣстное археографическое общество для того, чтобы совокупными силами привести въ извѣстность, сохранить и поддержать, описать и издать въ рисункахъ всѣ памятники древности, которыми такъ богата Владимірская губернія. Пожелаемъ отъ души, чтобы это благородное предпріятіе исполнилось.

Встрѣчаются иногда такія прекрасныя мысли въ нашемъ просвѣщенномъ сословіи. Но есть препятствія къ исполненію ихъ — и болѣе всего заключаются они въ томъ, что западная цивилизація породила въ насъ множество нуждъ роскоши, удовлетвореніе которыхъ для насъ необходимо, потому что вошло въ привычку и даетъ намъ признаки внѣшней образованности, а между тѣмъ обходится намъ чрезвычайно дорого и отнимаетъ средства для исполненія другихъ высшихъ потребностей.

РОСТОВЪ.

Монастырь Никиты Переславскаго. — Преданіе объ исцѣленіи Князя Михаила Черниговскаго. — Шоссе.—Ярлыкъ. — Іаковлевскій монастырь.— Видъ на озеро. — Училища. — Гостинницы. — Соборная церковь. — Ростовскіе чудотворцы. — Гробницы. — Иконы. — Измѣненіе одной главы въ пять главъ. — Солнечные часы. — Соборная колокольня и ея звоны. — Ростовскій Кремль. — Церковь крестовая въ Архіерейскомъ домѣ. — Мѣсто кончины Святителя Димитрія. — Палаты: бѣлая и красная. — Исидоръ Хріста ради юродивый. — Авраамієвъ Богоявленскій монастырь.— Преданіе о сокрушеніи идола Велеса. — Другія преданія о Св. Аврааміи.— Петровскій монастырь. — Житіе Петра Царевича. — Собраніе портретовъ въ келліяхъ О. Архимандрита Поликарпа. — Ризница монастыря Іаковлевскаго. — Колесница Святителя Димитрія.—Вечерній видъ съ башни на озеро и городъ.— Сцены изъ народной жизни.

Солнце клонилось къ закату, когда мы выѣзжали изъ Переславля. Влѣво разстилалось гладкое озеро, облитое солнечнымъ свѣтомъ. Монастырь Св. Никиты Переславскаго возвышался ближе къ озеру на пригоркѣ, окруженный болотистою почвою, которая напоминаетъ о чудѣ Святаго. Не подалеку отъ дороги каменная часовня и въ ней крестъ, поставленный въ память изцѣленія Черниговскаго Князя Михаила.

Князь былъ одержимъ тяжкимъ недугомъ. Члены тѣла его разслабли. Много имѣнья раздавалъ онъ церквамъ Божіимъ. Не было помощи. Вотъ услыхалъ онъ о чудотворцѣ Никитѣ и его изцѣленіяхъ. Велѣлъ изготовить себѣ лошаковъ, взялъ съ собою двухъ бояръ да нѣсколько слугъ, поѣхалъ къ Переславлю, расположился станомъ у города и забылся сномъ. Изъ монастыря Св. Никиты выходитъ бѣсъ въ видѣ черница, какъ будто за какою-то потребою. Князь повелѣлъ спросить его о святомъ старцѣ: бѣсъ называлъ Никиту обманщикомъ и скрылся. Въ отчаяніе впалъ Князь Михаилъ, не зналъ что̀ и дѣлать, еще мало прошелъ

пути: опять встрѣтилъ того же бѣса подъ видомъ другаго чернца, который сказалъ ему тоже слово и прибавилъ, что напрасно Князь трудился проходя такой долгой путь, сказалъ и исчезъ. Тогда Михаилъ замѣтилъ козни дьявольскія и продолжалъ свой путь. За версту до монастыря нашелъ онъ мѣсто прекрасное, и приказавъ раскинуть на немъ для себя шатеръ, послалъ боярина къ старцу, увѣдомить его о своемъ приходѣ. Снова тотъ же бѣсъ попался на встрѣчу боярину, въ образѣ рыжаго и криваго чернца, съ заступомъ въ рукахъ, и сказалъ уже, что старецъ умеръ и онъ его зарылъ. Но бояринъ запретилъ ему молитвою преподобнаго чудотворца, и бѣсъ сталъ недвижимъ. Дошедъ до столпа, гдѣ заключенъ былъ Никита, бояринъ повѣдалъ ему о приходѣ Князя, о тяжкомъ его недугѣ, и получилъ цѣлительный жезлъ отъ Никиты. Князь, взявъ жезлъ, возвратилъ внезапно силы, самъ пошелъ къ столпу, принялъ благословеніе отъ старца, и передалъ ему клеветы и козни бѣса. Святой наказалъ сего послѣдняго тѣмъ, что велѣлъ ему три часа стоять, прилѣпясь къ стѣнѣ столпа; бѣсъ сознавался въ своихъ обманахъ, клялся, что не будетъ дѣлать пакостей людямъ, и отосланъ былъ въ бездну къ отцу своему сатанѣ. Князь же велѣлъ поставить крестъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ былъ прощенъ отъ недуга, и одаривъ монастырь, уѣхалъ во свояси. А преподобный Никита не переставалъ, и днемъ и ночью, молиться за него, за священниковъ, за иноковъ, за всѣхъ Православныхъ, о плодоношеніи земли, о избавленіи отъ иноплеменныхъ.

Крестъ, водруженный въ часовнѣ, стоящей на мѣстѣ шатра, съ изображеніями по стѣнамъ внутри, напоминаетъ о чудѣ изцѣленія. Самый столпъ Никиты стоитъ у большой дороги, которая и теперь пролегаетъ согласно древнему преданію.

Чудное шоссе катилось подъ нами ровной гладью, да мы-то къ сожалѣнію не могли по немъ катиться. Обывательская тройка тащила насъ очень вяло. Везъ крестьянинъ, живущій отъ Переславля за 50 верстъ. Онъ никогда не

бывалъ въ этой сторонѣ, и все окружавшее приводило его въ такое изумленіе, что онъ самъ не понималъ, гдѣ находится. Между тѣмъ дѣятельно убиралась дорога. Мужики скашивали по ней мураву. Рвы выравнивались въ ниточку. Почтовыя лошади тяжелымъ, огромнымъ каткомъ укатывали дорогу и крушили свѣжій щебень.

Новый европейскій путь много измѣнилъ впечатлѣнія, васъ окружающія. Мнѣ было тринадцать лѣтъ, когда я въ первый разъ ѣхалъ изъ Переславля въ Ростовъ. Помню, какъ изъ одного села мы переѣзжали въ другое. Теперь дорога пуста. Села отошли въ сторону. Соображенія инженерныя требовали такихъ измѣненій. Новыя деревни, новыя села выстроются по новой дорогѣ. Въ одномъ мѣстѣ, шоссе катится по топи непроходимой, гдѣ, конечно, никогда не бывала человѣческая нога. Это чудо инженернаго искусства. Настъ шоссе на нѣсколько сажень возвышается надъ болотами, которыхъ влажныя испаренія обдавали насъ пронзительной сыростью. Не льзя не любоваться этой смѣлой насыпью. Петровскъ, заштатный городокъ, гдѣ станція, выигралъ много отъ шоссе. Домики такъ и подымаются другъ за дружкой. Домъ станціонный очень красивъ и хорошо убранъ. Вездѣ смотрители учтивые, предупредительные, съ новыми формами цивилизаціи. Все пришлое по новой дорогѣ.

Послѣднюю станцію къ Ростову ѣхали мы ночью. Европейская цивилизація гладкимъ путемъ своимъ убаюкивала меня въ моемъ тарантасѣ и обезпечивала мой сонъ отъ толчковъ и другихъ болѣе непріятныхъ приключеній. Но вдругъ и она разбудила меня неожиданнымъ образомъ. У шоссейнаго шлагбаума потребовали Мытищенскаго ярлыка, о которомъ солдатъ сказалъ, что могу съ нимъ сдѣлать все что̀ угодно. Какъ что̀ угодно? Вотъ гдѣ его надобно отдать. Смотритель, въ просонкахъ, настойчиво требуетъ ярлыка съ меня, также полусоннаго. Давай искать, шарить по всѣмъ карманамъ, и въ портфёлѣ, и въ записной книжкѣ. Нѣтъ какъ нѣтъ. Надобно было вновь заплатить что-то. Въ другой разъ, коль случится, будемъ помнить.

Ночь лишила насъ возможности любоваться издали на Ростовъ, на его озеро, на монастырь Іаковлевскій. За пять верстъ до города, отъ Песочнаго, какъ говорятъ, или Песоцкаго, какъ напечатано на картѣ, начинается этотъ видъ. Былъ часъ ночи. Лишь только стали мы подъѣзжать къ самой гостинницѣ монастыря, насупротивъ стѣнъ его, какъ тарантасъ мой повалился на бокъ. «Ось съ трескомъ пополамъ!..» Ужъ если надобно было сломаться оси, то не льзя же было сломаться ей благоразумнѣе, какъ въ двухъ шагахъ отъ гостинницы. Случись это верстъ за пять отъ города, каково бы? — Непріятное приключеніе не помѣшало мнѣ, однако, любоваться бѣлыми стѣнами, башнями и главами обители, которыя, какъ величавые призраки, подымались въ ночи передо мною.

Утро было прекрасное: солнце свѣтило во все небо. Давно монастырскій колоколъ призывалъ къ молитвѣ. Раннюю обѣдню выслушалъ я въ придѣлѣ Св. Іакова, строенномъ на иждивеніи Графини А. А. Орловой. Церковь потому и называется Орловскою. Убранство ея великолѣпное. Вся она росписана Ярославскимъ мастеромъ Медвѣдевымъ. На потолкѣ изображенъ Соборъ всѣхъ Святыхъ. Характеръ живописи Итальянскій. Слѣдъ академическаго вліянія прошелъ вездѣ. Вѣдь есть же у насъ поприще для художниковъ. Благочестивые вельможи платятъ богато. Церковь своими превосходными преданіями предлагаетъ богатѣйшее содержаніе. Художники не скованы ни требованіями, ни особенными условіями. Искусству дана свобода. Отъ чего же нѣтъ великихъ произведеній? Отъ того, что одно подражаніе не создастъ ихъ. Нуженъ свой духъ, своя жизнь.

На паперти вы поклонитесь гробницамъ Амфилохія гробоваго и Иннокентія Архимандрита, недавно почившаго. Войдя въ главный соборъ, я вспомнилъ мое дѣтство, когда въ первый разъ съ благоговѣніемъ преклонялся передъ ракою Святителя Димитрія. Тогда былъ 1818 годъ, годъ вступленія моего въ Университетскій пансіонъ. Помню святое, изможденное лицо семидесятилѣтняго старца Амфилохія,

который тогда благословилъ меня. Въ 1824 году скончался онъ, какъ значится на его гробницѣ, у которой горитъ передъ образомъ неугасимая лампада.

Съ монастырской колокольни я любовался утреннимъ видомъ на озеро Ростовское или Неро. Оно цвѣту темнаго, не такъ какъ Плещеево. Сорокъ селъ прилегаетъ къ нему кругомъ. Храмы ихъ возвышаются отовсюду. Между ними село Порѣчье, съ высокою колокольней, лежитъ все въ цвѣтущихъ садахъ и зеленѣющихъ огородахъ. Городъ Ростовъ тянется по озеру на далекомъ пространствѣ. Онъ построился раздольно, какъ всѣ наши древніе города. Двадцать двѣ церкви составляютъ его благолѣпіе. Середи озера виденъ островъ, покрытый травою. Онъ принадлежитъ Дѣвичьему монастырю. Сѣнокосъ простирается и сюда.

Прежде всего познакомился я съ своими сослуживцами. Штатный Смотритель А. В. Ушаковъ сообщилъ мнѣ, что въ уѣздномъ училищѣ 84 ученика, а въ двухъ приходскихъ по 56-ти; въ женскомъ учебномъ заведеніи 42 ученицы. Изъ дворянъ учениковъ нѣтъ. Обиліе церквей и грамотнаго духовенства причиною тому, что число учениковъ въ училищахъ не умножается. Многіе горожане предпочтительно отдаютъ дѣтей своихъ на выучку дьяконамъ и причетникамъ. Древняя довѣренность къ духовному сословію еще сохранилась въ народѣ относительно образованія. Къ тому же и желаютъ болѣе наставленія церковнаго, нежели ученья свѣтскаго.

Наши монастыри въ старинныхъ городахъ продолжаютъ еще имѣть свое вліяніе, даже въ отношеніи къ первымъ потребностямъ городской жизни. Есть въ городѣ двѣ гостинницы, на большой площади: онѣ называются Европа и Россія, и соперничествуютъ другъ передъ другомъ. Судя по именамъ, можно бы было подумать, что и въ Ростовъ проникли два направленія: Западное и Русское. Но лучшая гостинница все-таки принадлежитъ монастырю. Плата остается на произволѣ добраго усердія къ обители. Экипажа вы не можете нанять въ городѣ. Извощиковъ нѣтъ. А между тѣмъ разстоянія огромны. Гостепріимство Архиман-

дрита обители и здѣсь удовлетворяетъ вашей потребности. Я буду всегда съ признательностію помнить радушный пріемъ и обязательныя услуги достопочтеннаго Отца Архимандрита Поликарпа, племянника Иннокентіева, который теперь правитъ монастыремъ.

Мнѣ пріятно было познакомиться съ Протоіереемъ Успенскаго Ростовскаго собора, Андреемъ Тимоѳеевичемъ Тихвинскимъ, въ которомъ я нашелъ просвѣщеннаго любителя и знатока Ростовской древней святыни. Подъ его руководствомъ осмотрѣлъ я соборъ, который составляетъ первую несомнѣнную древность города и строеніемъ своимъ относится къ 1230 году, при Константинѣ Всеволодовичѣ. Подробное описаніе всей святыни, въ немъ содержащейся, было напечатано въ Чтеніяхъ Историческаго Общества. Къ нему отсылаю любопытныхъ (*).

По величавости стиля и благоговѣйному впечатлѣнію цѣлаго зданія, Ростовскій соборъ есть одно изъ прекраснѣйшихъ произведеній нашего храмоваго Зодчества. Имена Святителей и Чудотворцевъ Ростовскихъ: Леонтія, Исаіи и Игнатія, почивающихъ въ соборѣ, неумолкаемо раздаются въ молитвахъ, къ нимъ возсылаемыхъ. Леонтій, первый, стойкостью своего характера, распространилъ ученіе Христово середи невѣрныхъ Ростовцевъ, и видя, что старцы упорны, старался насаждать его въ младенцахъ. Въ похвалѣ ему, сопровождающей Житіе его, читаемъ слова̀, написанныя въ подражаніе тѣмъ, какими Св. Иларіонъ восхвалялъ Св. Владиміра, крестителя Русской земли: «Хвалитъ бо Римская земля Петра и Павла, Греческая земля Константина Царя, Кіевская земля Владиміра Великаго Князя; Ростовская же земля вся тебе хвалитъ, великый Святителю Леонтіе, ублажаетъ створшаго дѣло равно Апостоломъ: радуйся!» Исаія, наслѣдникъ Леонтія, довершилъ его дѣло—водвореніе Христіанства въ Ростовской землѣ; а Игнатій правилъ паствою въ тяжкое время Татарщины. Въ алтарѣ храма поклоняются

(*) См. Годъ третій. № 2. Древнія святыни Ростова Великаго. Сочиненіе Графа М. Толстаго.

еще частямъ животворящаго древа Креста Господня и мощей другихъ Ростовскихъ Чудотворцевъ и иныхъ Святыхъ. Пелена древняя, шитая при Василіи Васильевичѣ Темномъ, съ изображеніемъ Святителя Леонтія, была отыскана и возстановлена Протоіереемъ. Въ церкви подъ спудомъ почиваетъ Св. Θеодоръ, племянникъ Преп. Сергія Радонежскаго, строитель Симонова монастыря и въ немъ предмѣстникъ Кирилла Бѣлозерскаго. Гробницы Митрополитовъ Ростовскихъ тутъ же привлекаютъ вниманіе путника: съ особеннымъ любопытствомъ остановишься передъ гробницею Митрополита Іоны Сысоевича, этого неутомимаго храмоздателя, который своею дѣятельностію столько украсилъ Ростовъ.

Владимірская икона Богоматери, вышедшая чудомъ изъ мастерской Алипія иконописца Кіевопечерскаго и спасенная отъ столь многихъ пожаровъ и разрушеній, наканунѣ 1-го Іюля, отправилась въ Ярославль. Такія шествія совершаетъ она ежегодно въ это самое время. Замѣчательно сходство сего установленія съ подобнымъ ему въ Москвѣ, гдѣ также икона Богоматери Владимірская посѣщаетъ различныя обители и церкви. Здѣсь же эти шествія совершаются всенародно по большимъ дорогамъ.

Изъ другихъ иконъ замѣчательно Распятіе, окруженное изображеніями страданій І. Х. въ маломъ видѣ. Нѣкоторыя прекрасны, особенно снятіе со Креста. Образъ писанъ на стеклѣ по основѣ золотой и мозаиковой. Икона относится ко времени Царя Михаила Θеодоровича.

А. Т. Тихвинскій сообщилъ мнѣ любопытныя свои наблюденія относительно архитектуры храма. По всѣмъ признакамъ теперешняго строенія ясно видно, что соборъ первоначально построенъ былъ объ одной главѣ, а послѣ уже придѣланы четыре другія и измѣнена крыша (*).

(*) Этому подтвержденіе находитъ Графъ Толстой въ описаніи пожара, который былъ въ Ростовѣ въ 1408 году и описанъ въ чудесахъ Святителя Леонтія. «Комары жъ великыя падоша и *лобъ* церковный позлащенный паде внутрь.» Авторъ статей о святыняхъ Ростова переводитъ это мѣсто такъ: пали внутрь своды и глава. По мнѣнію автора, Лобъ

Отсюда произошла темнота въ храмѣ, потому что продольные окна шеи купола были задвинуты боковыми главами. Иконостасъ не могъ быть уже такъ ясно освѣщенъ, какъ былъ прежде. Равно и внутренность всего храма утратила надлежащее освѣщеніе. Вотъ почему оказалось нужнымъ прорубить въ стѣнахъ окна, гораздо шире противъ прежняго. Это обезобразило архитектуру. Узкія окна, сквозь которыя врѣзаются лучи солнца, какъ воздушныя струны вдоль по зданію, гораздо приличнѣе характеру этого зодчества, чѣмъ широкія. Когда совершена эта перемѣна въ пользу пятиглавія, неизвѣстно. Протоіерей сказывалъ мнѣ, что если бы захотѣли возобновить этотъ храмъ въ древнемъ его видѣ съ одною главою, это было бы совершенно возможно, хотя, разумѣется, и сопряжено съ большими издержками: такъ явно сохранились еще слѣды прежней формы и послѣдовавшей перемѣны.

Вышедъ изъ собора, мы взглянули на солнечные часы, устроенные самимъ Протоіереемъ. На нихъ надпись: сдѣланы по руководству Протоіерея Андрея Тимоѳеевича Тихвинскаго, для широты 57° 20′, въ 1832 году. Широту опредѣлилъ самъ устроитель часовъ, занимающійся и астрономіей. Не имѣя отличныхъ инструментовъ, онъ сдѣлалъ что могъ. Эти часы служатъ повѣркою для часовъ всего города. Опытъ доказалъ ихъ вѣрность.

Соборная колокольня замѣчательна своимъ устройствомъ и музыкальными звонами колоколовъ своихъ. Звоны названы по именамъ учредителей: Іонинъ по имени Митрополита Іоны Сысоевича, который съ 1652 года по 1691, въ теченіи 39-ти лѣтъ, правилъ Митрополіею Ростовскою.

церковный значитъ глава. Академическій Словарь объясняетъ это слово церковнымъ сводомъ. Но два примѣра, приведенные въ Словарѣ, не противорѣчатъ объясненію Гр. Толстаго, и едва ли оно совершенно не останется за нимъ, когда прочтемъ это слово въ слѣдующемъ мѣстѣ описанія чудесъ Свят. Леонтія: «Григорію боголюбивому Епископу попеченіе веліе имѣющу о соборнѣй церкви святыя Богородица: еже содѣлати комары великія и *шею* и *лобъ* изгорѣвшія церкви отъ пожара.»

Георгіевскій, который особенно хорошъ, какъ говорятъ знатоки, принадлежитъ Архіепископу Георгію Дашкову, правившему Ростовомъ уже по уничтоженіи Митрополіи съ 1718 года по 1731. Іоакимовскій по имени Архіепископа Іоакима (1731—1741). Колокола висятъ въ линію и различаются вѣсомъ: первый въ 2000 пудъ, второй въ 1000, третій въ 500 и т. д. до 20 пудовъ и менѣе. Всѣхъ колоколовъ 13. Звонари становятся такъ, что могутъ видѣть другъ друга и соглашаться въ тактѣ. Это одно изъ условій гармоніи. Митрополитъ Платонъ пріѣзжалъ слушать эти звоны и хотѣлъ учредить у себя такіе же въ Виѳаніи. Но ему сказали: дайте такую же колокольню и такіе же колокола.

Ростовскій Кремль, съ своею каменною обширною оградой, съ десятью круглыми башнями, съ крытою галлереей по стѣнѣ, съ пятью храмами и развалинами Архіерейскаго дома, не есть памятникъ Государственной и гражданской дѣятельности Ростова, какъ Московскій Кремль и Новгородскій, а памятникъ церковной іерархіи нашей, свидѣтель временъ Патріаршества, когда духовная власть въ Россіи стремилась къ тому, чтобы облечься величавыми образами власти свѣтской. Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ подробнаго жизнеописанія Ростовскаго Митрополита Іоны III Сысоевича; но знаемъ, что онъ хиротонисанъ былъ въ Митрополиты въ тотъ самый 1652 годъ, когда Никонъ возведенъ былъ на престолъ Патріаршескій. Долговременное пребываніе его на одной и той же паствѣ и отдаленіе Ростова отъ Москвы давали ему возможность дѣйствовать самостоятельнѣе.

Весь этотъ величавый Кремль, теперь развалина, обросшая кустами, травою и мхомъ, ограждаетъ домъ или правильнѣе, дворецъ Архіерейскій, гдѣ живали Митрополиты. Теперь это другая великолѣпная развалина, замѣчательная внѣшнимъ рисункомъ архитектуры. Есть различіе между нижнимъ этажемъ, который строенъ Митрополитомъ Іоною, и верхнимъ, который надстроенъ позднѣе Архіепископомъ Самуиломъ Миславскимъ, впослѣдствіи Митрополитомъ Кіевскимъ. По всей вѣроятности, древнія зданія послужили

основаніемъ для всѣхъ этихъ построекъ. Церковь во имя Воскресенія Хрістова надъ вратами строена Митрополитомъ Іоною, о пяти главахъ. Здѣсь пятиглавіе очевидно задумано съ перваго раза, и нѣтъ слѣдовъ перестройки, какъ въ соборной церкви. Церковь Одигитріи строена при наслѣдникѣ Іоны, Митрополитѣ Іосафѣ Лазаревичѣ, объ одной главѣ. Церковь Св. Іоанна Богослова существовала въ древнія времена, но перестроена вновь Митрополитомъ Іоною. Церковь Св. Григорія Богослова воздвигнута, какъ предполагаютъ, на мѣстѣ бывшаго Григорьевскаго монастыря, гдѣ находилась древняя библіотека, и гдѣ Стефанъ Пермскій, въ XIV вѣкѣ, учился Греческому языку, и могъ извлечь отчасти изъ Греческихъ книгъ свое посланіе къ Димитрію Донскому.

Всѣхъ замѣчательнѣе церковь Спасская, во имя Всемилостиваго Спаса, крестовая церковь Архипастырей Ростовскихъ, прилежащая къ самому дому. По развалинамъ стѣны или галлереи, мы должны были проходить къ ней, опасаясь проваловъ. Эта церковь, которой изображеніе приложено къ описанію Графа Толстаго, любопытна своимъ страннымъ расположеніемъ. Можно и на рисункѣ видѣть, что не только алтарь, но и самый клиросъ, отдѣленъ отъ народа и церкви ступенями и перегородкою, утвержденною на большихъ круглыхъ столбахъ. Это устройство храма таково, что почти совсѣмъ закрываетъ богослуженіе отъ глазъ народа. Когда станутъ на обѣихъ сторонахъ клироса пѣвчіе, да сядетъ Архіерей, для котораго съ правой стороны есть мѣсто, то народъ можетъ видѣть только пѣвчихъ спиною къ нему стоящихъ, Архіерея сидящаго, также спиною, и Царскія двери; иконостасъ же, это небо храма, къ которому устремляются и въ которомъ соединяются молитвенные взоры народа, какъ взоры всего человѣчества встрѣчаются на свѣтилахъ небесныхъ, оставался бы совершенно закрытъ. Кругомъ всей церкви, гдѣ стоять народу, видны только одни страшныя изображенія казней за преступленія противъ Церкви. Всего же разительнѣе Страшный Судъ, представленный въ видѣ грозныхъ мученій, и прежде всего по-

ражающій взоры входящаго, даже прежде чѣмъ успѣетъ онъ обратить ихъ на святыню церкви Божіей. Во всемъ этомъ расположеніи видно какое-то странное стремленіе отдѣлиться отъ народа, стремленіе, чуждое нашему Православію, по смыслу котораго молящійся въ церкви народъ также тѣсно соединенъ съ алтаремъ, какъ и сама церковь съ главою своимъ, Христомъ.

Покинувъ храмъ, мы видѣли издали въ развалинахъ дома Архіерейскаго тѣ покои, въ которыхъ жилъ Святитель Димитрій, и тотъ самый уголъ, гдѣ онъ въ молитвѣ отдалъ душу Богу. Хотя Самуилъ и перестроилъ эти комнаты; но мѣсто все-таки осталось извѣстнымъ. Лучи солнца ярко освѣщали его, падая въ отверстія, гдѣ прежде были окна. Кругомъ одно запустѣніе. Здѣсь-то Святитель слушалъ своихъ любимыхъ пѣвчихъ, которые пѣли ему духовныя пѣсни, имъ же сложенныя, и слушалъ ихъ въ самый день своей кончины, стоя у печки и «грѣяся сердцемъ.» Здѣсь, отпустивъ ихъ, остался онъ наединѣ съ любимымъ пѣвцомъ своимъ и помощникомъ въ трудахъ своихъ, разсказалъ ему, какъ онъ жилъ и какъ молился; прощаясь съ нимъ, земнымъ поклономъ благодарилъ его за труды въ переписываніи его сочиненій, отпустилъ слугъ своихъ, каждаго въ свое мѣсто, и самъ затворясь въ малой своей келліи, сталъ на колѣна, погрузился въ молитву и такъ умеръ.

Въ самомъ дворцѣ Архіерейскомъ всего лучше сохранились двѣ палаты: одна изъ нихъ называется *Бѣлою* и архитектурой напоминаетъ Московскую Грановитую. Остатки лѣпныхъ украшеній обнаруживаютъ большой вкусъ. Здѣсь была трапеза Митрополита, гдѣ угощалъ онъ все духовенство. Другая палата *Красная*, почти вся въ развалинахъ! Здѣсь угощаемы были свѣтскіе чины. Это почти царскіе чертоги, напоминающіе старину Кремлевскаго дворца. Вездѣ слѣды того же, что̀ видимъ въ Исторіи Патріаршества: всѣ чины Двора, всѣ аттрибуты власти окружаютъ Патріарха, хотя въ ме́ньшихъ размѣрахъ. Въ этомъ великолѣпіи Кремля Ростовскихъ Митрополитовъ и палатъ Дворцовыхъ тѣже мысли. Но такъ какъ онѣ нисколько не

принадлежали къ существу нашей Церкви, и властолюбіе мірское могло быть только временнымъ поползновеніемъ нѣкоторыхъ лицъ духовныхъ, то и миновало все это безъ участія и сожалѣнія. Прахъ и развалины остались на этихъ мѣстахъ. Жаль однако, что архитектура этихъ, прежде жилыхъ зданій не возобновится для какого нибудь инаго, болѣе полезнаго назначенія для самой нашей Церкви, нежели царственное великолѣпіе ея Пастырей. Жаль, что опустѣли нѣкоторые изъ этихъ благолѣпныхъ храмовъ. Кучи пустыхъ бочекъ лежатъ у развалинъ, напоминающихъ XVII столѣтіе.

Церковь Св. Вознесенія Христова, гдѣ почиваютъ мощи Св. Исидора, Христа ради юродиваго, строена при Іоаннѣ Грозномъ, объ одной главѣ. Здѣсь, на этомъ самомъ мѣстѣ, тому почти три столѣтія, было болото — и на немъ, въ хворостинной кущѣ, жилъ Исидоръ. Днемъ онъ юродствовалъ по улицамъ въ народѣ; ночью приносилъ молитвы Богу за народъ. Откуда пришелъ онъ къ намъ? Изъ Германіи, гдѣ родился отъ богатыхъ и славныхъ родителей, и воспитанъ въ Латинской вѣрѣ. И вотъ этого Нѣмца святая Вѣра такъ породнила съ нами, что онъ сдѣлался народнымъ Святымъ. *Твердисловомъ* назвалъ его народъ— и Церковь величаетъ его въ стихѣ своемъ подъ симъ именемъ: «Твердисловъ въ правду тезоименно наречеся, утвердивъ убо умъ и со словомъ вкупѣ, еже къ Богу обѣща.» Жилъ онъ на болотѣ, а совершалъ чудеса вдали отъ Ростова. Ѣхалъ Ростовскій купецъ на кораблѣ по морю за товаромъ; поднялась буря; суевѣрные корабельщики умыслили на купца, и посадивъ его на доску, спустили въ море. Юродивый предсталъ на морѣ утопавшему земляку и спасъ его отъ погибели. — Въ другой разъ, въ Ростовѣ, Князь готовилъ угощеніе Епископу у себя въ домѣ. Приходитъ юродивый въ домъ и проситъ пить у дворецкаго, который занятъ былъ приготовленіемъ пира. Съ ругательствомъ отказалъ Исидору дворецкой. Но вотъ настаетъ пиръ. Епископъ обѣдаетъ у Князя. Подаются блюда—и подходитъ время къ питію. Князь велитъ виночерпіямъ подносить

питье, а питья нѣтъ ни въ одномъ сосудѣ. Ужаснулись слуги; разсказали что̀ случилось; ищутъ по всему городу Сидора. Наконецъ, онъ самъ приходитъ; приноситъ Епископу просфору отъ Митрополита Кіевскаго, — и тотчасъ же всѣ пустые сосуды наполняются виномъ, и возрадовались Князь и Епископъ, и прославили о томъ Бога.

Исидоръ скончался въ 1474 году, 14-го Маія. По благоуханію, которое наполнило весь городъ отъ его кущи, узнали о его смерти. У тѣла его совершились многія чудеса. Человѣкъ отъ пьянства лишился ума; началъ бить людей; связали его; привели насильно ко гробу блаженнаго; онъ кричалъ, говорилъ нелѣпости, металъ на всѣхъ дикіе взгляды, двое насилу могли дотащить его до Чудотворцева гроба; но пѣніе канона Св. Исидору укротило изступленнаго и возвратило ему разумъ.

Авраамievъ Богоявленскій монастырь, гдѣ почиваютъ мощи Пр. Авраамія, напоминаетъ еще времена язычества въ Ростовѣ. Авраамій, съ помощію Іоанна Богослова, сокрушилъ идола Велеса. Такъ въ Житіи повѣствуется это величавое преданіе, которое обозначено здѣсь мѣстными памятниками:

«Чудской конецъ поклонялся каменному идолу, въ которомъ жилъ злой бѣсъ. Волшебство заграждало къ нему пути, и никто не смѣлъ подойти къ нему. Авраамій сидѣлъ близъ идола и такъ молился Богу: «Господи Боже вышній, призри съ высоты святыя Своея на раба Твоего и дай мнѣ силу и благодать Святаго Твоего Духа: разорить многокозненнаго сего идола.» Но тщетно: не могъ онъ подступить къ нему; злое волшебство мѣшало; онъ недоумѣвалъ о томъ и сидѣлъ въ скорби. Вдругъ видитъ, что старецъ благоговѣйнаго образа идетъ къ нему. Преподобный пошелъ на встрѣчу. Оба поклонились другъ другу, помѣнялись благословеніемъ и сѣли. Началъ блаженный Авраамій къ старцу такую рѣчь: «Откуда ты, Отче, идешь? изъ какой ты страны, Святче Божій?» — Отвѣчалъ ему старецъ: я, Отче, родомъ изъ Царяграда, странникъ и пришелецъ на вашей землѣ. А ты, Отче, чего ради скорбя сидишь близъ многострастнаго сего идола Велеса?» — И

сказалъ блаженный Авраамій старцу: «Тщуся и молюся я къ Господу Богу разорить многострастнаго сего идола Велеса, и не возможно мнѣ; презрѣлъ Богъ мое моленіе,— и о томъ скорбя, я сидѣлъ.» — И сказалъ старецъ къ Авраамію: «Если хочешь получить желаемое, иди къ Царюгороду. Спроси въ томъ городѣ: гдѣ домъ Іоанна Богословца, и взойди въ домъ его, и помолись его образу, и не выдешь изъ него *тощь*, а все желаемое получишь. Если же не пойдешь въ домъ Іоанна Богословца, то желаемаго получить не можешь.» Печалила блаженнаго долгота пути, но старецъ утѣшилъ его тѣмъ, что Господь Богъ сократитъ ему путь малымъ временемъ. Авраамій исполнился Святаго Духа, взялъ благословеніе у старца и началъ путь, забывъ о долготѣ его. Перешелъ рѣку Ишню, и вотъ вышелъ къ нему на встрѣчу: человѣкъ *страшный*, благоговѣйный образомъ, безъ волосъ на темени, взлысый, съ бородою круглою и великою, и весьма прекрасенъ. Въ рукѣ у него была трость. Палъ къ ногамъ его блаженный. Поклонился ему *страшный мужъ* и сказалъ: «Куда, старецъ, идешь?»— Повѣдалъ ему Авраамій все по порядку, за чѣмъ онъ идетъ искать дому Іоанна Богослова. Сказалъ ему страшный мужъ: «Старецъ, подойди и возьми сію трость; возвратись къ идолу Велесу, приступи къ нему и избоди его сею тростію во имя Іоанна Богослова, и падетъ онъ во прахъ, окаянный.» Исчезъ страшный мужъ, и старецъ познаяъ въ немъ Іоанна Богослова; одержимый страхомъ и радостью, возвратился онъ назадъ, подошелъ къ идолу безъ препятствія, пронзилъ его тростью во имя Іоанна Богослова, и идолъ Велесъ сталъ прахомъ. А на томъ мѣстѣ, гдѣ была блаженному встрѣча, поставилъ онъ церковь во имя Іоанна Богослова, которая стоитъ и до сихъ поръ, а на мѣстѣ идола другую церковь во имя Богоявленія.»

На мѣстѣ послѣдней церкви теперь монастырь; въ 4-хъ верстахъ отъ него деревянная церковь во имя Іоанна Богослова, благовѣстіемъ котораго, какъ видно, до конца сокрушено было язычество Ростовской области въ образѣ идола Велеса.

Когда Авраамій основалъ монастырь и привлекъ къ себѣ сердца народа, злой бѣсъ продолжалъ мстить ему. Однажды, когда Святой, готовясь къ Св. причащенію, хотѣлъ умыть руки изъ сосуда, дьяволъ вошелъ въ умывальницу, чтобы нанести старцу какой нибудь вредъ водою. Но онъ догадался, что въ сосудѣ лукавый духъ и положилъ на сосудъ крестъ и тѣмъ его заперъ. У Князей былъ обычай, возвращаясь съ охоты, заходить къ старцу подъ благословеніе. Такъ, однажды, Князья пришли къ нему, а старецъ мылъ въ это время власяницы для братіи. Князья прошли прямо въ келью старца. Одинъ изъ нихъ, увидя крестъ на сосудѣ съ водою, снялъ его, чтобы приложиться. Дьяволъ вышелъ изъ него, какъ дымъ смрадный и зловонный, и встрѣтивъ старца въ коридорѣ келліи, погрозилъ ему, что отомститъ за его заключеніе и заставитъ прокатиться на пѣгой ослицѣ и въ женскихъ сандаліяхъ. Черезъ нѣсколько времени, бѣсъ принялъ видъ воина и оклеветалъ передъ Княземъ Владиміромъ старца Авраамія, что онъ волшебникъ, обманываетъ народъ, нашелъ въ землѣ мѣдный сосудъ, полный золота, и утаилъ отъ Князя, что у него и сосудовъ золотыхъ, и поясовъ и цѣпей золотыхъ, и серебра, и другихъ драгоцѣнностей, многое множество. Князь Владиміръ велѣлъ воину привезти къ себѣ Авраамія. Воинъ захватилъ его въ одной власяницѣ, взялъ съ собой на коня, а дорогой отнялъ у селянина пѣгую ослицу да женскія сандаліи, сандаліи надѣлъ ему на ноги, посадилъ его на ослицу и такъ привезъ къ Князю Владиміру. Но старецъ молитвою облачилъ бѣса, сидѣвшаго въ воинѣ, въ присутствіи самаго Князя, который самъ же потомъ просилъ у старца прощенія.

Въ Житіи упоминаются имена Князей Владиміра и Бориса, при которыхъ основанъ монастырь Авраамiевъ, съ благословенія Епископа Иларіона. Исторія Россійской Іерархіи относитъ Авраамія ко временамъ Владиміра Святаго, но позднѣйшіе изслѣдователи къ временамъ Владиміра Мономаха, или даже еще позднѣе къ княженію Андрея Боголюбскаго.

Петровскій монастырь, за городомъ, по дорогѣ въ Ярославль, напоминаетъ Татарскія времена. Исидоръ былъ родомъ Нѣмецъ, котораго соединила съ нами Вѣра. Петръ Царевичь—Татаринъ, обращенный въ православіе словомъ и чудесами Епископа Кирилла, въ XIII столѣтіи. Родъ его служилъ оградою Ростову отъ власти и грабежей Татарскихъ. Въ Житіи его содержатся многія весьма любопытныя подробности. Между прочимъ мы узнаёмъ, что въ XIII столѣтіи, въ Ростовскомъ соборѣ на правомъ клиросѣ пѣли по Гречески, а на лѣвомъ по Русски. Отсюда можетъ объясниться, почему въ XIV столѣтіи, при монастырѣ Григорьевскомъ сохранялось ученіе Греческаго языка, которымъ могъ воспользоваться Стефанъ Пермскій. Вотъ этотъ отрывокъ изъ Житія: «Пріиде со владыкою въ Ростовъ; видѣ церковь, украшенну златомъ и жемчюгомъ, и драгымъ каменіемъ, аки невѣсту Хрістову украшену, въ ней пѣнія доброгласная, акы ангельская. Бѣ бо тогда во церкви святыя Богородица лѣвой крилосъ греческыи пояху, а правыи роскый.»

Послѣ вечерни въ соборѣ монастыря Іаковлевскаго, достопочтенный Отецъ Архимандритъ Поликарпъ пригласилъ меня къ себѣ. Покои, въ которыхъ онъ живетъ, старинные, строенные еще Амфилохіемъ въ концѣ прошлаго столѣтія. Въ нихъ замѣчательно собраніе портретовъ. Въ одной комнатѣ вы находите портретъ Святителя Димитрія, съ котораго пишутся иконы его, также портреты Варлаама Ясѣнскаго (Ясинскаго) и Лазаря Барановича, двухъ сѣдовласыхъ старцевъ, величавой и доброй наружности. Въ залѣ портретъ Стефана Яворскаго, черноволосаго, съ выразительною южною физіономіей, писанъ какимъ-то живописцемъ Стефаномъ: внизу стихи, воспѣвающіе дружбу Яворскаго съ Святителемъ Димитріемъ. Въ кабинетѣ Отца Архимандрита замѣчательны портреты: Саввы Туптало, Малороссійскаго Сотника, отца Святителя Димитрія, погребеннаго въ Кіевскомъ Кирилловѣ монастырѣ, и Тимоѳея Архипова, который былъ иконописцемъ при Дворѣ Царицы Прасковьи Ѳеодоровны, матери Императрицы Анны Іоанновны,

оставилъ иконопись, перешелъ къ юродству, продолжалъ все-таки жить въ домѣ у Царицы и преставился въ 1731 году. Послѣдній портретъ написанъ довольно искусно.

Ризница монастырская помѣщена прекрасно. Примѣчательнѣйшее въ ней относится къ памяти Святителя Димитрія. Здѣсь митра, найденная на головѣ его, когда открыты его мощи; платокъ, положенный съ нимъ во гробѣ; слово, его рукою написанное и говоренное въ Москвѣ, но когда уже онъ былъ на Ростовской паствѣ; полотенцо, присланное ему въ даръ Цареградскимъ Патріархомъ Филоѳеемъ; великолѣпные покровы, драгоцѣнные сосуды—дары благочестія Русскихъ Государей. Библіотека при ризницѣ состоитъ изъ однихъ только печатныхъ книгъ. Рукописи сочиненій Святителя не сохранились здѣсь потому, что онъ завѣщалъ предать ихъ землѣ вмѣстѣ съ своимъ тѣломъ, а многочисленная его библіотека отослана была въ Москву, для присоединенія къ Патріаршей.

Въ сараяхъ монастырскихъ хранится древняя колесница Святителя Димитрія, въ которой ѣзжалъ онъ по городу, благословляя народъ. Она устроена не совсѣмъ удобно, но такъ, чтобы Митрополитъ могъ быть совершенно открытъ и виденъ всему народу. Знаменія креста осѣняютъ экипажъ внутри и съ боковъ. Теперешній хозяинъ обители намѣренъ выставить эту замѣчательную колесницу въ одной изъ галлерей ограды монастырской, на мѣстѣ болѣе видномъ.

Не могу забыть получасу, проведеннаго мною на угольной башнѣ монастыря со стороны Московской дороги. Солнце начинало склоняться къ западу, но было еще довольно высоко. Озеро, ровнымъ зеркаломъ, разстилалось подъ стѣнами обители. Полосы, то голубыя, то серебряныя, то темныя, рисовались по его поверхности. Вдали виднѣлся зеленый островъ: инокини въ лодкахъ подплывали къ нему для уборки сѣна. Благолѣпные храмы обители Іаковлевской возвышались прямо передъ нами; красивая ограда съ своими разнообразными башенками и галлереями облегала ихъ

ровнымъ четвероугольникомъ. Игривая и легкая архитектура ихъ согласовалась съ веселымъ впечатлѣніемъ окружающей природы. Монахи убирали сѣно по огромному двору монастыря. Вдали виднѣлся, вдоль озера, древній городъ Ростовъ. Всѣ обители и церкви, память которыхъ соединена съ самыми древними Христіянскими преданіями Ростова, ясно обозначались отсюда. Какъ прекрасна природа въ этомъ окруженіи святыни! Благословеніе Божіе и чистая красота ея дружатся въ мысли созерцателя. И сама природа какъ будто преображается, и благословеніе Божіе, сообщаясь намъ черезъ красоту ея, становится доступнѣе земнымъ нашимъ чувствамъ. Отсюда объясняю, почему основатели монастырей любили красивыя мѣста. Святая Вѣра наша исполнена сочувствія къ природѣ, какъ къ Божію созданію. Въ словахъ Божественнаго Учителя сколько прекрасныхъ образовъ, изъ нея взятыхъ! Только Самъ Творецъ полевой лиліи могъ выразиться объ ней такъ, что и Соломонъ во всей славѣ своей никогда такъ прекрасно не одѣвался.

Вечеромъ, въ сумерки, бродилъ я по закоулкамъ посада, прилегающаго къ монастырю. Бѣдная старушка выщипывала травку по улицѣ, передъ своимъ полуразвалившимся домикомъ, и выметала ее прилежно, сожалѣя о томъ, что не можетъ она по прежнему бѣлить своихъ полотенъ на травкѣ-муравкѣ, которая зеленѣла когда-то передъ ея лачугой. — Чѣмъ вы кормитесь? спросилъ я труженицу. — Пухъ щиплемъ, а братъ псаломщикомъ въ монастырѣ, жалованье получаетъ. Живемъ троечко; онъ съ женой, да я при нихъ.

Вниманіе мое въ одномъ изъ переулковъ привлечено было одною пьяною женщиной, около которой толпились ребятишки, теребя ее и смѣючись надъ нею. Пьяная просилась въ домъ ночевать, но ея не впускали. Мальчики говорили объ ней, что она прежде была богата, а теперь все относитъ въ кабакъ, всѣ свои перстни и кольца, и все пропиваетъ. Каждый день является она въ этомъ разврат-

номъ видѣ передъ ребятишками, разсказывающими о неприятныхъ слѣдахъ ея пьянства, и служитъ для нихъ посмѣшищемъ. Давши урокъ мальчикамъ, чтобы они не смѣялись надъ несчастною, я отозвалъ одного изъ нихъ, который велъ себя скромнѣе чѣмъ другіе, и спросилъ его, учится ли онъ? Онъ только-что перешелъ изъ приходскаго училища въ уѣздное. Я сдѣлалъ ему нѣсколько вопросовъ изъ Священной Исторіи — и онъ весьма хорошо отвѣчалъ мнѣ о сотвореніи міра и паденіи перваго человѣка. Мнѣ пріятно было приписать его поведеніе, болѣе скромное въ сравненіи съ другими, не ходившими въ школу, вліянію добраго ученья, которое, будучи хорошо направлено, во всѣхъ сословіяхъ даетъ человѣку возможность лучше сознавать свое нравственное достоинство, а потому и лучше вести себя.

ЯРОСЛАВЛЬ.

Дорога къ Ярославлю. — Видъ изъ селенія Крестъ. — Русскіе кругозоры. — Видъ на Ярославль. — Виды древнихъ городовъ Русскихъ.—Слова Блазіуса о людности улицъ и красотѣ женщинъ. — Волга и бурлацкая пѣсня. — Памятникъ Демидову. — 3-е Іюля. — Праздникъ Василія и Константина. — Владимірская икона Богоматери изъ Ростова.—Церковный ходъ. — Рубленый городъ. — Разговоръ съ мѣщаниномъ. — Любитель старины. — Разговоръ съ судовщиками. — Толгскій монастырь. — Разные роды судовъ на Волгѣ. — Грамоты въ монастырѣ.

Тоже чудное шоссе катится изъ Ростова до Ярославля. Дорога передъ нами красовалась, какъ невѣста, снаряженная къ вѣнцу. Все на ней было прибрано до послѣдняго камешка. Щебень лежалъ въ стройныхъ кучахъ, складенныхъ ровными гребешками съ обѣихъ сторонъ. Я замѣтилъ солдата, который съ точностію и примѣрнымъ усердіемъ вновь прокладывалъ свалившіеся камешки. На всей дорогѣ было что-то праздничное.

По чудному шоссе мы не могли ѣхать быстро, потому что, за недостаткомъ почтовыхъ, насъ везли обывательскія лошади, не знающія овса. Сначала дорога идетъ болотами и лѣсомъ; но отъ Семибратскаго она становится все живописнѣе. Кругозоръ раздвигается: чѣмъ ближе къ Ярославлю, тѣмъ шире и далѣе, во всѣ три стороны. Съ Кошкаровой горы начинаетъ быть виденъ Ярославль влѣво; а Волга вправо, сначала, обозначилась песчанымъ своимъ берегомъ, потомъ голубою волной и судами. Лѣса, долины, села, горы, пески, глина, нивы — все это мѣшаясь, теряется въ глубокомъ отдаленіи. Изъ селенія Крестъ, у церкви, видъ очаровательный! Сколько простран-

ства обнимаетъ взоръ, перелетая полукругомъ отъ одного края до другаго. Прекрасно село Лучинское, ближе къ дорогѣ замыкающее этотъ полукругъ. А дальніе склоны неба теряются глубоко, глубоко....

Эти необъятные кругозоры, по которымъ любитъ разбѣгаться зрѣніе странника, въ нашемъ отечествѣ, составляютъ живописную особенность Русской Сѣверной природы. Земля подъ вами какъ будто стелется плоско да плоско, а вдругъ незамѣтно подниметъ васъ на такую высоту, съ которой вольно вашему взору гулять по безграничному пространству. Въ этихъ кругозорахъ, безпрерывно поднимающихся, есть что-то завлекающее все далѣе и далѣе. Это свойство нашей почвы можетъ объяснить отчасти, какъ предки наши, еще кочуя по раздольному пространству будущей Россіи, болѣе и болѣе захватывали всю глубину дальняго Сѣвера. Многообъемлющій небосклонъ физическій Русскаго человѣка да будетъ, со временемъ, залогомъ такой же всеобъятности его небосклона умственнаго!

Ярославль подымается изъ лощины со всѣми своими церквами. Главы соборовъ и монастырей возвышаются. Горятъ золотомъ купола соборнаго храма. Бойкая, широкая дорога съ горы катится къ городу по красивому березовому проспекту. Два вала сходятъ къ ней, усаженные дерномъ. Это предисловіе къ городу — плодъ новаго вліянія Европейской цивилизаціи — прекрасно. Между тѣмъ и городъ стройно вытягивается весь передъ подъѣзжающимъ. Вотъ широко раздвинулось зданіе казармъ. Теченіе Волги обозначилось черным лѣсомъ мачтъ. Но храмы Божіи возвышаются надъ всѣмъ и возносятъ самый городъ къ небу. Вотъ монастырь Спасскій съ своей колокольней!.... Таковы всѣ города Россіи, и особенно древніе. Мысль ихъ прежде всего стремится къ небесамъ и выражается въ этомъ ликѣ храмовъ, вѣнчающихъ городъ и увѣнчанныхъ золотыми крестами. Москва — колоссальный образецъ для всѣхъ городовъ нашей Руси. Геніальная женщина, гонимая геніальнымъ мущиной, нашла у насъ временное убѣжище отъ его деспотизма, простиравшагося на весь западъ Европы, и въ

благодарность за гостепріимство, назвала нашу Москву Татарскимъ Римомъ. Мы готовы были, въ слѣдъ за Госпожею Сталь, повторять знаменитое выраженіе: Rome tartare, которое показываетъ только, что и умная женщина можетъ молвить неразумное слово, когда возмется говорить о томъ, чего не понимаетъ. Чтó же Татарскаго могла найти Христіянка въ этихъ безчисленныхъ крестахъ, главахъ, церквахъ и ихъ архитектурѣ?

Чтò Москва внѣшнимъ видомъ своимъ представляетъ въ огромномъ цѣломъ, тò разсѣяно по лицу всей Россіи. Тамъ изъ-за желтой нивы, тамъ изъ-за лѣсу, изъ за-пригорка, выглядываютъ повсюду церкви Божіи. То вдругъ разбросанныя соберутся въ одинъ ликъ на горѣ — и вотъ вамъ городъ. По большей части, въ скромномъ селѣ, вы не найдете другаго благолѣпія, другаго каменнаго зданія, какъ храмъ Божій, — а золото видно только на крестѣ его, да на окладахъ иконъ, и добрый селянинъ не ищетъ другаго.

Не должно думать, чтобы каменное зодчество нашихъ храмовъ въ древнихъ городахъ принадлежало древней Руси. Нѣтъ, древняя Русь строилась болѣе изъ дерева. Въ ней каменныя зданія, даже церковныя, бывали очень рѣдки. Это можно доказать свидѣтельствами. Каменная Россія, даже и въ Божіихъ храмахъ, есть уже плодъ новаго времени, плодъ нашего промышленнаго развитія, даръ тѣхъ новыхъ силъ, которыя мы раскрыли, двинутые геніемъ Петра Великаго. Хорошо то, что мы первые плоды этого образованія умѣли принести нашему древнему Божественному началу, которымъ возрасло наше могущество. Древняя Русь воспитала въ нашихъ городахъ Божію мысль, а новая облекла ее въ эти каменныя громады, и вознесла эти храмы къ небу, создавъ такимъ образомъ лучшую красу нашихъ городовъ на древней, непоколебимой основѣ.

Переѣхавъ Которость пó мосту, мы взобрались на крутую гору, у Семинарской церкви красно-кирпичнаго цвѣту. Весьма удобная гостинница, съ вкуснымъ обѣдомъ и особенно славными кислыми щами, приняла насъ. Огром-

ная площадь, похожая на поле, видна изъ оконъ. Для чего такъ огромны площади нашихъ городовъ? Судя по народу, который по нимъ ходитъ, это кажется совершенно лишнимъ. Если бы какой нибудь Англичанинъ, охотникъ до статистическихъ наблюденій, сталъ считать всѣхъ, которые пройдутъ по ней въ теченіи дня, — не началъ бы много. Смотря на эту площадь и на прилегающую къ ней улицу, и перечитывая то что Блазіусъ, въ своемъ Путешествіи по сѣверной Россіи, говоритъ объ Ярославлѣ, я рѣшительно не могъ понять, откуда почерпнулъ онъ матеріялы для слѣдующей гиперболы: «Подобно шуму на рынкахъ, только правильнѣе, является жизнь и на улицахъ. Кто взглянетъ на эти движущіяся массы людей, которыя стремятся другъ черезъ друга по самымъ противоположнымъ направленіямъ, тотъ подумаетъ, что все народонаселеніе вышло на улицу. Когда же идешь по бокамъ широкихъ улицъ, то часто увлеченъ бываешь невольно густою толпою пѣшеходовъ, а перебѣжать улицу не льзя, не подвергаясь опасности, что въ тѣснотѣ наѣдутъ на тебя быстрыя дрожки или кареты. И въ этой массѣ людей едва ли можно найти хотя одного, въ чертахъ котораго не выражалась бы неудержимая торопливость занятаго человѣка. О мечтающихъ празднолюбцахъ, о гуляющихъ для удовольствія или для созерцанія природы — и рѣчи быть не можетъ. Кто не привыкъ съ молодыхъ лѣтъ къ такой поспѣшности и движенію, тому весьма трудно бываетъ въ улицахъ богато-населеннаго Русскаго города придти къ желанному спокойствію духа и къ ясному сознанію!» Изъ этихъ словъ Г. Блазіуса можно заключить только, что онъ самъ не выѣзжалъ изъ какого нибудь городка Германіи, гдѣ человѣкъ на улицѣ есть необыкновенное явленіе, а наши большіе города наблюдалъ въ просонкахъ. Еще о красотѣ Ярославскихъ женщинъ нашелъ онъ древнюю народную пословицу, въ которой изображенъ будто бы идеалъ Русской фантазіи: «бѣла и румяна какъ Ярославка!». Въ городѣ красавицъ я не видалъ, хотя и присутствовалъ при большомъ стеченіи народа. Ярославскіе мущины, кажется, вообще красивѣе женщинъ. Впро-

чемъ это могутъ повѣрить только Ярославскіе, и не пристрастные, старожилы.

Прекрасное гулянье устроено на набережной Волги. Здѣсь снова, послѣ долгой разлуки, я увидѣлъ эту рѣку, на берегу которой родился, которая была однимъ изъ первыхъ впечатлѣній моего дѣтства. Здѣсь она не имѣетъ ширины, какъ у насъ въ Саратовѣ; но все у нея тотъ же величавый, царственный видъ, какъ у молодой царевны, еще не примѣрившей вѣнца и порфиры къ своей державной осанкѣ. Тутъ услышалъ я вновь, давно уже неслыханную мною, Волжскую пѣсню, и защемило сердце какимъ-то далекимъ, роднымъ и сладкимъ воспоминаніемъ, и припомнился мнѣ нашъ старый домъ на Саратовскихъ горахъ—у берегу Волги—мѣсто моей колыбели и развалина послѣ пожара, гдѣ мой престарѣлый отецъ любилъ пить чай на пепелищѣ, и мои родители, и братья, и сестры, и серебряная Волга передъ нами, и лунная ночь надъ нею, и суда у береговъ, и скрыпъ мачты, по которой взлѣзалъ бурлакъ, и таже бурлацкая пѣсня.

Ни Демидовскаго лицея, ни Гимназіи, я не могъ видѣть, потому что лѣтомъ оба зданія перестроивались по нашему обычаю. На площади, передъ Лицеемъ, возвышается колонна — памятникъ его основателю, Демидову. Отъ надписи остались только немногія неясныя слова, но имя того, кому онъ воздвигнутъ, уже не существуетъ: урокъ для соорудителей памятниковъ, что надписи всего прочнѣе вырѣзныя, а не накладныя. Желая знать, извѣстно ли народу имя благодѣтеля просвѣщенія, я спросилъ у извощика: кому поставленъ этотъ памятникъ? — Онъ отвѣчалъ мнѣ: а кто его знаетъ? кажись, Петру Великому.— Такъ на имя Петра Великаго сводитъ народъ всѣ неизвѣстные ему памятники. Спрашивалъ я и у мѣщанъ, проходившихъ по площади: и они не могли мнѣ назвать Демидова. Одинъ только служивый инвалидъ его назвалъ — и я нѣсколько успокоился за народную славу покровителя наукъ,

котораго имя такъ скоро исчезло съ пьедестала и изгладилось изъ памяти Ярославскихъ простолюдиновъ.

Мы пріѣхали наканунѣ соборнаго праздника: 3-го Іюля празднуется память Св. Василія и Константина Всеволодовичевъ, которыхъ мощи почиваютъ въ соборѣ. 2-го Іюля приходитъ икона Владимірской Богоматери изъ Ростова и проводитъ ночь въ церкви за Которостью. 3-го же Іюля встрѣчаетъ ее духовенство собора и другихъ церквей съ хоругвями, — и совершается ходъ въ соборъ. Утромъ мы поѣхали на встрѣчу къ Богоматери и увидѣли ее еще за Которостью. Встрѣтивъ ее, вмѣстѣ съ народомъ отправились въ соборъ. Народу было довольно.

Въ соборѣ три древнія Греческія иконы на столбахъ: Спасителя, Богоматери Ярославской и Николая Чудотворца. Есть преданіе, что онѣ перенесены изъ дому тѣхъ Князей, которыхъ мощи здѣсь почиваютъ. Тому, кто захотѣлъ бы собрать въ одно списки древнѣйшихъ иконъ нашихъ Греческаго письма, слѣдуетъ обратить на эти иконы вниманіе особенное. Рѣзное изъ дерева изображеніе Николая Чудотворца, весьма уважаемое народомъ, перенесено изъ приходской церкви.

Послѣ литургіи совершается ходъ кругомъ собора по чертѣ такъ называемаго *рубленаго* города, которая сохранилась только въ преданіи этого хода. Прошедъ въ Волжскіе ворота для того, чтобы пристать къ шествію, мы встрѣтились съ мѣщаниномъ, который замѣтивъ, что мы въ Ярославлѣ люди новые, вошелъ самъ въ нашу рѣчь и разсказалъ вкратцѣ преданіе о построеніи Ярославля.

«Вотъ, батюшка, гдѣ теперь ходъ пройдетъ, тутъ былъ сначала весь Ярославль, *рубленый* городъ. Коль хотите узнать его, идите за ходомъ. Тутъ-то и начало нашему городу. А вотъ на мѣстѣ, гдѣ мы теперь идемъ съ вами, прежде текла рѣчка Медвѣдица. Здѣсь-то Ярославъ убилъ медвѣдя—отъ того и рѣчка такъ названа. Она текла между Которостью и Волгою. Вотъ и мѣсто видно. Тутъ вотъ между двумя рвами насыпь, а прежде былъ тотъ же ровъ, и мы еще помнимъ мостъ. Вотъ церковь Иліи Пророка:

эта церковь у насъ самая древняя, нѣтъ ея древнѣе во всемъ Ярославлѣ. А за ней, по древности, вторая вонь эта, Михаила Архангела.» — А нѣтъ ли у васъ въ городѣ любителей старины и охотниковъ до старыхъ книгъ и рукописей? — «Спросите у соборнаго Протоіерея. У него былъ отецъ охотникъ до всего этого и все собиралъ. А теперь ужь все досталось сыну. Покойникъ велъ записки — и записывалъ каждый день все что̀ въ городѣ дѣлалось.»

Вездѣ, во всякомъ древнемъ нашемъ городѣ, вы находите мѣщанъ, которые, вообще говоря, лучше чѣмъ дворяне, знаютъ исторію своего роднаго города и передаютъ изъ устъ въ уста извѣстныя объ немъ преданія. Стало быть такихъ мѣщанъ много, потому что они мнѣ случайно попадались на улицахъ и весьма дружелюбно сообщали все что̀ сами знаютъ о городѣ. Мостъ, о которомъ говорилъ мѣщанинъ, упоминается и въ географическомъ словарѣ Щекатова. Тамъ же находятся и преданія о медвѣдѣ, убитомъ Ярославомъ, хотя въ лѣтописяхъ того и нѣтъ. Нерѣдко слыхалъ я преданіе, и въ другихъ городахъ, изъ устъ народа, что церковь Ильи Пророка всегда самая древняя, что нѣтъ ея древнѣе. Оно̀ объясняется уваженіемъ, которое нашъ народъ питаетъ къ Ильѣ Пророку. Въ Ярославлѣ же оно противорѣчитъ лѣтописному свидѣтельству, по которому извѣстно, что первая церковь, построенная Ярославомъ въ этомъ городѣ, была во имя Апостоловъ Петра и Павла. Другіе же мнѣ называли церковь, о которой говорилъ мѣщанинъ, именемъ Св. Тихона Чудотворца, но правда, что въ ней придѣлъ Иліи Пророка и на фронтонѣ изображено его имя.

Простившись съ добрымъ мѣщаниномъ, мы послѣдовали за ходомъ, вокругъ рубленаго города. Четыре раза останавливался ходъ, какъ бы на четырехъ углахъ древняго Ярославля, и четыре литіи было совершено: Спасителю, Богоматери, Иліи Пророку и Святымъ Василію и Константину. Такъ установлено по старинному преданію.

Въ Ярославлѣ, до сихъ поръ еще, въ названіи *рубленаго* города сохранился живой отголосокъ древняго выраженія, встрѣчаемаго въ Несторовой лѣтописи: *рубить городъ*.

Такъ называемая Медвѣдица была вѣроятно каналомъ, сдѣланнымъ изо рва, гдѣ, можетъ быть, протекалъ маленькій ручеекъ подобнаго имени. Каналъ, соединяя обѣ рѣки, могъ защищать и съ этой стороны городъ, огражденный съ тѣхъ двухъ сторонъ Которостью и Волгою: ибо, какъ видно, городъ былъ *срубленъ* Ярославомъ на самомъ мысѣ, образуемомъ впаденіемъ Которости въ Волгу. За рубленымъ городомъ слѣдуетъ земляной, обнесенный валомъ: это, конечно, уже позднѣйшій.

По окончаніи хода, я былъ у отца Протоіерея, А. Н. Головщикова, семидесятилѣтняго старца, который обошелся со мною весьма гостепріимно; но записокъ покойнаго родителя своего онъ мнѣ не показалъ, говоря, что онѣ содержатъ въ себѣ только одно домашнее и потому не могутъ быть пущены въ публику. Слышалъ я послѣ, что описаніемъ древностей Ярославля и Ростова занимается особенно здѣшній купецъ С. А. Серебрениковъ, помѣщавшій многія статьи объ нихъ въ Ярославскихъ губернскихъ Вѣдомостяхъ, а рисунки для его изданія готовитъ весьма искусный художникъ, Романовскій мѣщанинъ Бѣлоноговъ. Желательно бы было, чтобъ это изданіе вышло скорѣе въ свѣтъ.

Въ Спасопреображенскомъ Ярославскомъ монастырѣ, гдѣ находится теперь домъ Архіепископа, я поклонился Св. мощамъ Благовѣрнаго Князя Ѳеодора Чернаго и дѣтей его, Давида и Константина. Весьма замѣчателенъ колоссальный деревянный гробъ, въ которомъ найдены были его мощи. Онъ свидѣтельствуетъ объ огромности его роста. Въ древней церкви, внизу, гдѣ хранится эта гробница, есть также иконы, весьма рѣдкія по своей древности.

Гуляя по набережной Волги, я не могъ не зайти на суда, стоявшія на рѣкѣ, и не поговорить съ судовщиками. Судно богатаго купца Крашенинникова привезло изъ Моршанска 4,000 пудъ хлѣба и прокормило 120 человѣкъ бурлаковъ, которые были, по большей части, Касимовцы да Рязанцы. Берутъ они каждый по 50 и по 60 рублей ассигнаціями. Бурлаки народъ веселый. Пѣсень у нихъ

множество — и есть всегда любимыя. Когда судно *идетъ ходомъ*, т. е. вверхъ, то обыкновенно двѣ лодки закидываютъ впереди, каждая по якорю, и притягиваютъ къ нимъ судно. Въ то время какъ тянутъ бурлаки, они разгоняютъ скуку труда разными при́четами. Когда же тянутъ мимо какого нибудь села, то поютъ шутливыя пѣсни для дѣвушекъ и женщинъ. Какъ дошли до мѣста, не остаются на судахъ, а тотчасъ, или переходятъ на другія, или берутъ лодки и ѣдутъ назадъ. Кромѣ нравовъ бурлацкихъ, здѣсь же я узналъ настоящее значеніе слова: *плесо*. Плесомъ называется, объяснилъ мнѣ судовщикъ, все пространство вдоль по рѣкѣ, которое плаватель можетъ окинуть взглядомъ. Отсюда ясенъ и смыслъ пословицы: «Рыбакъ рыбака далеко въ плесѣ видитъ.» Еще замѣтилъ неизвѣстное слово: *отрыснуть*, значитъ: отплыть въ другую сторону отъ мѣли. Послѣдняго нѣтъ въ академическомъ словарѣ. Первое же объяснено не такъ и не объясняетъ приведенной выше пословицы: «плесо — ровное и чистое пространство воды у береговъ, или между островами.»

По набережной, около рыбнаго ряду, самою свѣжею новостью было, что поймали стерлядь въ 11 вершковъ, и рыбаки продали ее купцу въ лавку за 90 руб. асс., а купецъ вѣроятно перепродастъ ее на богатый столъ не дешевле 150 руб. асс. Но меня во всемъ этомъ болѣе занялъ эпитетъ стерляди, что она была *нагульная*: такъ называется стерлядь желтая, жирная, и вообще хорошая рыба. Вотъ и еще слово для академическаго словаря, въ прибавокъ къ *нагулу* и *нагулкѣ*, которые въ немъ находятся.

Поговорилъ съ бурлакомъ изъ многолюднаго села Парамзина Симбирской губерніи. Имя села объяснило мнѣ отчасти происхожденіе Симбирскаго имени Карамзина. Молодой бурлакъ жену да троихъ дѣтей оставилъ на родинѣ. Объ женѣ отзывался онъ очень неучтиво, называя ее козой. «Жёнамъ-то хорошо сидѣть дома: что́ имъ дѣлается? а намъ-то каково весь вѣкъ скитаться на чужой сторонѣ!» Чувство человѣка, отлученнаго отъ семьи, выражалось въ немъ какою-то грустью, досадою и насмѣшкой. Отъ него же услышалъ

я пословицу: «Безъ числа (иначе, безъ толку) молиться, только грѣшить.»

Послѣ обѣда, любезный С. И. Л. повезъ насъ въ Толгской монастырь, который отстоитъ отъ города въ 7-ми верстахъ водою, въ 9-ти сухимъ путемъ. Здѣсь, когда мы переѣзжали Волгу, я обогащалъ словарь свой разными техническими терминами судовъ. *Сплавнымъ* судномъ называется то, которое идетъ внизъ; *ходовымъ*, идущее вверхъ. Этихъ значеній нѣтъ въ словарѣ академическомъ. Вотъ именованія различныхъ судовъ, которыя ходятъ по Волгѣ: *мокшаномъ* называется довольно большое судно: такъ названо по рѣкѣ Мокшѣ; *расшивка* судно поменьше; *гусянка, подчалокъ, дощаникъ*. Всѣ эти имена есть въ академическомъ словарѣ, но вотъ тѣ, которыхъ нѣтъ: *ладушечка*, *романовка* по городу Романову, *тихвинка* по г. Тихвину, *орловка* по селенію этого имени, *сурякъ* по р. Сурѣ, *машина* самое большое судно. Вѣроятно, это названіе новаго происхожденія и принадлежитъ въ особенности пароходамъ.

Прекрасно мѣстоположеніе Толгскаго монастыря по ту сторону Волги. Память Патріарха Никона соединена съ этою обителью: не далеко отъ нея, по Волгѣ возвращаясь назадъ, скончался онъ, у Туговой горы. Но памяти о немъ никакой въ монастырѣ не сохранилось. Ректоръ семинаріи сказалъ мнѣ, что есть здѣсь какая-то любопытная книжка, соединенная съ памятью Никона; но никакой книжки мнѣ не показали. Ризничій принесъ однако три древнія грамоты, касающіяся обители. Древнѣйшая 1578 года, дарственная Царя Іоанна Васильевича монастырю на деревни: Чюрово и Тихарево, которыя еще до сихъ поръ, какъ мнѣ сказывали, существуютъ; другая 1623 г. Царя Михаила Ѳеодоровича также дарственная на деревни,—и третья привилегія монастырю, чтобы монастырскихъ Толгскихъ крестьянъ никто не смѣлъ судить, опричь Приказа большаго двора на Москвѣ, кромѣ татьбы и разбоя. Послѣдняя грамота написана потому, что Ярославскіе посадскіе люди обижали, какъ видно, монастырскихъ крестьянъ, и хотѣли ихъ судить судомъ своего воеводы, и даже заключали въ тюрьмы.

Храмъ соборный великолѣпенъ, богатъ; но не сохранилъ ничего древняго, кромѣ чудотворнаго образа Толгской Богоматери, который есть виновникъ всего этого великолѣпія. Въ саду растутъ многолѣтніе Сибирскіе кедры, мрачные и величавые. Узнавъ о моемъ пріѣздѣ, изъ келлій монастырскихъ вышелъ ко мнѣ съ дружелюбнымъ привѣтствіемъ Кн. Ш., отдыхающій здѣсь лѣтомъ отъ суеты и шума столичной жизни. Его пребываніе въ обители напомнило мнѣ старину временъ Грознаго, когда наши Бояре находили убѣжище въ стѣнахъ монастырскихъ; но, конечно, почтенный Князь не подходитъ подъ участь бояръ Іоанновыхъ и не вводитъ сюда тѣхъ обычаевъ, какіе вводимы были тогда Князьями и боярами въ монастыри, за что и досталось имъ въ посланіи Грознаго, а вѣроятно, самъ служитъ образцомъ молитвы, смиренія и воздержанія.

ДОРОГА ВЪ ВОЛОГДУ. — ГРЯЗОВЕЦЪ.

Впечатлѣнія по дорогѣ въ Грязовецъ. — Монастырь Препод. Корнилія Комельскаго. — Братія и Игуменъ. — Жизнь Преподобнаго. — Древности и грамоты монастыря. — Желѣзистые ключи. — Заповѣданное дерево. — Извощикъ Иванъ. — Современная народная пѣсня. — Грязовецкій слѣпецъ - Математикъ: М. А. Серебряковъ. — Вечернія духовныя чтенія жителей Грязовца. — Папорзокъ: слово изъ Слова о полку Игоревѣ.

Хорошъ видъ на Ярославль, когда переѣзжаешь черезъ Волгу по Вологодской дорогѣ. По валу вытягивается городъ съ своими храмами и зданіями. Вотъ Спасскіе, а вонъ Волгскіе ворота. По ту сторону Волги, село Тверицы составляетъ предмѣстіе Ярославля.

За заставой природа внезапно измѣняется. Мрачный сосновый лѣсъ тянется долго по песчаной почвѣ. Далѣе смѣняется онъ однообразной дорогой, по которой березы въ два ряда закрываютъ видъ. Трупъ какого-то несчастнаго лежалъ на дорогѣ. Его сторожили двѣ бабы до пріѣзда начальства. Куриво курилось не подалеку, чтобы очищать воздухъ отъ смрада. Въ первой станціи, Вокшерѣ, уже измѣняется нарѣчіе. Женщины говорятъ особенно дурно. Городъ Даниловъ торгуетъ холстами и славится мѣднымъ заводомъ купца Пушкова. Между Даниловымъ и Семенковской станціей, деревни имѣютъ странныя имена: слобода Телячья, Хитрая баба, а на картѣ Чистая баба.

Въ пяти верстахъ отъ Грязовца находится монастырь Преподобнаго Корнилія Комельскаго. Въ мѣстѣ весьма уединенномъ, окруженномъ перелѣсками, на рѣчкѣ Нурмѣ, возвышаются стѣны монастыря и главы его храмовъ. Оби-

тель бѣдна. Она оживлена теперь дѣятельностью отца Игумна Арсенія, который недавно поступилъ сюда. Когда мы пріѣхали въ монастырь, вся братія вмѣстѣ съ Игумномъ была на работѣ: колотили сваи на рѣчкѣ Нурмѣ. Это напомнило мнѣ времена древнія.

Преп. Корнилій Комельскій жилъ 82 года, отъ 1455-го до 1537-го. На томъ мѣстѣ, гдѣ теперь стоитъ обитель, имъ основанная, и почиваютъ подъ спудомъ его мощи, пребывалъ онъ 41 годъ. Житіе его писано неизвѣстно кѣмъ, но видно, что его современникомъ, который слышалъ многое изъ собственныхъ устъ его. Родился Корнилій въ Ростовѣ, отъ родителей благородныхъ и богатыхъ. Служилъ при Дворѣ Великой Княгини Маріи, супруги Василія Темнаго, въ инокиняхъ Марѳы. Здѣсь былъ помѣщенъ Корнилій дядею своимъ, Лукьяномъ, человѣкомъ весьма набожнымъ. Оба они, и дядя и племянникъ, оставивъ Дворъ, постриглись въ монастырѣ Св. Кирилла Бѣлозерскаго. Корнилію было тогда 20 лѣтъ. Въ Кирилловѣ, кромѣ другихъ работъ, занимался онъ писаніемъ книгъ, которыя до сихъ поръ сохраняются тамъ, какъ говоритъ его жизнеописатель.

Послѣ многихъ трудовъ и искуса, будучи 41-го года, пришелъ онъ на Комельскій лѣсъ, въ 1497 году. Лѣсъ былъ вертепомъ разбойниковъ. Жилище одного изъ нихъ послужило кельей для Святаго. Разбойники нападаютъ на него, но кромѣ книгъ ничего не находятъ, однако берутъ и книги. Они побѣждены Святымъ. Много препятствій одолѣть было надобно; но все уступаетъ его волѣ. Первая мысль его—построить хотя малую деревянную церковь. Дикій лѣсъ падаетъ передъ нимъ; но однажды, дерево ранило ему, сонному, голову. Клевета и навѣты отъ своихъ и чужихъ мѣшаютъ святому дѣлу. Но число братіи умножается. Средства растутъ. Всѣ мысли сосредоточены около строенія большой церкви. Такъ раздѣлены и занятія. Однимъ поручено *художество:* воздвигать стѣны, другимъ *мудрость:* писать иконы, тѣмъ же—честные кресты и книги. И вотъ, черезъ 19 лѣтъ послѣ того, какъ пришелъ на дикое мѣсто Корнилій, трудами братіи, постомъ и слезами ихъ, воз-

неслася благолѣпная церковь, и украсили ее *какъ невѣсту образами святыхъ иконъ* и книгами. За тѣмъ послѣдовалъ храмъ во имя Св. Антонія. А тамъ уже возникли и келліи, и стоятъ посреди ихъ церкви, «какъ нѣкія очи, взирая повсюду.» Поставлены также больница и страннопріимница для странныхъ и нищихъ. Вотъ началъ стекаться во множествѣ народъ къ Святому: кто идетъ за благословеніемъ, кто за совѣтомъ, кто съ вопросомъ, кто съ недугомъ тѣлеснымъ, кто съ душевнымъ. Толпы нищихъ собираются около него — и онъ одѣляетъ ихъ просфорами, калачами и деньгами. Житіе ведется въ обители строго. Ни одинъ трудъ не совершается безъ молитвы и священнаго пѣнія. Учредитель обители своею рукою пишетъ строгій уставъ— и отдаетъ его братіи, а самъ удаляется въ пустыню, за 70 верстъ отъ монастыря.

Такъ, по примѣру Антонія, къ которому Корнилій питалъ особенное благоговѣніе, поступали многіе основатели монастырей. Братія тужитъ о своемъ начальникѣ. Великій Князь Василій Ивановичь съ супругою своею Еленою, по дорогѣ въ Кирилловъ монастырь, заѣзжаетъ и въ обитель Комельскую. Братія проситъ Государя убѣдить Корнилія къ возвращенію въ обитель. В. Князь приказываетъ ему возвратиться изъ пустыни въ монастырь и дожидаться пріѣзда его изъ Кириллова. Корнилій съ тремя братьями встрѣчаетъ Великаго Князя на Вологдѣ и кланяется ему до земли. Василій Ивановичь бесѣдуетъ съ пустынникомъ на пользу душѣ, поручаетъ ему молиться о разрѣшеніи жены его отъ неплодія, убѣждаетъ старца не оставлять обители, но старецъ противится тому, ссылаясь на свою старость, немощи и заботы о собственномъ спасеніи. Онъ молитъ Великаго Князя отпустить его въ пустыню, чтобы тамъ плакаться о грѣхахъ своихъ. Государь не въ силахъ противиться его моленію и отпускаетъ его. Но не совсѣмъ оставляетъ онъ обитель. Нерѣдко является въ ней, говоритъ поученія братіи. Одинъ братъ Закхей приходитъ къ Преподобному въ мантіи, вязанной лыкомъ, и проситъ его, чтобы онъ приказалъ измѣнить ее на лучшую: Корнилій

отдаетъ ему свою, а самъ надѣваетъ на себя Закхеѣву, вязанную лыкомъ, и долгое время ходитъ въ ней. Передъ кончиною старецъ посѣтилъ ту обитель, въ которой принялъ постриженіе, но скончался въ той, которую самъ основалъ, завѣщавъ ученикамъ своимъ сохранять его преданія. «Заповѣди Божія сохраняйте и мои преданія, яже написахъ вамъ своею рукою, держите сія начастѣ, прочитайте «на воспоминаніе.» Преданія о чудесахъ Преподобнаго соединены съ именами нѣкоторыхъ урочищъ, существующихъ теперь неподалеку отсюда. Такъ упоминается крестьянинъ изъ деревни Кебашъ, веси Обнорской, которая и теперь находится недалеко отъ Обнорскаго яма. Замѣчательны также Русскія имена монастырскихъ крестьянъ: Дубовикъ, Шестакъ, дѣти которыхъ получили изцѣленіе у раки Преподобнаго.

Сѣдовласый монахъ, одинъ оставшійся дома, потому что не въ силахъ былъ колотить сваи, служилъ для насъ молебенъ Преподобному. Храмы монастырскіе весьма бѣдны. Древнѣйшія украшенія ихъ относятся ко временамъ Бориса Годунова, ибо мощи Преподобнаго открыты при Патріархѣ Іовѣ. Крестъ на мощахъ — вкладъ Борисовъ, о чемъ свидѣтельствуетъ и надпись.

Въ монастырѣ сохранены грамоты, относящіяся къ его исторіи. Ризничій хорошо читаетъ ихъ, что̀ не во всѣхъ монастыряхъ встрѣчается. Древнѣйшая ставленая Корниліева (въ попы), дана Симономъ Митрополитомъ въ 1501 году. Она напечатана въ Исторіи Россійской Іерархіи. Другая Патріарха Іова, свидѣтельствующая объ открытіи мощей Св. Корнилія. Отецъ Игуменъ, разбирая архивъ монастырскій, открылъ новыя. Всѣмъ составлена опись. Одна касается до подводъ Патріарху Никону; есть любопытныя грамоты объ *ямчужномъ дѣлѣ*, т. е. объ селитряныхъ варяхъ. Я просилъ Отца Игумна найденныя вновь грамоты отправить въ Археографическую Коммиссію. Но Уставъ, писанный рукою Корнилія Комельскаго и напечатанный въ Исторіи Россійской Іерархіи, въ его обители не сохранился, и нѣтъ ничего, писаннаго его рукою, но

смотря на то, что онъ, какъ видно изъ его жизни, любилъ книжныя занятія.

Братія, утомленная работою, сошлась въ кельяхъ Игумна и пила чай. Мнѣ полюбилась эта патріархальная простота нравовъ, напоминающая древнюю жизнь и самаго Корнилія, который, говоря словами Житія его, «печашеся о братіи, яко отецъ чадолюбивъ, истинный пастырь радяше о овцахъ.»

Недалеко отъ монастыря находятся желѣзистые ключи, которые могутъ быть полезны въ иныхъ болѣзняхъ, но ими однако не пользуются. Въ народѣ живутъ чудесныя преданія объ одномъ деревѣ, которое растетъ не далеко отъ монастыря. Его хотѣли срубить, но не беретъ его никакая сила. Топоры ломались объ него, а отъ дерева вылетали такія искры, что наводили страхъ на покушавшихся. Это дерево заповѣдано было Преподобнымъ Корниліемъ.

Преданіе разсказывалъ намъ извощикъ Иванъ, который насъ везъ отъ Семенковской станціи. Весьма красивый юноша, съ греческимъ профилемъ; правильность носа удивительная; почти нѣтъ выема у бровей, какъ на фигурахъ этрусскихъ вазъ; какимъ образомъ этотъ профиль зашелъ къ намъ сюда? Видно все есть въ нашей огромной Россіи. Карандашь поэта, вѣрно и съ большимъ вкусомъ, передалъ его черты, которыя можно видѣть на рисункѣ. Мы просили Ивана спѣть намъ самую модную, любимую пѣсню, какая теперь поется у нихъ въ народѣ. Онъ намъ спѣлъ ее. Вотъ она:

Захотѣлось мнѣ провѣдать,
Гдѣ любезная живетъ:
Гдѣ живетъ моя милáя,
Та привольна сторона.
Разливалась, растекалась
Быстра рѣченька по ней,
Быстра рѣченька по ней,

Съ крутымъ бережкомъ ровна;
Черезъ эту полу воду
Легку лодочку найму,
Легку лодку, бѣлозёрку,
Переѣду за рѣку
На привольну сторону.
На привольной, на веселой,
Я повыстрою терёмъ,
Я повыстрою терёмъ
Со широкимъ со дворомъ.

*

Съ горя ноженьки не ходятъ,
Глазки нá свѣтъ не глядятъ.
Нѣтъ на свѣтѣ того хуже,
Что женатаго любить:
Онъ женатой вожеватой,
Его жизнь больно бѣдна,
Его женушка вольна:
Не отпуститъ погулять,
Хоть отпуститъ, глазъ не спуститъ,
Все въ окошечко глядитъ.
Нѣтъ на свѣтѣ того лучше
Съ холостымъ любовь водить;
Я тогда дружку повѣрю,
Какъ сама стану гулять;
Я сама стала гулять,
Стала милаго жалѣть.

Не весело пѣлъ Иванъ. Причина была проста. Хозяинъ его скупъ и кормитъ плохо. Съ утра онъ не ѣлъ. На греческой его физіогноміи было выраженіе какой-то грусти и задумчивости. Не смотря на голодъ, онъ оживился, когда проѣзжалъ по селу своему, и проскакалъ лихо, во всю прыть, заглядывая въ окна избъ, откуда высовывались женскія головы, вѣроятно думая про себя: ай-да нашъ Иванъ! какъ лихо скачетъ!

Грязовецъ, уѣздный городъ Вологодской губерніи, прежде бывшій селомъ Грязовлецы, вѣроятно, такъ названъ по грязямъ своимъ, причиняемымъ глинистою почвою. Дурная погода, предшествовавшая нашему пріѣзду, способствовала еще болѣе къ тому, чтобы объяснить происхожденіе его имени. Мнѣ хотѣлось познакомиться въ этомъ городѣ съ слѣпцомъ-математикомъ, Грязовецкимъ мѣщаниномъ, Михайломъ Алексѣевичемъ Серебряковымъ. Я зналъ объ немъ прежде по его біографіи, перепечатанной въ Москвитянинѣ изъ Вологодскихъ Губернскихъ Вѣдомостей, и по собственному письму его, напечатанному въ томъ же журналѣ. Въ этомъ городкѣ родился этотъ замѣчательный Русскій простолюдинъ; вскорѣ послѣ рожденія, ослѣпъ невѣжествомъ своей пѣстуньи и отца, и потомъ раскрылъ столь необыкновенныя математическія дарованія, что своимъ собственнымъ способомъ рѣшалъ важныя математическія задачи и даже обратилъ на себя вниманіе нашего перваго математика, Михаила Васильевича Остроградскаго.

Когда обратился я къ хозяину гостинницы съ вопросомъ о Грязовецкомъ слѣпцѣ, — онъ обрадовался мнѣ, какъ будто давно знакомому, и съ нѣкоторою гордостью отвѣчалъ, что Серебряковъ его пріятель и сей-часъ ко мнѣ явится. Не прошло десяти минутъ, какъ слѣпецъ сидѣлъ уже передо мною, въ своемъ длинномъ, засаленномъ сюртукѣ, во всѣхъ признакахъ своей безпомощной бѣдности, съ замѣчательно умною сократическою физіогноміею. Прибытіе мое было для него радостью. Онъ принесъ мнѣ статью свою о Сократѣ, которую диктовалъ въ это время, и отрывки изъ своей Психологіи, которою занимался онъ уже давно, по совѣту почтенныхъ ученыхъ Вологодской Гимназіи.

Кратковременно было свиданіе мое съ Грязовецкимъ слѣпцомъ. Не болѣе часу провелъ я въ бесѣдѣ съ нимъ. Но послѣ, уже въ Москвѣ, я имѣлъ случай короче съ нимъ познакомиться и узнать о томъ духовномъ образованіи, которымъ онъ обязанъ родному своему городу и тому сословію, изъ коего вышелъ. Серебрякова узнали и радушно

приняли въ нашей столицѣ многіе почтенные люди, ученые, литераторы, свѣтскіе. Появленіе его въ Московскомъ обществѣ доказало, что у насъ не такъ раздѣлены сословія, какъ мы воображаемъ, и что во имя высшихъ началъ духовнаго образованія могутъ соединяться люди, не смотря на то, что по отношеніямъ гражданскимъ они поставлены другъ отъ друга на весьма далекомъ разстояніи.

Лѣта, умѣряющія пылкость и силу воображенія вычисляющаго, недостатокъ средствъ слѣпому, да притомъ бѣдняку, заниматься математикою, и другія наклонности, впослѣдствіи развившіяся, заставили Серебрякова оставить науку числа и мѣры и обратиться къ другимъ занятіямъ, болѣе свойственнымъ его положенію и возрасту. Міръ души открытъ еще болѣе для слѣпаго, нежели для зрячаго— и вотъ куда устремляются его мысли.

Но не каждый могъ бы устремиться туда, безъ предварительнаго приготовленія. Грязовецкій слѣпецъ, къ счастію, получилъ его. Родной его городъ не могъ предложить ему тѣхъ наукъ, которыми мы воздѣлываемъ наши способности, однако и онъ удовлетворилъ его, хотя въ малой мѣрѣ. За то онъ далъ ему нача́ла другаго высшаго, духовнаго образованія, — и эти начала вынесъ онъ изъ круга тѣхъ мѣщанъ и крестьянъ, середи которыхъ воспитался. Въ біографіи слѣпца, напечатанной въ Москвитянинѣ, не было о томъ упомянуто. Здѣсь я передамъ слова̀ самаго слѣпца. Они познакомятъ насъ съ лучшею стороною жизни самаго низшаго изъ сословій нашихъ и дадутъ объясненіе тому, какъ могъ быть развитъ духовный разумъ въ мѣщанинѣ, который заслужилъ вниманіе всеобщее.

«Жители Грязовца, говорилъ слѣпецъ, очень набожны. Въ воскресный или праздничный день всѣ бываютъ, отъ мала до велика, въ церкви, и если случится когда во время всенощнаго бдѣнія или обѣдни проходить по улицѣ, то городъ, по безмолвію, кажется какъ будто пустымъ или вымершимъ; сверхъ того, очень любятъ заниматься Св. Писаніемъ. Есть домы, въ которыхъ каждый день собираются любители Слова Божія и болѣе изъ нихъ умѣющій читаетъ, а прочіе

его слушаютъ; а въ праздничные дни, нерѣдко участвуютъ въ слушаніи Св. Писанія и крестьяне окольныхъ деревень; сверхъ того, и по деревнямъ есть таковые же чтецы Св. Писанія. Мнѣ случалось бывать на деревенскихъ бесѣдахъ, — и вотъ какъ представлялась мнѣ эта бесѣда: въ чистой Русской избѣ сидятъ по лавкамъ и скамейкамъ старцы и юноши, женщины и дѣвушки, — и глава семейства, какъ нѣкій патріархъ, за простымъ деревяннымъ столомъ, читаетъ толстую книгу, при сальной свѣчѣ, а нерѣдко и при лучинѣ; и такъ этотъ чтецъ, то бойкой, то иногда чуть-чуть разбирающій, съ любовью возвѣщаетъ слушателямъ Слово Божіе. Ни бѣдность, ни неумѣнье чтеца, ниже самая молодость нѣкоторыхъ слушателей, ничто не препятствуетъ питаться этою небесною манною. Я въ это время переносился мыслію ко временамъ Апостольскимъ, и думалъ: не такова ли была и Церковь первенствующихъ Христіанъ?....

«Случалось мнѣ бывать свидѣтелемъ и не столь величавыхъ, но не менѣе трогательныхъ явленій, когда отецъ семейства, вечеромъ на праздничный день, зажигаетъ передъ образомъ восковую свѣчу и говоритъ: «Дѣти! пора Богу молиться», — и вотъ все семейство стекается въ одинъ кружокъ, и отецъ беретъ чётки, и всѣ тому послѣдуютъ, и начинается тихая, но, можетъ быть, самая пламенная молитва, которая достигаетъ до престола Вседержителева. — О чемъ эта молитва? — знаетъ одинъ Сердцевѣдецъ. — Но сколько мнѣ случалось слышать тихій, молитвенный шопотъ, онъ состоялъ въ томъ: «Господи, отпусти наши согрѣшенія.» — Я думалъ: добрые люди, да есть ли у васъ согрѣшенія-то? — Потомъ отецъ, какъ бы намѣренно, скажетъ свою молитву погромче обыкновеннаго: «уроди, Господи, хлѣба и соли; создай, Господи, тихую и теплую росу;» — а какъ всегда при большихъ семействахъ находится одинъ или два человѣка въ солдатахъ, то отецъ молится также: «спаси Господи Хрістолюбивое воинство и батюшку Царя православнаго.» — И какъ эдакой молитвѣ не достигнуть небесъ?»

На этихъ-то бесѣдахъ слѣпецъ, лишенный возможности читать, слушалъ кромѣ чтенія Св. Писанія, Творенія Святыхъ Отцевъ, Іоанна Златоустаго, Василія Великаго, Четіи-Минеи Святителя Димитрія Ростовскаго, — и отсюда понятно, какъ разумъ его прежде всего могъ укрѣпиться въ истинахъ духовнаго міра. Не могу удержаться, чтобы не передать здѣсь имена тѣхъ почтенныхъ Грязовецкихъ чтецовъ Слова Божія, которыя мнѣ сообщены были благодарнымъ слѣпцомъ: деревни Креста казенный крестьянинъ Александръ Горячевъ; деревни Баранцева казенный крестьянинъ Павелъ Васильевъ; въ Грязовцѣ мѣщане Александръ Зюнзинъ, Александръ Морозовъ, Василій Гудковъ; купцы Василій Посадскій, Иванъ и Иванъ Комаровы, отецъ съ сыномъ. Любовь къ чтенію не оканчивается однимъ лицомъ, но простирается на все семейство, — и переходитъ отъ одного поколѣнія къ другому, какъ это видно на семействѣ Комаровыхъ.

Какъ жаль, что недостатокъ духовныхъ книгъ препятствуетъ иногда удовлетворенію такой высокой потребности! Какъ бы полезно было, если бы при волостныхъ управленіяхъ заведены были такія библіотеки, изъ которыхъ грамотные крестьяне могли бы, для своихъ благочестивыхъ упражненій, брать Четіи-Минеи, Розыскъ, Алфавитъ Духовный, и всѣ напечатанныя у насъ Творенія Святыхъ Отцевъ. Эти книги могли бы быть собраны при каждой волости, въ числѣ нѣсколькихъ экземпляровъ. А богатые помѣщики могли бы также озаботиться собраніемъ такихъ полезныхъ библіотекъ для своихъ крестьянъ. Много, много добра можно сѣять на той прекрасной почвѣ, которая готова въ сердцахъ и умахъ нашего добраго народа, просвѣщеннаго если не ученымъ разумомъ, то еще высшимъ разумомъ Вѣры.

Скученъ, грязенъ, плохъ показался мнѣ Грязовецъ снаружи. Но когда я познакомился съ замѣчательнымъ питомцемъ этого города, когда этотъ питомецъ раскрылъ мнѣ лучшую сторону внутренней жизни его,—тогда, признаюсь, я сталъ вспоминать объ этомъ городкѣ съ чувствомъ уваженія.

День склонялся къ вечеру, когда я оставилъ Грязовецъ. Извощикъ, который повезъ насъ до слѣдующей станціи, былъ, какъ сказали мнѣ, отличный пѣсенникъ. Но онъ не хотѣлъ пѣть пѣсенъ ради завтрашняго воскресенья и всенощной. Добрый парень послужилъ мнѣ однимъ словомъ, которое сказалъ онъ о подстрѣленномъ рыболовѣ. «Видно баринъ-то угодилъ ему въ *папорзокъ.*» Папорзокъ тоже что папоротокъ: косточки въ птичьихъ крыльяхъ, находящіяся между плечикомъ и кистью, какъ объяснено въ Академическомъ Словарѣ. Это слово изъ устъ народа отозвалось мнѣ тотчасъ выраженіемъ въ Словѣ о полку Игоревѣ: «суть бо у ваю желѣзныи *папорзи* подъ шеломы Латинскими.» Д. Н. Дубенскій такъ и объясняетъ его посредствомъ *папоротокъ* (*). Но только ему неизвѣстна была народная форма слова, которая еще ближе къ объясненію. Подъ именемъ желѣзныхъ *папорзовъ* должно разумѣть желѣзные наплечники и даже латы. Но *папорзами* они названы сравнительно съ птицами, ибо передъ тѣмъ говорено о соколѣ. Устный языкъ народа нерѣдко помогаетъ намъ при объясненіи словъ въ древнихъ памятникахъ.

(*) Но прежде его, И. М. Снегиревъ объяснилъ это слово изъ употребительнаго у народа *подпапорки,* части тѣла, лежащія по бокамъ пупка между нижними ребрами и подвздошною костью.

ВОЛОГДА.

Гостинница Лондонъ. — Слова Блазіуса. — Наружность Вологды. — Древнее значеніе города. — Соборъ. — Мысль о его возобновленіи. — Директоръ Гимназіи: А. В. Башинскій и Инспекторъ: Ѳ. Н. Фортунатовъ. — Бесѣда съ ними. — Дѣйствіе журналовъ. — Дѣйствіе гимназій. — Разсужденіе Ѳ. Н. Фортунатова о воспитаніи. — Батюшковъ. — Селенія Вологодской губерніи. — Семисотлѣтіе Вологды. — Статистическія таблицы города за 1836 годъ. — Пространство Вологодской губерніи. — Монастырь Спасо-Прилуцкій. — Убѣжище церковныхъ сокровищъ Москвы въ 1812 году. — Надписи въ память о томъ. — Архіепископъ Ириней. — Древности ризницы. — Бесѣды съ Преосвященнымъ. — Три мысли, извлеченныя изъ бесѣдъ его. — Всеградская церковь Спаса обыденнаго. — Церковь Усѣкновенія Іоанна Предтечи. — Законоучитель Гимназіи П. В. Васильевскій. — Память Преосвященнаго Иннокентія. — Церковь Св. Ѳеодора Стратилата. — Память объ Іоаннѣ Грозномъ и Петрѣ Великомъ. — Остатки дома 1704 года. — Часовня на мѣстѣ стоявшихъ мощей Митрополита Филиппа. — Церковь Свв. Елены и Константина. — Икона Св. Ѳеодора Стратилата. — Церковь Архангела Гавріила. — Преданіе о бѣлоризцахъ. — Древнѣйшій храмъ Вологды во имя Св. Троицы и Св. Герасима. — Мощи Угодника. — Домъ купцовъ Пятышевыхъ. — Три духовныя ограды Вологды.

Утромъ на разсвѣтѣ, пріѣхали мы въ Вологду, гдѣ гостинница Лондонъ, уже успѣвшая съ тѣхъ поръ сгорѣть, мирно приняла насъ въ свои стѣны. Скоро яркое солнце, свѣтившее во всѣ окна, не завѣшанныя ничѣмъ, и воскресный звонъ нѣкоторой части изъ 400 колоколовъ древняго города, считающаго до 50-ти церквей, разбудили усталыхъ путниковъ. Хотя гардинъ и не было на окнахъ гостинницы, но я не знаю, за что такъ немилосердо опорочилъ ее Блазіусъ въ своемъ Путешествіи. «Обритые, многочисленные, синеблѣдно-лицые половые» показались ему «грязны и отвратительны»; комнаты «нечисты, пусты, зловонны»; «услуженіе медленно;» кушанье «сносно развѣ для голоднаго.» Все это можетъ быть справедливо только въ воображеніи такого иностранца, который ѣздитъ по Россіи съ тай-

нымъ чувствомъ ненависти ко всему, что ни видитъ, и не столько приноситъ пользы себѣ и другимъ, сколько раздражаетъ бѣдную желчь свою. Я имѣлъ случай повѣрять книгу Блазіуса на мѣстахъ, — и нѣсколько разъ обнаруживалась для меня очевидная невѣрность его показаній,—а онъ еще казался добросовѣстнѣе другихъ путешественниковъ и былъ окруженъ такими людьми, которые могли предложить ему просвѣщенное руководство для познанія нашего отечества.

Наружность Вологды поразила меня своею древностью. Но въ этой древности было и что-то мрачное. Особенно стѣны и башни ея съ черными куполами бросились мнѣ въ глаза прежде всего. Вологда издревле была городомъ торговымъ, который позднѣе связывалъ Москву съ Архангельскомъ. Англійскія посольства всегда проѣзжали черезъ нее. Она стояла на богомольномъ пути древнихъ Царей нашихъ въ Кирилловъ монастырь. Вологда была изстари и мѣстомъ изгнанія.

Садъ, раскинутый на площади передъ гостинницей, представлялъ что-то недоконченное. Эстетическая мысль какого нибудь заботливаго градоначальника какъ будто не достигла полнаго своего развитія и осталась заброшенною. Первымъ движеніемъ моимъ было идти въ Соборъ. Хотя Вологду жители ея и считаютъ пятымъ городомъ въ Россіи по числу Божіихъ храмовъ, но соборъ ея отличается ветхостью и сыростью. Строенъ онъ первоначально при Іоаннѣ Грозномъ, но, вѣроятно, былъ передѣлываемъ послѣ. Живопись кромѣ алтаря, говорятъ, относится къ 1688 году, но она весьма пострадала. Характеромъ своимъ, впрочемъ, она не такъ примѣчательна. Дѣятельный и неутомимый въ служеніи Вологодскій Архипастырь, Преосвященный Евлампій, возъимѣлъ мысль обновить этотъ храмъ,—и должно думать, что воззваніе его къ гражданамъ Вологды встрѣтитъ въ сердцахъ ихъ сильный отголосокъ. Между иконами замѣчательна икона Пресвятыя Троицы съ Зырянскою надписью: она стоитъ въ соборѣ у стѣны, съ праваго боку. Надпись не разобрана. Но Зырянскимъ языкомъ

мы не занимаемся. Въ Германіи выходятъ Зырянскія грамматики, но не у насъ, гдѣ самый языкъ существуетъ. Познакомить съ языками племенъ, въ Россія обитающихъ, будетъ, конечно, дѣломъ Географическаго Общества.

Не далеко отъ собора течетъ рѣка Вологда, вѣроятно, давшая названіе и городу, а лѣвѣе отъ собора прилегаетъ къ ней публичный садъ. Изъ собора поспѣшилъ я въ Гимназію. Никогда не забуду радушнаго гостепріимства Директора А. В. Башинскаго и Инспектора Ѳ. Н. Фортунатова. Съ послѣднимъ я былъ уже знакомъ лично, и кромѣ того по статьямъ его, напечатаннымъ въ Москвитянинѣ. Пріятно было встрѣтиться мыслями съ почтенными учеными Вологды и найти здѣсь полное сочувствіе къ тому направленію, которому я постоянно слѣдовалъ въ наукѣ и литературѣ. Здѣсь, по этимъ устнымъ сближеніямъ съ людьми, трудящимися на одномъ съ нами поприщѣ, можно видѣть важность того дѣйствія, которое производятъ журналы на развивающіяся поколѣнія. Мысли, выражаемыя съ каѳедры, остаются въ стѣнахъ университетовъ и приносятъ плодъ, развѣ черезъ многіе годы. Мысли же, распространяемыя посредствомъ журналовъ, дѣйствуютъ немедленно и приносятъ плоды самые быстрые, хотя и непрочные. Соединеніе ученой дѣятельности съ литературною необходимо для каждаго изъ насъ. Я всегда такъ думалъ, и еще болѣе убѣдился въ справедливости моего мнѣнія послѣ бесѣды съ тѣми достойными людьми, которые, болѣе чѣмъ мы, имѣютъ возможность наблюдать эти дѣйствія на опытѣ.

Вліяніе гимназій на просвѣщеніе нашихъ губернскихъ городовъ есть одинъ изъ пріятныхъ результатовъ того движенія, которое дано было просвѣщенію въ наше время. Кромѣ воспитанія и ученья, гимназіи наши много содѣйствуютъ распространенію свѣдѣній историческихъ и статистическихъ о тѣхъ городахъ, гдѣ онѣ устроены. Если этого и не льзя сказать обо всѣхъ гимназіяхъ безъ исключенія, то оно совершенно справедливо въ отношеніи къ Вологдѣ.

Пріятно было мнѣ встрѣтить въ двухъ начальникахъ гимназіи такую единодушную волю, такое согласіе въ мысляхъ, которыми крѣпится дѣло ученія и польза юношества. Инспекторъ Ѳ. Н. Фортунатовъ напечаталъ нѣсколько статей своихъ о воспитаніи, составляющемъ постоянную тему его рѣчей на актахъ гимназіи. Особенно замѣчательны два его разсужденія: 1) Каковъ долженъ быть наставникъ. 2) Источники успѣховъ нравственнаго воспитанія въ общественныхъ заведеніяхъ. Первое изъ этихъ разсужденій все проникнуто глубокимъ, искреннимъ сознаніемъ того высокаго назначенія, которое имѣетъ наставникъ. Оно выражено Евангельскими словами въ заключеніи: «*Тако да просвѣтится свѣтъ вашъ предъ человѣки, яко да видятъ ваша добрая дѣла и прославятъ Отца вашего, иже на небесѣхъ*, сказалъ Спаситель ученикамъ, отпуская ихъ на проповѣдь, а въ лицѣ ихъ сказалъ и намъ всѣмъ, наставникамъ и воспитателямъ.» Чтобы быть достойнымъ учителемъ, надобно быть, по мнѣнію Христіанскаго педагога, самому ученикомъ Спасителя, единственнаго учителя и наставника. Многолѣтній опытъ внушилъ автору Разсужденія много полезныхъ совѣтовъ, напримѣръ слѣдующій: «Разгоряченный наставникъ превращаетъ для себя и для дѣтей часы ученія въ часы мученія и скуки; безъ всякой пользы онъ разстроиваетъ себя, и часто не только не исправляетъ, но еще болѣе ожесточаетъ дѣтей.» — Опасаться должно въ ученіи сухости механизма; безъ него обойтись нельзя; но одинъ механизмъ превращаетъ ученіе въ форму. И противъ этого даетъ прекрасное средство опытный руководитель. «*При любви къ своему долгу*, говоритъ онъ, *нѣтъ механизма.*» Это сущая правда. Только любовь можетъ оживить ученье: безъ нея—оно сухой и скучный механизмъ, который можетъ надоѣсть и надоѣдаетъ большей части учениковъ. Не слишкомъ знающій учитель, но съ чувствомъ любви, долженъ быть всегда предпочтенъ самому знающему, но безъ нея. Когда познакомишься лично съ тѣмъ, кто предлагаетъ эти совѣты, то убѣдишься, что въ этихъ сло-

вахъ не одна отвлеченная теорія, а голосъ жизни и лучшихъ убѣжденій душевныхъ, потому что о томъ, кто писалъ ихъ, можно сказать его же словами: «душа проглядываетъ во всемъ.» — Въ другомъ Разсужденіи своемъ: *объ источникахъ успѣховъ нравственнаго воспитанія*, я весьма сочувствую педагогу въ тѣхъ мысляхъ, которыя относятся къ соединенію семейнаго воспитанія съ общественнымъ или государственнымъ. Все то, что̀ говоритъ онъ, обращаясь къ родителямъ, превосходно. Но глубоко задумаешься надъ совершенною правдою этихъ словъ, которыя поставлены почти въ заключеніи: «Много есть такого, чего слабый умъ разрѣшить не можетъ. Отъ чего у добрыхъ и попечительныхъ родителей бываютъ иногда дурныя дѣти? Отъ чего дѣти однихъ и тѣхъ же родителей, не одинаковы въ качествахъ своихъ? Дѣти порочныхъ родителей, по видимому, лишенныя добраго воспитанія, бываютъ нравственнѣе тѣхъ, за которыми неослабно слѣдятъ въ дѣтствѣ и юношествѣ? «Да, это случается, и не признавъ высшей воли, никто не разрѣшитъ этой тайны. Туже самую мысль, но не такъ искусно выраженную, мнѣ случилось однажды слышать изъ устъ Русскаго крестьянина, который говорилъ со мною о воспитаніи дѣтей.

Ѳ. Н. Фортунатовъ своими дѣльными статьями много оживлялъ и Вологодскія Губернскія Вѣдомости, потому что исторія города и его памятниковъ, равно и статистика, ему хорошо извѣстны. Гораздо любопытнѣе и полезнѣе тѣ Губернскія Вѣдомости, которыя знакомятъ съ жизнію, какъ прошедшею, такъ и настоящею, самаго края. Бываютъ въ иныхъ мѣстахъ и такія, въ которыхъ говорятъ о ловлѣ тигровъ и китовъ: ужь въ такомъ случаѣ ловля волковъ, или даже зайцевъ, была бы гораздо привлекательнѣе и полезнѣе.

Подъ руководствомъ представителей отечественнаго просвѣщенія въ Вологдѣ, могъ я взглянуть на городъ и узнать то, что̀ въ немъ особенно достопримѣчательнаго.

Прежде чѣмъ говорить о памятникахъ святыни Вологодской, разскажу объ одномъ грустномъ свиданіи, котораго желалъ я.

А. В. Башинскій повезъ меня къ начальнику Удѣльной Конторы, Г. А. Г-су, въ домѣ котораго живетъ Константинъ Николаевичъ Батюшковъ, окруженный нѣжными заботами своихъ родныхъ. Болѣзненное состояніе его перешло въ болѣе спокойное и неопасное ни для кого. Небольшаго росту человѣкъ, сухой комплекціи, съ головкой почти совсѣмъ сѣдою, съ глазами ни на чемъ не остановленными, но безпрерывно разбѣгающимися, съ странными движеніями особенно въ плечахъ, съ голосомъ раздраженнымъ и хрипливо-тонкимъ, предсталъ передо мною. Подвижное лицо его свидѣтельствовало о нервической его раздражительности. На видъ ему лѣтъ 50 или болѣе. Такъ какъ мнѣ сказали, что онъ любитъ Италіянскій языкъ и читаетъ иногда на немъ книги, то я началъ съ нимъ говорить по-Итальянски, но проба моя была неудачна. Онъ ни слова не отвѣчалъ мнѣ, разсердился и быстрыми шагами вышелъ изъ комнаты. Черезъ полчаса однако успокоился, — и мы вмѣстѣ съ нимъ обѣдали. Но, кажется, всѣ связи его съ прошедшимъ уже разорваны. Друзей своихъ онъ не признаётъ. За обѣдомъ, въ разговорѣ, онъ сослался на свои Опыты въ прозѣ, но въ такой мысли, которой тамъ вовсе нѣтъ. Говорятъ, что попытка читать передъ нимъ стихи изъ Умирающаго Тасса была также неудачна, какъ моя проба говорить съ нимъ по-Итальянски. Я упомянулъ, что въ Римѣ, на піацца Поли, Русскіе помнятъ домъ, въ которомъ онъ жилъ, и указываютъ на его окна. Казалось, это было для него не совсѣмъ непріятно. Также прочли ему когда-то статью объ немъ, напечатанную въ Энциклопедическомъ лексиконѣ: она доставила ему удовольствіе. Какъ будто любовь къ славѣ не совсѣмъ чужда еще чувствамъ поэта, при его умственномъ разстройствѣ!

Батюшковъ очень набоженъ. Въ день своихъ имянинъ и рожденья онъ всегда проситъ отслужить молебенъ, но

никогда не дастъ попу за то денегъ, а подаритъ ему розу или апельсинъ. Вкусъ его къ прекрасному сохранился въ любви къ цвѣтамъ. Нерѣдко смотритъ онъ на нихъ и улыбается. Любитъ дѣтей, играетъ съ ними, никогда ни въ чемъ не откажетъ ребенку, и дѣти его любятъ. Къ женщинамъ питаетъ особенное уваженіе; не съумѣетъ отказать женской просьбѣ. Полное вліяніе имѣетъ на него родственница его, Е. П-на Г. Для нея нѣтъ отказа ни въ чемъ. Нерѣдко гуляетъ. Охотно слушаетъ чтеніе и стихи. Дома любимое его занятіе — живопись. Онъ пишетъ ландшафты. Содержаніе ландшафта почти всегда одно и тоже. Это элегія или баллада въ краскахъ: конь, привязанный къ колодцу, луна, дерево, болѣе ель, иногда могильный крестъ, иногда церковь. Ландшафты писаны очень грубо и нескладно. Ихъ даритъ Батюшковъ тѣмъ, кого особенно любитъ, всего болѣе дѣтямъ. Дурная погода раздражаетъ его. Бываютъ иногда капризы и внезапныя желанія. Въ числѣ несвязныхъ мыслей, которыя выражалъ Батюшковъ въ разговорѣ съ Директоромъ гимназіи, была одна, достойная человѣка вполнѣ разумнаго, что свобода наша должна быть основана на Евангельскомъ законѣ.

Царская милость льется и на эту развалину поэта, который въ свое время принесъ славу Отечеству. Пожизненная пенсія отъ Государя обезпечиваетъ жизнь его.

Въ чертахъ лица можно найти еще хотя слабые остатки сходства съ тѣмъ портретомъ, который находится при его сочиненіяхъ. Приложенный рисунокъ дастъ вѣрное понятіе о его ростѣ и положеніи. Снять лицо было невозможно. Даже и за это, замѣтивъ пріемы рисовальщика издали, поэтъ наградилъ его нѣсколькими дикими взглядами! Такой портретъ имѣетъ впрочемъ, хотя грустное, но вѣрное значеніе. Здѣсь уступаю перо тому, чей карандашъ уловилъ прилагаемыя черты. Оживленный разсказъ его о встрѣчѣ съ Батюшковымъ дополнитъ то, чего нельзя было передать въ рисункѣ.

Встрѣча съ Батюшковымъ.

«8 Іюля, поутру, я пріѣхалъ къ Г. А. Г—су. Было около девяти часовъ. Въ домѣ еще не начинали двигаться и никто не встрѣтилъ меня, ни на крыльцѣ, ни въ передней. Я вошелъ тихо. Дверь, ведущая въ залу, была немного отворена и когда я взглянулъ туда: мнѣ мелькнула какая-то бѣлая фигура, ходившая изъ угла въ уголъ по комнатѣ. Я вглядѣлся: это былъ старичокъ, небольшаго росту, въ бѣломъ полотняномъ сюртукѣ; на головѣ у него была бархатная темномалиновая ермолка; въ рукахъ бѣлый платокъ и серебряная табакерка; на ногахъ черные спальные сапоги. Я старался, какъ можно скорѣе, разсмотрѣть съ ногъ до головы этого старичка: мнѣ почему-то казалось, что это Батюшковъ; и въ самомъ дѣлѣ это былъ онъ. Я глядѣлъ на него только одинъ мигъ. Онъ сейчасъ услыхалъ шумъ въ передней, подошелъ къ двери, взглянулъ на меня, и быстро повернувшись ушелъ. Я вошелъ въ залу; тамъ не было никого. По серединѣ стоялъ круглый столъ. Въ простѣнкахъ между окнами, которыя глядѣли на улицу, было два зеркала. По стѣнѣ стояли стулья. Я сѣлъ на одинъ, дожидаясь, что кто-нибудь войдетъ. На право какъ-разъ противъ одного зеркала, была отворенная дверь, которая, какъ мнѣ казалось, вела въ корридоръ. Не много погодя, по этому корридору раздались шаги, и въ залу вошелъ тотъ же бѣленькой старичокъ. Не глядя на меня, онъ пошелъ прямо къ зеркалу; я увидѣлъ тамъ его лице и страшные глаза, дико сверкавшіе изъ-подъ густыхъ бровей, какъ будто-бы онъ сердился; онъ также увидѣлъ меня; два раза окинулъ меня глазами; потомъ взглянулъ опять въ зеркало, снялъ ермолку, взъерошилъ волосы, совершенно бѣлые и низко подстриженные, надѣлъ опять ермолку, быстро повернулся и скорыми шагами вышелъ, или, можно сказать, выбѣжалъ вонъ. Все это произошло въ два, въ три мгновенія. Нечего было болѣе сомнѣваться: это Батюшковъ. Вскорѣ опять послышались шаги; взошелъ самъ

хозяинъ. Послѣ обыкновеннаго привѣтствія, онъ — зная, зачѣмъ *я* пріѣхалъ, сказалъ мнѣ прямо: «вы *его* видѣли; *онъ* тутъ ходилъ, бѣленькой, сѣдой старичокъ!» Я не могъ не замѣтить этихъ простыхъ словъ, хотя они были сказаны безъ всякой особенной мысли. Лучше всякихъ описаній они рисовали мнѣ настоящаго Батюшкова: имени нѣтъ; просто — *онъ*, бѣленькой, сѣдой старичокъ и только!....» Теперь онъ вѣрно не выйдетъ до самаго чаю — продолжалъ хозяинъ — онъ не любитъ, если приходятъ его смотрѣть. Пожалуйста не говорите съ нимъ: у насъ вчера умеръ человѣкъ; это его растревожило и онъ безпрестанно повторяетъ: «не шумите, Михайла умеръ!» — И въ самомъ дѣлѣ, не много погодя, я услышалъ, какъ онъ говорилъ кому-то въ другой комнатѣ: не шумите, Михайла умеръ!

«Вскорѣ потомъ подали самоваръ. Пришла хозяйка съ дѣтьми и мы всѣ усѣлись за круглый столъ, стоявшій по срединѣ комнаты. Константину Николаевичу сказали — и онъ вошелъ очень тихо, но все еще взглядывалъ на меня. Онъ прошелся нѣсколько разъ по комнатѣ и, казалось, немного успокоился, какъ будто рѣшилъ, что я пришелъ не за тѣмъ, чтобъ его смотрѣть, а въ гости къ хозяину, пить чай. Только лицо его все еще было сердито. Наконецъ мы стали пить чай. Ему налили первому, и поставили чашку на круглый серебряный подносикъ. Онъ сѣлъ подлѣ меня, по лѣвую руку, и началъ пить, наливая на блюдечко и придерживая его пятью пальцами. Тутъ я старался разсмотрѣть, какъ можно лучше, черты его лица. Оно тогда было совершенно спокойно. Темносѣрые глаза его, быстрые и выразительные, смотрѣли тихо и кротко. Густыя, черныя съ просѣдью брови не опускались и не сдвигались. Лобъ разгладился отъ морщинъ. Въ это время онъ нисколько не походилъ на сумасшедшаго. Какъ ни вглядывался я: никакого слѣда безумія не находилъ на его смирномъ, благородномъ лицѣ. Напротивъ, оно было въ ту минуту очень умно. Скажу здѣсь и обо всей его головѣ: она не такъ велика; лобъ у него открытый, большой; носъ маленькой съ горбомъ; губы тонкія и сухія; все лицо худощаво, нѣ-

сколько морщиновато; особенно замѣчательно своею необыкновенною подвижностію; это совершенная молнія; переходы отъ спокойствія къ безпокойству, отъ улыбки къ суровому выраженію — чрезвычайно быстры. И весь вообще онъ очень живъ и даже вертлявъ. Все, что̀ ни дѣлаетъ, дѣлаетъ скоро. Ходитъ также скоро и широкими шагами. Глядя на него, я вспомнилъ извѣстный его портретъ; но онъ теперь почти не похожъ, и тотъ полный лицемъ, кудрявый юноша ничуть не напоминаетъ гладенькаго, худенькаго старичка....

«Во время чаю, хозяинъ спросилъ у него: «Что̀ это, Константинъ Николаевичъ, у насъ такая дурная погода? Не знаете-ли вы? Вотъ вамъ и гулять нельзя!»—Онъ отвѣчалъ только: «да!» и сталъ пить чай. Когда онъ допилъ чашку, его спросили, — не хочетъ ли онъ еще? Но онъ сказалъ отрывисто: нѣтъ! кофею!—Потомъ всталъ и ушелъ въ переднюю. Говорятъ, это его любимое мѣсто. Иногда онъ сидитъ тамъ по цѣлому часу. Не много погодя, онъ вышелъ изъ передней и сталъ ходить по комнатѣ. Часто подходилъ къ окну, останавливался передъ нимъ, заложивъ руки назадъ, или скрестивши ихъ на груди, и смотрѣлъ на улицу. Потомъ опять начиналъ ходить. Онъ уже совершенно забылъ про меня. Лице его было спокойно, только брови иногда немного насупливались. Никто изъ домашнихъ не обращалъ на него никакого вниманія. Дѣти бѣгали по комнатѣ, и это его не безпокоило. Одинъ ребенокъ вдругъ подбѣжалъ къ нему и сталъ его затрогивать; онъ нагнулся, ласково потрепалъ дитя по щекѣ, взялъ за подбородокъ и улыбнулся; трудно сказать, какъ много было пріятности въ этой улыбкѣ... можетъ быть, потому, что не ждешь ея на этомъ постоянно суровомъ и, если не сердитомъ, такъ задумчивомъ лицѣ... Потомъ онъ опять подошелъ къ окну и сталъ глядѣть на улицу, но вдругъ засуетился, схватилъ откуда-то карандашъ и клочекъ бумаги и быстро—черкнулъ на немъ что-то; мнѣ показалось, кругъ, но это была уточка, нарисованная съ одного, или двухъ почерковъ. Здѣсь кстати упомянуть, что онъ часто

рисуетъ картинки и больше красками, и то, что̀ нарисуетъ, отдаетъ дѣтямъ. На картинкахъ его всегда одно и тоже изображеніе: бѣлая лошадь пьетъ воду; съ одной стороны деревья, раскрашенныя разными красками—желтой, зеленой и красной; тутъ же досталось иногда и лошади на долю; съ другой стороны за̀мокъ; вдали море съ кораблями, темное небо и блѣдная луна.

Послѣ того онъ опять сталъ ходить по комнатѣ; вдругъ остановился и спросилъ: что̀ же кофею? — Ему отвѣчали: сейчасъ! — и скоро потомъ налили и поставили чашку на прежнее мѣсто. Онъ сѣлъ опять подлѣ меня; началъ пить, но замѣтивъ, что и мнѣ налита чашка, подалъ мнѣ ее и подвинулъ сливки. Въ это время вошелъ какой-то господинъ и направилъ шаги свои въ кабинетъ къ хозяину. Батюшковъ взглянулъ на него быстро и закричалъ вслѣдъ: Алексѣй Ивановичь, принесите мнѣ бумажки потолще! И когда тотъ, немного погодя, проходилъ опять черезъ залу, Батюшковъ повторилъ снова: принесите-же бумажки потолще! — И, допивъ кофей, всталъ и началъ опять ходить по залѣ; опять останавливался у окна и смотрѣлъ на улицу; иногда поднималъ плечи вверхъ, что-то шепталъ и говорилъ; его неопредѣленный, странный шопотъ былъ нѣсколько похожъ на скорую, отрывистую молитву, и можетъ быть онъ въ самомъ дѣлѣ молился, потому что иногда закидывалъ назадъ голову, и, какъ мнѣ казалось, смотрѣлъ на небо; даже мнѣ однажды послышалось, что онъ сказалъ шопотомъ: Господи!... Въ одну изъ такихъ минутъ, когда онъ стоялъ такимъ образомъ у окна, мнѣ пришло въ голову срисовать его сзади. Я подумалъ: это будетъ Батюшковъ безъ лица, обращенный къ намъ спиной, и я, вынувъ карандашъ и бумагу, принялся какъ можно скорѣе чертить его фигуру; но онъ скоро замѣтилъ это и началъ меня ловить, кидая изъ-за плеча безпокойные и сердитые взгляды. Безуміе опять заиграло въ его глазахъ, и я долженъ былъ бросить работу... Къ счастію, вскорѣ принесли бумагу, о которой онъ просилъ, и это его успокоило, онъ мгновенно измѣнился; весело схватилъ поданный ему листъ

бумаги, перервалъ пополамъ и половину сталъ отдавать старшему сыну хозяина, говоря: «не хочешь-ли, я тебѣ дамъ?»— И хоть тотъ отказывался, онъ таки настоялъ на своемъ и заставилъ его взять бумагу, сказавши отрывисто: «нà, возьми, возьми! у меня есть! Мнѣ довольно!» Остальные пол-листа разорвалъ на четвертушки, и потомъ на восьмушки, и ушелъ съ ними изъ залы, и больше не возвращался.

«Я пошелъ домой, и дорòгой, долго послѣ, все думалъ о Батюшковѣ. Меня поразило это грустное явленіе. Это былъ первый съумасшедшій, котораго я видѣлъ... и какой человѣкъ! и какой урокъ человѣку!.. Мнѣ часто приходитъ на память это славное лицо, эти глаза, въ которыхъ иногда какъ нарочно сверкаетъ что-то, напоминающее умъ, навѣки улетѣвшій изъ даровитой головы... Я живо вижу эту бѣлую фигуру у окна, съ руками, сложенными крестъ-на-крестъ, съ лицемъ, обращеннымъ къ небу; кажется, я слышу, какъ онъ шепчетъ что-то, какъ бы молитву, и мнѣ все хочется спросить: если ты молишься, о чемъ ты молишься, старикъ?....»

Н. Б.

Разговоры съ Г. А. Г. о состояніи удѣльныхъ имѣній Вологодской Губерніи были для меня любопытны, хотя и не по моей части. Селенія находятся на огромномъ разстояніи другъ отъ друга и состоятъ, нерѣдко, только изъ одного, двухъ, или трехъ дворовъ. Сообщенія между ними, по причинѣ разстояній, ужасно трудны. Вся эта мѣстность влечетъ за собою нѣкоторыя неизбѣжныя особенности въ управленіи. Не льзя было довольно налюбоваться порядкомъ устройства самой Конторы, гдѣ всякая нужная бумага можетъ быть найдена въ нѣсколько секундъ и гдѣ каждый подвѣдомый ей крестьянинъ извѣстенъ ей совершенно со всѣмъ своимъ бытомъ. При Конторѣ находится богатая аптека, съ разными лѣкарственными пособіями для крестьянъ.

Вологда, въ 1847 году, вмѣстѣ съ Москвою въ одинъ годъ, праздновала свое семисотлѣтіе, потому что въ 1147

году 19-го Августа, Преподобный Герасимъ прибылъ въ нее съ горъ Кіевскихъ. Такъ говорится въ житіи Угодника, и по этому случаю въ первый разъ упоминается ея имя. Вологодская Гимназія не забыла этого событія. Ученикъ VII класса Зарляндъ, уроженецъ Гамбурга, лютеранинъ по вѣрѣ, читалъ на торжественномъ актѣ сочиненіе: *Семисотлѣтіе Вологды.* Почтенные наставники Гимназіи умѣютъ питать чувства уваженія къ мѣстнымъ историческимъ преданіямъ. Исторія Вологды и всего окружающаго ее края составляетъ постоянный предметъ изученія для питомцевъ Вологодскихъ. Темы для сочиненій на акты почерпаются отсюда. Кто полюбитъ исторію Вологды и будетъ уважать свой родной городъ, тотъ полюбитъ непремѣнно и исторію Россіи и будетъ благоговѣть передъ своимъ отечествомъ. Литературными бесѣдами развиваются дарованія учениковъ, и этимъ бесѣдамъ наставники стремятся дать отечественное направленіе.

Любопытны многія статистическія подробности города, собранныя Ѳ. Н. Фортунатовымъ за 1836 годъ. Всѣхъ жителей въ городѣ обоего пола было тогда 16,278. Изъ нихъ духовнаго сословія 1,183, дворянъ 522, благородныхъ 1,024, купцовъ 490, мѣщанъ 6,121, дворовыхъ людей 2,359, крестьянъ 1,335. Учащихся 1,337 и всего болѣе въ Семинаріи, имѣвшей 414 учениковъ. Церквей 50, при нихъ придѣловъ 98, колоколовъ 400. Домовъ 1,310, изъ которыхъ каменныхъ только 64. Бань публичныхъ 1, а частныхъ 950, по одной банѣ на 17 человѣкъ жителей. Есть и литографія одна, гостинницъ 8, лавочекъ росиивочныхъ 20, винныхъ ренскихъ погребовъ 14, лавокъ съ товарами въ рядахъ 273 — и въ томъ числѣ ни одной книжной лавки. Но съ тѣхъ поръ, кажется, заведена одна, вѣроятно, стараніями ученыхъ Вологодской Гимназіи, но и то весьма медленно удовлетворяющая ихъ любознательности, алчной до современнаго чтенія. Не льзя не пожалѣть, что такого рода статистическія таблицы не ведутся постоянно. Въ нихъ была бы живая исторія развитія всякой общественной жизни въ городѣ.

Весьма сожалѣю, что я не имѣлъ счастія представиться Вологодскому Епископу Евлампію. Его Преосвященство въ то время объѣзжалъ свою огромную Епархію, которая, послѣ Архангельской, есть самая обширная во всей Европейской Россіи. Земли ея не измѣрены. Говорятъ, что онѣ заключаютъ 7,187 кв. миль, но это приблизительно. Самое большее протяженіе Вологодской губерніи въ длину составляетъ лѣтнимъ путемъ 2,000 верстъ. Окружность же всей губерніи полагаютъ въ 5,000 верстъ. Блазіусъ въ своемъ Путешествіи разсказываетъ о замѣчательномъ спорѣ, который происходилъ въ его присутствіи: одинъ говорилъ, что казеннаго лѣсу въ Вологодской губерніи 30 милліоновъ десятинъ, а другой, что только 12 милліоновъ. Блазіусъ замѣчаетъ, что первое число въ 50 разъ превосходитъ лѣса, находящіеся въ цѣлой Франціи.

Обозрѣніе достопамятностей Вологодскихъ я могъ совершить подъ просвѣщеннымъ руководствомъ знатока ихъ, Ѳ. Н. Фортунатова. Мы начали обозрѣніе съ монастыря Спасо-Прилуцкаго, отстоящаго отъ Вологды въ 5 верстахъ. Кромѣ святыни и древности, меня привлекало въ эту обитель пребываніе въ ней Преосвященнаго Архіепископа Иринея, о назидательныхъ бесѣдахъ котораго я столько слышалъ.

Начало обители относится къ концу XIV вѣка. Св. Димитрій Прилуцкій, основатель ея, былъ современникомъ Димитрію Донскому. Икона Преподобнаго сопровождала Іоанна IV на походѣ его въ Казань. Въ 1811 году загорѣлась та церковь, гдѣ находится эта икона. Весь иконостасъ пылалъ. Монастырскій служитель бросился въ середину пламени и чудеснымъ усердіемъ своимъ спасъ ее отъ пожара. На другой годъ, 1812-й, въ томъ же Сентябрѣ мѣсяцѣ, когда случилось это несчастіе, та же церковь, бывшая сама еще свѣжимъ пепелищемъ послѣ пожара, приняла въ свои священныя стѣны драгоцѣнности церковныя Москвы, вывезенныя изъ Патріаршей ризницы, изъ соборовъ,

Сергіевой Лавры и монастырей. Въ ночь на 1-е Сентября (*), до того какъ Французамъ вступить въ Москву, выѣхалъ обозъ съ этими сокровищами, обозъ, неохраненный никѣмъ, кромѣ немногихъ инвалидовъ, да нѣсколькихъ иноковъ. Видно, не дремала надъ нимъ охрана Божія. Здѣсь, въ соборной церкви Спасо-Прилуцкаго монастыря, лежало все это церковное богатство Москвы въ теченіи трехъ мѣсяцевъ. Всякому Русскому, но особенно жителю Москвы, не льзя не ощутить сердечнаго благоговѣнія въ этомъ храмѣ, при мысли, что онъ хранилъ въ годину тяжкую все движимое благолѣпіе нашихъ церквей. До сихъ поръ, надпись, сдѣланная надъ кровлею поверхъ Архіепископскихъ келлій Игуменомъ Павломъ, блюстителемъ этой святыни, свидѣтельствуетъ намъ о томъ. На верху, подъ всевидящимъ окомъ, изображенъ 1812 годъ, а подъ нимъ двустишіе отъ лица монастыря:

Безбѣдно Богъ меня въ сей лютый годъ хранилъ,
Москвѣ разсѣянной прибѣжищемъ я былъ.

Есть еще другая внутренняя надпись, которую написалъ карандашемъ Игуменъ У. на стѣнѣ одной изъ келлій, занимаемыхъ Преосвященнымъ Иринеемъ. Она хранится свято. Карандашъ замѣненъ чернилами. Вотъ она:

Въ то время, въ грозную для Церкви ту годину,
Какъ новый Юліанъ въ надменности своей,
Безбожною рукой коснулся олтарей,
(Разбойникъ, взявъ Царя подложную личину),
Въ то время, въ лютый часъ пылающей Москвы,
Какъ сорванъ Крестъ Хрістовъ съ Ивановской главы,
Какъ града жители отъ буйствъ врага страдали,
(Ихъ крыло рубище — тирана вѣчный стыдъ),
Въ то время въ сихъ стѣнахъ спокойно пребывали

(*) См. Очерки жизни Московскаго Архіепископа Августина, соч. И. М. Снегирева. Москва. 1848. стран. 29. «Ночью Августинъ отправилъ по Ярославской дорогѣ въ Вологду съ Архимандритомъ Симеономъ Крыловымъ ризницы — Патріаршую съ ея библіотекой, соборныя, нѣкоторыя монастырскія вмѣстѣ съ ризницею Троицкой Лавры.»

Игуменъ и Архимандритъ:
Одинъ монастыря Угрѣшскаго Николы,
Другой Святителя, что въ Греціи глаголы
Въ желѣзныя сердца златые изливалъ
И Златоустымъ свѣтъ котораго назвалъ.
О, адскихъ замысловъ коварный исполнитель!
Прерви змѣиный тонъ, Парижанинъ Лессетъ!
Насъ гласомъ матернимъ Москва къ себѣ зоветъ.
Прости, священная обитель!
Какъ ты покоила, какъ ты хранила насъ,
Такъ да покоитъ Богъ тебя на всякой часъ.

1812.

Гостепріимный Архипастырь принималъ насъ два раза въ той самой келліи, гдѣ авторомъ написаны, а имъ сохранены эти стихи, — два раза, потому что одинъ разъ самому торопливому путнику не льзя удовольствоваться его мыслеобильною бесѣдою. Въ первый разъ застали мы его гулявшаго въ саду, гдѣ лелѣялъ онъ любимыя имъ бѣлыя розы и дубъ, разбитый молніей, который сохранилъ онъ отъ погибели подъ пескомъ и известью. Въ другой разъ онъ окруженъ былъ толпой недужныхъ крестьянъ, которые приходили къ нему изо всѣхъ окольныхъ селъ и деревень за цѣлебными травами и помощью.

Прежде всего, поклонились мы въ нижней церкви мощамъ Преподобнаго Димитрія и Углицкаго Князя Іоанна, въ монашествѣ Игнатія, сосланнаго сюда Грознымъ и здѣсь принявшаго схиму. Церковь древняя вся подновлена. Прекрасенъ новый придѣлъ, построенный уже Преосвященнымъ Иринеемъ, во имя Усѣкновенія главы Іоанна Предтечи. Архитектура и живопись приносятъ честь вкусу руководителя при строеніи и самимъ художникамъ. Живописецъ Катинъ, котораго труды въ Вологдѣ нерѣдко встрѣчаются, умѣлъ соединить съ академическимъ образованіемъ религіозное вдохновеніе. Многіе ученики идутъ по слѣдамъ его. Въ ризницѣ замѣчателенъ серебряный ковшъ Дьяка Скворцова, жалованный ему за Крымскую посылку.

Никогда не забуду я малыхъ часовъ, проведенныхъ мною въ бесѣдѣ съ Преосвященнымъ. Лучшіе дары, какіе можетъ ученый принять отъ духовнаго наставника, состоятъ въ тѣхъ благодатныхъ мысляхъ, которыя въ семъ послѣднемъ являются плодомъ постояннаго самоуглубленія и высшаго размышленія духовнаго. Не могу здѣсь не записать трехъ мыслей, которыя считаю я до сихъ поръ лучшимъ угощеніемъ, предложеннымъ мнѣ отъ гостепріимнаго Архипастыря.

Первая тронула меня за живое, потому что коснулась науки и ученаго вообще. До сихъ поръ, казалось мнѣ, въ Евангеліи не было оправданія нашему дѣлу и званію. Я не помнилъ такихъ словъ Іисуса Хріста, которыя бы прямо сюда относились. Архипастырь навелъ мою мысль на 13-ую главу Евангелія отъ Матөея. Здѣсь Спаситель, изложивъ притчи о царствіи небесномъ, обратился къ предстоявшимъ и спросилъ ихъ: поняли ли вы все сіе? Они сказали: поняли, Господи. Тогда сказалъ онъ имъ: *«сего ради всякъ книжникъ научився царствію небесному, подобенъ есть человѣку домовиту, иже износитъ отъ сокровища своего новая и ветхая.»* Здѣсь, какъ мы видимъ, не презрѣна нисколько наука, не поставлена низко; но ученый, научившійся царствію небесному, уподобленъ домовитому хозяину, который изъ сокровища своего выноситъ новое и старое. Какая полнота знанія дана такому книжнику! Ученіе о царствіи небесномъ не есть ли такое ученіе, которое всегда ново и которое всегда можетъ обновлять науку?

Другая мысль касается важнѣйшей части Божественной литургіи — времени пресуществленія Евхаристіи. Изъ Исторіи Церковной нашей Словесности мнѣ извѣстенъ былъ споръ объ этомъ предметѣ, происходившій у насъ при Патріархѣ Іоакимѣ между Римско-Католическою партіею и представителями Православія. Преосвященный объяснилъ мнѣ всю силу различія между нашимъ Православнымъ и Римскимъ ученіемъ.

Третія мысль касалась извѣстнаго мѣста въ Пророкѣ Исаіи, гдѣ говорится о семи дарахъ Святаго Духа:

«*И* изыдетъ жезлъ изъ корене Іессеова, и цвѣтъ отъ корене его взыдетъ: и почіетъ на немъ Духъ Божій, Духъ премудрости и разума, Духъ совѣта и крѣпости, Духъ вѣдѣнія и благочестія. Исполнитъ Его Духъ страха Божія.» *Исаіи* гл. XI, 1 — 3. Въ этомъ исчисленіи дары Св. Духа у Пророка Исаіи поставлены такъ, какъ они Св. Духомъ сообщаются. Дѣйствіе Духа Божія начинается съ премудрости, съ разума, переходитъ въ волю, въ совѣтъ и крѣпость, потомъ соединяетъ вѣдѣніе и благочестіе, и наконецъ вся эта лѣствица на вершинѣ своей замыкается тѣмъ трепетомъ, какъ высшимъ чувствомъ, которое ощущаетъ уже весь человѣкъ, приближаясь къ Богу. Сего трепета не чужды самые Ангелы, по словамъ покаяннаго канона Церкви. (Его же трепещутъ Херувіми и Серафіми) (*). Такъ къ принятію даровъ Св. Духа призываетъ вѣрующихъ и сама Церковь, возглашая въ навечеріи на Богоявленіе: «Гласъ Господень на водахъ вопіетъ глаголя: пріидите, пріимите вси Духа премудрости, Духа разума, Духа страха Божія, явлшагося Хріста.»

Вотъ тѣ три духовные дара, которые я вынесъ изъ назидательныхъ бесѣдъ съ Преосвященнымъ Иринеемъ.

Обозрѣніе древнихъ памятниковъ самаго города Вологды мы начали съ Ѳ. Н. Фортунатовымъ со Всеградской церкви Спаса-Обыденнаго — и тѣмъ соблюли обычай всякаго истинно православнаго Вологжанина, который не начнетъ никакого дѣла, не испросивъ прежде благословенія Божія въ этой самой церкви. Вотъ по какому случаю она была построена и названа обыденною. Въ 1655 году, при Царѣ Алексіѣ Михаиловичѣ, моровое повѣтріе, свирѣпствовавшее въ Россіи три года, было занесено и въ Вологду. Жители города рѣшились единодушно однимъ днемъ построить во имя Всемилостиваго Спаса деревянный храмъ, и начали рубить его въ ночи на 18-е Октября, и срубили за два

(*) Сюда же относятся и слова перваго запрещенія, возглашаемаго въ молитвахъ при крещеніи (Его же трепещутъ Ангели, Архангели, престоли, господства, начала, власти, силы, многоочитіи херувіми и шестокрилатіи серафіми).

часа до свѣта, а святить начали въ пятомъ часу дня такъ, что въ сутки могли совершить въ храмѣ и всѣ тѣ божественныя службы, которыя въ теченіи сутокъ совершаются. Эти подробности замѣчательны. Стало быть обыденное построеніе храма не заключалось только въ томъ, чтобы сложить стѣны, но заключало въ себѣ и внутреннее построеніе храма, относящееся къ его освященію и богослуженію въ немъ. Моровое повѣтріе вскорѣ послѣ того прекратилось. Съ той поры церковь слыветъ Всеградскою. Ежедневно прибѣгаютъ къ ней богомольцы. Но въ воскресные и праздничные дни она всегда полна народомъ. Деревянная церковь давно замѣнена каменною, которой построеніе началось еще въ 1691 году. Но и съ тѣхъ поръ, конечно, не разъ она подновлялась. Нѣтъ уже ничего древняго, кромѣ чудотворной иконы Спаса и еще нѣкоторыхъ иконъ. Въ числѣ сихъ послѣднихъ я замѣтилъ образъ, который въ 1715 году писалъ Лаврентій Григорьевъ сынъ Туфановъ. Въ Вологдѣ и по всей Вологодской губерніи вы находите множество образовъ, писанныхъ художниками, которыхъ имена обозначены на образахъ, равно и такія иконы, которыя были внесены вкладомъ въ храмы отъ горожанъ, посадскихъ или другихъ людей, съ надписями, отъ кого именно, кѣмъ и когда писаны.

Въ церкви Усѣкновенія Іоанна Предтечи древность сохраняется просвѣщеннымъ Протоіереемъ и Законоучителемъ Гимназіи П. В. Васильевскимъ. Не могу не радоваться, когда между духовными встрѣчаю лица, благоговѣющія къ нашей святынѣ въ ея древнемъ образѣ. Церковь эта обильна древними иконами и замѣчательна алтарнымъ иконостасомъ. Плащаница писана Катинымъ, не безъ религіознаго вдохновенія: въ образѣ умершаго Іисуса Христа видна благочестивая дума живописца. Эта церковь есть вмѣстѣ и приходская Гимназіи. Въ ней хранится икона, которою Преосвященный Иннокентій, нынѣ Архіепископъ Херсонскій, благословилъ училище. На ней изображены всѣ Вологодскіе Чудотворцы. До сихъ поръ память Преосвященнаго Иннокентія живо и свято хранится въ наставникахъ и ученикахъ Гимназіи. Видно, что слово духовнаго сѣятеля пало здѣсь не на

каменистую почву. Въ праздничные и воскресные дни, во время причастнаго стиха, постоянно читаются его проповѣди въ гимназической церкви. Этимъ чтеніемъ замѣняется теперь живое слово дѣятельнаго Архипастыря, который такъ неутомимо назидалъ свѣтское училище. Памятно особенно то прощальное его слово, которое онъ заключилъ желаніемъ, чтобы Слово Божіе, постоянно оживляя духъ училища, вело внимающихъ ему путемъ истины туда, гдѣ не будетъ болѣе ни учителей, ни учениковъ. Крестъ драгоцѣнный съ мощами составляетъ древнѣйшую святыню сего храма. Не могу не замѣтить также образа Святителя Митрофана, который написанъ учениками Гимназіи.

Церковь Усѣкновенія главы Предтечи соединена съ памятью Іоанна Грознаго, который три раза былъ въ Вологдѣ. Она основана въ память дня его Ангела. Другая церковь во имя Св. Ѳеодора Стратилата напоминаетъ также объ немъ. Онъ нерѣдко строилъ храмы сему Святому, который былъ Ангеломъ сына его, Ѳеодора. Въ сей послѣдней церкви уже мало древняго, и живопись поновлена.

Близъ этой церкви находится домъ, соединяющій въ себѣ устныя преданія о пребываніи на этомъ мѣстѣ Іоанна Грознаго и Петра Великаго. Домъ принадлежитъ какому-то мѣщанину. Не знаю, почему къ глубокимъ подваламъ нижняго этажа присоединяется въ преданіяхъ воспоминаніе о Грозномъ. При немъ же устроено вдоль теченія рѣки Вологды, близъ соборнаго храма, огромное подземное зданіе, которое назначено было, какъ думаютъ, для царскаго казнохранилища. Подозрительный Іоаннъ любилъ тайники и подземелья. Не мудрено, что народъ приписываетъ ихъ Іоанну. Нижній этажъ каменный, 1704-мъ годомъ и гербомъ, напоминаетъ Петра Великаго. Верхній деревянный этажъ надстроенъ вновь.

Память Грознаго въ Вологдѣ соединена еще съ однимъ изустнымъ преданіемъ, которое разсказывается особенно въ Грязовцѣ, не весьма благоволящемъ къ ея жителямъ. Когда Іоаннъ былъ въ Вологдѣ, тогда будто бы Вологжане привели ему въ даръ жеребенка съ серебряными подковами. Іоаннъ остался недоволенъ подаркомъ и сказалъ: это не

жеребенокъ, а теленокъ, и велѣлъ Вологжанамъ съѣсть его. Вологжане, когда ѣли, то все сомнѣвались: въ самомъ дѣлѣ не теленокъ ли?—Но когда доѣли до подковъ, тогда только узнали, что въ самомъ дѣлѣ то былъ жеребенокъ. Сатирическій анекдотъ объясняетъ пословицу: «*Вологжане телятники, жеребенка съ подковамъ съѣли.*»—Такъ въ Грязовцѣ подшучиваютъ надъ Вологжанами, которые въ свою очередь мстятъ ему тоже пословицей: «*пьяница Грязовица: семь кабаковъ, одна церковь.*» Въ этихъ колкихъ шуткахъ какъ бы отзываются древнія распри нашихъ городовъ, еще напоминающія время удѣловъ.

Проѣзжая по мосту рѣку Вологду, издали видѣлъ я часовню, которая, какъ говорятъ, воздвигнута на томъ мѣстѣ, гдѣ останавливались св. мощи Филиппа Митрополита, коимъ сопутствовалъ будущій Патріархъ, тогда Митрополитъ Новгородскій Никонъ.

На другомъ краю города, довольно обширнаго и разбросаннаго, какъ всѣ наши древніе города, находится древняя церковь во имя Свв. Елены и Константина. Спутникъ мой и руководитель съ особенною любовью говорилъ объ этой церкви, съ которою соединены всѣ его дѣтскія воспоминанія, какъ съ приходскою церковью его дома. Взошедъ въ нее и размотрѣвъ ея иконы, я понялъ, какимъ образомъ могла она воспитать въ человѣкѣ образованномъ чувство любви и благоговѣнія къ древней нашей святынѣ. Сюда не проникъ духъ подновленія. Бѣдность храма и причета оградила неприкосновенностію ея завѣтныя иконы. Серебро и золото не закрыли ихъ святолѣпныхъ ликовъ. Здѣсь все вѣетъ духомъ нетронутой древности. Иконостасъ чрезвычайно примѣчателенъ. Кромѣ того, много другихъ иконъ. Въ нижней церкви есть такія, которыя не на мѣстахъ своихъ. Иныя съ надписями. Вотъ для примѣра: «Изволеніемъ Отца и споспѣшеніемъ Сына и совершеніемъ Святаго Духа написалъся сей святый образъ по обѣщанію Вологоцкихъ посацкихъ людей Кощиевыхъ. Писалъ иконописецъ Иванъ Григорьевъ 1710 г.» Образъ представляетъ распятіе Іисуса Хріста. Помню икону, на которой вмѣстѣ изображены Пр. Игнатій, Александръ Свирскій, Димитрій Прилуцкій,

Сергій Радонежскій, и другіе Святые. Въ сей-то сокровищницѣ древняго иконописанія поразила меня превосходная икона Св. Θеодора Стратилата, которой изображеніе прилагаю. Оно близко и вѣрно сдѣлано. Величавый ликъ воина носитъ на себѣ слѣды древняго, но живаго искусства, и обнаруживаетъ кисть мастера, разумѣвшаго святое дѣло иконописанія. Это величіе соединено здѣсь съ необыкновенною легкостью и граціею.

Въ церкви Архангела Гавріила живопись поновляется. Недалеко отъ нея, нá полѣ, виденъ голубецъ. Съ этимъ мѣстомъ соединено преданіе о бѣлоризцахъ. Вологду осаждали Поляки. Ночью явились два человѣка въ бѣлыхъ ризахъ, напали на враговъ, побили ихъ множество, а другихъ принудили къ отступленію. Стражи видѣли со стѣнъ подвигъ неизвѣстныхъ воиновъ и на другой день объявили о томъ жителямъ Вологды, которые, желая узнать своихъ избавителей, искали ихъ повсюду и нашли ихъ мертвыхъ, подъ сосною, недалеко отъ города. По бѣлымъ одеждамъ они названы бѣлоризцами и погребены на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ найдены убитыми. Преданіе объ нихъ до сихъ поръ живетъ въ устахъ народа. На этомъ же мѣстѣ устроены были Убогіе домы для погребенія несчастно умершихъ. Мѣста, прославленныя чудесами избавляющей силы Божіей, ознаменовывались у насъ всегда памятниками христіанскаго милосердія.

Наконецъ вотъ тотъ храмъ, котораго основаніе современно началу Вологды и отъ котораго ведетъ она свое семисотлѣтіе. Это церковь во имя Пресвятыя Троицы и Герасима Угодника Божія, мощи котораго здѣсь и почиваютъ. Она находится недалеко отъ рѣки Вологды. Сюда пришелъ Преподобный Герасимъ изъ Кіева, или съ Кіевскихъ горъ, какъ сказано въ житіи его, 19-го Августа 1147 года, на память Св. Андрея Стратилата. Здѣсь нашелъ онъ небольшое селеніе и малый торжокъ на Лѣнивой площадкѣ. Здѣсь была первая земля, которую пріобрѣлъ онъ для церкви Божіей и для монастыря. Въ житіи разсказывается, что онъ имѣлъ споръ съ купцомъ Пятышевымъ о небольшомъ участкѣ земли. Домъ, стоящій напротивъ церкви,

дѣйствительно принадлежалъ купцамъ Пятышевымъ, изъ которыхъ послѣдній по мужескому колѣну умеръ въ 1843 году. Вотъ одно изъ многихъ доказательствъ тому, какъ сохраняются у насъ роды. Преданіе прибавляетъ, что Преподобный Герасимъ предсказалъ Пятышеву, что родъ его будетъ ни богатъ, ни бѣденъ. Предсказаніе въ самомъ дѣлѣ сбылось. Церковь убрана пышно благочестіемъ жителей, ревнующихъ къ славѣ почивающаго въ ней основателя Вологды. Надъ гробницей, подъ балдахиномъ, есть икона, изображающая Преп. Герасима и Андрея Стратилата, съ надписью о самомъ событіи и съ молитвою къ Угоднику Божію. Икона писана въ 1713 году, по обѣщанію Вологодскаго посадскаго человѣка Евтихіа Өедорова; писали изуграфы Иванъ Никифоровъ да Михайло Васильевъ.

Церковь наша давала духовную основу и крѣпость городамъ. И теперь у Вологды три такихъ духовныхъ ограды: съ сѣверозапада храмъ Пресв. Троицы, съ мощами Преп. Герасима, гдѣ былъ монастырь его; съ сѣвера обитель Спасо-Прилуцкая съ мощами Свв. Димитрія и Игнатія; съ юга монастырь Духовъ съ гробницами Свв. Іоасафа и Галактіона. Я не имѣлъ времени посѣтить сей послѣдній. Галактіонъ былъ сынъ Ивана Бѣльскаго; послѣ казни отца, семи лѣтъ укрытъ у родственниковъ въ Старицѣ; перемѣнивъ прозваніе, онъ пришелъ въ Вологду, учился сапожному мастерству, жилъ потомъ своимъ домомъ, овдовѣлъ, выпросилъ у гражданъ земли, построилъ келью и послѣ монастырь, а убитъ Литовцами, во время нападенія ихъ на Вологду.

Сожалѣю, что время не позволило мнѣ долѣе пробыть въ городѣ, освященномъ многими древними воспоминаніями. Послѣ двухъ-дневнаго пребыванія, я оставилъ Вологду, съ чувствами особенной благодарности къ почтеннымъ ея ученымъ, гостепріимство и бесѣды которыхъ будутъ для меня всегда памятны. Не могу забыть также радушнаго угощенія и привѣта Н. С. С., который любитъ и уважаетъ свой родной городъ.

ДОРОГА ИЗЪ ВОЛОГДЫ ВЪ КИРИЛОВЪ.

Прилуцкіе калачи.—Пѣсни извощика.—Выговоръ.—Сёла по дорогѣ.— Озеро Кубенское. — Село Кубенское. — Его храмы. — Сосуды и иконы въ храмахъ. — Видъ съ колокольни. — Ку́бена и Су́хова. — Ловля рыбы въ озерѣ. — Промыслы Кубенцевъ. — Повѣрка показаній Блазіуса.—Обычай.— Женскій головной уборъ. — Село Но́вленское. — Вопросы и отвѣты. — Копытово. — Преданіе объ Угодникахъ. — Мѣстность и растительность по дорогѣ въ Кириловъ. — Видъ на монастырь издали. — Толпа богомольцевъ.

Проѣзжая мимо села Прилукъ, прилегающаго къ монастырю Св. Димитрія, не льзя было не купить калачей, извѣстныхъ въ народѣ подъ именемъ калачей Димитрія Прилуцкаго. Конечно, постный ихъ видъ и вкусъ дали имъ право на такое названіе.

Извощикъ, который насъ везъ до села Кубенскаго, спѣлъ доро̀гой двѣ пѣсни. Въ одной изъ нихъ, относящейся къ семилѣтней войнѣ, главную ролю игралъ Король Прусскій, потерявшій свою армію. Другая начиналась красивымъ описаніемъ зимы; родники и ключи замерзли; съ деревьевъ облетѣли листья; пташки перестали пѣть, и соловей, вмѣсто рощи, поетъ уже въ трактирной клѣткѣ, а дѣвушка поручаетъ *разпремилому* соловью въ трактирѣ милаго городка Питера сказать слово ея милому, который гуляетъ по городу и забылъ про нее. Доро́гой, въ разговорахъ съ ямщикомъ я повѣрялъ особенныя слова́ Вологодскаго уѣзда, напечатанныя въ описаніи Вологодской губерніи Г. Пушкарева. Всѣ эти слова̀ оказались вѣрными. Замѣчательно, что селитра здѣсь до сихъ поръ называется *емчуга*, откуда и объясняется ямчужное дѣло, часто встрѣчающееся въ древнихъ актахъ. Южнорусское *и* вмѣсто *ѣ* здѣсь замѣтно. «Въ селѣ Кубенскомъ *ричь* другая,» сказалъ мнѣ извощикъ.

На разстояніи 27 верстъ отъ Вологды до села Кубенскаго, вы видите по дорогѣ, въ разныхъ обителяхъ, пу́стыняхъ и сёлахъ, 17 церквей, которыя со всѣхъ сторонъ поднимаются къ небу. Еще издали завидѣли мы озеро Кубенское, которое въ длину простирается отъ 60 до 70 верстъ, въ ширину отъ 8-ми до 12-ти. Къ нему примыкаетъ село Кубенское, такъ названное по имени озера. Въ Исторіи XVI вѣка упоминаются съ 1500 года Князья Кубенскіе. Село принадлежало прежде Салтыковымъ. Царь Михаилъ Ѳеодоровичь пожаловалъ его Окольничему Боярину Михаилу Михаиловичу Салтыкову, отъ котораго перешло оно къ сыну его, Петру Михаиловичу. Называлось оно прежде Ильинскимъ по храму Ильи Пророка, который и теперь существуетъ, но древностію уступаетъ храму пресвятыя Троицы.

Добрый семидесятилѣтній старецъ, Протоіерей Стефанъ Ивановичь Жиряевъ, теперь живущій на покоѣ, принялъ меня со всѣмъ радушіемъ истинно-Русскаго гостепріимства. Семья благословенная. Одинъ изъ сыновей его профессорствуетъ въ Дерптѣ, другой служилъ въ Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія. Священникомъ при церкви зять его, отецъ Александръ, который и показывалъ намъ все примѣчательное по древности въ двухъ храмахъ, холодномъ и тепломъ. Строеніе обѣихъ церквей должно относиться ко временамъ Императрицы Елисаветы Петровны. Но въ ризницѣ есть кадило 1666 года, даръ бояръ Салтыковыхъ. Вотъ надпись, вырѣзанная на немъ вязью и доставленная мнѣ послѣ Н. Г. Лавдовскимъ (*). «Лѣта 7174 августа въ 15 день бояринъ Михайло Михайловичь да сынъ его бояринъ Петръ Михайловичь Салтыковы дали всостроение вцерковь Пречистые Богородицы честнаго и славнаго Ея Успенія «(это на верхней чашечкѣ кадила)» да впределъ Всемилостиваго Спаса Нерукотвореннаго образа

*) Ник. Григ. Лавдовскому, бывшему учителю Русской Словесности во 2-й Московской Гимназіи, я обязанъ многими любопытными подробностями о древностяхъ и другихъ примѣчательностяхъ Села Кубенскаго.

кадило серебреное чеканное при священникахъ Иване Ѳеоктистове да при Иване Корниліевомъ за Государское здоровье Бога молитъ.» (Это на нижней чашечкѣ кадила). На днѣ кадила по краю приписано: «и насъ въ своихъ молитвахъ не забывать и родители наши поминать.» Эта припись простымъ почеркомъ, а не вязью, и безъ титлъ. Престарѣлый Протоіерей говоритъ, что у нихъ церковь никогда не бывала во имя Успенія, а равно не бывалô и придѣла во имя Нерукотвореннаго образа. Стало быть, это кадило попало въ село Кубенское, изъ другой церкви, но какой? — неизвѣстно.

Есть и другіе дары позднѣйшіе изъ того же рода Салтыковыхъ: Евангеліе въ серебряномъ окладѣ въ два слишкомъ пуда, печатанное въ 1759 году, и сосудъ безъ года. Изъ устнаго преданія стариковъ извѣстно, что эти священныя вещи привезены были изъ какой-то Московской церкви, вѣроятно, домовой Графа Салтыкова. 1759 годъ важенъ въ исторіи ихъ рода. Графъ Петръ Семеновичъ, въ 1759 году, одержалъ надъ Фридрихомъ Великимъ побѣду Кунерсдорфскую, за чтô пожалованъ Генералъ Фельдмаршаломъ.

Здѣсь весьма чтима народомъ Чудотворная икона Богоматери Неопалимыя Купины. Въ 1696 году была въ с. Кубенскомъ моровая язва: корчило жилы въ человѣкѣ и ныли кости. Язва прекратилась, какъ скоро эта икона принесена была (по преданію — влачившимся на колѣняхъ народомъ) изъ Вологды въ с. Кубенское.

Замѣчательна также икона Михаила Архангела со святыми Флоромъ и Лавромъ, Власіемъ и Модестомъ: внизу подводятъ къ нимъ коней и подъѣзжаютъ конные воины въ древнихъ одеждахъ и доспѣхахъ. Она также въ большомъ уваженіи у народа. Есть еще икона Римской Богоматери. На колокольнѣ главный колоколъ литъ въ царствованіе Елисаветы Петровны. Видъ оттуда на озеро прекрасный. Двадцать двѣ каменныхъ церкви возвышаются вокругъ. Видны сёла Устье и Святая Лукà. При первомъ

Ку́бена впадаетъ въ озеро и даетъ ему имя. При второмъ Су́хона вытекаетъ изъ озера.

Не таже ли это Ку́бена? Взаимное отношеніе этихъ двухъ рѣкъ представляетъ довольно странное явленіе, достойное изслѣдованія натуралистовъ. При истокѣ Су́хоны есть перекопь, сдѣланная родоначальникомъ Князей Бѣлозерскихъ, Глѣбомъ Васильковичемъ, который, во время плаванія своего изъ Бѣлозерска въ Устюгъ въ 1242 году, выйдя изъ о. Кубенскаго въ Су́хону, замѣтилъ, что рѣка дѣлаетъ большу́ю излучину, перешеекъ въ ширину на верженіе камня, и велѣлъ перекопать его. Озеро славится своею не́льмушкой и сигами, но красная рыба лучше въ Бѣлѣозерѣ. Кромѣ обыкновенной рыбы, ловится еще сорога, уклеи, казарки. Есть особенные термины у рыболововъ Кубенскихъ: *ятво* говорятъ они, когда попадетъ въ неводъ много рыбы; *но́рость* значитъ у нихъ, когда рыба мечетъ икру и трется. Вологодская губернія своими областными словами можетъ доставить большіе матеріалы для словаря Русскаго, въ которомъ захотѣли бы обнять всѣ наши мѣстныя нарѣчія. У Г. Лавдовскаго готово уже нѣсколько сотъ такихъ словъ.

По близости озера, а равно и потому, что оно было еще недавно собственностью Кубенцевъ, имъ ближе всего было бы заниматься ловлею рыбы, однако нѣтъ. Кубенцы (и то не многіе) ловятъ только молей ершовыхъ, окуневыхъ, сорожьихъ. Сушеные молѝ — сущь (чтò въ Москвѣ называются снятками) продаются свыше рубля сер. за пудъ, а сырые моли по 20 коп. сер. и дешевле. Изъ одного пуда сырыхъ молей насушивается около 7 ф. суща. Хорошую рыбу ловятъ не Кубенцы, а крестьяне другихъ деревень около о. Кубенскаго. Озеро не состоитъ на откупѣ и въ немъ можетъ ловить всякой, безданно - безпошлинно, съ тѣхъ поръ, какъ оно перестало быть собственностью Кубенцевъ. Въ старину, при Царяхъ, собиралась съ озера дань въ казну; а когда оно стало собственностью Салтыковыхъ, то этою данью пользовались Кубенцы. Они, разъѣзжая по озеру, дѣлали большія притѣсненія и обиды

ловцамъ, не принадлежавшимъ къ ихъ вотчинѣ, брали тяжкія дани и т. п. Вѣроятно, съ тѣхъ поръ и стали они слыть у сосѣдей *головорѣзами*. Въ царствованіе Императрицы Екатерины, Великій Князь Павелъ Петровичъ, тронутый жалобами на разбойничество Кубенцевъ, ходатайствовалъ передъ Императорскою властью за обижаемыхъ мужиковъ, ловцовъ рыбы на Кубенскомъ озерѣ. Дѣло кончилось тѣмъ, что у Кубенцевъ озеро отнято и сдѣлалось собственностью всѣхъ и каждаго. Рыба ловится больше весною, когда бываетъ ея *нóрость*.

Кубенцы, кромѣ сельскихъ работъ, занимаются разными промыслами. Есть торговцы, промышляющіе перевозкою клади изъ Рыбинска въ Петербургъ на своихъ судахъ и по наймамъ; мясники, отправляющіе зимою говядину въ Петербургъ и на разныя ярмонки; торговцы рыбою по Москвѣ — копчеными сельдями, навагой, снятками бѣлозерскими и т. д. О мелкихъ торгашахъ (по тамошнему, торгованахъ), разъѣзжающихъ по Вологодской губерніи, нечего и упоминать. Но не одни Кубенцы производятъ это движеніе: крестьяне окружныхъ деревень на обширное пространство принимаютъ въ томъ же дѣятельное участіе. Промышленный духъ оживляетъ все прибережное населеніе озера.

Оба храма и колокольня села Кубенскаго такъ понравились Блазіусу, что онъ приложилъ рисунокъ ихъ къ своему путешествію. Спасибо ему за вѣрность рисунка съ маленькимъ исключеніемъ, что рѣшетка перенесена имъ на другую сторону. Изъ любопытства я на мѣстѣ повѣрялъ нѣкоторыя показанія Блазіуса, черезъ распросы у туземцевъ. «Принадлежало ли когда ваше село помѣщицѣ Яковлевой?» — Никогда, принадлежало помѣщицѣ Ярославовой, а теперь мы за Графомъ А. Ѳ. Орловымъ и его племянниками.— «Занимаются ли здѣшніе крестьяне рыбной ловлей въ здѣшнемъ же озерѣ и возятъ ли ее на продажу?» — Они торгуютъ рыбой, но не изъ озера, а возятъ навагу и копченыя сельди, которыя ловятся не здѣсь. — «А разводятъ ли у васъ по огородамъ салатъ?» — Кубенцы засмѣялись;

салату они и въ глаза не видали, а нѣмецъ видно не могъ не навязать салата Русскому селенію, которое ему полюбилось. Едва ли возможно для него безъ салату существованіе человѣка, сколько нибудь образованнаго. — «Ну а воздѣлываются ли у васъ яблони?» — Воздѣлываться, не воздѣлываются, а родятся яблоки, какъ ихъ Богъ ростить.— Распросы происходили на колокольнѣ. — «Ну а на колокольнѣ у васъ, говорять, 20 колоколовъ. Гдѣжь они?» — Нѣтъ, батюшка, неправда, пересчитайте! — Такъ невѣренъ Блазіусъ въ подробностяхъ описаній: что́ же въ цѣломъ?

Есть въ селѣ примѣчательный обычай. Когда Кубенцы соберутся косить или жать, то, имѣя нужду въ работникахъ или работницахъ, наканунѣ торговаго дня съ вечера ударяютъ нѣсколько разъ въ большой колоколъ на колокольнѣ Ильинской церкви. Окрестные жители, по этому благовѣсту, немедленно являются на площадь посереди села, передъ церковью, и тутъ нанимаются въ работу у Кубенцевъ.

Женскій нарядъ въ селѣ Кубенскомъ имѣетъ мѣстную особенность. Зимою, женщины носятъ на головѣ *чебакъ* съ ушками, шитый золотомъ и серебромъ по шелку или бархату. Приложенный рисунокъ дастъ понятіе объ этомъ нарядѣ. Весь чебакъ опушенъ собольимъ мѣхомъ. Сзади банты изъ лентъ. Лѣтомъ же, а у кого нѣтъ чебака, и зимою, носятъ *сборнички*. Это родъ повойника. Чебакъ надѣваютъ надъ фатою, а сборничекъ подъ фатою. Женское платье— сарафаны и сушуны. Сажёнкою называется родъ нарукавниковъ. Безъ сборничка не ходятъ къ Божіей церкви. Есть даже старинная пословица: *«безъ сборничка не хорошо передъ образа встать.»* «Прежде», говорила мнѣ старуха, «безъ воло́сничка не льзя было и на работу выйти. Свекоръ, бывало, забранитъ.» Теперь уже не то. Пошли другіе нравы. Вотъ еще примѣчательный сельскій обычай. Передамъ его словами старушки и подражая ея выговору: «Когда коровонька первичка принесетъ, около рожковъ бѣленькую тасемочку обовьютъ и говорятъ: ты теперь маманька.» — При разсчетѣ старушка сказала: «що, мой доброхотъ, самъ

положишь за всю *сколоту.*» Подъ именемъ сколоты разумѣются всѣ хлопоты хозяйки. Вотъ и еще слово изъ Несторовой лѣтописи въ устахъ народныхъ: яко бѣ Давидова сколота, т. е. смута.

Дорога отъ села Кубенскаго къ селу Нόвленскому идетъ въ виду у озера, по которому рѣяли бѣлокрылыя лодки. Только издали могъ я видѣть Спасокаменный островъ. Въ селѣ Нόвленскомъ много старообрядцевъ. Мы остановились въ домѣ не раскольническомъ, но у православнаго крестьянина, и здѣсь нашли вопросы и отвѣты, занесенные, вѣроятно, съ Поморья хозяиномъ, который съ рыбою далеко отправляется въ сѣверные края и котораго тогда не было дома. Съ грустью прочелъ я эти вопросы и отвѣты, писанные четко самымъ грубымъ и дикимъ варварствомъ и нечестиво названные бесѣдою тріехъ Святителей: Василія Великаго, Григорія Богослова и Іоанна Златоустаго. Что, кромѣ невѣжества и нечестія, почерпнетъ крестьянинъ въ этомъ писаніи, которое выставилъ въ избѣ своей, почти у св. образовъ, и постоянно держитъ передъ собою?

«Вопросъ. Кому первая грамота дана отъ Хріста? Отвѣтъ. Каіафѣ Апостолу!!....» «Что есть попъ непоставленъ, дьяконъ отметникъ?» и прочее, что̀ и писать страшно. — Какая грубость въ этой загадкѣ: что есть валъ корову родилъ? Адамъ родилъ себѣ жену Еву. — Какая дикость въ этомъ понятіи о Церкви: Что есть камень, прибѣжище заяцемъ? Камень церковь, а заяцы людіе. — Что̀ за понятіе о лицѣ Божіемъ? Лице Божіе свѣща горитъ передъ образомъ Божіимъ. — Что за познанія въ анатоміи! «Много ли въ человѣкѣ костей? 245. Много ли въ человѣкѣ жилъ? 365.» Не привожу другихъ грубѣйшихъ загадокъ, которыя привести больно. Съ стѣсненнымъ сердцемъ я записалъ все это. Вотъ до какихъ дикихъ понятій доходитъ Русскій простолюдинъ, какъ впрочемъ и всякой Русской въ противную сторону, удаляясь отъ чистаго и высокаго ученія Православной нашей Церкви!

Грустна была хозяйка въ своемъ одиночествѣ. Безъ слезъ не могла она говорить объ мужѣ и сынѣ, которые

въ извозѣ. При ней было еще какое-то существо въ женскомъ платьѣ, которое прислуживало, — по всей вѣроятности, питомица здѣшняго раскола, что-то безобразное, тупое, безсмысленное. Жители цавокаютъ здѣсь очень сильно. Вольноотпущенный, крестьянинъ Гладинъ, исполнитель канала Бѣлозерскаго или, какъ народъ выражается, канавы Бѣлозерской, изъ села Нóвленскаго. Вотъ пріятнѣйшее, что̀ я здѣсь узналъ.

Отъ Вологды до Кирилова считаютъ 120 верстъ. Въ деревушкѣ Копытовѣ, послѣдней станціи до Кирилова, я спросилъ у хозяйки дома: разсказываютъ ли у нихъ что нибудь объ Угодникахъ Бѣлозерскихъ? — «Разсказываютъ, отвѣчала она, что они другъ дружкѣ топорики подавали цасовинки строить. И Кириллъ Бѣлозерскій, и Кириллъ Новоезерскій, и Нилъ Сорскій, всѣ однимъ топорикомъ строили.» Избы здѣсь отличаются особымъ устройствомъ. Подъ печными полатями все мѣсто пустое: оно соединяется со всѣмъ нижнимъ этажемъ, въ которомъ держатъ съѣстные припасы, скотину, и мелютъ муку зимою. Вся эта часть избы̀ называется *голубцомъ*.

Чѣмъ ближе къ Кирилову, тѣмъ болѣе и болѣе оживляется дорога. Поднимаются горы, пригорки съ группами деревьевъ, съ избушками, съ вѣтреными мѣльницами. Озеръ, большихъ и малыхъ, безчисленное множество. Рѣки протекаютъ черезъ нихъ и связываютъ ихъ между собою; иногда же каналы. Припомню названія нѣкоторыхъ озеръ, удержавшіяся въ памяти: Никольское, Мелиховское, Вазерниковское, Кинешское, Перхинское. Изъ рѣкъ примѣчательна именемъ Славянка. Все это отпрыски той великой водной сѣверной системы, которой мѣсто здѣсь. Растительность чрезвычайно какъ оживлена этою водою. *Черемха*, ольха, вязъ, малина, шиповникъ или по здѣшнему *шипишникъ*, смородина, *багула* или *багульникъ*, этотъ пушистый цвѣтъ, растущій кустомъ на высокомъ стеблѣ и издающій запахъ, подобный запаху цвѣта черемухи, — все это мѣшается очень живописно по берегамъ озеръ и по безперерывнымъ пригоркамъ, между которыми вьется неровная дорога.

Но вотъ вдали, еще верстъ за пять, забѣлѣли башни и стѣны монастыря Кириллова, и какъ бѣлые исполины, все растутъ выше и выше передъ вами, по мѣрѣ того, какъ вы къ нимъ приближаетесь. А тамъ, въ сторонѣ, поднялась, высоко надъ всею окрестностью, гора Мау́рина или Мау́ра, гдѣ остановился Преподобный Кириллъ, когда съ нея увидѣлъ мѣсто, указанное ему въ видѣніи Божіею Матерью для будущей обители.

Передъ самымъ городомъ Кириловымъ находится поклонная гора, гдѣ останавливаются пѣшіе богомольцы и кланяются Угоднику обители. Толпа странниковъ молилась на ней въ то время, какъ мы подъѣзжали. Ихъ всегда здѣсь много, потому что Кирилловъ монастырь лежитъ на пути къ великому богомолью Русскаго народа, къ Соловкамъ, и не обойдетъ Бѣлозерскаго Угодника ни одинъ странникъ-богомолецъ.

КИРИЛЛОВЪ МОНАСТЫРЬ.

Жизнь и посланія Угодника.

Городъ Кириловъ. — Видъ монастыря вблизи. — Внѣшній дворъ. — Внутренній. — Архимандритъ О. Ефремъ. — Мощи Преп. Кирилла Бѣлозерскаго. — Житіе Святаго: время сочиненія. — Семейная жизнь Кирилла.— Постриженіе. — Послушаніе. — Бесѣды съ Препод. Сергіемъ.—Слава его. — Юродство. — Священникъ. — Архимандритъ. — Отреченіе отъ сего сана. — Безмолвіе. — Молитва о пустыни. — Голосъ и видѣніе. — Бесѣда съ Ферапонтомъ бѣлозерцемъ. — Странствіе. — Находитъ мѣсто обители. — Первые труды. — Борьба съ препятствіями.—Основаніе обители.—Строеніе церкви.— Правила Устава. — Жизнь К. середи братіи.—Отношенія къ Князю Андрею Димитр. Можайскому. — Кончина Преподобнаго. — Посланія Преп. Кирилла къ Князьямъ: Василію, Андрею и Георгію Димитріевичамъ.

Прежде чѣмъ подъѣхать къ монастырю, вы проѣзжаете черезъ городъ Кириловъ. Въ 1775 году, Іюля 25, Губернаторъ, а впослѣдствіи Намѣстникъ Новгородскій, Яковъ Евѳ. Сиверсъ, весьма любимый ввѣренными ему городами Начальникъ, праздновалъ день своего рожденія въ Кирилловѣ монастырѣ и заблагоразсудилъ здѣсь основать городъ. По плану 1777 года, въ этомъ городѣ предполагалось 4 площади и 40 улицъ. Прошелъ съ тѣхъ поръ 71 годъ; предположеніе не сбылось: нѣтъ ни одной порядочной площади, а улицы, и одной видной, не льзя бы было составить изъ 4-хъ или 5-ти существующихъ, потому что все домики деревянные, плохіе, каменныхъ же всего 7, но и то въ описаніи у Г. Пушкарева, а на дѣлѣ едва ли не менѣе. Ряды передъ монастыремъ, въ которыхъ помѣщается гостиный дворъ города Кирилова, похожи на тѣ деревянные прилавки, что строются въ уѣздныхъ или сельскихъ ярмонкахъ для кочующихъ торговцевъ. Новый Губернаторъ, дѣятельно осматривавшій въ то время свою губернію, желалъ устроить эти ряды въ стѣнахъ первой монастырской ограды.

За этимъ незначительнымъ городомъ возвышается великолѣпный монастырь, имѣющій 740 сажень въ окружности, обнесенный съ востока, сѣвера и запада стѣною въ 16 аршинъ вышины, съ юга омытый озеромъ Сиверскимъ и огражденный стѣною вышины въ 9 аршинъ, съ своими 12-ю огромными башнями по бокамъ и съ 11-ю благолѣпными храмами внутри, монастырь и государственная твердыня во времена древнія, носящая еще слѣды ранъ отъ Литвы и Польши. Когда въѣзжаете вы въ первые ворота, вамъ открывается огромный дворъ или поле съ двухъ сторонъ, засѣянное хлѣбомъ и окруженное стѣнами, въ которыхъ видны еще мѣста прежнихъ 700 келлій. Въ нижнемъ этажѣ стѣнъ устроены соляные анбары, которые стерегутся солдатами. За тѣмъ слѣдуютъ другіе святые ворота, украшенные живописью, изображающею событія изъ жизни Угодника. Здѣсь еще огромнѣе пространство открывается передъ вами. Оно занято храмами, колокольнями, зданіями, жилыми и запасными, садами, огородами, сѣнокосомъ; рѣчка Сіяга или Свиряга, какъ ее называютъ въ монастырѣ, протекаетъ по всему этому пространству, выбѣгая изъ затворовъ монастырскихъ въ прилегающее къ нимъ Сиверское озеро.

Мы остановились въ кельяхъ весьма опрятныхъ, вдѣланныхъ въ южную ограду монастыря со стороны озера. Архимандритъ Ефремъ, бывшій прежде казначеемъ въ Московскомъ Симоновѣ монастырѣ, принялъ насъ весьма радушно. Въ первой бесѣдѣ съ нимъ, рязсказывая ему о пути, мною совершенномъ, я узналъ отъ него, что онъ самъ былъ въ Прилукахъ съ сокровищами Симонова монастыря. «Везли на двухъ стахъ подводахъ; тутъ былъ весь жемчугъ, все золото, все серебро священное Москвы. А кто ихъ хранилъ? Два старыхъ инвалида, да по монаху при каждой изъ сокровищницъ. Все это лежало въ соборной церкви Прилуцкой, и мы жили въ монастырѣ, а вотъ теперь Богъ привелъ кончать свой вѣкъ въ Кирилловѣ.»

Послѣ того какъ представился я теперешнему хозяину обители, первою мыслію моею было поклониться нетлѣннымъ

останкамъ вѣчнаго ея Хозяина, Преподобнаго Кирилла. Мощи его почиваютъ подъ спудомъ въ стѣнѣ, между соборною церковью Успенія, и придѣломъ во имя Преподобнаго, въ ракѣ, дарованной Царемъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ. Изъ келлій Архимандрита, я проходилъ мимо садовъ, засаженныхъ столѣтними кедрами, по мощенному двору. Плиты двора привлекали меня своими надписями или обрывками надписей. Монастырь Кирилловъ послужилъ, какъ мѣстомъ временнаго убѣжища, такъ и мѣстомъ вѣчнаго успокоенія, для столь многихъ славныхъ родовъ древней Руси. Это, конечно, память тѣхъ могилъ, которыми удобрена земля обители. Съ благоговѣніемъ палъ я передъ тѣломъ мужа святаго и передъ иконою Богоматери Одигитріи, которая сопутствовала Преподобному сюда въ 1397 году и теперь освящаетъ соборную церковь обители. Сбывалось мое давнишнее желаніе, которое питалъ я съ тѣхъ поръ, какъ ознакомился съ жизнію и посланіями Св. Кирилла.

Здѣсь время теперь вспомнить эту жизнь и эти посланія на самомъ мѣстѣ его святой, трудолюбивой дѣятельности, прежде чѣмъ осмотрѣть его обитель и всѣ ея сокровища.

Житіе Кирилла написано было Святогорскимъ Іеромонахомъ Пахоміемъ, при Великомъ Князѣ Василіѣ Василіевичѣ Темномъ и при Ѳеодосіи Митрополитѣ, которые сами приказали Пахомію отправиться въ обитель, чтобы узнать на мѣстѣ о чудесахъ Святаго. Житіе это составлено было при Игуменѣ Кассіанѣ, который, черезъ 16 лѣтъ и 5 мѣсяцевъ по смерти Кирилла, началъ править монастыремъ и правилъ имъ 22 года. Кассіанъ самъ, какъ очевидецъ, многое сообщилъ Пахомію о Святомъ. Кромѣ Кассіана, Пахомій нашелъ въ монастырѣ и другихъ учениковъ Преподобнаго, которые въ жизни своей подражали своему учителю. Они много бесѣдовали съ Пахоміемъ о житіи и чудесахъ Кирилловыхъ, особенно же Мартиніанъ, который съ самаго молодаго возраста жилъ при Св. Кириллѣ и подробно зналъ объ немъ. Всѣ эти свидѣтельства, приводимыя жизнеописателемъ, ручаются за достовѣрность его сказаній

и объясняютъ намъ способъ, какимъ въ древности составлялись житія Русскихъ Угодниковъ Божіихъ.

Въ Москвѣ, въ 1337 году, отъ благочестивыхъ родителей родился мальчикъ Кузьма. Въ домѣ родительскомъ навыкъ онъ божественному Писанію, и росъ въ чистотѣ и просвѣщенномъ разумѣ, отъ всѣхъ любимъ и почитаемъ. Рано скончались его родители и поручили Кузьму, еще отрока, сроднику своему Тимоѳею, который былъ Окольничимъ у Великаго Князя Димитрія и между вельможами отличался честію и богатствомъ. По смерти родителей, рано почувствовалъ Кириллъ призваніе облечься въ иноческую одежду, какъ многіе благородные юноши того времени; но никто не смѣлъ возложить на него руку, потому что игумны монастырей боялись вельможи Тимоѳея. Кузьма прилежалъ къ церкви Божіей. Тимоѳей любилъ Кузьму за его добрыя свойства. Когда Кузьма сталъ уже мужемъ совершеннымъ, тогда только сподобилъ его Тимоѳей сидѣть на трапезѣ съ собою, а потомъ и назначилъ его казначеемъ къ своему имѣнію. Но у Кузьмы одно было на умѣ: какъ бы сдѣлаться инокомъ. Воспламененный любовью къ Богу, много печалился онъ о томъ; но никому не смѣлъ открыть своей тайны. Ходилъ по окрестнымъ монастырямъ, но понапрасну. Между тѣмъ и въ мірской одеждѣ, онъ совершалъ дѣла иноческія: постъ, молитва, милостыня, прилежаніе къ церкви Божіей, тѣлесная чистота и незлобіе, украшали его. Такими дѣлами былъ онъ уже инокъ, и безъ иноческой одежды. Но вотъ Богъ помогаетъ исполниться и его желанію. Приходитъ въ Москву Игуменъ Махрищскій, Стефанъ, мужъ въ то время всѣмъ извѣстный *великимъ* своимъ житіемъ. Кузьма, давно уже выжидавшій его прихода, лишь только узналъ о томъ, какъ съ радостію бѣжитъ къ нему, припадаетъ къ ногамъ его, плачетъ, выражаетъ ему мысль свою и молитъ возложить на него иноческій образъ. Стефанъ, видя усердіе и плачь Кузьмы, велѣлъ ему перестать плакать, и сказалъ: какъ угодно Богу, такъ и будетъ, а между тѣмъ самъ думалъ о томъ, какъ бы сдѣлать его инокомъ: сказать Ти-

моѳеею, онъ не допуститъ; молить его, онъ и того не послушаетъ. Стефанъ рѣшился просто возложить на него, хотя еще не совершенно, иноческое одѣяніе, и назвать его Кирилломъ, а прочее предоставилъ волѣ Божіей. Сдѣлавъ такъ, приходитъ онъ къ Тимоѳею, въ самый полдень, когда тотъ собирался спать послѣ обѣда. Вотъ Стефанъ постучался въ двери. Возвѣстили Тимоѳею о приходѣ его, а Тимоѳей имѣлъ большую къ нему вѣру. Всталъ Тимоѳей, вышелъ къ Игумну, поклонился ему и просилъ благословенія. Стефанъ сказалъ: богомолецъ вашъ Кириллъ благословляетъ. Тимоѳей спросилъ: а кто такой Кириллъ? Стефанъ отвѣчалъ: Кузьма, вашъ бывшій сродникъ, а теперь инокъ, Господу работникъ и о васъ молельщикъ.—Тяжко было это слово Тимоѳею: скорби и досады исполнился онъ, насказалъ грубостей Стефану, который отвѣчалъ ему на нихъ словами Христа: «Идѣже аще пріемлютъ васъ и послушаютъ, ту пребывайте, а идѣже не пріемлютъ васъ, ниже послушаютъ, исходяще оттуду и прахъ ихъ прилѣпшій оттрясите отъ ногъ вашихъ во свидѣтельство имъ»,—и вышелъ, не прибавивъ къ тому ничего.

Услышала это благочестивая и богобоязненная жена Тимоѳея, Ирина. Тяжело было для нея Стефаново, а еще болѣе Христово слово, и начала̀ она мужа своего увѣщавать: какъ де могъ онъ оскорбить такого человѣка? — и повторяла ему слова̀ Спасителя, произнесенныя Стефаномъ. Тимоѳей раскаялся въ словахъ, сказанныхъ имъ Стефану, котораго зналъ за мужа святаго,—и вотъ отправляетъ онъ посланнаго къ нему съ просьбою, чтобы возвратился. Приходитъ Стефанъ, Тимоѳей проситъ у него прощенія, Стефанъ прощаетъ его. Тимоѳей объявилъ, что Кузьма, нареченный Кирилломъ, остается на своей волѣ, какъ хочетъ. Стефанъ удалился въ радости, что пріобрѣлъ брата, и принесъ эту вѣсть Кириллу, который возвеселился, восхвалилъ Бога, возблагодарилъ Стефана и тотчасъ же все имѣніе свое роздалъ нищимъ, ничего не оставивъ себѣ, даже и для тѣлесныхъ нуждъ своихъ, не помянувъ ни старости, ни продолженія лѣтъ своихъ.

Всѣ эти подробности, переданныя мною совершенно точно изъ Кириллова Житія, взятаго изъ библіотеки М. П. Погодина, переносятъ насъ во внутреннюю домашнюю жизнь благочестиваго Русскаго семейства XIV вѣка, гдѣ патріархальная власть начальника семьи уступаетъ свое право власти духовной. Въ житіяхъ Русскихъ Святыхъ мы находимъ иногда эти подробности внутренней жизни нашихъ предковъ, въ которыхъ отказываютъ намъ лѣтописи.

Послѣдуемъ теперь за Кирилломъ въ его монастырскихъ подвигахъ. Игуменъ Стефанъ ведетъ его въ Симоновъ монастырь, къ Архимандриту Ѳеодору, который и постригаетъ Кузьму настоящимъ образомъ и даетъ ему тоже имя Кирилла. Въ монастырѣ славился тогда *великимъ* житіемъ своимъ инокъ Михаилъ, впослѣдствіи Епископъ Смоленскій. Ѳеодоръ вручаетъ Кирилла въ ученики Михаилу. Кириллъ ревностно во всемъ подражаетъ старцу: постъ вмѣняетъ въ наслажденіе, въ зимнее время нагота для него теплота. Ревность его простирается до того, что онъ проситъ старца позволить ему ѣсть черезъ два или три дни; но старецъ не позволяетъ ему, а приказываетъ ѣсть хлѣбъ съ братіею, только не до сытости. Ночью, когда старецъ читаетъ Псалтирь, Кириллъ кладетъ поклоны. Въ соборѣ, еще до звона колокола, на пѣніе онъ является первый. Ночью, вмѣстѣ съ старцемъ Михаиломъ, стоитъ на его обычномъ правилѣ. Въ отсутствіи старца, дьяволъ разными образами соблазняетъ Кирилла, а иногда и при немъ во время правила стучитъ и толкается въ стѣну; но Кириллъ все побѣждаетъ молитвою.

Потомъ Архимандритъ приказываетъ Кириллу изъ кельи Михаила перейти на служеніе въ хлѣбню. Здѣсь Кириллъ носитъ воду, рубитъ дрова, предлагаетъ братьямъ теплые хлѣбы, а отъ нихъ принимаетъ теплыя молитвы. И здѣсь ночи безъ сна проводитъ на молитвѣ; ѣстъ столько, чтобы не быть голоднымъ, а иногда для того, чтобы братья не узнали о его воздержаніи, и пьетъ одну воду.

Святый Сергій, уже бывшій тогда въ великой славѣ, приходилъ иногда въ монастырь Симоновъ, для посѣщенія

племянника своего, Архимандрита Өеодора, и прочей братіи. Но прежде всего заходилъ онъ въ хлѣбню къ Кириллу и проводилъ съ нимъ многіе часы наединѣ, бесѣдуя о пользѣ душевной. Когда Архимандритъ съ братіею выходилъ къ Преподобному Сергію, Сергій, отдавъ имъ обычное цѣлованіе, оставлялъ ихъ и бесѣдовалъ съ Кирилломъ. Всѣ удивлялись, что Кириллъ удостоился такой славы; но ему тяжки были эти похвалы, и онъ желалъ отъ нихъ укрыться.

Изъ хлѣбни настоятель посылаетъ его въ поварню. Здѣсь, при печномъ огнѣ, Кириллъ размышляетъ объ огнѣ адской муки. Смиреніе его возрастаетъ еще болѣе. Слава не человѣка, но Ангела, проходитъ объ немъ по всей братіи. Но онъ, желая уклониться отъ нея, принимаетъ на себя юродство и поступками своими возбуждаетъ смѣхъ и глумленіе. Настоятель налагаетъ на него эпитимьи, сажаетъ его на хлѣбъ и на воду, на сорокъ дней и болѣе, и Кириллъ, по истеченіи срока, впадаетъ въ новое юродство, чтобы понести новое наказаніе. Такъ продолжалось до тѣхъ поръ, пока настоятель не узналъ настоящей причины его поступковъ.

Вотъ Святой пожелалъ безмолвія и помолился о томъ Богоматери. Архимандритъ велѣлъ ему выйти изъ поварни въ келью, и тамъ писать книги. Потомъ изъ кельи опять охотно онъ перешелъ въ поварню, гдѣ служилъ братіи въ теченіи 9 лѣтъ, и во все это время овечья кожа никогда не бывала на его тѣлѣ.

Наконецъ, сподобился онъ получить и священство, и правилъ недѣлю свою, какъ прочіе священники, а на свободное время отходилъ опять въ поварню. Потомъ въ келліи началъ безмолвствовать. Когда же Архимандритъ Өеодоръ переведенъ былъ на Ростовское Архіепископство, Кириллъ поставленъ былъ на его мѣсто. Труды и подвиги его умножились. Не возгордился онъ новымъ саномъ, старыхъ любилъ какъ братьевъ, юныхъ какъ дѣтей. Многіе Князья и вельможи приходили къ нему для бесѣды. Но безмолвіе келліи нравилось ему болѣе власти. Не смотря на просьбы братіи, онъ оставилъ мѣсто настоятеля и уединился

въ келліи. Архимандритомъ поставленъ былъ нѣкто Сергій Азаковъ, впослѣдствіи Епископъ Рязанскій. Но чѣмъ болѣе Кириллъ, укрываясь въ безмолвіи, убѣгалъ человѣческой славы, — тѣмъ болѣе Богъ прославлялъ его — и вотъ всѣ приходили къ нему отъ различныхъ странъ и городовъ, и пресѣкали его безмолвіе, и въ сладость слушали его слово, растворенное солію. Такая слава Кирилла возбудила зависть въ Архимандритѣ Сергіѣ, который въ уваженіи къ нему видѣлъ презрѣніе къ себѣ. Онъ не скрылъ своего негодованія; но Кириллъ уступилъ гнѣву Настоятеля и отошелъ въ древній монастырь Рождества Богородицы, что̀ на старомъ Симоновѣ. Здѣсь, продолжая безмолвіе, молился онъ ко Пречистой, чтобы Она указала ему путь спасенія. Въ глубокіе вечера имѣлъ онъ обычай пѣть акаѳистъ Богоматери. Вотъ, въ одну изъ такихъ ночей, молился онъ и пѣлъ по обычаю акаѳистъ передъ Ея образомъ, и когда дошелъ до мѣста во икосѣ: «Странное рождество видѣвше, устранимся міра, и умъ на небо преложимъ,»—вдругъ услышалъ голосъ, ему говорящій: «Кириллъ! иди отсюда на Бѣлоозеро. Тамъ уготовано Мною тебѣ мѣсто, въ которомъ ты можешь спастися.» И вмѣстѣ съ тѣмъ озарилась вся его келлія. Онъ отворилъ оконце, и видитъ свѣтъ великій, сіяющій къ полунощнымъ странамъ Бѣлаозера. А голосъ тотъ, какъ перстъ, показывалъ то мѣсто, гдѣ нынѣ монастырь стоитъ. Всю ту ночь провелъ онъ въ радости отъ сего голоса и видѣнія, и та ночь была для него свѣтлымъ днемъ.

Вотъ прошло немного времени, и явился къ нему единопостриженникъ его, Ѳерапонтъ съ Бѣлаозера. Кириллъ началъ его разспрашивать: есть ли мѣста на Бѣлѣозерѣ, гдѣ бы можно было безмолвствовать иноку? Ѳерапонтъ отвѣчалъ, что очень много прекрасныхъ мѣстъ для уединенія. Блаженный не открылъ ему своего видѣнья, а только такъ его распрашивалъ. Но вотъ, по времени, оба они согласились и вышли изъ монастыря вмѣстѣ, и направили свой путь къ Бѣлуозеру. Достигнувъ его послѣ многихъ дней странствія, они тамъ обходили разныя мѣста, но ни одно изъ нихъ не полюбилось Святому: онъ все искалъ того мѣста, которое

было указано ему Пречистою, и наконецъ нашелъ и узналъ его, и возлюбилъ его, и сотворивъ молитву, сказалъ: «Се покой мой въ вѣкъ вѣка; здѣсь вселюся: тако изволила Пречистая. Благословенъ Господь Богъ отнынѣ и до вѣка, услышавшій мое моленіе.» Водрузивъ крестъ на томъ самомъ мѣстѣ и отпѣвъ благодарный молебенъ Пречистой, тогда только Кириллъ повѣдалъ своему спутнику тайну голоса и видѣнія. Оба прославили вмѣстѣ Бога и Его Матерь.

Сначала они соткали сѣнь изъ деревьевъ, а потомъ начали копать въ землѣ келью. Нѣсколько времени провели вмѣстѣ, но потомъ разлучились. Кириллъ остался тутъ, а Ѳерапонтъ отошелъ отъ него за 15 верстъ или болѣе, и нашелъ тамъ мѣсто близъ озера Паскаго, гдѣ поселился и создалъ церковь.

Кириллу было 60 лѣтъ, когда онъ пришелъ въ это дикое и безлюдное мѣсто и предпринялъ основаніе обители. Тридцать лѣтъ монастырской жизни, видно, воспитали въ немъ силу воли, готовую на подвиги болѣе тяжкіе. Постъ не изнурилъ его тѣла, а воздержаніемъ пріучилъ его ко всѣмъ возможнымъ лишеніямъ. Въ тотъ самый возрастъ, когда другіе кончаютъ поприще, онъ, бодрый духомъ и силами тѣла, только что начинаетъ новое—духовное просвѣщеніе страны дикой.

На мѣстѣ, гдѣ поселился Кириллъ, былъ огромный боръ и чаща. Людей никого. Мѣсто малое и круглое, но прекрасное; отовсюду, какъ стѣною, окружено водами. Вблизи того мѣста жилъ одинъ земледѣлецъ Исаія. За много лѣтъ до прибытія блаженнаго, слышался Исаіѣ звонъ отъ того мѣста, гдѣ надлежало быть монастырю, а передъ самымъ пришествіемъ его, не только раздавался звонъ, но и пѣвцы будто пѣли. Не одному Исаіѣ слышались эти звоны и голоса, но и многимъ, жившимъ въ окрестностяхъ. Они приходили къ тому мѣсту, откуда это раздавалось, чтобы узнать причину; но слышать слышали, а видѣть, не видали ничего.

Святой началъ подвиги свои въ подземной келліи. Два христіанина окрестныхъ мѣстъ, Авксентій Воронъ и Матѳій Кукосъ, бывшій послѣ пономаремъ обители, приходятъ къ Святому и помогаютъ ему. Начинается его борьба съ дьяволомъ и съ препятствіями природы. Однажды, утомленный трудомъ, Кириллъ заснулъ въ лѣсу, не смотря на увѣщанія товарищей взять отдыхъ лучше въ кельѣ. Голосъ разбудилъ соннаго и велѣлъ ему бѣжать, и лишь только блаженный отскочилъ, какъ дерево навѣтомъ вражіимъ упало на то самое мѣсто, гдѣ онъ спалъ. Вырубилъ лѣсъ, очистилъ его, собралъ хворостъ и, желая на этомъ мѣстѣ посѣять что нибудь, зажегъ его. Дьяволъ воздвигъ вѣтеръ. Дымъ съ пламенемъ окружилъ отовсюду Святаго, и насилу спасенъ былъ онъ отъ пожара какимъ-то Тимоѳеемъ. Вотъ пришли къ нему два монаха изъ Симонова, его друзья и единомысленники, Зеведей и Діонисій. Обрадовался имъ Кириллъ. Они стали жить вмѣстѣ. За ними начали приходить и другіе, и просить Кирилла о постриженіи. Пришелъ и Наѳанаилъ, впослѣдствіи келарь обители. Новый врагъ открывается у Святаго: какой-то Андрей, завидуя тому, что Святой поселился на такомъ мѣстѣ, покушается нѣсколько разъ зажечь его келью. Но тщетно: невидимая сила тушитъ огонь. Пораженный чудомъ, Андрей раскаялся, сознался во всемъ блаженному и принялъ отъ него постриженіе.

Но вотъ, когда собралась братія около Кирилла, одна мысль одушевила всѣхъ: какъ бы воздвигнуть церковь *ради общаго собранія*. Всѣ молятъ о томъ Кирилла. Какъ быть? мѣсто отъ человѣческихъ жилищъ далеко; плотниковъ нѣтъ. Кириллъ прибѣгаетъ съ молитвою къ Богоматери. Плотники, никѣмъ незванные, приходятъ — и поставлена церковь во имя Успенія.

Скоро распространилась молва о томъ, что и церковь построена, и обитель умножается. Заключили, что Кириллъ долженъ быть богатъ, что онъ много денегъ принесъ съ собою изъ Симонова. Какой-то бояринъ Ѳеодоръ, видно промышлявшій разбоями, услышавъ объ этомъ, посылаетъ

ночью разбойниковъ съ тѣмъ, чтобы отнять сокровища у Святаго. Но двѣ ночи сряду, приходятъ разбойники къ монастырю и видятъ, что окруженъ онъ воинствомъ, стрѣляющимъ изъ луковъ. Ѳеодоръ думалъ, не вельможа ли какой гоститъ въ монастырѣ; но узнавъ, что нѣтъ никого, понялъ чудо, пришелъ къ блаженному и раскаялся въ своемъ злодѣйствѣ. Кириллъ, утѣшая его, сказалъ ему: «повѣрь мнѣ, сынъ Ѳеодоръ, ничего я не имѣю, кромѣ этой ризы, которую на мнѣ видишь, да мало книжицъ». Съ тѣхъ поръ Ѳеодоръ никогда не приходилъ съ пустыми руками, а всегда передъ праздникомъ ловилъ рыбы на имя Кириллово, и приносилъ ему иногда одного осетра, иногда же двухъ.

Слава о блаженномъ Кириллѣ проходила повсюду. Имя его, какъ священное, произносилось всѣми. Перстами указывали на него за его добродѣтель. Одни хвалили его смиреніе, другіе воздержаніе, тѣ пользу отъ словъ его, тѣ нищету и простоту его. Въ числѣ иноковъ, постригшихся у Кирилла, былъ нѣкто Игнатій. Добродѣтелями своими онъ подражалъ Кириллу, но еще и тѣмъ прославился, что въ теченіи тридцати лѣтъ онъ никогда ни разу не ложился на ребрахъ, но стоя, а иногда немного присѣвши, спалъ.

Уставъ блаженнаго Кирилла былъ слѣдующій. Въ церкви никому нельзя было съ другимъ бесѣдовать, или выйти изъ храма прежде конца службы. По старшинству подходила братія поклоняться Евангелію и иконамъ. Самъ блаженный, стоя въ церкви, никогда не прислонялся къ стѣнѣ, не садился не во время. Ноги его были какъ столпы. Къ трапезѣ шли также по старшинству. Во время трапезы, раздавался только голосъ чтеца, при всеобщемъ молчаніи. Три кушанья было для братіи. Самъ Кириллъ ѣлъ только отъ двухъ—и то не до сытости. Питья не было другаго, кромѣ воды. Медъ и всякой напитокъ пьяный запрещено было вносить въ монастырь. Это запрещеніе простеръ Кириллъ и на время послѣ смерти своей. Вышедъ изъ-за трапезы, никто не смѣлъ заходить къ другому, кромѣ

великой потребы. Кириллъ однажды укорилъ за это искушеніе ученика своего, Мартиніана. Если кто получалъ въ монастырѣ письмо или поминокъ, долженъ былъ письмо нераспечатанное принести къ Кириллу, также и поминокъ. Такъ и изъ монастыря нельзя было написать письма, безъ его разрѣшенія. Ничего въ кельи нельзя было имѣть, или звать своимъ, а все было общее. Серебро и золото могло только принадлежать монастырской казнѣ, откуда братія все получала. Если кто чувствовалъ жажду, долженъ былъ идти въ трапезу, чтобы утолить ее. Воду позволялось держать въ келліи, только для умытія рукъ. Кому случалось въ келью зайти, ничего не могъ видѣть у монаха, кромѣ иконы или книги. Соревнованіе было одно только позволено — прежде другихъ придти въ Божію церковь. Говорили между собою только изъ Писанія. Свое же любомудріе каждый хранилъ про себя молча. Рукодѣльемъ занимались — все для монастырской казны, а на себя никто не смѣлъ ничего дѣлать. Одежду, обувь, все нужное, получали изъ казны. Самъ Кириллъ носилъ ризу раздранную и *многошвенную*. Послѣ заутрени, ходилъ въ поварню и помогалъ служителямъ своими руками, только чтобы послужить братіи.

Когда совершалъ божественную литургію, или слушалъ чтеніе, или самъ читалъ, или стоялъ на своемъ келейномъ правилѣ, то не могъ удерживаться отъ слезъ. Случались недостатки въ монастырѣ, братія понуждала Святаго отнестись съ просьбою къ христолюбцамъ. — Кириллъ никакъ не соглашался и училъ братію не просить у мірскихъ милостыни. Благочестивая Княгиня Аграфена, жена Князя Андрея Можайскаго, хотѣла однажды угостить всю братію рыбою, но время было постное: Настоятель не позволилъ. Лицепріятія у него не было. Зеведея, товарища по Симонову, который изъ первыхъ пришелъ къ нему, любилъ онъ; но когда замѣтилъ однажды красное лицо его въ окно своей келліи, то укорилъ друга и привелъ къ воздержанію.

Чудеса, въ числѣ многихъ другихъ, совершилъ онъ слѣдующія. Одинъ изъ братьевъ, Ѳеодотъ по имени, ненави-

дѣлъ Святаго: Кириллъ прозорливостью своею отгадалъ въ немъ это чувство и смиреніемъ побѣдилъ меньшаго брата. Изцѣлялъ бѣснующихся и больныхъ; кормилъ народъ во время голода изъ житницъ, въ которыхъ жито не изсякало.

У Христофора, ученика Кириллова, занемогъ другъ его Сосипатръ. Христофоръ передалъ свою скорбь Кириллу. Онъ сказалъ ему: «повѣрь мнѣ, что никто изъ васъ прежде меня не умретъ, а, по отшествіи моемъ, многіе послѣдуютъ за мною.» Видя свое изнеможеніе, частыя болѣзни, и предчувствуя близкую смерть, девяностолѣтній Кириллъ помыслилъ написать послѣднее посланіе къ Князю Андрею Дмитріевичу Можайскому, которому поручилъ свой монастырь и особое наблюденіе за тѣмъ, чтобы сохранялось въ немъ общее житіе, имъ учрежденное. Князь Андрей исполнилъ завѣщаніе Кирилла. Далъ обители и домы великіе и озера, и много книгъ положилъ въ церковь. Передъ самою смертію, Кириллъ созвалъ всю братію, а всѣхъ было тогда, съ нимъ Богу работавшихъ, 53 человѣка. Передъ всѣми вручилъ монастырь ученику своему Иннокентію. До конца исполнялъ келейное правило. Въ праздники, когда самъ не могъ на своихъ ногахъ ходить въ церковь, ученики приводили его, и онъ самъ совершалъ литургію. Въ послѣдній разъ совершилъ онъ ее въ день Святаго Духа, на память Св. Кирилла Александрійскаго, и послѣ того началъ ослабѣвать тѣломъ. Рыдала братія, скорбѣла объ отходящемъ, о обители, что оскудѣетъ безъ него. Кириллъ утѣшалъ ихъ: «не скорбите, если я угодилъ Богу, то мѣсто не оскудѣетъ, а еще болѣе распространится; только любовь имѣйте между собою.» Послѣднія слова его были: «не скорбите, братья и дѣти, въ день покоя моего; уже часъ мнѣ почити о Господѣ; предаю васъ Богу и Его Пречистой Матери: Онъ да сохранитъ васъ отъ всѣхъ искушеній лукаваго, а сынъ мой, Иннокентій, да будетъ вамъ Игуменомъ вмѣсто меня: почитайте его, какъ меня; онъ исправитъ ваши недостатки.» Послѣдняя забота его была о томъ, чтобы не разорилось общее житіе. Братія подходила къ нему, со слезами цѣловалась съ нимъ, прощалась съ нимъ,

просила благословенія. Онъ, какъ чадолюбивый отецъ, всѣхъ лобызалъ, всѣхъ ласкалъ, всѣмъ оставлялъ послѣднее благословеніе, и у всѣхъ самъ просилъ прощенья. Еще разъ причастился пречистыхъ Таинъ, и мирно и тихо отдалъ Господу свою святую и трудолюбную душу, «еще молитвѣ въ устахъ его сущей.» 9-го Іюня 6935 (1427) года, братія, со многою честію и надгробнымъ пѣніемъ, покрыли землею многострадальное и трудолюбное тѣло его, сосудъ Пресвятаго Духа.

Отъ Кирилла Бѣлозерскаго осталось намъ три посланія къ тремъ братьямъ Князьямъ, съ которыми онъ былъ, какъ видно, въ самыхъ короткихъ, дружескихъ сношеніяхъ. Эти посланія, писанныя весьма простымъ языкомъ и исполненныя иноческаго смиренія, опредѣляютъ ясно тѣ нравственныя отношенія, какія были у насъ между представителями духовной жизни и Церкви, и представителями свѣтской власти. Разскажу ихъ содержаніе и приведу отрывки. Первое надписано къ Великому Князю Василію Димитріевичу и относится къ 1399 — 1402 годамъ. Кириллъ прежде всего радуется смиренію Великаго Князя всей земли Русской, который отъ толикой славы міра сего преклоняется къ нищетѣ его и братіи, и поручаетъ имъ молиться о грѣхахъ его. Все это приписываетъ Кириллъ великой любви Князя къ Богу и Пречистой Его Матери. За тѣмъ слѣдуютъ два наставленія: первое общее, другое частное. Вотъ первое: «Въздай же убо Благодателю долгъ святыа его храня заповѣди, всякого укланяясь пути, ведущаго въ пагубу. Якоже бо о кораблѣхъ есть, егда убо наемникъ, еже есть гребецъ, съблазнится, малъ вредъ творитъ плавающимъ съ нимъ; егда же кормчій, тогда всему кораблю сътворяетъ пагубу: такоже, господине, и о Князехъ. Аще кто отъ бояръ согрѣшитъ, не творитъ всѣмъ людемъ пакость, но токмо себѣ единому; аще ли же самъ Князь, всѣмъ людемъ, иже подъ нимъ, сотворяетъ вредъ. Ты же, господине, съ многою твердостію храни собе въ добрыхъ дѣлѣхъ; рече бо Святый Апостолъ: «миръ имѣйте и святыню, безъ неяже никто же узритъ Господа.» Возне-

ненавиди, господине, всяку власть, влекущую тя на грѣхъ; непреложенъ имѣй благочестія помыслъ и не возвышайся, господине, временною славою къ суетному шатанію: малъ же убо и кратокъ сущій здѣ животъ и съ плотію съпряжена смерть. И сія убо помышляя, не впадеши въ ровъ гордостный: но бойся, господине, Бога, истиннаго Царя, и блаженъ будеши: «блажени бо, рече, боящеися Господа.» — Второе наставленіе касается раздоровъ В. Князя съ Князьями Суздальскими. Вотъ оно: «Да слышелъ есми, господине Князь Великій, что смущеніе велико между тобою и сродники твоими Князми Суждальскими. Ты, господине, свою правду сказываешь, а они свою; а въ томъ, господине, межи васъ крестьяномъ кровопролитіе велико чинится. Ино, господине, посмотри того истинно, въ чемъ будетъ ихъ правда предъ тобою, и ты, господине, своимъ смиреніемъ поступи на себе; а въ чемъ будетъ твоя правда предъ ними, и ты, господине, за себе стой по правдѣ. А почнуть ти, господине, бити челомъ, и ты бы, господине, Бога ради, пожаловалъ ихъ, по ихъ мѣрѣ; занеже, господине, тако слышелъ есмь, что доселѣ были у тебе въ нужи, да отъ того ся, господине, и возбранили (т. е. заратилися). И ты, господине, Бога ради, покажи къ нимъ свою любовь и жалованье, чтобы не погибли въ заблужденіи въ Татарскихъ странахъ, да тамо бы не скончались. Занеже, господине, ни царство, ни княженіе, ни иная кая власть не можетъ насъ избавити отъ нелицемѣрнаго суда Божія; а еже, господине, възлюбити ближняго яко себе, и утѣшити душа скорбящая и озлобленыя, много, господине, поможетъ на страшнѣмъ и праведнѣмъ Судѣ Хрістовѣ, понеже пишетъ Апостолъ Павелъ ученикъ Хрістовъ: «аще имамъ вѣру горы преставляти, и аще имамъ раздати все имѣніе свое, любве же не имамъ, ничтоже полза ми есть.» Възлюбленный же пишетъ Іоанъ Богословъ: «аще «кто речетъ: Бога люблю, а брата своего ненавижу, ложь «есть.» Тѣмже и ты, господине, възлюби Господа Бога отъ всея душа своея; тако възлюби и братію твою и вся крестьяне: и тако, господине, вѣра твоя къ Богу и мило-

стыня твоя къ нищимъ Богомъ пріятна будетъ.» — Такъ раздавался смиренный голосъ инока въ пользу братской любви между враждовавшими Князьями, тогда какъ польза государственная, Московское единство, требовали другихъ соображеній. Симеонъ и Василій Кирдяпа, отстаивавшіе независимость Суздаля, умерли въ изгнаніи. Но внукъ Кирдяпинъ женился однако на дочери Великаго Князя. «Тое же зимы (1418) Князь Великій отдаетъ дщерь свою Василису за Князя Александра Ивановича Суждальскаго,» говоритъ лѣтописецъ. Можетъ быть, и доброе слово Кириллово участвовало въ этомъ родственномъ примиреніи.

Другое посланіе надписано къ Можайскому Князю Андрею Димитріевичу, тому самому, которому Кириллъ въ духовномъ своемъ завѣщаніи поручилъ обитель. Посланіе относится къ 1408 или 1413 году. Этотъ Андрей былъ также сынъ Димитрія Донскаго, и родился 1382 года Августа 14-го дня; крещенъ же Игуменомъ Симонова монастыря, Ѳеодоромъ, вѣроятно, въ то самое время, какъ Кириллъ жилъ въ монастырѣ. Отецъ его, Димитрій, далъ Андрею въ удѣлъ Можайскъ, и сверхъ того благословилъ его куплею дѣда своего, Бѣлымъ Озеромъ. Вотъ чѣмъ объясняется особенное отношеніе Андрея къ обители Кирилла Бѣлозерскаго. Андрей ѣзжалъ часто въ свою Бѣлозерскую вотчину и могъ оттуда легко покровительствовать обители. Посланіе написано Кирилломъ въ отвѣтъ на посланіе Андреево, въ которомъ Князь извѣщалъ Кирилла о чудесахъ, бывшихъ отъ Богоматери. Упоминается въ немъ также о томъ, что Божія Матерь избавила Христіанъ отъ нашествія враговъ иноплеменныхъ. Этими двумя обстоятельствами опредѣляется время посланія.

Въ 1408 году было нашествіе Эдигея. Москва, конечно, спасена была чудомъ, потому что Великій Князь Василій Димитріевичь оставилъ ее—и, кромѣ всенародныхъ молитвъ, не было другой защиты. Князь Андрей, вмѣстѣ съ Владиміромъ Андреевичемъ Храбрымъ и братомъ своимъ, Петромъ, оставался тогда въ Москвѣ. Эдигей внезапно сдѣлалъ мирныя предложенія и удалился отъ Москвы. Къ

этому событію можетъ относиться посланіе. Къ соображенію можно принять еще другое происшествіе. Въ 1413 году, отъ Можайска за 10 верстъ, въ отчинѣ Князя Андрея Можайскаго, отъ иконы Богородицы явилось много изцѣленій слѣпымъ, хромымъ. Одинъ земледѣлецъ, по имени Лука, нашелъ эту икону на деревѣ; обогатился, ходя съ нею изъ города въ городъ, построилъ великолѣпный домъ и жилъ Княземъ, презирая всѣхъ; ловчій Князя Андрея Дмитріевича, оскорбленный грубымъ Лукою, пустилъ на него медвѣдя, который изломалъ его; Лука, приведенный въ чувство увѣщаніями Князя Андрея, отдалъ ему чудотворную икону и все свое имѣніе для построенія обители Кольчинской, а самъ постригся въ ней и скоро умеръ. Вотъ на какомъ справедливомъ основаніи издатели Историческихъ Актовъ отнесли это посланіе къ 1408 или къ 1413 году.

Послѣ бесѣдованія о чудесахъ Богоматери, слѣдуютъ наставленія Кирилла Князю Андрею. Мы выпишемъ ихъ:

«И ты, господине Князь Андрей, видя человѣколюбіе и милосердіе Господа нашего Іисуса Христа, что гнѣвъ свой отъ насъ отвелъ, а милость свою явилъ народу крестьянскому, молитвами Пречистыя Госпожа Богородица Матере своея, и ты, господине, смотри того: властелинъ еси въ отчинѣ, отъ Бога поставленъ, люди, господине, свои уймати отъ лихаго обычая. Судъ бы, господине, судили праведно, какъ предъ Богомъ, право; поклеповъ бы, господине, не было; подметовъ бы, господине, не было; судьи бы господине, посуловъ не имали, доволны бы были уроки своими, понеже сице глаголетъ Господь: «да не оправдиши нечестиваго мзды ради; ни силна, ни богата устыдися на судѣ, ни брата свойства ради, ни друга любве ради, ни нища нищеты ради; ни сътвориши неправду на судѣ, яко судъ истиненъ есть, проклятъ всякъ неправо судя.» Пророкъ рече:«ярость Господня на нихъ неисцѣлна до вѣка, и огнь поястъ нечестивыя, мзды ради, иже неправдою взимаютъ.» А судя праведно, безо мзды, спасени будутъ и царство небесное наслѣдуютъ. И ты, господине, внимай себѣ, чтобы корчмы въ твоей вотчинѣ

не было; занеже, господине, то велика пагуба душамъ: крестьяне ся, господине, пропиваютъ, а души гибнутъ. Тако же, господине, и мытовъ бы у тебя не было, понеже, господине, куны неправедныя; а гдѣ, господине, перевозъ, туто, господине, пригоже дати труда ради. Також, господине, и разбоя бы и татбы въ твоей вотчинѣ не было. И аще не уймутся своего злаго дѣла, и ты ихъ вели наказывати своимъ наказаніемъ, чему будутъ достойни. Тако же, господине, уймай подъ собою люди отъ скверныхъ словъ и отъ лаянія, понеже то все прогнѣваетъ Бога; и аще, господине, не потщишися всего того управити, все то на тебѣ взыщется: понеже властитель еси своимъ людемъ, отъ Бога поставленъ. А крестьяномъ, господине, не лѣнись управы давати самъ: то, господине, выше тебѣ отъ Бога вмѣнится и молитвы и поста. А отъ упиванія бы есте уймались, а милостынку бы есте по силѣ давали: понеже, господине, поститись не можете, а молитися лѣнитеся; ино въ то мѣсто, господине, вамъ милостыня вашъ недостатокъ исполнитъ.» Такъ говоритъ инокъ Князю о стояніи въ церкви: «Въ церкви стойте, господине, съ страхомъ и трепетомъ, помышляюще въ себѣ аки на небеси стояще: занеже, господине, церковь наречется земное небо, въ ней же съвершаются Хрістова таинства. Блюди и себе, господине, опасно: въ церкви, господине, стоя, бесѣды не твори и не глаголи, господине, никакого слова празна; и аще кого видиши отъ вельможъ своихъ или отъ простыхъ людей, бесѣдующа въ церкви, и ты имъ, господине, възбраняй: понеже, господине, то все прогнѣваетъ Бога.»

Третье посланіе надписано къ Звенигородскому Князю, Георгію Димитріевичу, также брату первыхъ двухъ. Трехъ лѣтъ, присутствовалъ онъ вмѣстѣ съ отцомъ своимъ при погребеніи Св. Алексія Митрополита, а родился въ Переславлѣ-Залѣсскомъ, въ 1374 году, и крещенъ Преподобнымъ Сергіемъ. Было ему 15 лѣтъ, когда отецъ его, Димитрій, умирая, далъ ему въ удѣлъ Звенигородъ и Рузу, и сверхъ того благословилъ его Галичемъ. Осмнадцати лѣтъ, онъ, подъ начальствомъ дяди своего, Владиміра Андреевича,

уже воевалъ съ Новгородцами. Двадцати пяти лѣтъ, завоевалъ для брата своего, Василія, Казанскую Болгарію, а на 26-мъ году жизни (1400) женился на Анастасіи, дочери изгнанника, Князя Смоленскаго, Юрія Святославича. Долго боролся онъ за свое право быть Государемъ Московскимъ съ племянникомъ своимъ, Василіемъ Темнымъ, вытерпѣлъ униженіе въ Ордѣ, долженъ былъ вести коня подъ племянникомъ; но не уступилъ и передалъ вражду свою дѣтямъ. Посланіе написано Кирилломъ къ Князю, по случаю болѣзни супруги его. Инокъ предлагаетъ ему духовныя утѣшенія. Георгій, какъ видно, хотѣлъ посѣтить обитель Кирилла, но сей послѣдній уклонялся отъ столь высокой чести, боясь зависти. Вотъ слова его: «Еще господине, самъ сего поразсуди: понеже твоея вотчины въ сей странѣ нѣтъ, и толко ты, господине, поѣдешь сѣмо, ино вси человѣци начнутъ глаголати: «Кирила дѣля токмо поѣхалъ.» Былъ, господине, здѣсе братъ твой, Князь Андрей: ино, господине, его вотчина, и намъ пришла нужа: нелзѣ намъ ему, своему господину, челомъ не ударити. А ты, господине, Бога ради, не учини того, что ти къ намъ ѣхати.» Подъ именемъ вотчины Андрея разумѣется земля Бѣлозерская. Слова́: яко же ти и прежъ сего писахъ, показываютъ, что Кириллъ писалъ къ Князю Георгію и другія посланія.

Изъ этихъ немногихъ посланій виденъ смиренный и христіанскій характеръ Кирилла, видна простота его какъ въ мысли, въ чувствѣ, такъ и въ словѣ, и видна наконецъ та прекрасная духовная связь, которая соединяла отшельника съ державцами Русской земли.

Составивъ себѣ понятіе о томъ, кто основалъ обитель, перейдемъ теперь къ памятникамъ самой обители.

СПИСОКЪ

рисунковъ, приложенныхъ къ первой части.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

ТРОИЦКАЯ ЛАВРА.

Стран.

АЛЕКСАНДРОВЪ.

ПЕРЕСЛАВЛЬ ЗАЛѢСКОЙ.

Стран.

РОСТОВЪ.

ЯРОСЛАВЛЬ.

ДОРОГА ВЪ ВОЛОГДУ. — ГРЯЗОВЕЦЪ.

ВОЛОГДА.

Стран.

ДОРОГА ИЗЪ ВОЛОГДЫ ВЪ КИРИЛОВЪ.

КИРИЛЛОВЪ МОНАСТЫРЬ.

Жизнь и посланія Угодника.

37

ПОѢЗДКА

ВЪ КИРИЛЛО-БѢЛОЗЕРСКІЙ МОНАСТЫРЬ.

ВАКАЦІОННЫЕ ДНИ

ПРОФЕССОРА С. ШЕВЫРЕВА

ВЪ 1847 ГОДУ.

Въ двухъ частяхъ.

(Съ 25-ю литографированными рисунками).

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

МОСКВА.

Въ Университетской Типографіи.

1850.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва. Марта 28-го дня, 1850 г.

Ценсоръ Ст. Совѣт. и Кавалеръ И. Снегиревъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ВТОРОЙ ЧАСТИ.

КИРИЛЛОВЪ МОНАСТЫРЬ.

Памятники и древности монастыря и его ризницы.

КИРИЛЛОВЪ МОНАСТЫРЬ.

Библіотека.

ГОРИЦЫ. — БѢЛОЗЕРСКЪ. — КИРИЛО-НОВОЕЗЕРСКАЯ ОБИТЕЛЬ. — КРОХИНЪ ПОСАДЪ.

КИРИЛЛОВЪ МОНАСТЫРЬ.

Памятники и древности монастыря и его ризницы.

Значеніе монастырей и Кирило-Бѣлозерской обители.—Названіе.—Озёра. — Озеро Сиверское. — Положеніе монастыря. — Ивановъ монастырь. — Келья Преподобнаго и крестъ. — Башенка Никона Патріарха. Мѣста 11 дворовъ. — Прежніе промыслы въ обители.—Стѣны ограды.— 100 келлій во внѣшней оградѣ. — Башни. — Каменные мѣшки. — Память лѣтописная объ осадахъ. — Памать о лицахъ, здѣсь жившихъ. — Синодикъ монастырскій. — Гробницы Князей Воротынскихъ. — Дары слугй ихъ. — Ризница. — Икона-портретъ Препод. Кирилла. — Вещи Преподобнаго. — Стулъ Патріарха Никона. — Покровы и ризы. — Кубокъ Грознаго. — Рукописи ризницы: Евангеліе, писанное Христофоромъ въ 14¼ году; Псалтирь 1424 года; два каноника соборныхъ; выписки изъ уставныхъ правилъ Церкви; отрывки изъ физики нашей въ XV вѣкѣ.

У насъ нѣтъ феодальныхъ замковъ, которыми усѣяны западныя страны, Англія, Италія и особенно Германія; у насъ нѣтъ этихъ памятниковъ, запечатлѣвшихъ собою слѣды развитія той грубой одинокой личной силы, какую представляли феодалы запада въ средніе вѣки. Наши удѣльные князья живали не въ замкахъ, а въ городахъ и вотчинахъ: уступивъ необходимости исторической, они не оставили по себѣ никакихъ каменныхъ слѣдовъ своего сопротивленія великому и благотворному единенію государства. Въ оны времена, когда еще Русскіе люди не вникали мыслію въ особенности своей жизни и исторіи, мы сожалѣли о томъ, что нѣтъ у насъ нѣмецкихъ замковъ и соединенныхъ съ ними романтическихъ легендъ, и готовы были построить даже замки воздушные, лишь бы только населить ихъ своими мечтами, а не дѣйствительною жизнію Русскаго народа.

Намъ, отъ нашего древняго періода, остались памятники другаго рода, которыхъ значеніе опредѣлено религіознымъ характеромъ самой жизни. Наши замки — монастыри, гдѣ личная сила избранныхъ мужей не развивалась произвольно, а напротивъ, въ молитвѣ, постѣ, нищетѣ, смиреніи, подчинялась силѣ Божіей и примѣромъ своимъ учила этому подчиненію и власти и народъ. Отшельники, въ овчинныхъ тулупахъ, въ худыхъ ризахъ, владѣтели этихъ замковъ — и владѣтели вѣчные, потому что исторія потокомъ времени не могла отнять этого владѣнія у тѣхъ, которые думали не о временномъ, а о вѣчномъ. Слуги Божіи, создатели сихъ твердынь духовныхъ, остались въ нихъ неприкосновенны ни людямъ, ни времени. Съ землянки, съ деревянной кельи, съ брусяной церкви, начиналась эта твердыня; проливала на всю дальнюю окрестность свѣтъ благочестія, молитвы, вѣры, любви; кормила голодныхъ, цѣлила недужныхъ, принимала странныхъ, выкупала плѣнныхъ; водворяла кротость въ нравахъ; служила духовнымъ оплотомъ противъ язычества и нечестія. Государственная власть на этомъ духовномъ основаніи воздвигала оплоты для безопасности внутренней и внѣшней. Твердыня духовная превращалась въ государственную крѣпость. Возникали огромныя стѣны и башни, снабженныя всѣми воинскими снарядами. Оплотъ Вѣры служилъ оплотомъ и Отечеству. Такъ обитель Троицкая была оградою Москвы, ея Ангеломъ хранителемъ въ 1612 году. Такова же была точно и обитель Кирилла Бѣлозерскаго, для сѣверныхъ предѣловъ Руси, для странъ Бѣлозерскихъ и Новгородскихъ. Такою же является, еще сѣвернѣе, обитель Соловецкая.

Кириллъ, а по немъ и монастырь его, названы Бѣлозерскими не потому, чтобы самъ Кириллъ жилъ — или основалъ свою обитель на Бѣлоозерѣ; а потому, что вся окрестная страна, которую Кириллъ наполнилъ славою своей святости, именуется Бѣлозерскою и, какъ вотчина, входила въ составъ Бѣлозерскаго удѣла. Обитель же основана была на сѣверномъ берегу Сиверскаго озера. Не въ далекомъ

разстояніи находятся еще два озера: Долгое, правѣе отъ монастыря, и Бабье. Вотъ почему и въ житіи Кирилла сказано, что мѣсто, избранное имъ, отовсюду «яко стѣною окружено водами.» Взойдите на колокольню, которая возвышается надъ оградою, примыкающею къ озеру. Отсюда вы увидите его въ длину и ширину. Длина пять или шесть верстъ, а ширина одна верста, мѣстами поболѣе. Насупротивъ монастыря, посерединѣ озера, вы видите маленькой островокъ и на немъ деревянный крестъ, по преданію, водруженный также Пр. Кирилломъ. Жители говорятъ, что этотъ островокъ никогда не понимается водою и что когда озеро ломаетъ ледъ свой, то ледъ на него не всходитъ. Есть также повѣрье въ Кирилловѣ, что Преподобный заговорилъ комаровъ и машкару; но купцы думаютъ, что комары и машкара заговорены только на время конной ярмарки, чтобы кони не бились. Прекрасна ровная гладь этого пятиверстнаго озера, съ утра до вечера и ночью мѣняющая цвѣта свои. Монастырь стоитъ почти у одного изъ концевъ его. Вправо возвышается та гора Маура, съ которой, какъ говоритъ устное преданіе народа, не записанное въ житіи, Кириллъ въ первый разъ увидѣлъ мѣсто, указанное ему въ видѣніи Богоматерью для обители. Эта гора закрываетъ собою Горицкій женскій монастырь, котораго главы изъ за нея едва, едва мелькаютъ. Мы еще побываемъ на ней, когда посѣтимъ обитель Горицкую.

Осмотрѣвъ эту водную и гористую окрестность монастыря, сойдемъ въ его внутренность. Здѣсь прежде всего надобно обратиться ко кресту и кельямъ Кирилла, которые находятся на мѣстѣ, называемомъ малымъ Ивановымъ монастыремъ. Почему онъ такъ называется? потому ли, что здѣсь находится церковь во имя Іоанна Предтечи, построенная въ 1531 году; въ память ли Грознаго, который нерѣдко выражалъ инокамъ обители желаніе свое постричься въ монастырѣ и, конечно, питалъ особенное уваженіе къ этому мѣсту, откуда зачинается память самой обители и ея основателя. Здѣсь на пригоркѣ воздвигнутъ деревянный крестъ, сдѣланный самимъ Кирилломъ, какъ говорятъ, изъ

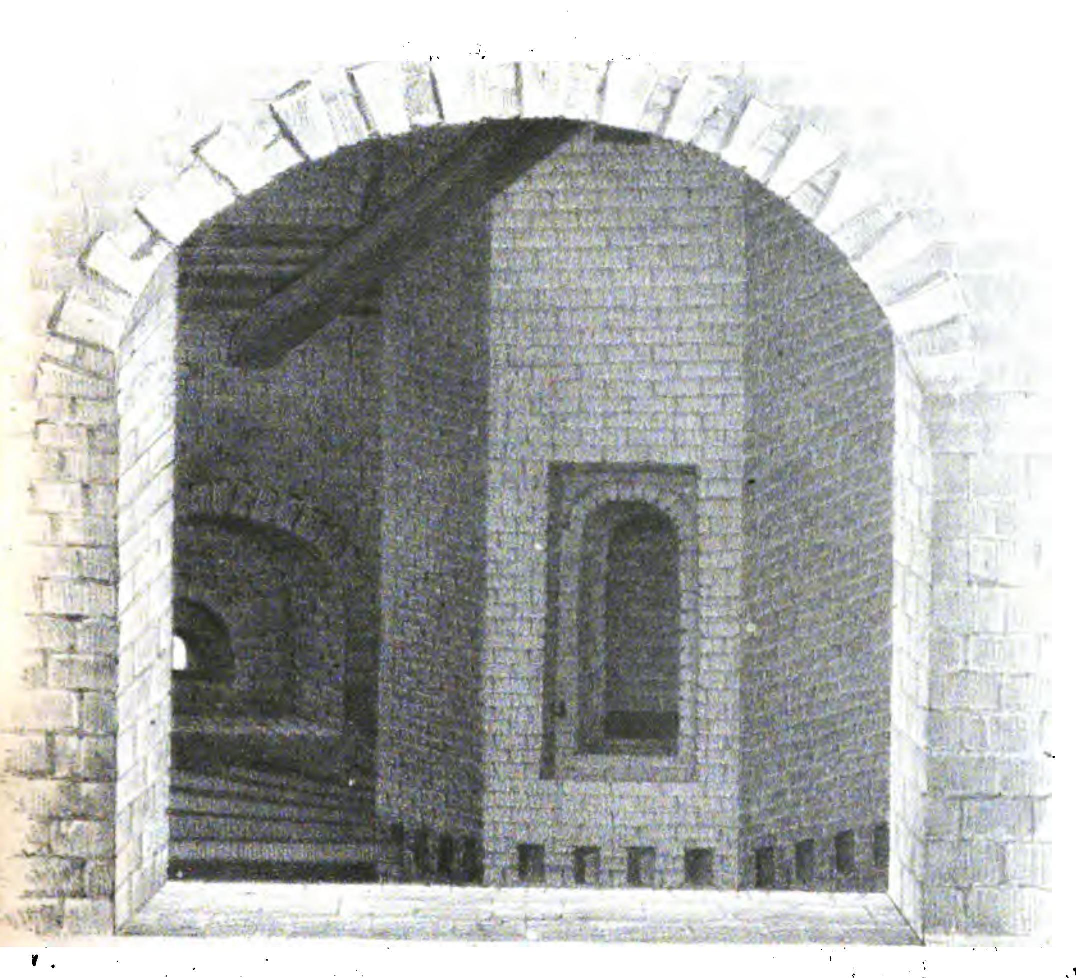
падшей ели, вѣроятно, той самой, которая пала во время сна его. Здѣсь также и деревянная келлія, срубленная Преподобнымъ и покрытая древесною корою. Вѣрующіе употребляютъ кору отъ зубной боли. Обѣ святыни одѣты каменными чехлами. Въ кельѣ находится и колодезь, съ водою весьма вкусною. Прилагаемые два рисунка познакомятъ читателя съ этою древностію. Подлѣ этого мѣста была, вѣроятно, и подземная пещера, вырытая Св. Кирилломъ. Здѣсь-то начались его подвиги. Сюда пришли къ нему крестьяне: Воронъ и Кикосъ. Какъ бы хотѣлось вообразить себѣ отсюда ту малую брусяную церковь, которую въ оны времена соорудилъ Кириллъ незванными плотниками. Теперь, на мѣсто оной, возвышается 11 благолѣпныхъ храмовъ, строенныхъ въ разныя времена, начиная съ конца XV вѣка, всего же болѣе въ XVI. Въ то число не включаемъ придѣловъ. На Ивановомъ же монастырѣ показываютъ еще одно зданіе, въ видѣ башенки, гдѣ жилъ Патріархъ Никонъ, когда перевели его изъ Ѳерапонтова монастыря въ Кирилловъ. Теперь тутъ баня монастырская. Въ житіи Никона, писанномъ Клирикомъ, бывшимъ при немъ, сказано, что кельи, въ которыхъ его заточили, были *вельми неугожи;* что «отъ необычнаго нагрѣванія и угару пріятъ блаженный велику болѣзнь, въ малѣ бо и житія не скончa.» Существуетъ грамота Патріарха Іоакима 1676 года, изъ которой видно, что и до его свѣдѣнія дошло, что въ кельяхъ, гдѣ велѣно было жить монаху Никону, печи кирпичныя и бываетъ отъ нихъ угаръ. Патріархъ указываетъ въ тѣхъ кельяхъ сдѣлать «печи образчатыя цѣнинныя, чтобъ угару отнюдь не было, да позади тѣхъ келей, гдѣ пристойно, по близку, высмотря съ нимъ Никономъ, для его Никоновыхъ потребъ, сдѣлать ему особую поварню каменную съ трубою, а трубу вывесть выше деревяннаго строенія, чтобъ было отъ огня опасно.» Видно, что поварня Никонова до того находилась въ самыхъ тѣхъ кельяхъ, гдѣ жилъ онъ, и лѣтомъ въ жары нагрѣвала его комнату, потому что и грамота писана Іюля 5-го. Кирилловъ не очень-то гостепріимно угощалъ славнаго изгнанника.—Между храмами и другими зданіями, гдѣ по-

мѣщаются келліи, училище и больница, вы видите дворы огромные, которые заняты теперь сѣнокосомъ, десятинами съ разнымъ хлѣбомъ, огородами, садами, гдѣ растутъ и кедры. Остатки прежнихъ кладбищъ видны кругомъ церквей. Здѣсь на этихъ мѣстахъ прежде было 11 дворовъ: 1) хлѣбный, 2) поваренный, 3) рыбный, 4) плотничій, 5) дровяной, 6) гостинный, 7) пиленный, 8) мельничный, 9) житенный, 10) мереженный (отъ мережи-рыболовной снасти) и 11) конюшенный. Извѣстно, что монастырь содержалъ у себя промыслы всякаго рода. Различныя ремесла процвѣтали здѣсь, подъ надзоромъ распорядительныхъ Настоятелей. Изъ грамоты 1646 года мы знаемъ: Царь Алексѣй Михайловичь указалъ на Москвѣ дѣлать многія церковныя и дворцовыя и городовыя каменныя дѣла, да въ Серпуховѣ сдѣлать новый каменный городъ; каменщиковъ и кирпичниковъ къ тѣмъ дѣламъ указалъ онъ взять изъ Кириллова монастыря такихъ, которые напередъ сего его каменное дѣло дѣлывали, и даже имена подъ грамотою посланы были тѣхъ самыхъ, которые Царю спонадобились. Такъ монастыри снабжали Царя хорошими мастерами.

Къ озеру примыкаетъ одна стѣна, но съ трехъ другихъ сторонъ ограда у монастыря двойная. Вышина внутренней ограды 10 аршинъ, ширина полтора аршина. Вышина внѣшней 16 аршинъ, кромѣ кровли, ширина 9 аршинъ съ половиною. Стѣны ея въ три яруса. Въ нижнемъ находились кузницы, анбары и разныя службы. Во второмъ и третьемъ ярусахъ устроены ходы такіе просторные, что широкой каретѣ можно бъ было безопасно проѣхать. Внутренній дворъ монастыря отъ внѣшняго отгороженъ большою стѣною, въ которой находятся большіе ворота съ изображеніями изъ жизни Кирилловой. На этомъ внѣшнемъ дворѣ нѣтъ уже никакой святыни; онъ весь засѣянъ хлѣбомъ и овощами. Кругомъ по этому двору, въ нижнемъ этажѣ, вы найдете 700 опустѣлыхъ келлій. Въ нихъ окна маленькія, половъ нѣтъ никакого слѣда; вѣроятно, топились онѣ какъ курныя избы, потому что потолки покрыты копотью. Едва ли эти кельи назначались для монаховъ. Здѣсь, конечно,

жили ратники, людъ военный, ибо вся внѣшняя ограда принадлежитъ не столько монастырю, сколько крѣпости. Къ тому же эта ограда строена съ 1633 года по 1666. Обѣ ограды снабжены башнями, которыхъ всѣхъ, большихъ, середнихъ и малыхъ, внутреннихъ и внѣшнихъ, 23. Самыя большія изъ нихъ окружаютъ внѣшнюю ограду. Онѣ носятъ названія Вологодской, Казанской, Бѣлозерской или мереженной, Кузнечной, Косой, Московской. Послѣдняя изъ нихъ самая высокая и самая широкая въ обхватѣ. Она осмиугольная; вышиною съ шатромъ болѣе 25 саженъ; съ низу до верхняго этажа въ ней было 192 ступени. Теперь ходы въ этихъ башняхъ уже поломаны большею частію. Огромные брусья, на которыхъ построены были лѣстницы, употреблены для монастырскихъ нуждъ. Внутри каждой башни вы найдете большой столбъ, отъ низу до верха, раздѣленный на нѣсколько отдѣловъ. Къ каждому отдѣлу велъ особенный ходъ, и въ каждомъ вы видите отверстіе. Къ нѣкоторымъ, весьма немногимъ, можно и теперь еще пройти. Внутри тѣсное, узкое пространство, сверху сводъ, отверстіе и два бруса. Вотъ что называлось въ старину тѣми страшными *каменными мѣшками*, въ которыхъ заключали преступниковъ, изгнанниковъ или плѣнныхъ. Прилагаемый рисунокъ снятъ со внутренности Московской башни. Вся ограда, и съ башнями въ окружности, имѣетъ по описи 716 саженъ. Жители монастыря полагаютъ ее круглымъ счетомъ въ полторы версты. Эти башни, эти стѣны, арсеналъ оружій, до сихъ поръ хранящійся въ монастырѣ, напоминаютъ о военныхъ осадахъ, какія вынесла обитель. Иноки сохраняютъ до сихъ поръ память этихъ событій. У Отца Смотрителя Училища я нашелъ рукописную книжку, которая содержитъ въ себѣ исторію Троицкаго и Кириллова монастырей и въ оны времена принадлежала слугѣ сего послѣдняго, Ѳедору Шелепину. Въ ней вы читаете: «Лѣта 7120 (1612) Іюля въ 10 день въ четвертокъ Литва Бѣлоозеро выжгли и высѣкли. Того же году Августа въ 20 приходили Литва подъ Кирилловъ монастырь съ Уломской дороги изгономъ и выжгли конюшенной дворецъ и гостинной дворъ и шваленой дворецъ. — 7121

(1612) году Сентября въ 22 день Литва Вологду выжгли и высѣкли. Тогожь году Декабря въ 5 въ ночи приступали Литва къ Кириллову монастырю панъ Бобовской съ Черкасы. Того же мѣсяца въ 11 въ ночи приступали Литва къ Кириллову монастырю съ лѣствицами панъ Песоцкой съ братомъ и съ Черкасы.»

Отъ наружности монастыря перейдемъ теперь къ тѣмъ памятникамъ, которые онъ въ себѣ заключаетъ. Сколько святыхъ мужей пребывало здѣсь: Мартиніанъ, Ѳерапонтъ, Христофоръ. Отсюда вышли Корнилій Комельскій и Нилъ Сорскій. Цари и Князья пріѣзжали сюда на богомолье. Здѣсь Іоаннъ Грозный возъимѣлъ желаніе постричься въ монахи, искреннее или не искреннее, ему извѣстно да Богу. Здѣсь томились въ изгнаніи многіе славные мужи древней Руси. Сюда укрывались Бояре отъ каръ Грознаго, и здѣсь нарушали они строгость Кириллова устава внесеніемъ своихъ роскошныхъ обычаевъ. Здѣсь столь многіе нашли вѣчное успокоеніе, иные даже въ мукахъ, какъ напримѣръ, Князь Иванъ Петровичъ Шуйской, сосланный Годуновымъ при Царѣ Ѳеодорѣ Іоанновичѣ и, можетъ быть, удавленный въ одной изъ тѣхъ башенъ, о которыхъ мы говорили.

Взглянемъ прежде на два тома синодика, который хранится въ соборной церкви Успенія и читается всегда, кромѣ царскихъ дней, монахомъ, для того назначеннымъ. Оба тома писаны въ большой листъ, на бумагѣ, крупнымъ уставомъ, разными руками. Въ началѣ, какъ и во всѣхъ синодикахъ, находится предисловіе о пользѣ молитвы церковной за души усопшихъ, о томъ какъ надобно совершать сіи молитвы, объ исхожденіи души изъ тѣла, отрывки изъ житій Святыхъ, сюда относящіеся, и проч.

Впереди записаны игумны Кириллова монастыря и монастырей окружныхъ: Кириллъ Бѣлозерскій, Ѳерапонтъ его собесѣдникъ, Мартиніанъ, Александръ Ошевенскій, Кириллъ Новоезерскій, Иннокентій, ученикъ и наслѣдникъ Кирилла, Христофоръ ученикъ его, Нилъ Сорскій и другіе. За тѣмъ вселенскіе Патріархи, Митрополиты Кіевскіе и Московскіе, Великіе Князья Русскіе съ самаго крещенія Руси. Патріархи

Русскіе написаны не въ порядкѣ, а такимъ образомъ: Іовъ, Гермогенъ, Филаретъ, Іоасафъ, Іосифъ, Іоасафъ, Питиримъ, Никонъ, Іоакимъ, Адріанъ. Никонъ сначала исключенъ былъ, какъ видно, а приписанъ послѣ другимъ почеркомъ, вмѣстѣ съ Патріархами Іоакимомъ и Адріаномъ.

Далѣе Удѣльные Князья, Цари, древнимъ почеркомъ до Алексія Михаиловича включительно; Епископы. Вотчинники отдѣлены отъ Князей Удѣльныхъ. Въ сихъ послѣднихъ записаны Князь Георгій Іоанновичь, Князь Андрей Димитріевичь, покровитель монастыря. Въ вотчинникахъ же Князья Щенятевъ, Кубенскіе, Палецкой, Волотской, Черкаской, и другіе. Замѣчателенъ родъ чудотворца Кирилла Бѣлозерскаго: михайла. каллиніка. тарасіа. сѵмеона. александра. петра. іова. петра. іоанна. ісаакія. гавріила. маріи. пантелеймона. оуліяніи. іріны. матроны. іоанна. евдокіи. евдокіи. евдокіи. оуліяніи. маріи. маріи. матроны. мартиніана. сѵмона. николы. Кѣмъ же могъ быть переданъ обители родъ ея основателя, кромѣ самаго Кирилла, который видно въ благочестивомъ поминаніи не забывалъ своихъ родителей и предковъ? Но не льзя не замѣтить, что здѣсь нѣтъ имени дяди его, окольничаго Тимоѳея; не скрылось ли оно подъ именемъ иноческимъ? Имя тетки его Ирины, жены Тимоѳея, записано.

Надъ именами иноковъ нерѣдко обозначено ихъ мірское прозваніе или занятіе. Такъ, напримѣръ, надъ Игнатіемъ — Волоцкій крестьянинъ, надъ инокомъ Іоною — Воротынскій, надъ Варлаамомъ — Воротынскаго человѣкъ, надъ Аверкіемъ—дружина Романовскій, надъ Арсеніемъ—глухой, надъ Ѳеодосіемъ—Шереметевъ, надъ Симеономъ—Волынскаго человѣкъ, надъ Евстратіемъ — кузнецъ, надъ священнодіакономъ Аврааміемъ—былъ въ Казани митрополітъ, надъ священноинокомъ Спиридономъ — попъ Селивестръ, знаменитый совѣтникъ Іоанна, котораго слава еще болѣе возрасла съ тѣхъ поръ какъ Г. Коншинъ открылъ сочиненіе его: Домострой, и съ нимъ рядомъ сынъ его Анфимъ, тотъ самый, къ которому Сильвестръ написалъ посланіе, заключающее его книгу; надъ Княземъ Петромъ во іноцѣхъ Пиміномъ — Щенятевъ, замученный

Грознымъ, надъ Михаиломъ — Морозовъ, надъ Іоанномъ — Хабаровъ. Иногда обозначена родина иноковъ: с москвы, углечепинъ, бѣлозерецъ, болдинецъ, нижегородецъ, святогорецъ, грузинецъ, москвитинъ. Встрѣчается имя Гурія между иноками: не того ли, чьею рукою написаны многія книги библіотеки, какъ мы увидимъ послѣ?

Далѣе идутъ роды: Князей Ярославскихъ, Василія Михаиловича Юрьева, Данила да Никиты Романовичевъ, Князя или Царя Сvмеона Бекбулатовича во иноцѣхъ Стефана, переведеннаго въ Кирилловъ въ 1612 году, Годуновыхъ, Князей Шуйскихъ, Глинскихъ, Олгердова Князя Өеодора Бѣльскаго, Кн. Сvмеона Бѣльскаго, Кн. Іоанна Бѣльскаго, Князей Кубенскихъ, Пѣньковыхъ, Сицкихъ, Цыплятевыхъ, Палецкихъ, Умного, Колычевыхъ, Трубецкихъ, въ числѣ которыхъ встрѣчаемъ имя Болярина Князя Димитрія Тимоөеевича, Одоевскихъ, Лыковыхъ, Морозовыхъ, Пронскихъ, изрѣдка исторически знакомое имя: Илью Даниловича Милославскаго съ женою Екатериною, Хитрово, Телятевскихъ, Голицыныхъ, Черкасскихъ, Вяземскихъ, Ростовскихъ, Рязанскихъ, Оболенскихъ, Прозоровскихъ, Салтыковыхъ, Ромодановскихъ, Кѣмскихъ, Андомскихъ, Звѣнигородскихъ, Козловскихъ, Волконскихъ, Нагово, Хабаровыхъ, Плещеевыхъ, Масальскихъ.... Нерѣдко, среди этихъ пышныхъ именъ нашего древняго Русскаго вельможества, мелькаютъ скромные роды крестьянъ и другихъ сословій: родъ села Троицкаго деревни Пантелеймоновской крестьянина Бориса Прохорова, родъ села Волоку Словинскаго деревни Коровина болшаго крестьянина Михаила Миронова, родъ Волоку Словинскаго крестьянина деревни Волковы Мартина Флорова, Нижегородца Ямскія слободы Артемія Іоаннова сына Лома Носа, Ярославскаго уѣзду Борисоглѣбской слободы Григорія Сухорукова, подъячего Симеона Реткина, двороваго человѣка Гришки Сергіевскаго, старца пустынника Авраамія, Өеодора Өеодотова сына Кузнеца, Василія Андреева сына Свиньи, изъ горъ бобыля Тимоөея Гладково, старца Діонисія клирика Святки, Семіона плотника, Колмогорца Іосифа Морошкина, Муромскаго уѣзду вотчины болярина Князя Іоанна Алексіевича Воро-

тынскаго села Мошку Пречистенскаго Попа Іоанна, Строганова человѣка Ѳеодора Шушпанова. Замѣчательно, какъ послѣ стольниковъ начинаются вдругъ секретари провинціальныхъ канцелярій. Иногда роды людей свѣтскихъ прерываются родами духовныхъ лицъ: Митрополитовъ, Епископовъ, Архимандритовъ и иноковъ. Замѣчательны въ первой части Синодика роды Аникіевыхъ дѣтей Строгоновыхъ начиная съ Спиридона, который жилъ при Димитріѣ Донскомъ и вывезъ, какъ говорятъ, счеты отъ Татаръ, и родъ Никиты Григорьева, одного изъ участниковъ въ первоначальномъ покореніи Сибири, къ которому Грозный въ 1581 году писалъ грамоту.

Поминать родителей и предковъ, и молиться о ихъ душахъ, было одною изъ первыхъ обязанностей древняго Русскаго человѣка. Церковь, своими заупокойными молитвами, соединяла всѣ сословія въ помянникахъ своихъ, въ которыхъ такимъ образомъ сохранялись древнѣйшія родословія людей извѣстныхъ и неизвѣстныхъ.

Здѣсь же, по Государеву Цареву и Великаго Князя Алексія Михайловича указу, монастырь поминъ творитъ по дворянѣхъ и дѣтехъ боярскихъ и всякихъ чиновъ людехъ, которые на бояхъ побиты подо Псковомъ въ 7158 (1650) году; далѣе по тѣхъ, которые пали подъ Смоленскомъ въ 7162 (1654) году, и по своихъ слугахъ, которые или пали подъ Москвою отъ Литовскихъ людей, или померли въ селахъ во время моровыхъ повѣтрій.

Въ числѣ гробницъ, которыхъ надписи еще уцѣлѣли отъ времени, находятся гробницы Князей Воротынскихъ, погребенныхъ въ придѣлѣ Св. Благовѣрнаго Князя Владиміра, по лѣвую руку отъ соборной церкви Успенія. Я списалъ надписи, которыя недавно сняты были съ могилъ и вдѣланы въ стѣны. Древнѣйшая относится къ 1554 году. Она находится направо, при входѣ въ церковь, и вдѣлана въ самомъ углу стѣны. Вотъ она: «Лѣта 7062 (1554) Сентября 27 преставися рабъ Божій Благовѣрный Князь Владимеръ Ивановичь Воротынскій.» Это славный участникъ въ походѣ Казанскомъ, вождь Царской дружины, который, во время болѣзни Іоанновой, стоялъ такъ твердо за

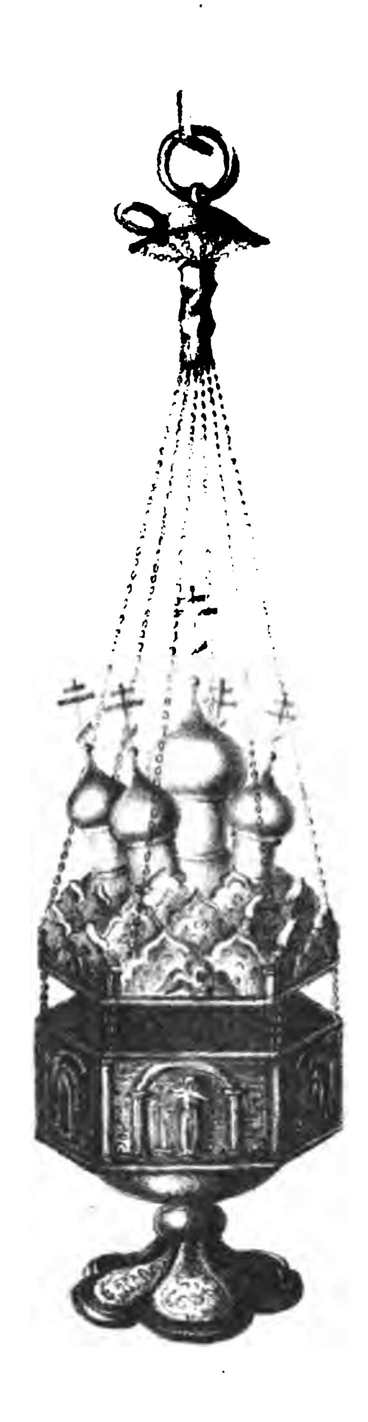
права Грознаго и сына его, Димитрія, противъ Князя Владиміра Андреевича и Бояръ. Въ 1553 году, Іоаннъ ѣздилъ въ Кирилловъ, съ своимъ младенцемъ, который вскорѣ послѣ поѣздки скончался. Воротынскій умеръ, судя по надписи, въ 1554 году: это согласно и съ исторіей, ибо она послѣ присяги, къ которой онъ приводилъ Бояръ въ 1553 году, уже болѣе не упоминаетъ объ немъ. Съ достовѣрностью предположить можно, что Князь Владиміръ Воротынскій сопровождалъ Іоанна въ знаменитомъ *Кирилловскомъ ѣздѣ*. О церкви, воздвигнутой надъ нимъ во имя патрона его Св. Князя Владиміра, упоминаетъ Грозный въ своемъ посланіи въ Кирилловъ монастырь къ Игумну Козьмѣ съ братіею, который игуменствовалъ съ 1573 по 1582 годъ. «А во се надъ Воротынскимъ церковь есть поставили. Ино надъ Воротынскимъ церковь, а надъ Чудотворцемъ нѣтъ. Воротынской въ церкви, а Чудотворецъ за церковію. И на страшномъ Спасовѣ судищи Воротынской да Шереметевъ выше станутъ, потому Воротынской церковью, а Шереметевъ закономъ, что ихъ Кириллова крѣпчае. Слышахъ отъ васъ брата нѣкоего глаголюща, яко добрѣ се сотворила Княгиня Воротынского, азъ же глаголю яко не добрѣ. По сему, первое, яко гордыни есть и величанія образъ, еже подобно Царстѣй власти, церковію и гробницею и покровомъ почитатися, и не токмо души не пособь, но и пагуба; души бо пособіе бываетъ отъ всякаго смиренія. Второе, и сіе зазоръ не малъ, что мимо Чудотворца надъ нимъ церковь.» Подробности этихъ упрековъ объясняетъ мѣстность. Гробница Препод. Кирилла находится не въ церкви, а съ боку соборнаго храма. Древняя же церковь, построенная Княгинею Воротынскою надъ могилою ея мужа, замѣнена, къ сожалѣнію, подновленною.

Внизу другая надпись: Князь Александръ Ивановичъ Воротынскій лѣта 7072 (1564); онъ упоминается въ описаніи битвы противъ Ногайскихъ Татаръ, и въ 1551 году, вмѣстѣ съ Головинымъ, ставилъ городъ Михайловъ.

Изъ надписи, которая находится по серединѣ, узнаемъ, что перенесены были изъ Кашина въ Кирилловъ монастырь

Князь Михайло и сынъ его, Князь Логинъ, въ 7114 году, т. е. въ 1606 Января 21-го; погребены же они были въ Кашинѣ Михайло въ 1573 году (7081), а Логинъ въ 1584 (7092). Кто же этотъ Князь Михайло Воротынскій? Судя по году смерти (1573), долженъ быть знаменитый *слуга Государевъ*, главный вождь при взятіи Казани и первый вѣстникъ о томъ Царю Іоанну, славный побѣдитель Крымскаго Хана Девлетъ-Гирея, о побѣдѣ котораго надъ Крымцами свидѣтельствуютъ до сихъ поръ высокіе курганы между Лопаснею и Рожаемъ. Въ 1560 году, онъ былъ сосланъ съ женою, сыномъ и дочерью въ Кирилловъ, гдѣ жилъ довольно пышно. Изъ казны государевой ему отпускались иноземные напитки: бастръ, романея, ренское, лимоны сотнями, винныя ягоды, изюмъ пудами, сливы ведрами, гвоздика, перецъ, осетры, шевриги, лососи, и трубы левашныя для сладкихъ левашниковъ. Двѣнадцать человѣкъ было при немъ на царскомъ содержаніи. Княжна его ходила въ тафтѣ бурской и веницейской. Въ 1565 году, Воротынскій былъ прощенъ по ходатайству Митрополита и Епископовъ, но черезъ десять мѣсяцевъ послѣ славной своей побѣды при Лопаснѣ, по извѣту раба своего, обвиненъ въ колдовствѣ и замученъ огнемъ. Іоаннъ самъ подгребалъ горящіе уголья къ его славному тѣлу. Едва дышущаго повезли его на Бѣлоозеро, но онъ скончался въ пути. Надпись показываетъ, что онъ сначала погребенъ былъ въ Кашинѣ, а оттуда уже перенесенъ въ Кирилловъ.

Сообщу имена и другихъ Воротынскихъ, которые погребены здѣсь позднѣе: Князь Иванъ Михайловичь Воротынскій (7135) 1627 года, по лѣвую руку въ стѣнѣ Князь Михайло Ивановичь Воротынскій (7186) 1678 года, и наконецъ Князь Иванъ Алексѣевичь Воротынскій (7187) 1679. Съ памятью сего послѣдняго соединена въ монастырѣ и память его двороваго человѣка, Никиты Осипова Неделикопова, который внесъ въ ризницу монастыря два богатые вклада: дарохранительницу съ богатѣйшимъ крестомъ и кадило великолѣпное, серебряное, вызолоченое. На немъ пять главъ церковныхъ, а около кадильнаго жерла изображенія

всѣхъ семи первыхъ дьяконовъ Церкви. Кругомъ надпись: лѣта 7176 (1668) сіе кадило построилъ въ церковь Успенія Божіей Матери Боярина и Князя Ивана Алексѣевича Воротынского человѣкъ Никита Осиповъ Недековъ (на ларохранительницѣ Неделикоповъ). Прилагаемое изображеніе можетъ дать понятіе объ этомъ кадилѣ. Другое же кадило пожертвовано Княземъ Львовымъ въ 1666 году; но оно не такъ богато, какъ кадило двороваго человѣка Воротынскаго.

Въ ризницѣ драгоцѣннѣйшее изъ воспоминаній о преподобномъ Кириллѣ есть икона и вмѣстѣ портретъ его, писанный еще при жизни, какъ говоритъ преданіе, Св. Діонисіемъ Глушицкимъ, который скончался десять лѣтъ спустя послѣ Кирилла и принадлежитъ къ числу Вологодскихъ чудотворцевъ. Діонисій славился иконописаніемъ. Вѣрный снимокъ съ иконы-портрета, прилагаемый въ началѣ книги, познакомитъ съ этою драгоцѣнностью и намекнетъ, покрайней мѣрѣ, на тѣ величаво-спокойныя и многодумныя черты, которыя составляютъ характеръ лица Кириллова.

Вотъ фелонъ и подризникъ Преподобнаго. Вотъ и деревянный красный сосудъ, съ изображеніемъ Спасителя, Божіей Матери, Іоанна Предтечи, точно такой же, какіе были у Св. Сергія. Надъ нимъ совершалъ онъ литургію. Вотъ овчинный его тулупъ, широкій, съ петлями; его шерстяной колпакъ; костыль изъ орѣховаго дерева; кожаная котомка; кожаный поясъ съ деревянною пряжкой; двѣ чаши въ футлярахъ, мѣдныя, и деревянный ковшъ. А вотъ и святцы, писанныя его рукою на пергаминѣ, и духовное его завѣщаніе, въ которомъ онъ поручалъ свой монастырь Можайскому Князю Андрею.

Недалеко отъ этой утвари, свидѣтельствующей духовное смиреніе Святаго, стоитъ памятникъ, совершенно противоположный, памятникъ высокомѣрія. Это стулъ, сдѣланный Патріархомъ Никономъ, подъ ручками котораго вырѣзалъ онъ слѣдующую надпись: «7176 (1668) Марта в҃і (12) дня сій стулъ здѣланъ смиреннымъ Никономъ

Патріархомъ въ заточеніи за слово Божіе и за Святую Церковь въ Ѳерапонтовѣ монастырѣ въ тюрмѣ.»

Между царскими дарами монастырю замѣчательны покровы на гробницу Преподобнаго, съ его ликомъ, шитые нашими Царицами и Царевнами, между которыми памятно имя благочестивой и трудолюбивой Татіаны Михаиловны. Ризы, рытый-бархатъ, перешитыя изъ порфиры Бориса Годунова, который присылалъ подобные дары во многія обители. Съ народомъ дѣлился онъ рубахою, съ нѣмецкими воинами царскимъ платьемъ, съ иноками же своею порфирою. Братина золотая, даръ отъ Грознаго; вкругъ ея вылиты изъ золота изображенія нагихъ женщинъ: не вмѣстѣ ли съ обличительнымъ посланіемъ присланъ былъ отъ Грознаго этотъ кубокъ?

Въ каталогѣ монастырской библіотеки 17 рукописей означено такъ: «книги Преподобнаго Чудотворца Кирилла.» Вотъ онѣ: Евангелій 7, (въ л. 2, въ 8-ку 5) Апостолъ въ л. 1, Псалтирь въ л. 1, Правила въ 8-ку 3, Лѣствица въ 8-ку 1, Канониковъ въ 8-ку 4. Всѣ эти книги хранятся не въ библіотекѣ, а въ ризницѣ. По Исторіи Россійской Іерархіи (т. IV. стран. 398) значится въ ризницѣ: «рукописныхъ *книгъ келейныхъ* Преподобнаго 13, самимъ Преподобнымъ писанныхъ, и «два Евангелія, писанныя ученикомъ его Христофоромъ.» Слѣд. на лицо мы находимъ двумя книгами болѣе противъ означеннаго въ И. Р. І. На всѣхъ этихъ книгахъ крупнымъ древнимъ почеркомъ надписано имя Кѵріла.

Изъ этихъ рукописей я упомяну подробнѣе о тѣхъ, которыя означены годами и любопытны въ филологическомъ отношеніи. Содержаніе выписокъ перенесетъ насъ къ началу XV вѣка, въ пустынныя дебри Сиверскаго озера, гдѣ ученики Кирилловы, окруженные мракомъ невѣжества, писали священныя книги и на нихъ утверждали духовныя основы обители.

Евангеліе пергаменное, въ малый листъ, апракосъ, писанное Христофоромъ ученикомъ Кирилла, уставнымъ почеркомъ, въ 1416 и 1417 годахъ. Вотъ слова, которыя

читаемъ на первомъ листѣ. Изъ нихъ видно, съ какимъ благоговѣніемъ принимался труженикъ за свой благочестивый подвигъ!

Г҃и Іс҃е Хр҃е Сн҃е единородныи и безначалнаго ти отца, рекы пречс҃тыми оусты яко без мене не можете творити ничтоже, г҃и мои г҃и, вѣрою объемъ въ дш҃и моеи и срд҃ци тобою реченная. припадаю твоей блгс҃ти. помози ми грѣшномоу. сие желанное мною каченъ о тебѣ самомъ и навершити.

О хс҃ѣ начало рачительства сему нами въ лѣт҃ ҂ѕцкд ($\frac{6924}{1416}$) Февруаріа кд въ пд҃не сырныи.

Въ концѣ послѣсловіе:

Края достигохъ, о отцѣ и сн҃ѣ и дс҃ѣ ст҃ѣмъ възмагаемъ. ст҃го еуг҃лия бжс твеноую книгоу сию грубыми и неоудобреными алфавиты. Въ лѣто ҂ѕцке ($\frac{6925}{1417}$) юуниа ві на памят прд҃пбнго отца аноуфрия.

Евангеліе украшено повелѣніемъ Государя Великаго Князя Василія Ивановича всея русіи и при сынѣ его В. Князѣ Иванѣ Васильевичѣ, и при Митрополитѣ Іонѣ Кіевскомъ въ лѣто ҂змв ($\frac{7042}{1534}$).

Василій Ивановичь, умершій въ 1533 году, могъ приказать украсить это евангеліе, а сынъ его Иванъ Васильевичь въ 1534 году, хотя черезъ Думу Боярскую, приказаніе отца исполнить, но Митрополитомъ Кіевскимъ въ 1534 году былъ не Іона, а Іосифъ II.

Языкъ этого Евангелія замѣчателенъ тѣмъ, что въ нёмъ встрѣчаются греческіе обороты современнаго намъ текста: и слово бѣ къ бг҃у — се бѣ искони къ бг҃у — одно отрицаніе вмѣсто двухъ: и без него ничтоже быс҃, еже быс҃ — ба҃ никтоже видѣ нигдѣ же (вмѣсто: ба҃ никътоже никъдеже не видѣ, какъ въ Остром. Ев.); еще эллинизмъ, котораго нѣтъ и въ современномъ текстѣ: дасть имъ область *чада биа҃* быти, вѣрующимъ въ имя его (винительный падежъ греческій вмѣсто дательнаго славянскаго). Любопытно слово: *надро*—въ надрѣ отчи—надро, вм. нѣдро, встрѣчающееся въ Польскомъ и въ Чешскомъ нарѣчіяхъ (въ послѣднемъ во множ. числѣ). Греческіе обороты, находимые въ Евангеліи $14\frac{16}{17}$ года, чрезвычайно важны

потому что измѣняютъ совершенно мнѣніе, основанное на положеніяхъ Грамматики Добровскаго, что эллинизація текста началась только съ Максима Грека. Видно, что она началась за столѣтіе до Максима, который пріѣхалъ къ намъ въ 1518 году. Вѣроятнѣе то, что это исправленіе происходило вообще отъ монаховъ Аѳонской горы, съ которою мы были въ непрерывныхъ сношеніяхъ. Слѣды этихъ сношеній видны изъ рукописей монастыря Кирилловскаго. Такъ въ числѣ сборниковъ я нашелъ: *Максима исповѣдника слово постническо по въпросоу и отвѣтоу преведено от гречьскаго языка на роускы въ ст҃ѣи горѣ афоньстѣи въ лѣто* ҂ѕцлг ($\frac{6933}{1425}$) *куръ Іаковомъ доброписцемъ оубогому Евсевію, непотребному Ефрему Русину.* Рукопись эта подарена монастырю инокомъ Аркадіемъ. Стало быть, въ 1425 году, по заказу Русскихъ иноковъ, иноки Аѳонской горы переводили творенія Св. Отцевъ съ Греческаго языка на Славяно-Русскій.

Откуда Христофоръ, писавшій Евангеліе, пришелъ къ Кириллу, неизвѣстно. Изъ Житія Преподобнаго мы узнаемъ, что онъ былъ однимъ изъ любимыхъ учениковъ его; что «много книгъ написа обители пречистыя Богородица во храмъ ея своею рукою»; что съ 1428 года, послѣ Иннокентія, правившаго обителью только 5 мѣсяцевъ, онъ былъ третьимъ игумномъ до 1433 года; что во время междоусобныхъ войнъ, бывшихъ тогда въ Россіи, онъ искупалъ плѣнныхъ и возвращалъ ихъ на родину; что на троекратный зовъ Князя Звенигородскаго, Георгія Дмитріевича, не пошелъ къ нему, ссылаясь на чинъ монастырскій, запрещавшій игумну оставлять монастырь, и такими дѣйствіями понудилъ Князя къ отпуску всѣхъ плѣнныхъ, какіе были имъ во время войнъ взяты.

Есть и другое Евангеліе на хлопчатой бумагѣ, означенное именемъ Христофора, какъ писанное его же рукою, но безъ его собственной подписи.

Псалтирь Кҷрілла. Такъ написано крупнымъ почеркомъ на пергаменной рукописи въ 4-ку, писанной уставомъ въ 1424 году. Псалтирь начинается слѣдующею молитвою къ Пресвятой Троицѣ:

«Молитва пресҭѣи троцѣ глп начиная псатрь: Треста́я трце, бже всего мира, поспѣши и направи срдце мое. начати сразоумомъ и кончати дѣлы блгыми. бгодъхновенныя сия книги иже стыи дхъ оусты двдвы отрыгноу. ихже азъ окоушаюся глати. разумѣя же свое невѣжьство; припадая молютися, и от тебе помощи прося. ги ис хсе оуправи оумъ мой, и оутверді.» (і въ концѣ строки) «сердце мое. не о глании оустенъ стоужити си. но и разоумѣ глемыхъ веселитися. и приготовитися на творение дѣломъ, яже оучюся или глю. да добрыми дѣлы осиянъ, достоинъ на соудищи твоемъ. десныя ти страны причастникъ боудоу, со всѣми избранными твоими и нынѣ вѣко. блгсви. да вздохноувъ от срдца языкомъ въспою глаголя:»

Слѣдуетъ за этимъ изображеніе церкви о пяти главахъ на верху, и о двухъ внизу, всего о семи главахъ, съ надписаніемъ: црквь сборная стыхъ аплъ; внизу: «коль възлюблена села твоя ги силъ». Это изображеніе пяти- и даже семиглавой церкви на рукописи, означенной, какъ увидимъ сей часъ 1424 годомъ, можетъ быть принято въ соображеніе господами археологами, для которыхъ вопросъ о томъ, когда введено пятиглавіе на нашихъ соборныхъ церквахъ, составляетъ важную и до сихъ поръ неразрѣшенную задачу въ исторіи нашего зодчества. Псалтырь кончается пѣснями Пророковъ и Моисея. Въ послѣсловіи читаемъ:

Края достигохъ о отцѣ и снѣ и дсѣ стѣмь възмагаемъ стго прро ка двда. бгооца и цря. пѣснь-бжественную книгу сию. грубыми и неудобреными алфавиты. В лѣто ѕцлв ($\frac{6932}{1424}$). kроуг слнцю ѕі лоун ѕі індік. в мца иouния въ ка дн по блгсвленью оца моего и гна кирила игумена начало и конецъ книгы сея.

Два. канонника соборныхъ.

1) Канонникъ соборной преподобнаго отца нашего Кирила. Свершишася сия книгы мца сентевриа въ г день въ лѣто ѕцгі індик. ($\frac{6916}{1408}$), на хлопчатой бумагѣ, въ 8-ую долю, писанъ мелкимъ уставомъ. 2) Канонникъ на пергаминѣ въ 8-ку, крупнымъ уставомъ. Въ концѣ приписано: В лѣто ѕцла ($\frac{6931}{1423}$)

мц҃а сетевриа въ а҃ написаны быша сия книгы дшеполезныя въ обители пр҃чстыя б҃ца. блгс҃вением г҃на старца кирілла игоумена. въ славоу ст҃ыа Тро҃ца аминъ.

О҃ д҃во б҃гоизбранная. о҃ отроковице б҃гоневѣстная. о҃ влад҃чце мироу преч҃стая б҃це въ о҃ всемирных ти молениихъ к с҃ну своемоу и бо҃у. Помяни гж҃е млс҃твая и мене грѣшнаго. протягшаго недостойноую мою роукоу всие.

Всякому дѣлу благу х҃с есть зачало и конець. тому слава в безконечныя вѣкы аминъ.

Г҃и Іс҃ъ Хс҃е спс҃и пісавшаго и імѣти хотящаго сие.

Гн҃е старець аноуфри створи любовь:

Поминаи грѣшнаго в молитвахъ своих ст҃ыхъ мартиньяна инока. лжею инока, а не истинною.

Мартиніанъ былъ также ученикомъ Кирилла, основателемъ Вожеозерской Спасской обители и наслѣдникомъ Ѳерапонта, друга, собесѣдника и спутника Кириллова, въ монастырѣ, основанномъ Ѳерапонтомъ на озерѣ его же имени.

Особенно замѣчательны двѣ книжки въ 12-ую долю, писанныя на хлопчатой бумагѣ весьма твердой, почеркомъ сходнымъ съ тѣмъ, какимъ написано духовное завѣщаніе Преподобнаго Кирилла, подлинникомъ хранящееся въ монастырской ризницѣ. Это заставляетъ предполагать, что эти книжки писаны самимъ Кирилломъ. Содержаніе ихъ еще болѣе увѣряетъ въ такомъ предположеніи. Онѣ заключаютъ въ себѣ выписки изъ правилъ Соборовъ и Св. Отецъ, Василія Великаго, Никона Преподобнаго и другихъ, относящихся наиболѣе къ церковному уставу и къ пустынной иноческой жизни. Такого рода выписки были особенно важны для человѣка, который изъ населенной и людной Москвы отправлялся въ мѣста пустынныя, для водворенія иноческой жизни. Таковы, напримѣръ, слѣдующія правила о причащеніи, изъ Василія Великаго и изъ вопрошеній Ст҃аго Луки Стирійскаго о томъ, какъ *единствующимъ* въ

пустыняхъ позволяется совершать причащеніе своею собственною рукою, въ келліи, безъ священника.

Ст҃го Василія о причащеніи въпрос҃ аще достоитъ не соущоу свщен҃никоу роукою своею комоу причащатися. Отвѣтъ: Въпрошеніе се отвѣта не требуеть. явлено бо есть по древнему обычаю и дѣломъ самѣмъ о семъ оувѣрится. вси бо иноци иже по поустыняхъ единьствоують. идѣже сщ҃нника нѣс҃, ст҃ое причащеніе вкелияхъ съ собою хранящe, сами причащаются. Во александрии же и въ египтѣ, кождо и от простыхъ людій множайше причащение имуть въ домѣхъ своихъ и егда кто хощеть причащается самъ. единою бо жертвѣ свершенѣ бывши сщн҃ником и данѣ комуждо. и пріимше единою от сщ҃нника и причащающеся, яко и от самого сщ҃нника причащаются. и тако должно есть вѣровати, понеже бо и въ церк҃ви свщенникъ даеть часть тѣла хс҃ва. і пріимшіи держать вроуцѣ своеи всякою властию. и тако принашают҃ ко устомъ своимъ рукою своею. Тождь бо есть сила, или единоу часть прияти от сщ҃нника. или многии и купно имѣти на многа времена, и причащатися. *Въпросъ о ст҃ѣмъ причащеніи.*

Въпроси ст҃ыи лука стиріискыи митрополита Воренфинскаго гл҃я: Вл҃ко стыи нужю имамъ, яко да причащаюся бжс҃твеннымъ таинамъ по преданію свт҃ыя ц҃ркви. и растояние путно есть от ц҃ркви много. и молю тя. прости мя да имам ста҃я да ся причащаю имъ и отвѣща. добро есть егда не добрѣ завѣщается. испроси от прво҃сщнка мѣстнаго или от дхвни҃ка си ст҃ое причащение и приими сие со страхом и трепетом и со всяцѣм стыдѣниемъ и съблюдениемъ и егда хощеши причаститися, оукраси тщицю чс҃ту. и постави ю пред ст҃ыми иконами. и верху ея простри плат҃ даровныи и тако постави ст҃ая со артофорем иславидою. понеж ст҃ый агнець съедіненъ ес҃ съ животворною кровию от сщн҃ка на ст҃ой тряпезѣ. сего рад стая҃ глю҃тся. и кончавшу ти канонъ поклоны гл҃я и мл҃твы ст҃го причащения. вожзи свѣщу и покадивше лобзаи сты҃а иконы. и створи прощение и рци вѣрую въ единаго ба҃ о҃ца и вечери твоея таинѣ и днес. и тогда преклонся, приими своею рукою. и причастися бжс҃твенныхъ таинъ и гл҃и г҃ж амин амин амин. и взем чашицю свиномъ или водою вкушаи г҃ж и да ес҃ чашиця та на се въ схранение. також и дщица

предреченная. и свершившу ти сию аколифию. рци достойно ес̃ и чтнѣйшу хѣр. и тако створи стихъ и прощение:·

Бѣже се предано ко всѣм сѣдящим в пустынях но токмо кнелестным и свѣдительствованом и достоиным и елици имуть любовь со всѣми и терпѣние и смирение.

Читая эти правила, можно себѣ представить, какъ Преподобный Кириллъ, странствуя въ дебряхъ бѣлозерскихъ, поучалъ совершать то, чего требовала Церковь, по правиламъ пустынниковъ Церкви первоначальной.

Внизу написано:

Бгоявленьская вода преже доры пити. а августо сщнне вода пити послѣ доры.

Въ другой книжкѣ отъ правилъ ст̃ыхъ ап̃лъ и ст̃ыхъ о̃цъ замѣчательны: Отвѣты Константинопольскаго собора, бывшаго при Митрополитѣ Максимѣ.

Эти отвѣты относятся къ собору, бывшему въ Константинополѣ при Патріархѣ Іоаннѣ Веккѣ, на которомъ, вмѣстѣ съ Сарайскимъ Епископомъ Θеогностомъ, былъ и Митрополитъ Русскій, Максимъ, перенесшій окончательно Митрополію изъ Кіева во Владиміръ на Клязмѣ, въ 1300 году. Объ этомъ путешествіи Максима на соборъ Царьградскій лѣтописи наши умалчиваютъ. О пребываніи же Θеогноста въ Царьградѣ, но безъ участія въ соборѣ, онѣ упоминаютъ. Карамзинъ, когда писалъ Исторію, не имѣлъ также о немъ свѣдѣнія; но къ примѣчаніямъ VIII тома Исторіи онъ присоединилъ статью изъ рукописи XVII вѣка, принадлежавшей купцу Шульгину и заключавшей въ себѣ сіи отвѣты. Рукопись эта сообщена была ему К. Θ. Калайдовичемъ, отъ зоркихъ глазъ котораго ничто не укрывалось въ памятникахъ нашей древней письменности. Митрополитъ Евгеній въ Словарѣ своемъ упоминаетъ объ этихъ отвѣтахъ, прибавляя, что они встрѣчаются въ письменныхъ кормчихъ сборникахъ. Въ Описаніи Румянцевскаго Музеума, въ каталогѣ рукописей Гр. Толстаго и въ исчисленіи церковныхъ актовъ при Обозрѣніи Кормчей книги Барона

Розенкампфа о сихъ правилахъ не упоминается. Карамзинъ помѣстилъ ихъ у себя въ сокращеніи. Я сдѣлалъ изъ рукописи Кирилова монастыря выписки и сличивъ ихъ съ тѣмъ, что̀ напечатано у Карамзина, нашелъ большія разногласія, показывающія, что Карамзинъ пользовался рукописью уже искаженною противъ древняго текста. Вотъ доказательства.

У Карамзина Т. VIII. Прим. стран. 149.	Изъ Кириловской рукописи начала XV вѣка.
Приходящимъ отъ Несторіанъ и Яковитъ, како подобаетъ ихъ крещати? Подобаетъ ему прокляти свою Вѣру и учители своя, помазавше мѵромъ. (!)	Впросъ: приходящихъ от несторіанъ и от яковитъ како ихъ подобаетъ крещати? Подобаетъ ему прокляти свою вѣрѫ и оучители свои. помазавше и мѵромъ тако причтетъ и правовѣрнеи вѣрѣ, и блгочьстивои.
Приходящимъ отъ Татаръ и хотящимъ креститися, и не будетъ великаго сосуда, въ чемъ погружатися ему, или въ рѣкѣ, или въ езерѣ, токмо погрузить какъ бы? Да погружаютъ его трижды...	Въпросъ. Приходящихъ от таръ и хотящихъ крс͠титися и не будетъ велика ссуда въ чемъ погружати ему? — Да обливаетъ его трижды гл͠я въ имя оц͠а и сн͠а и ст͠го дх͠а.

Видно, что послѣдній вопросъ о Татарахъ предложенъ былъ на Царьградскомъ соборѣ Русскимъ Митрополитомъ и вызванъ былъ потребностію времени. Любопытно бы было напечатать всѣ отвѣты сего собора по этому, вѣроятно, древнѣйшему списку — и такимъ образомъ обнародовать церковный актъ, свидѣтельствующій, что наша Церковь въ самую трудную годину принимала участіе въ соборахъ Константинопольскихъ. Послѣ того, какъ написаны были эти строки, вышла Исторія Русской Церкви Епископа Филарета, который во 2-ой части своего труда познакомилъ съ содержаніемъ этихъ вопросовъ и отвѣтовъ и объяснилъ ихъ современное значеніе нуждами нашей Церкви въ Сараѣ.

Въ сей же книжкѣ любопытны еще слѣдующія правила, изъ которыхъ обнаруживаются народныя суевѣрія и высокія нравственныя понятія представителей Церкви.

Правило о вѣрующихъ въ гады и звѣри и часовъ имущихъ и дни, овы добры, овыя злы.

Суть оубо нѣціи въ хрістіанехъ иже еретичьская дѣла дръжаще и егда будет по заходу слн҃ца не даютъ ничтоже отъ дому своего. ни огнь. ни съсудь нѣкаковь. или требованіе нѣчто. вънимаютже и гл҃сы кокошемь. и враномь. и иным птицямь. и лиоицамъ, и сряща, глю҃ще овы злы. овы добры. и зрѣніа слн҃цю и лунѣ. и звѣздамь. и зрѣніа скотомъ. тѣмъ же подробну се начитаемъ и повелѣваемъ оумѣющому сіа. съ запрѣщеніемъ ктому не вънимати таковымь. зане судъ страшенъ пріиметъ о сихъ:

Аще кто воинъ сый и по путехъ воиньскыхъ и по бранехъ будеть ходиль. то да не въступаеть на іерейство. ни да смѣеть поискати. аще и прѣчисть будеть от скврнь: И аще кто князь сый. или ц҃рь. хотя злыя казнити и злаа от хрс҃тіанъ оуставити. и злое всегда гонити. и отганѣти от чл҃кь. сирѣч҃ татя и разбойникы. и хищникы оубивати. руцѣ отсѣцати. и слѣпити. таковомоу повелѣшя ст҃ии събори покаатися. ѕ лѣт. г҃ лѣта да не причястится. и г҃ лѣта да каталѣто причащается. ката лѣто на пасху великую. а покааніе въ шестихъ лѣтѣхъ. да съвършитъ постомъ. и поклоны яко же въ началѣ книгь сихь оуказася: —

Въ заключеніе этой книжки находятся три *чтенія отъ бытія*, или три паремьи, взятыя изъ Житія Бориса и Глѣба, которыя Церковь, въ день памяти Св. мучениковъ, по храмамъ своимъ возглашала повсюду во времена междоусобныхъ ратей. Мудрено ли, что Преподобный Кириллъ, склонявшій такъ краснорѣчиво Великаго Князя Василія Дмитріевича къ примиренію съ Суздальскими Князьями, позаботился о томъ, чтобы пріобрѣсти сіи паремьи для своей обители? Объ этихъ паремьяхъ первые упомянули К. Ѳ. Калайдовичь и П. М. Строевъ во 2-мъ отдѣленіи рркк. Бте҃ки Гр. Толстаго № 275, ркпс. пергам. не старѣе XIV вѣка.

По этой рукописи онѣ были напечатаны въ Приложеніяхъ къ изданію Лаврентьевскаго списка Кіевской лѣтописи. Но рукопись Кириллова монастыря представляетъ большія различія въ текстѣ, такъ что перепечатаніе сихъ паремей по Кирилловскому списку предложило бы полезные и любопытные варіанты къ этому памятнику, столько важному въ церковной нашей словесности.

Рукопись Кирилловская отличается отъ Толстовской многими мѣстами, которыхъ въ сей послѣдней недостаетъ, и сверхъ того. предлагаетъ неправильное употребленіе юсовъ (ѧ и ѫ), которые ставятся безразлично на мѣсто разныхъ буквъ; отчужденіе отъ формъ Славяноцерковнаго языка въ пользу Русскаго, чтò особенно видно въ исключеніи двойственнаго числа почти повсюду, и нѣкоторыя замѣчательныя слова. Обращу вниманіе на одно: *обрисавь* поть съ вои своими, читаетъ она вмѣсто: съ дружиною своею *утеръ* пота, какъ написано въ Толстовской. Слово *обрисать* объясняется сербскимъ *обрисати*, обтирать, Чешскимъ *обрусомъ*, также и нашимъ *убрусомъ* (полотенцомъ), котораго значеніе отъ глагола *обрисать* становится яснымъ.

Въ этихъ книжкахъ, содержащихъ въ себѣ правила, относящіяся къ церковному и монастырскому учрежденію, основатель монастыря счелъ неизлишнимъ вставить многія объясненія явленіямъ природы, изъ коихъ иныя заимствованы изъ древняго писателя Галена. Такъ здѣсь находимъ статьи: о земномъ устроеніи, гдѣ доказывается, что земля устроена устроеніемъ яйцо виднымъ, о разстояніи неба отъ земли, о землетрясеніи, которое объясняется посредствомъ жилъ, въ сердцѣ земли находящихся, о четырехъ стихіяхъ, моряхъ, о океанстѣй рѣцѣ, о облакахъ, о громахъ и молніяхъ, и падающихъ звѣздахъ. Вотъ выписки изъ физики нашей въ началѣ XV вѣка.

«Галиново на Ипократа.»

«Громове же и молніа бывают сице. оумножившися вѣтром горѣ, и овомоу убо самоидоущоу. овомоуже онамо. инъ оубо вѣтръ иноудѣ инъ облакъ носитъ. инъ же дроугы. и якоже срящоутся и створше съраженіе другъ съ другомъ. грохот испущають съ огнемъ. и имже образомъ и кремень съразився съ желѣзомъ. грохотъ испущает съ огнемь. сице и облаци другъ съ другомъ сражаеми грохот испущают и огнь, грохот оубо есть громъ. огньж есть молніа. сего ради недроугоици бывают громове и молнія но точію егда облаци бывают. тогда и громове бывают. бываютже громове оубо прьвѣе. молнія же послѣжде. мыж прьвее видимъ молнія и послѣжде слышимъ громъ: и тако ес͞. зане зрѣніе чл͞ьчьское скорѣйше есть и абіе некоснителнѣ зрить. еже хощет оузрѣти не коснить. сего ради и молнія скоро зрит. слышаніе же косно чювьство есть, и коснит слышати громьныи грохот, и слышати его послѣдиже молнія. сеже зри да видиши и на сѣкоущихъ дрѣва, аще от далече насъ есть сѣкуи, сѣчиво оубо видимъ оударяюще дрѣво. грохотъ же не абие слышимъ. но мимошедшоу неколикоу часоу тогда и грохот слышимъ.»

Далѣе объясняется самое паденіе молніи.

Вотъ мѣсто о падающихъ звѣздахъ.

«О дн͞ьницахъ. Видимыя и къ земли падаемыя звѣзды. гл͞ють члвц͞и яко звѣзды суть и падают. инииже гл͞ють яко мытарьства соут лоукавая. но ниже звѣзды соуть. ниже мытарьства. но отложеніа соут огньна небс͞наго огня и падають долу. и елико нисходять низоу. растаплѣются и съливаются пакы на въздусѣ. сего ради ниже на земли видѣ кто когда падшаяся отъ нихъ но всегда на въздусѣ съливаются и расыпають и гл͞ются деница, звѣздыж никогдаже падають. точию на второе пришествие х͞во. тогда бо нб͞са свиются и звѣзды спадоут. подобнѣ и мытарьстіи доуси тогда поидут въ огнь вѣчныи. но якоже рѣхомъ от нб͞снаго круга соуть прѣломлѣніа. пламеновидна. и есть истиньно се.»

Объясненія заимствованы изъ Галена, съ собственными какъ видно прибавленіями.

Есть свидѣтельство XVII вѣка, найденное Карамзинымъ, тому, что сочиненіе Галеново о *большомъ и маломъ мірѣ* въ переводѣ было извѣстно въ Кирилловской обители. При экземплярѣ первой Русской Ариѳметики, которую Карамзинъ отнесъ ко времени Бориса Годунова, онъ отъискалъ приписанное новѣйшею рукою сочиненіе Галеново о большомъ и маломъ мірѣ, съ слѣдующимъ извѣстіемъ: «Выписано въ Кириловѣ монастырѣ съ книги преподобнаго отца нашего Игумена Кирилла, Бѣлозерскаго Чюдотворца, съ книги въ четверть списканія его. Въ лѣто 7143 (1635).» Теперь источникъ этого извѣстія становится ясенъ. Вотъ еще новая черта для біографіи Кирилла: стало быть, ему не чужды были сочиненія древнихъ о законахъ естества, и онъ пользовался ими въ дебряхъ сѣвера для того, чтобы разгонять предразсудки народные и объяснять явленія природы естественнымъ образомъ.

КИРИЛЛОВЪ МОНАСТЫРЬ.

Библіотека.

Историческія свѣдѣнія о Библіотекѣ. — Опись. — Сборникъ Симеоновъ. — 70 Сборниковъ. — Выписки изъ нихъ. — Слово Григорія въ толцѣхъ. — Слово противъ пріобрѣтенія селъ монастырями. — Слово 5-е Серапіона о маловѣріи. — Сочиненія Ѳеодосія Кіевопечерскаго. — Мѣста изъ Слова Даніила Заточника. — Отрывки изъ сочиненій Иларіона Великаго. — Слово о грамотахъ различныхъ. — Псалтирь, подаренная Бояриномъ Дмитріемъ Годуновымъ. — Описаніе города Бѣлозерска. — Бумаги по управленію монастырскому. — Древнее оружіе.

Отъ рукописей ризницы всего лучше перейти къ Библіотекѣ, которая помѣщается въ отдѣльномъ каменномъ зданіи, гдѣ хранятся и оружія древняго арсенала монастырскаго. Полъ кирпичный. Дерева нигдѣ, кажется, не замѣтишь, кромѣ полокъ, на которыхъ стоятъ книги. Двери и рѣшетки въ окнахъ желѣзныя. Книги доступны могутъ быть сырости, но за то недоступны огню. Начало библіотеки относится, безъ всякаго сомнѣнія, ко времени основателя самой обители и положено имъ самимъ, какъ мы знаемъ это изъ книгъ, находящихся въ ризницѣ. Самъ Кириллъ, еще въ Симоновѣ трудившійся надъ списываніемъ книгъ, и ученики его: Христофоръ, Мартиніанъ и другіе, были, конечно, въ числѣ первыхъ основателей. Литературная дѣятельность Кирилла, извѣстная намъ изъ его посланій, даетъ поводъ думать, что основатель монастыря, столь отлично владѣвшій перомъ въ свое время, позаботился о водвореніи и распространеніи письменной дѣятельности между братіею, которую вокругъ себя собралъ. Направленіе,

данное въ этомъ отношеніи учредителемъ, осталось неизмѣнно, потому что, пересматривая послѣсловія и надписанія на книгахъ Кириллова монастыря, мы встрѣчаемъ весьма часто подписи иноковъ, надъ ними трудившихся, и молитвенную память объ имени самаго основателя, котораго благословеніе призывается на обитель и на трудъ переписчика. Нельзя не припомнить, что и Корнилій Комельскій является въ числѣ такихъ переписчиковъ, какъ сказано въ его житіи. Одинъ сборникъ въ листъ, означенный номеромъ 526, вѣроятно по прежнему каталогу, названъ Селиверстовскимъ, конечно по имени Сильвестра, его писавшаго (не знаменитаго ли?). Въ него вставленъ еще листъ съ суднымъ дѣломъ между Иващкомъ Бычко и Матюкою Розановымъ о покошенной послѣднимъ у перваго пожнѣ.

Подъ другимъ сборникомъ написано: Кніга Кириллова мн҃ря написана лѣта ҂з҃ (1492). На двухъ сборникахъ встрѣтилъ я имя Гурія, съ послѣсловіями, выражающими смиреніе и умиленіе; на одномъ изъ нихъ: Въ лѣто 7016 (1508) рукою Гурія при игуменѣ Іоаннѣ. Встрѣчается иногда греческая подпись: αμαρτολος νηλ (грѣшный Нилъ, не Нилъ ли Сорскій до своихъ странствій по Греціи?). — Одинъ писанъ въ 1614 году рукою инока Іоасафа при игуменѣ Геннадіѣ, но видно не въ Кирилловѣ. Еще другой писалъ чернецъ Флавіанъ въ 7139 (1631). Въ немъ памятно мнѣ Посланіе Понтійскаго Пилата къ Царю Тиверію. — Нельзя не отдать справедливости трудолюбію и искусству многихъ иноковъ. Есть рукописи, написанныя превосходнымъ древнимъ почеркомъ.

Издревле славилось своими рукописями Кирилловское книгохранилище. По указамъ Царей, требованы были оттуда рукописи въ Москву. Такъ изъ Актовъ Археографической экспедиціи (Т. 3. № 290 и 296) видно, что въ 1639 году Царь Михаилъ Ѳеодоровичь приказывалъ изъ тѣхъ книгъ, которыя въ монастырѣ вдвое и втрое, взять по одной книгѣ, а съ другихъ книгъ, которыхъ только по

одной, списать вѣрные списки и прислать въ Приказъ Большаго Дворца; притомъ приложенъ и списокъ книгамъ. Въ 1640 году, указомъ того же Государя требовано изъ Кириллова монастыря книгъ харатейныхъ, прологовъ и минѣйхъ четій, старыхъ добрыхъ переводовъ. Авторъ Исторіи Россійской Іерархіи говоритъ, что многія изъ этихъ книгъ перешли въ Новгородскую Софійскую библіотеку; что нѣкоторыя вытребованы были въ 1682 году въ палату, которая составляла Степенныя книги; также позднѣе въ Святѣйшій Сунодъ, въ библіотеку Императорской Академіи Наукъ, и даже въ библіотеку Сенатскую. Должно думать, что требуемы были, по большой части, рукописи, содержащія въ себѣ лѣтописцевъ. Въ частныхъ книгохранилищахъ нерѣдко встрѣчаются рукописи съ надписаніемъ: изъ Кириллова монастыря.

Въ Румянцовскомъ Музеѣ за № 222 хранится, составленная во второй половинѣ XVIII вѣка, вѣдомость рукописнымъ Кирилловской книгохрательницы, до Россійской Исторіи относящимся, книгамъ съ показаніемъ №, подъ коими въ книгохранительницѣ состоятъ, на 24-хъ листахъ. Этотъ каталогъ былъ напечатанъ Г. Сахаровымъ въ Русскомъ Вѣстникѣ. Судя по его содержанію, здѣсь помѣщены книги, не до одной Русской Исторіи относящіяся. Въ этой вѣдомости показано рукописей въ л. 663, въ 4-ку 994, въ 8-ку 520. Г. Сахаровъ говоритъ, что это только часть всеобщаго каталога.

По описи, учиненной въ Октябрѣ 1841 года, книгъ въ библіотекѣ значится 1938. Въ это число включены и печатныя; но рукописныхъ несравненно болѣе, противу печатныхъ. Книги въ описи обозначены общими итогами. Каталога нѣтъ. Чтобы показать богатство этого книгохранилища, приведу хотя нѣкоторыя числа изъ описи, касаясь только рукописей. Евангелій 65. Изъ нихъ одно на пергаминѣ, но неполное: судя по почерку — должно быть чрезвычайно древнее. Евангелій толковыхъ 8. Бесѣдъ Еван-

гельскихъ въ листъ 3. Апостоловъ 31, толковыхъ 9. Изъ нихъ одинъ греческой. Псалтирей 131; изъ нихъ одна греческая; толковыхъ 6. Уставовъ 13. Часослововъ 34. Октоиховъ 14. Миней мѣсячныхъ 118. Трефолоевъ 43. Тріодей постныхъ 26, цвѣтныхъ 2. Прологовъ 3. Кормчая 1. Лѣствицы 26 экз. Ефрема Сирина 8. Василія Великаго 9. Григорія Богослова 8. Маргаритовъ 4. Златоструй 1. Измарагдовъ 5. Патериковъ Египетскихъ 2, Скитскихъ 2. Соборниковъ 71. Требниковъ 21. Діонисія Ареопагита 2. Ѳеодора Студита 4. Канонниковъ 139. Пѣвчихъ крюковыхъ 89. Нотныхъ 28. Опись Нилосорской пустыни. Описей Кириллова монастыря разнымъ вещамъ разныхъ годовъ 26. Грамоты и купчія на разныя вотчины. Копіи жалованныхъ грамотъ разныхъ царей и крѣпостныхъ актовъ на разныя имѣнія. Описаніе города Бѣлозерска. Бумаги прихода и расхода; опись колоколовъ сего монастыря и перемиріе съ Поляками. Опись о монастырской оградѣ. Синодиковъ 12. Исаака Сирина 12. Василія Новаго 1. Григорія Синаита 2. Патериковъ 7. Святцевъ 38. Ѳеодора Эдесскаго 3. Небеса Дамаскина, Іоанна Экзарха, Петра Дамаскина, Григорія Синаита, Сvмеона Новаго, Григорія Омиритскаго и проч. 21. Зерцалъ 7. Аѳанасія Александрійскаго на Аріаны 2. Стоглавовъ 2. Житій Саввы Сербскаго 2. Звѣзда пресвѣтлая 1. Гусль доброгласная 1. Перло драгоцѣнное 1. Старчество 12. Аввы Дороѳея 6. Апокалипсисовъ 3. Іоанна Дамаскина 4, въ томъ числѣ одинъ греческій. Кирилла Іерусалимскаго 1. Иларіона Великаго 3. Судебникъ 1. Ниловы главы 3. Обиходниковъ 24. Іова Праведнаго 1. Іоанна Златоуста поученія 2. Аѳанасія Великаго поученія 2. Октоиховъ и Шестодневовъ 13. Діоптры 2. Душеполезная Христіаномъ и инокомъ 1. На еретиковъ 1. Пчелы 4 экз. Преданіе Нила Сорскаго и разныя поученія Св. отецъ 1. Меѳодія Патріарха поученія 1. Саввы освященнаго житіе и чудеса — рукопись богатая на пергаминѣ. Поученія Нифонта 1. Криница 1. Антіоха 1. Шестодневовъ 3 и проч. и проч. Въ исчисленіи я слѣдовалъ порядку описи.

Грамоты и купчія, равно и копіи съ жалованныхъ грамотъ, означенныя въ описи за № 74 и 75, заключаются въ двухъ большихъ фоліантахъ. Вѣроятно, онѣ были пересмотрѣны Археографическою экспедиціею, потому что я видѣлъ на многихъ грамотахъ надписи карандашемъ: *важная*, *замѣчательная*, *переписать*. Начинаются съ 1482 года. Между ними много судныхъ монастырскихъ дѣлъ.

Подъ 118 номеромъ описи привлекла мое вниманіе рукопись, означенная заглавіемъ: *о святѣмъ дусѣ*. Рукопись въ 4-ку на бумагѣ писана среднимъ уставомъ. На бѣломъ листѣ: *книга о стомъ дусе* Кирилова мнстыря (№ 796 и 690, вѣроятно, принадлежавшіе прежнимъ каталогамъ библіотеки). Разсмотрѣвъ ея содержаніе, я увидѣлъ, что оно одинаково съ извѣстнымъ Святославовымъ Сборникомъ, или Изборникомъ, который относится къ 1073 году. Первая статья этого сборника: Святаго Василія еже на Евномия главы д̃ о ст̃ѣмь дусѣ, дали поводъ сочинителю описи назвать всю рукопись книгою *о святѣмъ дусѣ*. Подъ этимъ заглавіемъ встрѣчается она уже въ Актѣ Археографич. Экспед. 1639 года, № 290, въ числѣ книгъ, которыя приказано списать. Не имѣя подъ рукою книгъ для повѣрки содержанія рукописи, я выписалъ заглавія статей. По повѣркѣ оказалось въ главномъ совершенное сходство. Этотъ экземпляръ, равно какъ и Святославовъ, раздѣленъ также на два отдѣленія. Отрывокъ изъ риторики Георгія Хуровскаго о образѣхъ, мною точно списанный, оказался совершенно сходенъ съ тѣмъ, который напечатанъ въ Ж. М. Н. П. (Февраль 1836). Въ заключеніи рукописи читаемъ: Слава свершителю бг̃у свершившему всяк̃ дѣл. ѕнг (6053). Какъ заецъ радъ тенетъ избылъ, так̃ азъ радъ книгу сію списалъ. — Отсюда видно, что рукопись писана въ 1445 году. Внизу приписано: «се язъ ѳедотъ стеѳановъ продалъ есмь василеи ивану ондрею и руку приложилъ». Всего замѣчательнѣе въ этой рукописи предисловіе, въ которомъ, вмѣсто имени Великаго Князя *Святослава*, находится имя Царя *Симеона*. Вотъ какъ здѣсь читается это предисловіе, написанное киноварью на оборотѣ послѣ оглавленія:

«Великыи въ цре҃хъ сумеонъ (*) желаніемъ зѣло вжела.. държалівый вдк҃а обавіти съкровеныя разумы въ глубинѣ многостс҃ртныихъ кніг҃ъ прѣмоудраaго васіліа вразумѣх повелѣ мнѣ нѣкчинѣвѣдію. (**) премѣноу сътворіти рѣчи инако набдяще тожьство разумъ его. яже акы бчела любодѣльна со всякого цвѣта пісанію, събравъ акы въ едінъ сотъ. въ вельмысленое срд҃це свое, проліваeт акы стредь сладъкоу (***) изъ оустъ своих предъ боляры на въразоумленіе тѣхъ мыслемъ являяся имъ новыи птоломѣй не вѣрою, но желаніемъ паче. и събора дѣля многочастных бжс҃твенныхъ кніг҃ъ всѣхъ. имиже и своя полаты исполъни. вѣчноую сі памят сътвори. еже памяті віну въсприаті. буди хс҃олюбівеи его дш҃и въ отмъщеніе вѣнцем, блж҃еныхъ и ст҃ыхъ моуж. въ непребредомы, вѣкы вѣкомъ амінъ.:»

Каждый, сличивъ этотъ текстъ съ текстомъ Святославова сборника, можетъ самъ замѣтить нѣкоторыя отмѣны въ словахъ. Но важнѣе всего имя царя Сумеона. Извѣстно, что въ послѣсловіи къ Сборнику Святославову строки:

. юаннъ диакъ избо
рникъ съ. великоуоу
моу князю ст҃ославоу

и далѣе имя Князя Святослава написаны по скобленному. Но первая строка: Въ лѣто ҂ѕф҃па написа, и другая: великый въ князьхъ — написаны тѣмъ же почеркомъ, какъ и все прочее. Въ предисловіи, правда, все написано по цѣльному пергамину, но этотъ листъ могъ быть прибавленъ и послѣ, вмѣстѣ съ миніатюрнымъ изображеніемъ Князя Святослава и его семейства. Находка моя, не уничтожая года рукописи, ведетъ однако къ тому заключенію, что подлинникъ Изборника, съ котораго списанъ былъ такъ называемый Святославовъ, долженъ быть отнесенъ ко времени

(*) Въ Святославовомъ: Великый въ князьхъ князь святославъ.

(**) Въ Святосл. немоудроувѣдию.

(***) Въ Свят. акы сътъ сладъкъ.

царствованія Сумеона, которое продолжалось отъ 889 до 927 года; что изборникъ 1073 года, судя по скобленнымъ мѣстамъ, первоначально былъ написанъ не для Святослава, а для кого-то другаго. Для когоже бы то было? Не для Изяслава ли, который въ 1073 году былъ изгнанъ изъ Кіева Святославомъ? Гдѣ же могъ быть написанъ Кирилловскій сборникъ, или лучше съ какой рукописи? Всего вѣроятнѣе, съ какого-нибудь древняго кодекса Аѳонской горы; ибо есть рукописи въ Кирилловской библіотекѣ, писанныя на Святой горѣ. Къ соображенію при рѣшеніи этого вопроса принять должно, что рукопись греческая, которая могла послужить подлинникомъ для этого Славянскаго перевода, писана въ 912 году, по опредѣленію Монфокона въ описаніи Коаленевой библіотеки, и нѣкогда принадлежала Аѳонской Лаврѣ. Каждый, хотя нѣсколько знакомый съ памятниками нашей письменности, пойметъ важность Кирилловскаго манускрипта, черезъ который происхожденіе Святославова сборника объясняется совершенно, связывается съ славнымъ именемъ Сумеона, извѣстнаго двигателя Болгарской письменности, и подлинникомъ должно быть отнесено къ началу X вѣка.

По причинѣ краткаго моего пребыванія въ Кирилловѣ, опредѣленнаго срокомъ отлучки, я ограничилъ свои занятія въ библіотекѣ нѣсколько подробнымъ пересмотромъ 70 Сборниковъ и немногихъ еще рукописей. Житія Святыхъ составляютъ главное ихъ содержаніе, но встрѣчаются многія другія статьи, весьма примѣчательныя. Прежде всего взглянемъ на драгоцѣнный сборничекъ въ осьмушку, писанный на твердой хлопчатой бумагѣ древнимъ уставомъ. Признаки его: на оборотѣ деревяннаго переплета написанъ № 410; на первомъ же листѣ Сборникъ Паисѣивской. Я вложилъ въ него бумажку съ заглавными буквами моего имени для тѣхъ, которые, имѣя на то право, могли бы его выписать. Заглавіе написано киноварью: Книга съборникъ. починаемъ о господѣ пооученіа стыхъ о͞цъ, бл͞гви отче. Сначала писано особенною рукою и на другой болѣе тонкой бумагѣ, но далѣе все идетъ сплошь

одинъ почеркъ и одна твердая хлопчатая бумага. Письмо явно по языку Русское. Этотъ сборникъ между прочими драгоцѣнными статьями содержитъ: «Слово Святаго Григорія ізобрѣтено в толцѣхъ о томъ, како первое погани суще языци кланялися ідоломъ і требы имъ клали. то іны творят.» Здѣсь выводится языческое поклоненіе Славянъ отъ другихъ народовъ — и между прочимъ послѣ Эллиновъ и Египтянъ такъ говорится о Славянахъ:

Оттуду же ізвыкоша елени класти требы. атремиду і артемидѣ. рекше роді і рожаницѣ. тациіже егуптяне. Тако і до словѣнъ доіде се словіти начаша требы класти. роду і рожаницам. преже перуна б҃а ихъ. а переже того клали требу упирем і берегинямъ. по ст҃ѣмъ крещеньи перуна отринуша. а по х҃а б҃а яшась но і ноне по украінамъ молятьс҃ ему проклятомоу б҃у перуну і хорсу і мокоши і вилу. і то творят отаі. сего не могутьс҃ лишити проклятаго ставленья. в҃я трялезы нареченыя роду и рожаницам. велику прелесть вѣрнымъ крс҃тьяномъ і на хулу ст҃му крщ҃нью. и на гнѣвъ б҃у. а се егуптяне чс҃тьпи требы кладут. нилу і огневѣ. рекуще нилъ плоддавець и раститель класом.» и т. д.

Что это за поклоненіе у языческихъ Славянъ *роду* и *рожаницамъ*, о которомъ говорится еще въ другомъ словѣ, приведенномъ у Востокова въ описаніи Румянц. Музея (229) подъ заглавіемъ: *Слово нѣкоего х҃олюбца ревнителя по правоі вѣре.* Замѣчу, что и это слово находится въ Кирилловскомъ сборникѣ, но въ немъ объ родѣ и рожаницахъ не съ такою подробностію говорится, какъ въ словѣ Григорія, изъ котораго мы узнаёмъ, что это поклоненіе весьма древнее, предшествовавшее Перунову, и что по введеніи Христіанства приносились имъ вторыя трапезы послѣ другихъ боговъ. Срезневскій въ своемъ сочиненіи о святилищахъ и обрядахъ языческаго богослуженія древнихъ Славянъ, прибѣгалъ къ разнымъ сближеніямъ для того, чтобы объяснить — что̀ такое родъ и рожаница. Онъ ссылается на Хорутанъ; слово *родъ* объясняетъ посредствомъ урода, а рожаницу судьбою. Въ Церковномъ сло-

варѣ слово: рожаница, такъ и объясняется. Можно привести еще мѣсто во Впрашаніи Кирика Нифонту: *Аже се роду и рожяницѣ краютъ, хлѣбы и сиры и медъ. Бороняше велми, пѣгдѣ, рече, молвить: горе пьющимъ рожяницѣ.* — Краютъ отъ край, кроить, значитъ (нижне-серболужицкое краю, краямъ, крацъ) отрѣзывать, приносить части. Стало еще въ XII вѣкѣ у насъ сохранялось поклоненіе роду и рожаницамъ — и приносили хлѣбъ, сыры, медъ, — и пили въ честь ихъ. Въ Бѣлоруссіи до сихъ поръ сохраняется еще въ народѣ обычай приносить родильницамъ хлѣбы и сыры. Въ Русскомъ языкѣ слово *родъ* объясняется *рожденіемъ* (на роду написано), а рожаница значитъ женщина родившая. Не поклонялись ли языческіе Славяне женщинѣ, когда она была въ родахъ, и самому дѣйствію рожденія — роду? Послѣ, это поклоненіе могло перейти въ приношеніе женщинѣ родильницѣ — и осталось до сихъ поръ въ обычаѣ класть на зубокъ.

За тѣмъ слѣдуютъ безъ надписанія два слова: одно объ томъ, угодно ли Богу, чтобы монастырямъ дарили села? другое о томъ, что милостыню надобно давать прямо, а не черезъ ходатаевъ. Первое случалось мнѣ читать и прежде въ древнихъ сборникахъ библіотеки М. П. Погодина. Выписываю оба, потому что они весьма любопытны своимъ содержаніемъ.

«Сидящю нѣкогда святому отцю со ученики своими, и глаголаше о душеполезнѣи, и се принесоша житье нѣкоего хрістолюбца, умершаго г҃ мѣсяца, яко велику милостыню створи і оумре: ібо слоутное свое село отдасть монастыреви святаго іоана. Слышавже се святый отецъ опечалися і воздохнувъ и рече: увы мнѣ! яко погуби таковый человѣкъ душю свою. И глаголаша ему ученици его: что убо, отче? не паче ли ему бы помилованну быти о такомъ дарѣ? Рече отець: глаголю вы, чада: аще кто дасть худымъ нашей братіи на роздѣлъ, то въ спасенье души; аще ли село дасть монастыреви, на пагубу даеть души своей. Видѣхъ бо въ минувшюю нощь о братѣ нашемъ, о немже вы глаголете, яко душа его стоітъ предъ Богомъ на судѣ осужена въ муку села того ради. Молящиже ся Богородици со Предтечею і рече Господь: когда

село отпустять отъ монастыря, тогда отпустить душа та отъ муки. Слышавже се братья, повѣдаша ігумену і отпустиша село то отъ монастыря, і видѣ отець отпущену душю ту отъ муки, і рече имъ: аще кто дасть село монастыреви, то на пагубу души своеі; аще ли на роздѣлъ, то въ спасенье есть души своеі».

«Тако аще кто милостыню дасть ходатаемъ, то такиі не милостыню творить, но гордость погана есть, да таковыи не приемлеть мъзды: понеже бо Аврам і Давыдъ, иніи мнозіи святіи мужи не хотяху милостыни творити ходатаемъ. О семъ бо Іоаннъ злâтаустый свидѣтельствуеть: Аврамъ имѣяше домочадець т҃ні і ни единаго посла въ стадо по телецъ, но самъ тече и уготова обѣдъ Господеви. Такожё и Сара, толико рабынь имущи, ни одиноі же нё рече: умѣси тѣста, но сама здѣла. Господь жё не ходатаемъ обѣща іма великую благодать: Абраму бо рече: буди сѣмя твое яко пѣсокъ морьскіи: что же можетѣ быть толь много сѣмяни того? се ся мнѣ мнитъ, яко всѣмъ языкомъ отець есть, вѣрующимъ во Хріста. Тако бо речено есть, яко о тобѣ благословяться вси языци. А Сарѣ сынъ бѣша не ходатаемъ, но самъ рече: будеть сынъ, се бо въ Исацѣ прозвахъ имяно въ еже суть крестьяне, и самъ отъ негожь племяни родися по плоти. Самъ же Господь распятъ за человѣческое спасенье, а не ходатая посла на распятье.»

Въ монастырскихъ же сборникахъ встрѣчаются эти слова, писанныя у насъ же противъ обогащенія монастырей селами и противъ того ходатайства, которое они же предлагали между богатыми и бѣдными.

Въ томъ же Сборникѣ находится Слово блаженнаго Серапіона о маловѣріи. Судя по слогу и по сходству въ нѣкоторыхъ выраженіяхъ, оно несомнѣнно принадлежитъ тому же Серапіону, Епископу Владимірскому, котораго четыре слова найдены были Епископомъ Филаретомъ въ рукописи XIV вѣка: *Златая Чепь*, и напечатаны въ Прибавленіяхъ къ Твореніямъ Святыхъ Отцевъ (годъ первый). Начало сходно съ началомъ втораго слова; въ напечатанномъ: «Многу печаль въ сердци своемъ вижю васъ ради, чада: понеже никакоже вижю вы премѣнившася отъ дѣлъ неподобныхъ.» Въ нашемъ: «Печаль многу імамъ въ сердци

о васъ чада. никакоже не премѣните отъ злобъ і обычая своего.» Но далѣе сходства съ вторымъ словомъ нѣтъ. Есть укоры народу за то, что онъ сожигаетъ невинныхъ людей, одинаковые съ укорами четвертаго слова: «А еже еще поганьскаго обычая держитеся, волхвованию вѣруете, и пожигаете огнемъ невинныя человѣкы.» Въ нашемъ Словѣ: «Обычаі поганьскиі имате. во хламъ вѣру імете. і пожагаете огнемъ неповинныя чл҃вѣки.» Упреки, касающіеся народа въ томъ, что онъ бѣдствія общественныя приписываетъ частнымъ людямъ, сходны съ подобными въ 4-мъ словѣ напечатанномъ. Замѣчательно, что народъ хотѣлъ выгребать утоплениковъ и удавлениковъ, приписывая имъ несчастія. Есть упоминаніе о наводненіи въ Перемышлѣ и четырехъ-лѣтнемъ голодѣ; но лѣтописи XIII вѣка не говорятъ объ этихъ событіяхъ. Въ заключеніе приведу самое слово, отличающееся простотою рѣчи: оно будетъ теперь пятымъ сверхъ четырехъ, прежде открытыхъ.

Слово блж҃наго Серапиона о маловѣрьі.

Печаль многу имамъ въ срд҃ци о васъ чада. никакоже не премѣните от злобъ і обычая своего. вся злая творите в ненависть б҃у. на пагубу д҃ши своеі. правду есте оставили. любве не імате. зависть и лесть жирует ввасъ. і вознесеся умъ вашь. обычаі поганьскиі имате. во хламъ вѣру імете і пожагаете огнемъ неповинныя чл҃вки. гдѣ се есть в писаньи. еже чл҃вкомъ владѣт. обильемъ или скудостью. подавати іли дождь или теплотоу: о неразумніи вся б҃ъ творит. якоже хощет бѣды и скудость посылаетъ за грѣхи наши і наказая насъ приводя на покаянье. о маловѣрніи слышасте казни от б҃а. впервыхъ родѣхъ потопа на гиганты. огнемъ пожьжени. а содомляне огнемже сожени. а при фараонѣ і҃ть казней. на егупетъ при хананиі каменье огненое с нбсѣ пусти. при судьяхъ рати наведе. прі дв҃дѣ моръ на люд. при титѣ плѣнъ на ерс҃лмъ. потомъ трясенье земли, і паденьемъ града. і внаша лѣта. чего не видѣхомъ зла. многи бѣды и скорби. рати. голодъ. от поганыхъ насилье (*). Но никакоже премѣнимъ с҃ от злыхъ обы-

(*) Въ 4-мъ напечатанномъ словѣ есть мѣсто схожее съ этимъ, начиная отъ словъ: о маловѣрiи.

чаи наших. нынѣ же гнѣвъ б҃ии видящи і заповѣдаете кто буде удавленика іли утопленика погреблъ. не погубите люді сихъ выгребите. о безумье злое. о маловѣрье. полни есми зла исполнени. о томъ не каемс҃. потопъ быс҃ при нои. не про удавленаго. ни про утопленика. но за людския неправды. і иныя казни безщисленыя. драчьград ҂д лѣт. стоялъ. от моря потопленъ быс҃. і нынѣ в мори есть. влясѣхъ от умноженья дождя х҃ люді потопло. а іниі в перемышили градѣ с҃ потопоша і глад быс҃ д҃ лѣт. тамо се все быс҃ всия лѣт за грѣхи наша. о чл҃вци се ли ваше покаянье. сим ли б҃а умолите. что утопла іли удавленика выгрести. сим ли би҃ю казнь хощете утяшит. лучши брат҃я престанемъ от зла. лишимъс҃ всѣхъ дѣлъ злых. разбоя. грабленья. пьянства. прелюбодѣіства. скупости. лихвы. обиды. татбы. лжива послушьства. гнѣва. ярости. злопоминанья. лжи. клеветы. рѣзоіманья. аз бо грѣшныи всегда учю вы чада. велю вам каятис҃. вы же не престанете от злыхъ дѣлъ. егда кая на насъ казнь от б҃а придет. то болѣ прогнѣваемъ. ізвѣты кладуче: того ради ведро. сего дѣля дождь. того дѣля жито не родитьс҃. і бываете строітели би҃еі твари. а о безумьи своемъ почто не скорбите. поганіи бо закона би҃я не вѣдуще не убивают единовѣрник своіхъ. ни ограбляють ни обидят. ни поклеплют. ни оукрадут. не запрятс҃ чюжаг҃. всякъ поганыи брат своего не продасть. но кого в них постигнет бѣда. то іскупять его. і на промыслъ дадуть ему. а наіденая в торгу проявляют. а мы творимъс҃ вѣрнии. во імя б҃ие крщ҃ни есмы. и заповѣди его слышаще всегда. неправды есмы исполнени. і зависти. немлс҃рдья. братью свою ограбляемъ. убиваемъ. въ погань продаемъ. обадами. завистью. аще бы мощно снѣли бы другъ друга. но вся б҃ъ боронит. аще велможа. іли простыи. то весь добытка жалает. како бы обидѣт. кого оканне. кого снѣдаеши. не таков же ли чл҃къ якоже і ты. не звѣрь есть ни иновѣрецъ. почто плачь и клятву на ся влечеши. іли бесмр҃тенъ еси. не чаеши ли суда би҃я. ни возданое комуждо по дѣлом его. от сна бо въставъ не на молбу умъ прилагаеши. но како бы кого озлобит. лжами перемочи кого. аще не останете сихъ то горшая бѣды почаете по семъ. но моляся вамъ гл҃ю. пріимемъ покаянье от срд҃ца. да б҃ъ оставит гнѣвъ свои. і обратимъс҃ от всѣхъ дѣл злых. да гс҃ь б҃ъ обратитьс҃ к намъ. се вѣдѣ азъ поучаю вы. яко за моя

грѣхи бѣды сия дѣютсͨ, придѣте же со мною на покаянье. да умолим б҃а. вѣдѣ убо аще ся покаевѣ. будем помиловани. ащели не останетесͨ безумья і неправды, то узрите горшая на послѣдь.

Въ этомъ же сборникѣ находятся: «Въспрашанье Ізяславле князя сн҃а. Ярославля. внука Володимеря. ігумена Ѳедосья Печерскаго монастыря» — и «Слово ст҃го Ѳедосья Игумена Печерьскаго монастыря о вѣре крестьянской і о латинской.» Оба мною списаны. Не худо бы было напечатать оба эти сочиненія Ѳеодосія. Первое касается болѣе нѣкоторыхъ обрядовъ относительно дней—и особенно опредѣленія недѣли. Замѣтно въ немъ нападеніе на жидовскіе обычаи. Извѣстно, что Ѳеодосій выходилъ на прѣніе съ Жидами и что въ XI столѣтіи вліяніе жидовства было въ Кіевѣ довольно сильно. Второе слово касается раздѣленія церквей Восточной и Западной. Напечатаніе его по сему списку, конечно одному изъ древнихъ, могло бы привести къ рѣшенію спорнаго пункта о томъ, дѣйствительно ли оно подложное или нѣтъ?

Кромѣ многихъ другихъ драгоцѣнныхъ словъ въ этомъ сборникѣ, который заслуживалъ бы вполнѣ быть напечатаннымъ, приведу нѣкоторыя мѣста, сходныя съ мѣстами въ Словѣ Данiила Заточника.

«Приточникъ рече: въ мудрѣ мужи слава князямъ, а в безумнѣ скрушенье. с мудрымъ думцею князь думая высока стола добудетъ а збезумнымъ думав і мала стола лишенъ будетъ. князь въ сердци блазѣ і почіетъ мудрость, а въ срд҃ци гордѣ почиетъ безумье.»

Замѣчательны два слова о женахъ. «Слово ст҃аго Кузмы Еп҃а Халкидонскаго о томъ, како не подобаетъ звати жены своея оспожею», должно быть Русское сочиненіе, потому что въ началѣ говорится, какъ одинъ христолюбецъ пришелъ къ Кузмѣ Еп҃у Халкидонскому и спрашивалъ его, а тотъ ему отвѣчалъ. Этотъ оборотъ встрѣчается нерѣдко въ Русскихъ древнихъ сочиненіяхъ. Другое слово: *о іродіадѣ и о злыхъ женахъ*, предлагаетъ нѣкоторыя сходства

съ заключеніемъ Слова Даніила Заточника, однако не во всѣхъ подробностяхъ.

«Никии же звѣрь убо подобенъ есть женѣ злѣи язычнѣи. что лютѣе льва в четвероножных. что ли горшее в ползущих ядовитыя змѣи. яко левъ и змия хуже ес͞ злыя жены язычныя. свидѣтельствуеть бо ми мудрый гл͞я. луче есть со львомъ в пустыни жити нежели с женою злою.

«Луче болѣти трясцею. нежели злою женою обладаему быт. трясца бо трясъши пустить. а зла жена до смр͞ти исушить. жена зла луче погрести нежели привести. жена добраа аки очи в тылу. а злая жена аки трудъ влядвеяхъ. луче есть во утлѣ лодьи ядит нежел женѣ злѣ таины повѣдат. лодья бо токмо имѣнье потопит. а жена зла д͞щи пакость творит. аки бо вьялица в дому мужевѣ зла жена. луче желѣзо варит нежел зла жена казнит. ревнованье женское, весь дом измятеть. рѣдко в женах истинны обрѣсти мног. бо си могут и можеть на земли погубит чл͞вка г͞е се море огнь злая жена.»

Въ одномъ изъ сборниковъ помѣщена лѣтопись Никифора Патріарха Цареградскаго. Далѣе слѣдуетъ Русской лѣтописецъ, но вырванъ. Осталась одна первая страничка, кончающаяся словами: перуна б͞а по улицѣ влачиша. Въ этомъ же сборникѣ нашелъ я: Преподобнаго отца нашего Илариона Еп͞а Мегленскаго обрѣтение мощемъ его при цр͞ствѣ Калоіоанна болгарскаго, брата стараго Асѣня Царя и пріемшю Греческую землю Фракъ, Македонию, Исадоу и Еладоу обрѣтоша е въ Мегленѣ градѣ и принесоша е въ царствующій градъ Терново и положиша ѐ въ мц͞а. о͞к к͞а.— Кромѣ того встрѣчалъ я нерѣдко въ сборникахъ и Житіе Иларіона. Возвратившись изъ Кириллова, я обращался съ вопросами къ нѣкоторымъ знатокамъ Славянской старины, о томъ, находили ли они что-нибудь подобное, и къ жителю столицы Болгарской Тернова Г. Княжескому: знаютъ ли въ Терновѣ что-нибудь объ Иларіонѣ Епископѣ Мегленскомъ и мощахъ его? Мнѣ отвѣчали отрицательно. Но въ послѣдующей книжкѣ чтеній Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ мнѣ пріятно было встрѣтить обѣщаніе, что и Житіе Иларіона и извѣстіе о перенесеніи мощей его

будутъ скоро напечатаны. Церковь наша и теперь 21-го Октября празднуетъ перенесеніе мощей Иларіона Епископа Мегленскаго, но городъ Терновъ, куда они перенесены, въ святцахъ не упоминается. Замѣчу еще, что Калоіоанномъ Царемъ Болгарскимъ, при которомъ мощи были перенесены, объясняется Патерикъ Іоанна Колова, отрывки изъ котораго я встрѣчалъ также въ рукописяхъ Кириллова монастыря.

Этимъ Иларіономъ, можетъ быть, разгадаются сочиненія, которыя нерѣдки въ нашихъ древнихъ рукописяхъ и весьма часто попадались мнѣ въ Сборникахъ Кирилло-Бѣлозерской библіотеки. Кто захотѣлъ бы изучить и отдѣлить критикою принадлежащее Митрополиту Кіевскому Иларіону отъ того, что̀ должно быть твореніемъ другаго Иларіона, можетъ быть, Епископа Мегленскаго, — тотъ долженъ непремѣнно воспользоваться сборниками Кирилловскими. Видно, что Иларіонъ былъ однимъ изъ любимыхъ писателей Кирилловской обители. Извѣстно, что Іоаннъ Грозный въ посланіи своемъ въ сію обитель къ игумену Козьмѣ дѣлаетъ много выписокъ изъ сочиненій Иларіона объ иноческомъ житіи. Къ соображенію должно принять слѣдующія слова̀ изъ посланія Іоаннова:

«Вѣру имите ми, господіе мои и отцы, Богъ свѣдѣтель, и Пречистая Богородица, и Чюдотворецъ Кириллъ, яко сего великого Иларіона доселѣ посланіе ниже читахъ, ниже видѣхъ, ниже паки слышахъ о немъ: но яко восхотѣхъ къ вамъ писати отъ посланія Василія Амасійскаго, и разгнувъ книгу обрѣтохъ сіе посланіе Великаго Иларіона, и приникнувъ, и видѣвъ, яко зѣло къ нынѣшнему времяни ключаемо, и помыслихъ, яко Божіе нѣкое повелѣніе сицево обрѣтеся къ полезному, и сего ради дерзнухъ писати.»

Укажу на тѣ сборники, въ которыхъ случилось мнѣ встрѣтить относящееся до твореній сего писателя. Два сборника за № 132, въ 4-ку на бумагѣ, писанные среднимъ уставомъ, должны быть XVI вѣка. Они содержатъ въ себѣ сочиненія Св. Отцевъ, касающіяся до иноческой

и пустынническую жизни, и оба начинаются наказаніемъ Иларіона великаго къ отрекшимся міра Хріста ради. Начало изъ этого сочиненія приводитъ Грозный въ своемъ Посланіи. Я сличалъ текстъ: онъ весьма вѣренъ. Одинъ экземпляръ безъ начала. Грозный говоритъ, что онъ напалъ на сочиненіе Иларіона случайно въ сборникѣ, который видно начинался твореніемъ Василія Амасійскаго, изъ коего онъ дѣлаетъ также большія выписки.

Въ другомъ Сборникѣ, который я означилъ номеромъ четвертымъ и въ которомъ сначала написано Хоженіе Св. Апостола Іоанна Богослова, списано Прохоромъ ученикомъ его, между прочими Житіями Святыхъ вы находите и пространное житіе Иларіона Великаго, писанное прекраснымъ письмомъ.

Въ сборникѣ, означенномъ мною № 6 мъ, за словомъ Иларіона о отверженіи міра слѣдуетъ Слово отвѣтное о терпѣніи блаженнаго Иларіона отходника.

Въ томъ же Сборникѣ, откуда я выписалъ слово Серапіона о маловѣріи, находится и слово Преподобнаго Иларіона о житьи семъ, начинающееся такъ: Маловремянное се житье.... Оно не упоминается въ числѣ тѣхъ сочиненій, которыя приписываются Иларіону въ статьѣ напечат. въ Твор. Св. Отц. Годъ 2. кн. 2.

Въ сборникѣ, писанномъ на бумагѣ въ 8-ку и въ которомъ на оборотѣ деревяннаго переплета написанъ номеръ 425, встрѣчаются два поученія Иларіона. Одно тоже самое, которое напечатано въ Твор. Св. Отц. т. 2. кн. 3. подъ именемъ Слова Св. Иларіона, Митрополита Кіевскаго; оно начинается такъ: Потщимся братье и сестры к вѣчнѣи жизни и свѣтлѣи яже намъ г҃ь по своей милости туне даеть и проч. О другомъ упоминаетъ Авторъ предисловія, говоря, что оно напечатано въ Потребникѣ иноческомъ, но съ значительными исправленіями и не все. Приведу это слово.

«Потщимся, братье, паче всего без молвы бг҃ви работати: се бо паче неповинна тя пред бго҃мъ поставит. Прилѣписѣ

пустыни яко младенець любимыи матери: м҃ти бо млекомъ въздоит отроча свое: пустыни же душю твою напоит разума б҃жіа, и сътворит б҃га пріателя твоихъ м҃лтв, и присвоит тя б҃га любити всѣм срдцемь, и тебе оупразнит от міра и от печалей его всѣхъ. Но исперва убо имаши под'ати (подъяти) бѣды и напасти и страх от бѣсов и от самого діавола, и тако ти стужит, яко мнѣт ти ся нѣс҃ спасенія, но или ити въ миръ, или ту злѣ умрети; но стани на камени вѣры. и вся находящаа ти бѣды трьпи храборскыи, и побѣжай яко вьин хс҃въ, одѣався яко бронями смиреніем, щитом же частыми м҃лтвами и копіем всегдашним постом, шлемомже помощию б҃жіею и мечемже словемъ б҃жіимъ. Любящеи бо земнаго ц҃ря любити и оумрет занъ: не паче ли за нбснаго ц҃ря нам подобает полученія ради нбснаго цр҃ствія. Азъ убо не г҃лю ти кровь проліати: си без времене по а҃плу якоже гл҃етъ: нѣсть наша брань къ плоти и крови и прочаа, но тьрпѣти с похвалою в пустыни, а не разлѣнившеся встати, итьти въ градъ. Аще не трьпиши, како речеши съ бж҃ественнымъ дв҃домъ: терпя потерпѣхъ г҃а и внят мя, и услыши мл҃тву мою, и изведе мя от рьва стр҃стии. Аще и не пріидет помощь скоро свыше, но обаче всяко пріидет, и аще продолжится сѣченіе на брани, ту болши побѣда и слава. Тако и здѣ любовію црс҃кою от воин побѣда растеть: и любовь яже къ б҃гу: помощь от него исходит, любовь же твоа цѣла дает. Аще претерпиши в пустыни, аще и гладом случиттися оумрети, да не изыдеши: не на сытость бо мира исшелъ еси, но на исканіе вѣчных блг҃ъ. Но не оставит тебе б҃ъ оумрети: прекормивыи бо в пустыни множство людии, тебе ли единого не прекормит? Пишет бо: возверзи на г҃а печаль свою и тъ тя препитает. Раб нѣкы в пустыни молчааше в кѣліи своей и скорбяще крѣпко от уныніа еже изыти ис кѣліи своеа, и гл҃ше в' себѣ: о д҃ше, не стужи си сѣдящи в кѣлии: доволно ти ес҃ се, аще и ни едино твориши, еже никого съблажняеши, ни опечаляеши, ни оскорбляешися от кого: разумѣй, колика зла избавил тя ес҃ молчаніа ради и безмолвно молитися, не празднозловиши, не слышиши неполезнаа, ниже зриши тщетнаа: едина ти брань оуныніа: силенъ ес҃ б҃ъ и сего упразнити. Сіа ему и другаа вящшеа смиренѣ мыслящу, много утѣшеніе быс҃ ему за непрестанныа рад҃ м҃лтвы.

Въ другомъ сборникѣ, писанномъ въ 4-ку, крупнымъ письмомъ, находится еще поученіе Иларіона Великаго. Большая часть сего поученія вставлена въ посланіе Грознаго и примѣнена, какъ видно, къ нравамъ иноковъ его времени, разумѣя одну только дурную ихъ сторону. Все начало поученія помѣщено въ сочиненіи Іоанна Грознаго послѣ, а послѣдующее за тѣмъ впереди. Но въ текстѣ есть нѣкоторыя отмѣны, побуждающія меня здѣсь предложить все это поученіе Иларіоново.

«Красно есть воистинну и многой хвалѣ достойно, иже видѣти мужа въ міру, отрицающеся міра и иже въ міру красныхъ и легкыхъ и всего имѣния, и бывающа инока. Хулноже и проклятоежъ видѣти мниха санъ въ мірѣ пріемлюща, и мірская строяща, и богатьство беруща.—Онъ бо надежею жизни вѣчныя отметается жизни сея, и бываетъ чадо свѣту и дни. Сей же невѣрованіемъ о жизни вѣчнѣй отметнетъ обнищание иже Хріста ради обѣщася и бываетъ другъ свѣту сему, врагъ же божій, по глаголу брата Господня Іакова. Сего ради смѣхъ бываемъ и поганымъ, и Хрістова вѣра хулится насъ ради отъ нихъ. Глаголють бо: како вы мниси повѣдаете жизнь вѣчную бытти, и воскресение мертвымъ, его же ради и постризаетеся, а нынѣ видимъ вы и старыя и младыя, яко кождо васъ власти отъ царя и отъ велможъ ищете, отъ бояръ же имѣния, отъ убогихъ же чти и покланяния. Да како жизнь вѣчную мѣните, а сея жизни и славы и чти и имѣния ни мало себѣ отмещете. Намъ мнится, яко вы другъ другу о жизни вѣчнѣи лжете: на любви бо вашей свѣта сего знати есть, яко не зѣло хощете оного житиа: дадите намъ имѣние ваше и злато, а вамъ вѣчная жизнь. Сия убо азъ, братіе, своима ушима слышахъ отъ нѣкоего погана и удивихся зѣло, яко и поганіи вѣдять о нашемъ неустроеніи, и понашають намъ.»

Здѣсь слѣдуетъ то, что̀ въ посланіи Грознаго поставлено прежде.

«Мы же братія, образъ таковаго одѣянія носяще и прилетаемся земныхъ вещехъ якоже и мирстии: учащаемъ нивы, исполняемъ гумна, украшаемъ храмы, удивляемъ домы, проносимъ имя свое къ всѣмъ человѣкомъ яко дивно; а о томъ,

аможе въскорѣ хощемъ отъити, того не хощемъ ни въ мысли нашей поминати: томче хужши есмя мірскихъ. Понеже міра держимся: еже убо что у мірскихъ дивно видимъ, то всею силою подвизаемся, дабы и у насъ тожъ было, а не помянемъ, яко того есмя всего въ отреченіи, и въ постриганіи нашемъ и всего міра, и яже суть въ мірѣ: аще же ли се лжа, да испытаемся, аще не тако есть. Не имѣемъ ли селъ якоже и мірьстіи? не словутъ ли нивы чернечсскія, и озера, и пажити, скоти и домове твердо огражени, и храми свѣтли? не имѣемъ ли ковчеги со имѣньемъ твердо хранимы, якоже и мірьстіи и домодержьци? не красуемълися блистаниемъ златнымъ, и веселимся свѣтлыми ризами и величаемся? не обѣди ли и праздници мірскихъ нами полны бываютъ? не мы ли паки возывающе мірскихъ богатины, на обѣдѣ у себе посаждаемъ, болшее хотяще дерзновеніе къ домомъ ихъ имѣти? не на брацѣхъ ли у нихъ мы предсѣдаемъ? не наша ли рука выше всѣхъ презвитеръ возвышаема чаши перекрещающи? не наше ли око вся сѣдящая обзираетъ? не наше ли горло въ народѣ пара бряцая, многы укоры намъ содѣваетъ? Христолюбци убо заповѣдь Спасову творяще, призываютъ насъ въ домы своя, овъ молитвы ради, овъ же милостыню творяще. Мы же своего чина не хранящe вмалѣ посѣдимъ поникше, и потомъ възведемъ брови, тажъ и горло, и поемъ, дондеже смѣхъ и дѣтемъ будемъ, егожъ пьянства и мірстіи мнози хранятся, мерзость бо имъ есть: тожъ и на насъ есть видѣти безумное упиваніе. Троя убо вины приносятъ любящимъ его: а) тѣлеси недугъ, в) отъ человѣкъ укоръ и смѣхъ, г) души паденіе, и уму изступленіе: то чимъ лучши есмы мірьскихъ, ничимъ же: не хвалу ли любимъ, а укоризны не терпимъ? не свѣтлою ли ризою красимся, и драгою, раздранныя же не хощемъ ни въ кѣльи нашей видѣти? не принесшаго ли приемлемъ съ любовію, паче тща пришедшаго? Почтожъ двери кѣлей своихъ твердыми замки утверьжаемъ? явѣ, яко многа ради лежащаго въ ней имѣнія. И якожь ипарху нѣкоему умершу, мнози боляре на мѣсто его мьздятся, богатства ради и сана того и славы и чести отъ всѣхъ, тако и въ насъ убогихъ подобіе мірское бываетъ: умершу убо коему игумену, или иконому, мнози отъ насъ въстанутъ и намѣстие его тщатся прияти, и се таящесь единъ отъ другаго, а всѣмъ вѣдомо суще, овъ убо мьздами, не имуще же ласканьми, яко

змиинъ ядъ хотяще изліяти на искренихъ. Что же се? явѣ, яко имѣния ради. Оле смѣха достойно житие наше! нѣсть ни единого же въ насъ, преподобныхъ отецъ ревнующи добрымъ дѣломъ ихъ: молитвѣ и бдѣнию, посту, безоимѣньству, нищетѣ самоволнѣй и прочимъ таковымъ. Но умершу въ насъ нѣкоему богатому иноку и душю свою того ради погубившу, имѣнию оставившу, — мы же, ревнующе пагубѣ его, на мѣсто его наскакаемъ и сладко си творимъ въ пагубѣ его и мы увязнити, да онѣхъ святыхъ отецъ житью и дѣломъ, имже чюдеса послѣдоваху, не хощемъ житию ихъ ревновати и дѣломъ ихъ подобитися.»

Что̀ выписывалъ Іоаннъ Грозный изъ Твореній Иларіона въ свое посланіе, какъ бы въ видѣ упрека инокамъ Кирилло-бѣлозерскаго монастыря, — то они сами, какъ видно, переписывали уже давно въ своихъ Сборникахъ.

Въ Сборникѣ въ 8-ку, писанномъ на бумагѣ, между прочими замѣчательными статьями подъ статьею: Краткій лѣтописецъ о седми вселенскихъ соборахъ, встрѣчается слѣдующая статья: *о грамотахъ различныхъ*, сходная съ извѣстнымъ сочиненіемъ: о писменехъ, черноризца Храбра, однако съ разными отмѣнами. Мы ее выпишемъ.

«Преже всѣхъ грамотъ быс҃ жидовьская грамота. стое сияша еллинстіи грамотичници. тажъ по сихъ римьская. и прочіи иніи мнози. по мнозѣх же лѣтех роосьская. послѣже всѣх пермьская; оу жидовьскыя азъбоукы первомоу словоу имя алефъ. а оу греческыя азъбоукы первомоу словоу имя алфавита. а оу сирьскыя алефъ бе. а оу угорьскыя, афака васака. а оу русскые. азъ. а оу пермьскые, абоуръ. да не по единой гл҃юще оумножимъ слово. мнози бо соут грамоты, и многы азъбоукы. Соут бо писмена книжная. ихже издавна и҃ и по пошлинѣ имуще языцку себе. якож се жидовьскы и еллиньскыи. римьскы. книжже что достоитъ рещи. или что подобаеть отвѣщати. явѣже есть якож научаемся от писаніа. а не инако како. но обаче в писаніи сице есть, еже от адама первозданнаго гл҃ю. его же с҃нъ сифъ, сей первѣе изучися грамотѣ жидовьстѣй. таче от адама до потопа прейде лѣтъ ҂в и с҃ и м҃в. По потопѣже быс҃ столпотвореніе: егда раздѣлишась языцы якож и в бытіи пи-

шеть. да якоже раздѣлишась языци. також раздѣлишас и нрави. и обычаи. и оуставы и законы. и хитрости на языкы. яко жѐ се гл҇ю. Есть языкъ египетескъ, емоуж достался земленомѣріе. А персомъ, и халдѣемъ, и асирнемъ астрономіе, звѣздочетіе, волшвеніе и чарованіе. и прочая суетныя хитрости чл҇чьскыя. жидовомже с҇тыя книгы. понеж тѣ наоучени соуще. еюже грамотою и моисей потом писаше о бытіи всего мира. битискыя книгы внихже писано. яко б҇гъ сътворил н҇бо и землю, и вся яже на нею, и чл҇ка. и прѣчее все по рядоу якоже в бытіи пишет҇. еллином же досталася грамотикіа, и риторикіа. и философіа. но исперва еллини не имѣахоу оу себе своимъ языком грамоты. но афинѣйскою грамотою поужахоуся писати свою рѣчь. и тако бѣша по многа лѣта. И быс҇ нѣкто в них философъ, именемъ панамидъ,» Паламидъ «иже послѣдь пришед сътвори еллином азъбоукоу. начелъ сице. алфавита. и положи словъ числомъ ѕı (16).»...

Слѣдуетъ исторія Греческой азбуки во всей ея постепенности отъ первыхъ 16 буквъ до 24-хъ и 38-ми съ двоегласными, потомъ исторія переложенія Библіи 70-ю мудрецами.

«Тѣмже мню яко руськая грамота чест҇нѣйши есть паче еллиньскыя. с҇тъ бо моужъ сътворилъ ю есть. кирила рекоу философа. а греческую алфавитоу еллини некрещеніи соуще съставливали соут. тѣчѐ же и потому же пермьская грамота паче еллиньскыя. юже стефанъ сътвори. Но Кирилоу философоу способляше многажды братъ его мефодія или грамотоу складывати. или азъбоукоу съставливати, или книги переводити. Стефаноуже никтож обрѣтеся помощник. развѣ токмо г҇ъ б҇ъ нашъ прибѣжище и сила. и помощникъ въ скорбѣх обрѣтших ны зѣло. аще ли кто речтъ слово на пермьскоую грамотоу. яко похуляя ю и гл҇я яко нѣс҇ гораздо устроена азъбоука си. достоино ес҇ починивати ея. и еще тѣмъ к симъ речемъ и греческоу грамотоу також мнози починивали. акила. и симмахова чадь. и иніи мнози. дивья бо ес҇ готоваго починити. удобѣе бо ес҇ послѣди построяти паче нежели исперва начати и сътворити. Аще бо кто въпросит греческаго книжника гл҇я. кто вы есть грамотоу сътворил. или книгы преложилъ. и в кое время то ся ес҇ дѣяло. то рѣдціи от них отвѣт

дати могутъ. и не мнози вѣдають. И аще въпросиши роусьскыи грамотики гл҃я. кто вы е҃с грамоту тоу сътворил. и книги перетолковал. то вси вѣдають. и въскорѣ отвѣщають рекоуще. ст҃ый коньстянтинъ философъ. нарицаемыи кирилъ тои намъ на роусскыи. с братом си преложил с греческаго языка грамотоу сътворил и книги преложил с греческаго языка на роускыи с братом си с присным мефодіемъ. иже быс̑ послѣди епс̑пъ мораьскыи. в кое же время то бяше. во црс̑тво михаила ц҃ря греческаго иже въ ц҃риградѣ црс̑твовавшаг̑. при патріарсѣ фотіи. в лѣта бориса князя болгарьскаго. и растица князя моравьскаг̑. и костеля князя блатеньскаго. въ княженье князя великаго всея роуси рюрика погана суща и некрщ҃ена. за р҃к лѣт до крщ҃енія роусскыя земля. а от созданія мироу влѣт ҂ѕт҃ѯг҃ (6363—855). До здѣ конець повѣсти о грамотах и о книгах.»

Слѣдуетъ краткое указаніе событій, и въ томъ числѣ слѣдующее:

«В лѣт ҂ѕх҃ѯѕ (6666—1158) поставиградъ Москву Князь Юрій Володимеровичъ.»

Это указаніе весьма важно. Лѣтопись въ первый разъ упоминаетъ объ Москвѣ подъ 1147 годомъ; но изъ этого указанія видно, что годомъ основанія Москвы, какъ города, считался въ древности у насъ годъ 1158.

Я обратилъ вниманіе еще на три экземпляра Пчелы, изъ которыхъ два совершенно одинаковы, а одинъ подревнѣе и сокращеннѣе. Пчела, греческій сборникъ, переведенный по Славянски, содержитъ въ себѣ выписки изъ Священнаго Писанія, Отцевъ Церкви и языческихъ Греческихъ и Римскихъ писателей, какъ напр. Діогена, Еврипида, Аристотеля, Иродота, Софокла, Пиѳагора, Сократа, Ликурга, Димокрита, Эпиктета, Плутарха, Фаворина, Діона Римскаго, Тимонакса, Левкиппа и другихъ, касательно разныхъ нравственныхъ и психологическихъ предметовъ, какъ напримѣръ: о житейстѣй добродѣтели и о злобѣ, о мудрости, о чистотѣ и о цѣломудріи, о снѣ, о красотѣ, о славѣ, о промыслѣ, о терпѣніи и о велеДушіи и проч., всего 71 глава. Изслѣдованіе этихъ сборниковъ въ Греческихъ по-

длинникахъ и Славянскихъ переводахъ могло бы быть не неважно и для древней филологіи, потому что здѣсь встрѣчаются отрывки изъ такихъ древнихъ писателей и сочиненій, которые теперь не существуютъ. Въ трехъ экземплярахъ Пчелы, мною разсмотрѣнныхъ, замѣтно двоякое изданіе: древнѣйшее короче новѣйшаго и то, что въ первомъ сказано кратко, то во второмъ весьма растянуто. Нѣкоторые находили сходство между мѣстами изъ Пчелы и Словомъ Даніила Заточника. Я сличалъ тѣ главы, въ которыхъ могло быть нѣкоторое сходство, именно о мудрости, о печали и безпечаліи, о женахъ, и не нашелъ рѣшительно никакого. Въ Пчелѣ есть выписки изъ Соломона и Іисуса сына Сирахова, которыя напоминаютъ нѣсколько подобныя мысли въ Даніилѣ Заточникѣ, заимствовавшемъ ихъ изъ того же источника, но давшемъ заимствованному совершенно иной характеръ. Это сличеніе утвердило меня еще болѣе въ томъ мнѣніи, что Русскіе переписчики Пчелы передѣлывали ее и вставляли мѣста изъ Русскихъ сочиненій, своимъ содержаніемъ подходившія подъ ея статьи.

Своею огромностью, колоссальнымъ почеркомъ и многочисленностью рисованныхъ и раскрашенныхъ изображеній, кидается въ глаза Псалтирь, писанная въ 1594 году и пожертвованная въ монастырь Бояриномъ Дмитріемъ Ивановичемъ Годуновымъ, какъ это видно изъ великолѣпнаго предисловія. Выписываю отрывокъ.

....«начахъ сию святую книгу, якоже отрыгну святый Духъ усты Богоотца пророка и царя Давыда божественная словеса глаголемую псалтырь, в лѣто ҂зрв҃ (1594) в богохранимомъ и в преименитомъ и црс҃твующемъ градѣ Москвѣ, в третіемъ Римѣ благочестіемъ цвѣтоущим при державе превысочайшіе црс҃кіе степени скиѳетра великаго россійскаго цр҃ствія Богодарованнаго, Богомъ оукрашеннаго, Богопочтеннаго, Богомъ превознесеннаго, Богомъ вѣнчаннаго благовѣрнаго и х҃олюбиваго великаго монарха Божіею милостію великаго Гд҃ря Царя и великаго Князя Ѳеодора Ивановича всея Росія самодержца, и иныхъ многихъ гд҃рьствъ восточныхъ и сѣверныхъ и западныхъ отчича и дѣдича и наслѣдника, и при его благовѣрной

и х̃олюбивой и благочестивой цр̃це и великой кн̃гине Ирпне, и прі ихъ дщеріи бл̃говѣрной ц̃ревне Феодосіи. *Въ 1-е лѣто гд̃рьства ихъ* (подчеркнутое написано киноварью). Пасоущемоу же тогда россійскую и высокопрестольную великую Цр̃ковь первопрестолникоу стейше̃му киръ. Йовоу патріархоу зовомоу Московскомоу и всея великія Росія. Индикта 1-го с великою вѣрою и ср̃дчным желаніемъ истиннымъ раченіемъ и с подщаніемъ многогрѣшный к Богоу и к чл̃комъ гроубый, предстатель рссійскаго сл̃нцу кроуга сирѣчь цр̃скомоу величествоу и достоинопочтеный цр̃скаго величества саномъ, Болярин Дмитрей Івановичъ Годуновъ, премудрымъ смысломъ и разоумомъ сію святую книгоу повелѣ написати и назнаменовати, и оукрасити златомъ и сребромъ, и совершивъ и оукрасивъ чюдне сію святоую книгоу псалтырь, положилъ вдомъ пречистыя Б̃цы чс̃тнаго и славнаго ея оуспенія и прп̃добнаго отца нашего Кирила чюдотворца на Белоозеро, Конюшеи и Бояринъ Дмитрей Ивановичь Годуновъ за свое здравіе и за женоу свою Матреноу, а Богъ по д̃шоу сошлетъ, ино по своей д̃ше и по своихъ родителехъ на память вѣчную. А кто сію святоую книгоу ис тои превеликіе лавры бес повелѣнія пастыря тоѣ обители дерзнетъ исхитити насилствомъ или какимъ инымъ ухищреніемъ изнести, и тогда отлученъ будетъ отъ славы Божія в сій вѣкъ и в будущій, и вѣчней муцѣ осоуженъ боудетъ. А взимая сію книгоу cповелѣнія пастыря и прочитая с вѣрою обрящетъ отъ Бога милость и оутѣху и оставленіе грѣховъ в сій вѣкъ и въ будущій.»

Слѣдуетъ просьба ко всѣмъ читающимъ книгу и желаніе имъ пользы душевной.

Точно такой же экземпляръ, съ тѣми же картипами, изображающими въ лицахъ богословское содержаніе псалмовъ, съ тѣмъ же пышнымъ предисловіемъ, подаренъ былъ бояриномъ же Годуновымъ Чудову монастырю въ Москвѣ и хранится въ его библіотекѣ. Прилагаю рисунокъ двухъ изображеній: они находятся при пѣсни степеней 126; соотношенія между ними и текстомъ нѣтъ, кажется, никакого. Замѣчательно нѣмецкое одѣяніе воиновъ, съ волчьими

или собачьими мордами, приближающихся къ Спасителю. Эти морды напоминаютъ также собачьи головы Опричниковъ Іоанновыхъ, которые были тогда еще въ свѣжей памяти у народа, когда писали и разрисовывали Псалтирь.

За № 76 въ нынѣшнемъ каталогѣ показано описаніе города Бѣлозерска. Собираясь ѣхать туда, я съ любопытствомъ заглянулъ въ это описаніе весьма подробное, которое относится къ 1676 году. Вотъ главы его: 1) Городъ Бѣлоозеро и посадъ. 2) Оброчныя пожни, что къ посаду. 3) Межевыя книги города Бѣлоозера и оброчныя земли и сокольихъ помытейниковъ. 4) Да дворцовыя волости — Волость Боръ Ивановъ — Волость Николаевская — Волость Ромынская — Волость Мужеская. Описаніе начинается съ города, а въ городѣ съ вала, или съ *сыпи рубленой*, на которой показано восемь башенъ, крытыхъ тесомъ. Весь валъ кругомъ 550 саженъ съ половиною. Въ городѣ двои вороты. Церковь соборная, во имя Спаса Преображенія, деревянная шатровая: вся она во всѣхъ частяхъ своихъ и всѣ иконы ея описаны съ большою подробностію. Сказано притомъ, что соборную церковь строятъ вновь каменную, казною Великаго Государя и подаяніемъ всякихъ чиновъ людей. Во всемъ городѣ каменная церковь одна, во имя Успенія Пресвятыя Богородицы. За тѣмъ слѣдуетъ описаніе двора Воеводы съ двумя огородами, изъ которыхъ одинъ длиною въ 30 саженъ, а поперегъ 80, другой же длиною въ 13 саженъ, а поперегъ 5 съ половиною. Эти описанія древнихъ городовъ нашихъ чрезвычайно любопытны. Романистъ здѣсь могъ бы почерпнуть многія подробности для картины XVII вѣка, а статистикъ много богатыхъ данныхъ.

Сожалѣю весьма, что ни время, ни обстоятельства не позволили мнѣ воспользоваться сокровищами Кирилловскаго книгохранилища, какъ того желалъ бы я. Все время, какое только могъ посвятить я этому дѣлу, и днемъ и ночью, я

посвятилъ. Въ отцѣ Архимандритѣ и въ отцѣ Ризничемъ я нашелъ полную готовность содѣйствовать трудамъ моимъ. Въ короткой срокъ я сдѣлалъ что̀ было по силамъ — и труды мои были не по напрасну, какъ кажется. Одинъ Симеоновъ сборникъ стоилъ поѣздки и будетъ, конечно, оцѣненъ филологами.

Въ томъ же зданіи, гдѣ помѣщена библіотека, въ нѣсколькихъ огромныхъ ящикахъ лежатъ кучи пыльныхъ свертковъ. Все это бумаги, относящіяся къ хозяйственному управленію монастыря, который, до Штатовъ 1764 года, имѣлъ 21,590 душъ крестьянъ. Любопытно видѣть, какъ монастырь бралъ оброкъ съ крестьянъ натурою, и болѣе всего хлѣбомъ разнаго рода. Монастырскія житницы, какъ видно, были подъ надзоромъ цѣловальниковъ, которые вели и приходу и расходу подробный отчетъ. Повѣрка всего дѣлалась также цѣловальникомъ или соборнымъ старцемъ монахомъ большимъ житникомъ, который, свѣривъ приходъ съ расходомъ, расписывался. Отдѣльныя села и приселки управлялись старцами чернецами, которые отдавали подробный отчетъ во всемъ Архимандриту, Келарю и соборнымъ старцамъ. Содержаніе старцамъ, какъ видно, было скудное. Многіе, въ заключеніе донесеній, просятъ объ томъ своихъ *властей*, чтобы прислали имъ рыбки. Такъ жалобно выражается посельской чернецъ, Самойло Волоцкой: «Да прикажите, государи, мнѣ послѣднему дать рыбки, какія вамъ государемъ Богъ извѣститъ, а у насъ, государи, мѣсто нерыбное: замеръ до основанія съ однимъ квасомъ.» Есть жалобы крестьянъ другъ на друга; одинъ перекосилъ сѣно у другаго; тотъ потравилъ; крестьянка жалуется, что ее крестьянинъ изувѣчилъ: всѣ эти жалобы разбирались властями съ пособіемъ понятыхъ, которые оцѣниваютъ въ первыхъ случаяхъ убытки. За понятыми посылали ключниковъ, бывшихъ исполнителями того, что̀ прикажутъ соборные старцы, большіе житники. Замѣчательно, что всѣ эти дѣла, которыхъ было безконечное множество, совершались письменно.

Въ тѣхъ же каменно-желѣзныхъ затворахъ, гдѣ хранятся рукописи — мирные свидѣтели духовной жизни иноковъ Кирилловской обители — хранится и запасъ древнихъ оружій, которыми дѣйствовали изъ крѣпости монастырскіе воины противъ Литвы и Поляковъ. Кольчатые нагрудники и наспинники, которыхъ не приподнимешь, говорятъ о силѣ нашихъ древнихъ богатырей, жившихъ въ семи стахъ курныхъ кельяхъ безъ половъ, о чемъ говорено было прежде. Вотъ на рисункахъ нѣсколько бердышей, красивое ружье, пистолетъ, изящной формы шишаки и шлемы, которые срисованы на мѣстѣ. Имянныхъ мы не нашли.

ГОРИЦЫ. — БѢЛОЗЕРСКЪ. — КИРИЛО-НОВО-ЕЗЕРСКАЯ ОБИТЕЛЬ. — КРОХИНЪ ПОСАДЪ.

Горицкій монастырь.—Историческія объ немъ свѣдѣнія.—Храмы.—Плащаница. — Управленіе обители. — Ризница.—Видъ съ колокольни.—Возвратный путь. — Гора Маура. Видъ съ горы. — Преданіе о св. Кириллѣ.—Радуга надъ обителью.—Всенощная въ Кирилловской церкви.—Бесѣда съ О. Ефремомъ.—Дорога въ Бѣлозерскъ.—Видъ на Бѣлоозеро.—Синеусовъ курганъ. — Народныя объ немъ преданія. — Стихотвореніе Н. В. Берга. — Древній и новый Бѣлозерскъ. — Соборная церковь. — Церковь Св. Иліи пророка. — Уваженіе народа къ Св. Ильѣ пророку.—Бѣлозерскій каналъ. — Гостинница.—Безрыбье. — Городское гулянье по валу. — Красота женщинъ. — Короны: головной уборъ. — Захожденіе солнца на Бѣлѣозерѣ.—В. И. Надпорожскій.—Сказаніе о Бѣлозерскѣ.—Письмо очевидца о пребываніи Французовъ въ Москвѣ. — Монастырь Св. Кирилла Новоезерскаго. — Жизнь Кирилла. — Древнія урочища. — Положеніе монастыря. — Память объ Архимандритѣ Өеофанѣ. — Строеніе собора.—Ризница.—Трапеза. — Крохинъ посадъ.—Истокъ Шексны.—Чайка. — Гарбуши и стойки. — Чтеніе журналовъ. — Церковь села Бородаева. — Опрятность крестьянскихъ домовъ.

Время было холодно, пока я работалъ надъ рукописями монастырской библіотеки. Шла въ Іюлѣ даже изморозь. Но вотъ прояснилась погода. Надобно было отсюда направить путь въ окрестныя мѣста, изъ которыхъ дальнѣйшее монастырь Кирилла Новоезерскаго на озерѣ Новомъ, за 80 верстъ.

Вправо отъ Кириллова, въ 7-ми верстахъ, таится за горами, на лѣвомъ берегу Шексны, Воскресенско-Горицкій дѣвичій монастырь, котораго главы едва мелькаютъ изъ-за горъ. Мѣсто называется также и Горицы, по уменьшительному окончанію весьма древней формы, употребительной въ здѣшнемъ нарѣчіи, гора - горица, какъ дѣва-дѣвица, коса-косица. Дорога весьма живописна, сначала по берегу Си-

верскаго озера, а потомъ по горамъ. Тутъ же на дорогѣ озеро Константиновское; справа гора Золотуха, а слѣва гора Маура; на сію послѣднюю мы взойдемъ по обратному пути. Когда подниметесь на гору, видъ открывается великолѣпный на монастырь и на Шексну, которая широко извивается по лугамъ и долинамъ.

Монастырь основанъ въ 1544 году. Въ то же самое время удѣльный Князь, Андрей Ивановичь Старицкій, и супруга его, Евфросинія Владиміровна, своимъ иждивеніемъ построили соборную въ немъ церковь, которой древняя форма, за исключеніемъ оконъ, сохранилась въ одной только наружности. Сюда, въ 1605 году, заточена была прекрасная Ксенія Годунова на нѣсколько времени, а отсюда переведена была во Владимірскій дѣвичій монастырь. Придѣлъ во имя Царевича Димитрія устроенъ былъ, по приказанію его матери, Царицы Мароы Өеодоровны. Икона Царевича считается современною сооруженію придѣла. Чудотворцы ближайшихъ мѣстъ, Кириллъ Бѣлозерскій и Кириллъ Новоезерскій, имѣютъ также свои придѣлы. Новая церковь теплая устроена при нынѣшней Игуменьѣ и отличается красотою своей архитектуры. Отсюду и слышно и видно Богослуженіе. Кругомъ хоры, изъ которыхъ окна открываютъ чудные виды на Шексну. Красота природы окружаетъ красоту храма Божія. Всѣ церкви расписаны трудами даровитыхъ инокинь обители. Особенно памятны мнѣ имена Клементьевой и Готовцовой. Прекрасенъ шитый шелками образъ Спасителя, несущаго крестъ. Историческое значеніе имѣетъ плащаница, подаренная монастырю Императоромъ Александромъ въ 1823 году: это художественное произведеніе въ золотошвейномъ искусствѣ совершено Гречанками изъ фамиліи Либеріосъ. Плащаница заготовлена была для патріаршей церкви въ Константинополѣ, какъ свидѣтельствуетъ еще и Греческая надпись кругомъ: Благообразный Іосифъ и проч. Но, по смутнымъ обстоятельствамъ Греціи того времени, она не достигла мѣста своего назначенія, и сами швеи нашли пріютъ въ нашемъ отечествѣ, съ этою плащаницею, которая была единственнымъ ихъ имуществомъ.

Четыреста инокинь живетъ теперь въ обители. Игуменья Маврикія, не смотря на свои 70 лѣтъ, дѣятельно и благоразумно правитъ обителью, окруженная любовью и уваженіемъ всѣхъ отъ нея зависящихъ. Памятно мнѣ ея простодушное смиреніе и ея доброе привѣтствіе. Она происходитъ изъ дворянъ здѣшняго края и владѣла въ окружности небольшимъ помѣстьемъ. Середи инокинь, нашедшихъ здѣсь убѣжище отъ міра, встрѣчаются имена многихъ знатныхъ фамилій. Въ разговорѣ и пріемахъ слышенъ нерѣдко отзывъ блестящаго свѣтскаго воспитанія. Отсюда вышла Игуменья Ѳеофанія Готовцева, правящая дѣвичьей обителью на берегахъ Невы. Монастырь устроенъ на правилахъ общины, подобно Алексѣевскому дѣвичьему въ Арзамасѣ. Не льзя довольно налюбоваться на чистоту трапезы, въ которой храмъ посвященъ Св. Кириллу Новоезерскому, на благоустройство хлѣбни и поварни. Вездѣ виденъ строгой и дѣятельный надзоръ хозяйки обители. Здѣсь опрятности и порядку могло бы поучиться всякое общественное заведеніе.

Разныя женскія рукодѣлія процвѣтаютъ въ монастырѣ, и во всѣхъ замѣтенъ вкусъ. Нигдѣ не видалъ я такой прекрасной ризницы, какъ здѣсь. Можетъ быть, конечно, великолѣпнѣе, богаче жемчугами и драгоцѣнными камнями, какъ на примѣръ въ Московскихъ соборахъ и древнихъ монастыряхъ; но едва ли гдѣ можно найти болѣе изящества во вкусѣ, въ выборѣ цвѣтовъ и украшеній. Здѣсь золото, серебро, жемчугъ, шелки, ткани — все покорилось благочестію самаго избраннаго вкуса женскаго. Всѣ эти ризы и воздухи и пелены — труды обители, и все это совершено подъ надзоромъ Игуменьи Маврикіи, которая 40 лѣтъ правитъ ею.

Мы взошли на колокольню, чтобы оттуда полюбоваться еще на окрестности, на цвѣтущіе берега Шексны, которая такъ здѣсь живописна въ своемъ луговомъ раздольѣ. Тучка собиралась вдали, но солнце сіяло еще во всемъ своемъ великолѣпіи и жаркими лучами золотило всю картину рѣки, полей и безконечной зелени.

На возвратномъ пути въ Кирилловъ, мы вышли изъ тарантаса у подошвы горы Мауры, на которую надобно же было непремѣнно взойти, чтобы здѣсь помянуть Преподобнаго Кирилла. Здѣсь совершилось въ очью его видѣніе. Отсюда узрѣлъ онъ впервые мѣсто, назначенное ему Богоматерью для обители. Перелѣскомъ, довольно частымъ, по узкой тропинкѣ, пробирались мы до вершины горы. Дождикъ крупными каплями падалъ на насъ, но когда мы взошли на вершину, онъ прекратился.

Здѣсь открылось мнѣ одно изъ тѣхъ великолѣпныхъ зрѣлищъ природы, которыя хотя видишь разъ, но они врѣзываются неизгладимыми чертами въ воображеніи. Италія и Швейцарія, Аппенины и Альпы, много угощали меня своими видами; но признаюсь, есть мгновенія природы въ нашемъ разнообразномъ Отечествѣ, которыя не уступятъ въ красотѣ Аппенинскимъ и Альпійскимъ, хотя имѣютъ совершенно другой характеръ.

Кругозоръ обнималъ безконечное пространство во всѣ стороны, на нѣсколько десятковъ верстъ. Полноводная Шексна съ своими извивами, которыми любовался я съ колокольни Горицкой, составляла здѣсь одну только малую часть чуднаго зрѣлища. Къ тому же ее украшала и обитель съ своими церковными главами. Часть неба съ правой стороны была одѣта тучей; въ ней гудѣлъ отдаленный громъ, и она скрывала еще огромное пространство. Но весь горизонтъ къ Кириллову монастырю освѣщался уже солнцемъ, въ самомъ блистательномъ его закатѣ. Озеро Сиверское во всю свою пятиверстную длину, голубое и подернутое сильною рябью отъ протекшей грозы, растилалось внизу и казалось еще меньшею частію картины, нежели извивы Шексны. Стѣны монастыря и его башни, осѣненныя золотыми главами 11-ти храмовъ, стояли снѣгу бѣлаго въ солнечномъ освѣщеніи. Вдали, прямо за Сиверскимъ озеромъ, и вправо и влѣво отъ него, озёра безъ числа, какъ голубыя зеркала, или какъ отломки лазурнаго неба, далѣе какъ точки, а между ними ленты каналовъ и

рѣкъ, покрывали землю, которая то зеленѣла лѣсами, лугами и нивами, то желтѣла колосьями ржи, то бурѣла песчаными берегами, или холмами. Чѣмъ болѣе углублялся взоръ въ это пространство, тѣмъ безконечнѣе становилось зрѣлище.

Вершина горы, на которой стоишь, совершенно открыта. Здѣсь лежитъ огромный камень, какихъ встрѣчаешь много въ нашей сѣверной природѣ. На этомъ камнѣ означенъ слѣдъ ступни человѣческой. Народное преданіе говоритъ, что это слѣдъ ноги самаго Кирилла; что здѣсь-то, послѣ многихъ странствій по землямъ Бѣлозерскимъ, остановился онъ; что отсюда впервый разъ взоръ его достигъ того мѣста, котораго искалъ онъ для обители и въ которомъ наконецъ олицетворилось его святое видѣніе; что здѣсь, утомленный и восторженный, палъ онъ на землю со слезами благодарности къ Пречистой. Эти народныя воспоминанія о святомъ мужѣ, который 60-ти лѣтъ пришелъ сюда и здѣсь вооружился для новыхъ тридцатилѣтнихъ подвиговъ, освящали какою-то высшею благодатью тѣ прекрасныя чувства, которыя производило на меня самое зрѣлище. Никогда чувство изящной природы не бываетъ для насъ такъ полно и сладко, какъ въ то время, когда оно освящается благодатнымъ чувствомъ вѣры, и самое небесное чувство вѣры никогда не бываетъ въ насъ такъ живо, какъ въ тѣ минуты, когда нисходитъ до освященія земныхъ предметовъ, намъ болѣе доступныхъ и близкихъ, чѣмъ духовные. Въ книгахъ Кирилловыхъ я увидѣлъ, что онъ, хотя и совершалъ подвиги инока, но не чуждъ былъ стремленія разумно объяснять явленія природы. Здѣсь вершина горы Мау́ры убѣдила меня въ томъ, что онъ любилъ красоты Божія міра, какъ созданія благости и премудрости Божіей; что Вѣра не изгоняла въ немъ нисколько чувства изящной природы, а напротивъ освящала его высшимъ осѣненіемъ; что духовныя видѣнія его могли воплотиться въ земную лѣпоту созданія Божія, точно такъ, какъ чистыя, вдохновенныя мысли поэта или живописца воплощаются въ самое чистое, непорочное слово, въ самые дѣвственные образы Ангеловъ и Мадоннъ.

Не хотѣлось оторваться отъ этого зрѣлища. Но колоколъ монастырскій наканунѣ воскреснаго дня призывалъ ко всенощной. Мы поспѣшно поѣхали въ обратный путь. Миновавшая туча и заходящее солнце образовали чудную двойную радугу, которая ярко озарила все небо передъ нами и сіяла надъ монастыремъ, какъ небесные ворота. Невольно припомнилось здѣсь, что точно такая же радуга, яркая и полная, видная съ обоихъ концовъ, встрѣтила насъ, когда мы подъѣзжали къ Сергіевой Лаврѣ. Озеро лежало тише, ровнѣе и голубѣе, и монастырь стоялъ подъ радугой въ полномъ озареніи. Мы всѣ были очарованы этимъ зрѣлищемъ. «Какъ ни прытко ѣдешь, а все въ радугу не въѣдешь,» сказалъ извощикъ, оживленный небесною дугою.

Когда входили мы въ соборный храмъ Успенія, темный и едва освѣщенный немногими свѣчами, хоръ иноковъ пѣлъ: «Слава въ вышнихъ Богу—и на земли миръ, въ человѣцѣхъ благоволеніе». Этой хвалебной молитвой Церковь встрѣчаетъ свѣтъ земной точно такъ, какъ Виѳлеемскіе пастыри привѣтствовали ею рожденіе Свѣта небеснаго на землѣ. О когда-то сила этой церковной неумолкающей пѣсни будетъ понята между нами и отзовется глубоко въ душахъ человѣческихъ!

Конецъ вечера послѣ всенощной я провелъ въ пріятной бесѣдѣ съ отцомъ Ефремомъ, инокомъ обители. Свѣтское имя его было Андерсенъ. Онъ родомъ изъ Пруссіи, и перешелъ изъ Лютеранской вѣры въ нашу. Теноръ его пріятно раздается въ хорѣ иноковъ, которымъ онъ управляетъ. Придѣлъ Преподобнаго Кирилла расписываетъ онъ своею кистію. Вся братія не нахвалится его жизнію, смиреніемъ, духомъ любви и кротости. Когда исправлялъ онъ должность казначея, всѣ были довольны. Отецъ Ефремъ хорошо говоритъ по Русски; но ему пріятно было поговорить со мною и на родномъ его языкѣ. Предметомъ нашей бесѣды былъ въ особенности Ѳеофанъ, бывшій архимандритъ Кирилло-Новоезерскаго монастыря, который отличался даромъ

прозорливости. Всѣ окрестныя обители его уважали. Въ Горицкомъ монастырѣ записано житіе его и многіе примѣчательные анекдоты. Когда онъ пріѣзжалъ туда, вся обитель оживлялась какъ бы новою духовною жизнію. Лицо и глаза держалъ онъ обыкновенно склоненные внизъ, но когда поднималъ ихъ, то проникалъ ими насквозь.

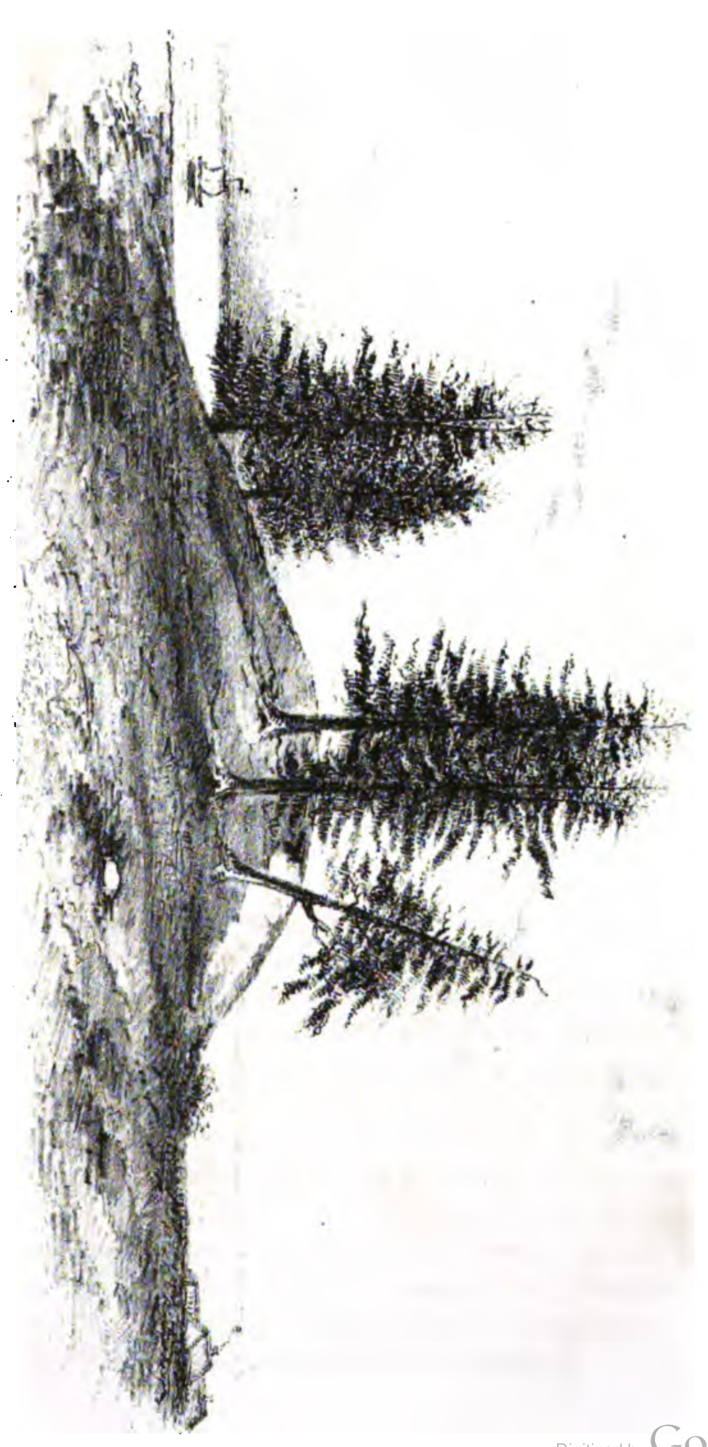
Отъ Кирилова до Бѣлозерска считается сорокъ верстъ. Ихъ раздѣляетъ одна станція Вогнема, послѣ которой тотчасъ переправа черезъ Шексну. До Вогнемы дорога весьма гориста. Извощики считаютъ девять горъ. На 11й верстѣ пропадаютъ изъ глазъ башни Кириллова. По бокамъ дороги видны озера: Шиггерское, Георгіевское и другія. За Вогнемой и Шексной дорога идетъ ровнымъ лѣсомъ. Съ какимъ-то нетерпѣніемъ ждешь Бѣлаозера — и вотъ не успѣлъ выѣхать изъ лѣсу, какъ оно забурѣло вдали. Глинистая почва и мелкое дно придаютъ ему этотъ цвѣтъ. Озеро не имѣетъ глубины болѣе трехъ саженъ. Почти всегда оно волнуется и покрыто бѣлою пѣною, чтò на морѣ зовется *баранами*. Отсюда, какъ думаютъ, и названіе Бѣлаозера. Длина его и ширина одинаковая 60 верстъ. «Всегда ли такъ бурлитъ ваше озеро?» спросилъ я извощика Онисима, малаго очень ловкаго и расторопнаго. — Оно всегда бурлитъ, отвѣчалъ онъ, но особенно тогда, когда чуетъ въ себѣ тѣло человѣческое: не успокоится до тѣхъ поръ, пока не выкинетъ его.—Таково видно повѣрье народное, а тѣлà въ озерѣ бывали часто. Бѣдныхъ бурлаковъ погибало много въ его буряхъ, пока не провели канала. Растительность къ берегамъ исчезаетъ; даже мало травы, не только кустарнику. Озеро, какъ маленькое море, распространяетъ вокругъ себя безплодіе. Вдали виденъ Крохинъ посадъ, у котораго вытекаетъ Шексна. Нить канала обозначена мачтами судовъ, которыя тянутся въ прямую линію до Бѣлозерска. По бурому полю озера, подернутому бѣлою пѣною, покачиваются кой-гдѣ съ боку на бокъ расшивы, или лодки-бѣлозерки, какъ называетъ ихъ пѣсня.

Отъ дороги поворотили мы влѣво къ городу. Версты за двѣ до него курганъ, довольно высокій, покрытый елями, и нѣсколько разрытый, останавливаетъ ваше вниманіе. На приложенномъ рисункѣ онъ снятъ вѣрно. «Что это у васъ за курганъ?» спросилъ я у Онисима. — «Здѣсь, сударь, говорятъ, лежитъ царь Синеусъ. Многіе дворяне останавливаются тутъ и прощаются съ нимъ. Какъ-то возилъ я Польскаго священника. Онъ выходилъ и плакалъ: это, говоритъ, здѣшній нашъ первый царь Синеусъ.»

Братъ Рюриковъ, Синеусъ на Бѣлѣозерѣ, далъ названіе этому кургану, который, какъ видно, слыветъ его могилою. Но лѣтопись ли тому причиною, или такъ было искони въ преданіяхъ народныхъ—рѣшить трудно. Народъ, впрочемъ, про Синеуса не знаетъ, а знаютъ только грамотные дворяне, по словамъ извощика.

Вотъ тѣ разсказы, которые собралъ я здѣсь на мѣстѣ. Мальчикъ говорилъ: «старики рыли и дорылись-было до сундука; да выѣхалъ изъ кургана солдатъ на конѣ и *испужалъ* ихъ: всѣ и разбѣжались. А гора опять засыпалась, какъ была.» Мужикъ постарше изъ сосѣдней деревушки разсказывалъ такъ: «рыли и дорыли до мосту — и вдругъ солдатъ на конѣ по горѣ *заиздилъ* (по здѣшнему нарѣчію). Всѣ и разбѣжались. Теперь бы народъ не разбѣжался: тронуть бы его, такъ бы и разсыпался.» Преданіе слышалъ мужикъ отъ своего отца. Я обращался къ 70-лѣтнему старику, самому старшему въ деревнѣ: онъ приходилъ ко мнѣ нарочно въ Бѣлозерскъ. По его варіанту, солдатъ на конѣ, испугавшій всѣхъ, выѣхалъ не изъ кургана, а изъ города, а потомъ вдругъ пропалъ, куда не замѣтили. Прибавилъ еще, что видали огонь на этомъ курганѣ, видали также рыбью шелуху и брали ее домой, а дома она превращалась въ деньги.

Весьма замѣчательно имя деревушки, лежащей почти насупротивъ этого кургана: *Росляково*. Она существуетъ съ незапамятныхъ временъ, испоконь вѣковъ, какъ говорятъ крестьяне. Другія деревни около нея не носятъ такихъ

замѣчательныхъ названій и должны быть уже новаго происхожденія. *Рослековъ* и *Росляковъ* починокъ встрѣчается въ грамотѣ 1551 года, которою Царь Иванъ Васильевичь пожаловалъ села, деревни и починки Корнильевой пустыни въ Вологодскомъ уѣздѣ. Синеусовъ курганъ, Бѣлоозеро и старинное имя деревни Рослякова напомнили невольно Рослагенъ (Rodslagen). Такъ назывались гребныя общины моряковъ Норманнскихъ. Названіе Рослагенъ сохранилось въ Швеціи для означенія берега, который они занимали. Не сохранилось ли оно и здѣсь, и передѣлалось послѣ въ Росляково, по обычаю нашему все чуждое превращать въ свои родные звуки?

Народныя преданія, окружающія этотъ курганъ, внушили поэту, моему спутнику, стихотвореніе. Я помѣщаю его здѣсь, какъ прекрасную память тѣхъ взаимныхъ удовольствій, которыя доставляло намъ дружелюбное сообщество въ нашей поѣздкѣ.

Синеусовъ курганъ на Бѣлъозерѣ.

Курганъ Бѣлозерскій я видѣлъ и тамъ
Сидѣлъ на вершинѣ; шумѣли кругомъ
Колосья, какъ волны катясь по полямъ,
Мѣшаясь то съ синимъ цвѣткомъ-василькомъ,

То съ куколемъ краснымъ; вилась предо мной
Дорога что̀ лента межъ нивъ и полей,
Брели пѣшеходы усталой толпой
И тройка лихая скакала по ней....

Околица вправо.... село и гумно....
Село искони Росляковымъ зовутъ —
Названье такое недаромъ дано....
Постой-ка, чего не случилось-ли тутъ?

Вонъ Бѣлое-озеро плещетъ вдали,
Качая расшивы на бурыхъ валахъ....
Когда-то Варяги оттуда пришли....
Я вспомнилъ невольно о тѣхъ временахъ,

Какъ праотцы наши Словѣни - народи
Изгнаша Варяги и сами в собѣ
Почаша владѣти и быста родъ на родъ,
Усобицѣ быша и правды не бѣ.

И шедше Словѣни к Варягомъ в совѣтъ,
Рекоша: обилна вся наша земля,
А нѣтъ в ней наряда и правды в ней нѣтъ:
Идите к намъ княжить. И роды своя

Пояша и шедше г҃ брата изъ Русъ
По праву судити в Словѣньскихъ земляхъ,
Старѣйшій бѣ Рюрикъ, другій Синеусъ,
А третій Изборьстѣ Труворъ. И ѿ тѣхъ

Въ Словѣнехъ Варяжескъ начашеся родъ,
Понеже Варязи пришельцы тѣ суть,
И Русь наречеся земля и народъ,
А прежде бо бѣша Словѣни и Чюдь.

И брани взгремѣли! Извѣдалъ сосѣдъ
Ихъ мечь и лихой шестоперъ-буздыганъ....
Но вотъ прокатилася тысяча лѣтъ....
Не стало героевъ.... чтожъ этотъ Курганъ?

Могила онъ что-ли? Откуда возникъ?
Какъ сторожъ безсмѣнный окрестныхъ полей
Стоитъ. Разскажи-ка, послушай, старикъ,
Откуда онъ взялся? Не знаешь-ли, чей?

«Не знаю я, баринъ, про то ничего,
Но помню, когда еще коней держалъ,
Провезъ господина я здѣсь одного,
Такъ онъ у кургана съ телеги слѣзалъ,

Здоровался съ нимъ и прощался; потомъ
Сказалъ, что какой-то подъ нимъ Синій-Усъ
Лежитъ, а допрежъ мы не знали о томъ,
И больше разсказывать я не берусь!

А было однажди.... да этого знать
Не длячa! — мой бачка разсказывалъ мнѣ,
Что міромъ курганъ принимались копать,
Да выскочилъ, видишь, солдатъ на конѣ, —

И всѣ разбѣжались: народъ.... не того....
Былъ въ тѣ-поры больно пужливъ и смирёнъ;
Тронуть-бы солдата, такъ мигомъ его
Не стало бы — вотъ что! разсыпался бъ онъ!

Еще, говорятъ, приходилось видать,
Что рыбьей накидано тамъ шелухи;
Кто горстку ухватитъ, ужъ дома-то, глядь,
Посыпались деньги.... такіе грѣхи!

Все Синяго-Уса проказы, я чай!
Вотъ, батюшка, только сказать я могу!
Девятый десятокъ живу почитай,
Что́ слышалъ, то слышалъ, скажу не солгу!»

Такъ вотъ-что́ узналъ я! Спасибо, старикъ!
И думой глубокой внезапно объятъ,
Челомъ я къ могилѣ-кургану приникъ —
И мнилось: былое вернулось назадъ;

Иная, чужая мнѣ слышалась рѣчь,
И стоны, и вздохи родимой земли,
И — чудилось — мечъ ударялся о мечъ,
И озеро-море гудѣло вдали....

И обокъ съ Князьями я въ битвы летѣлъ,
По мшистымъ болотамъ, по льдамъ и снѣгамъ,
Туда, на полуночь, гдѣ свѣта предѣлъ,
И дивныя дивы мы видѣли тамъ:

Въ странахъ полунощныхъ, во мракѣ густомъ,
Кишѣла Печòра, Югрà, Самоядь,
Народы, чтò молвятъ инымъ языкомъ,
Егожъ Новгородцы не могутъ понять;

И высится тамъ за горою гора,
И въ море лукою тѣ горы идутъ;
И слышно тамъ говоръ и стукъ топора:
То гору они топорами сѣкутъ;

Ни много, ни мало — три тысячи лѣтъ
Сѣкутъ они гору, чтòбъ высѣчись вонъ,
Но сдвинулись горы и выходу нѣтъ,
И Господомъ Богомъ запретъ положòнъ,

Полòженъ запретъ и гора заперта,
И трое поставлено крѣпкихъ воротъ:
Свинцовы, желѣзны, мѣдяны врата,
И пламя не жжетъ ихъ, и мечъ не беретъ!

И мнилось: туда мы съ Князьями пришли,
И въ мѣдны вороты я грянулъ мечомъ....
Но вмигъ все исчезло.... лишь волны вдали
Шумѣли.... и снова сèло за гумномъ

Мелькнуло.... и снова курганъ предо мной....
Вилася дорога межъ нивъ и полей,
Брели пѣшеходы усталой толпой
И тройка лихая скакала по ней....

По описанію Бѣлозерска 1676 года мы знаемъ, что въ то время была тамъ одна только каменная церковь во имя Успенія Пресвятыя Богородицы, которая строена при Грозномъ въ 1574 году; соборная же была тогда деревянная, а каменную еще строили. При Екатеринѣ въ городѣ было каменныхъ церквей въ предмѣстіи 12 и деревянныхъ 2. Нынѣ же каменныхъ церквей считается всего 18 и деревянная 1. Вотъ лучшее доказательство тому, чтò

сдѣлало въ Россіи распространеніе промышленности разнаго рода. Благолѣпіемъ своихъ безчисленныхъ каменныхъ храмовъ Россія обязана времени послѣ Петрова періода. Но начало Вѣры, которое двигало эту промышленность на служеніе Богу, Россія вынесла изъ древней жизни. Всюду, гдѣ это святое начало приходило въ согласіе съ новымъ развитіемъ, государственнымъ или ученымъ, художественнымъ или промышленнымъ, плоды этого соединенія были прекрасны. Великолѣпіе нашихъ городовъ, состоящее всего болѣе въ храмахъ златовѣнчанныхъ, очевидное свидѣтельство этой истинѣ.

Соборная церковь во имя Спаса Преображенія находится внутри рубленой сыпи или весьма высокаго вала, который извѣстенъ намъ уже по описи, расположенъ на четыре угла и простирается вокругъ на 550 саженъ съ $^1/_2$. Оставлены промежутки для воротъ, какъ можно видѣть на приложенномъ рисункѣ, изображающемъ храмъ соборный съ частію вала. Соборъ внутри передѣланъ былъ въ 1801 году. Мѣстныя иконы, въ древнемъ стилѣ, писалъ Андрей Ярославскій. Осталось нѣсколько древнихъ иконъ, наиболѣе чтимыхъ народомъ, какъ напримѣръ Кириллъ Новоезерскій съ чудесами. Но всѣ украшенія храма, колонны, изваянные Ангелы, изваянный Моисей, напоминаютъ время Митрополита Платона и особенное вліяніе западнаго церковнаго вкуса этихъ временъ.

Въ народѣ есть преданіе, что древнѣйшая церковь города — деревянная, во имя Ильи Пророка, которая находится при выѣздѣ въ заставу, по дорогѣ къ Кириллу Новоезерскому. Народъ чрезвычайно уважаетъ ее и считаетъ ей тысячу лѣтъ, тогда какъ причетъ полагаетъ 140. Въ описи города Бѣлозерска я ея не нашелъ, слѣд. мнѣніе причта справедливо. Но все-таки церковь замѣчательна своими древними иконами и древнимъ устроеніемъ. Трапеза отъ церкви отдѣлялась большими разрисованными дверями, которыя растворялись во время богослуженія и затворялись послѣ литургіи, когда совершалась трапеза. Народъ еще

помнить, что міръ приносилъ причту все нужное для обѣда. Я видѣлъ эти трапезцыя двери, или точнѣе сказать, ворота, по ихъ широтѣ. Но и онѣ были сняты съ петель. Новизна забралась и сюда, и церковь уже подновлялась усердіемъ доброхотнаго дателя.

Преданіе, что храмъ во имя Иліи Пророка есть самый древній, встрѣчалъ я въ народѣ не разъ, какъ замѣчено мною и прежде. Оно основано па глубокомъ благоговѣніи, которое народъ питаетъ къ Св. Иліи Пророку. Иные, несправедливымъ образомъ, объясняли это благоговѣніе изъ той причины, что народъ свои понятія о языческомъ Перунѣ перенесъ на Илію Пророка. Нѣтъ, народъ нашъ внимателенъ къ тому, что̀ воспѣваетъ и чему учитъ Церковь. Въ кондакѣ Пророку говорится, что онъ своимъ вѣщаніемъ уставилъ водоточныя облака. Въ Апостолѣ, который читается въ день его праздника, сказано: «Иліа человѣкъ бѣ подобострастенъ намъ, и молитвою помолися, да не будетъ дождь: и не одожди по земли лѣта три и мѣсяцъ шесть. И паки помолися, и небо дождь даде, и земля прозябе плодъ свой.» (Іакова Посл. гл. 5, ст. 17 и 18). Въ Евангеліи же Самъ Спаситель говоритъ объ немъ: «По истинѣ же глаголю вамъ: многи вдовицы бѣша во дни Иліины во Исраили, егда заключися небо три лѣта и мѣсяцъ шесть, яко бысть гладъ великъ по всей земли: и ни ко единой ихъ посланъ бысть Иліа, токмо въ Сарепту Сидонскую къ женѣ вдовицѣ.» (Лук. гл. 4, ст. 25 и 26). Народъ въ глаголѣ Церкви слышитъ, что Илія имѣлъ силу молитвою затворить небо на три года съ половиною и тою же молитвою отворить его. Праздникъ совершается въ рабочую пору, когда возбуждены всѣ интересы народа, основанные на плодородіи земли. Не смотря на то, онъ никогда въ этотъ день не выйдетъ на работу, считая великимъ грѣхомъ не почтить того Святаго, котораго молитва такъ была сильна въ дѣлѣ хлѣбопашца.

Мнѣ случилось въ Волжскихъ губерніяхъ слышать притчу *объ Ильѣ великомъ и Николѣ милостливомъ*, въ ко-

-торой разсказанъ весь рабочій годъ Русскаго мужичка, совершающійся подъ вліяніемъ двухъ силъ. Илья великій полагаетъ ему препятствія въ его трудахъ, посылаетъ градъ и засуху, а Никола милостливый отвращаетъ отъ него всѣ эти несчастія.

Бѣлозерскъ чрезвычайно оживленъ новымъ каналомъ, который проведенъ черезъ весь городъ и находится между имъ и озеромъ. Судоходство по Бѣлуозеру сопряжено было съ ужасными затрудненіями. Противные вѣтры вовсе его останавливали, — и суда должны были дожидаться попутнаго въ Шекснинской пристани, у Крохина посада. Правда, что сила озера, въ случаѣ благопріятнаго вѣтра, такова, что никакимъ каналомъ замѣнена быть не можетъ. Но эта сила подвержена перемѣнамъ случая, которыя надобно было удалить. Послѣднее сдѣлалъ каналъ. Суда теперь входятъ въ него, совершаютъ путь медленный, но безопасный, народъ не гибнетъ и не страдаетъ.

Каналъ проведенъ на 63 версты въ длину; отъ 3-хъ до 4-хъ аршинъ глубина его; ширина 12 аршинъ. Подъемный мостъ Бѣлозерскій начатъ строеніемъ въ 1845, а оконченъ въ 1846 году. Водоспускъ Бѣлозерскій также. Между ними разведенъ бульваръ, усаженный кустами и цвѣтами. Середи бульвара обелискъ на трехъ гранитныхъ ступеняхъ. Читаемъ надпись на бронзовой доскѣ; съ одной стороны: «Бѣлозерскій каналъ сооруженъ повелѣніемъ Государя Императора Николая Павловича въ 1846 году»; вверху корона и орелъ; съ другой стороны: «каналъ сей сооруженъ въ управленіе путями сообщенія и публичныхъ зданій Генералъ-Адъютанта Графа Клейнмихеля».

При насъ подымали мостъ, и прошла грузная коломенка или колуменка, какъ ее здѣсь называютъ, которую легко тянули три человѣка. Въ каналѣ и пристани зимовало 1,500 судовъ, а теперь въ пристани стояло 300 съ саломъ и съ хлѣбомъ. Площадь Бѣлозерска наполнена была бурлаками, которые ждали наемщиковъ. Я спросилъ ихъ объ каналѣ. Памятно мнѣ слово ихъ: «работы больше,

5*

заботы меньше.» Разумѣется, безопасное судоходство умножило работу, потому что возбудило болѣе охоты. И работа бурлацкая не такъ стала дорога, потому что легче. Теперь идутъ на 8 цѣлковыхъ, чего прежде не бывало.

Пріятно гулять вдоль канала и по пристани. Городъ оживленъ. Встрѣчаешь лица, озабоченныя торговыми оборотами. Есть какое-то движеніе промышленности, столь рѣдкое въ нашихъ городахъ.

Мы остановились въ гостинницѣ, принадлежащей монастырю Кирилла Новоезерскаго. Комнатки чистыя, опрятныя; но обѣда надобно искать въ другомъ мѣстѣ. Просилъ, чтобы указали мнѣ на лучшій трактиръ въ городѣ. Думалось, что движеніе торговли и слава Бѣлозерской рыбы дадутъ средство хорошо отобѣдать. Но не сбылось ожиданіе. Мы взошли въ деревянный домикъ, который обѣщалъ что-то снаружи. Заказали обѣдъ. Въ нетерпѣливомъ ожиданіи слушали, какъ толстый и грубый трактирщикъ прижималъ бѣднаго бурлака, который принесъ къ нему размѣнять бумажку въ 25 руб. серебромъ. Размѣнять тутъ только и можно. Но надобно непремѣнно чтó-нибудь выпить у трактирщика и кромѣ того, заплатить ему промѣнъ неслыханный, да еще получить отъ него слѣпой мѣлочи. А какъ быть бѣдному бурлаку? Только одинъ трактирщикъ въ городѣ и мѣняетъ деньги.

Наружность хозяина не обѣщала и намъ счастливой участи. Предчувствіе сбылось. Курица въ супѣ и битая говядина, не помнили лѣтъ своихъ. Въ виду чуднаго Бѣлоозера, славнаго рыбою, мы должны были съ голода ѣсть несвѣжую судачину, и все это увѣнчалось непомѣрнымъ счетомъ, въ которомъ каждая порція стóила восемь гривенъ. Извѣстная пословица: дорого да мило! превращалась здѣсь въ другую: дорого и скверно!

Промышленность Бѣлозерска видно не развила здѣсь потребности поѣсть, хотя не роскошно, но, покрайней мѣрѣ, безъ отвращенія. Вообще, кстати сказать о здѣшнемъ краѣ, въ отношеніи къ удовлетворенію первой физической

необходимости человѣка. Можно испытать въ немъ ощущеніе, подобное Танталову. Кругомъ видишь безконечныя пространства водъ: здѣсь и Шексна славная стерлядями, и напоминающая стихъ Державина:

«Шекснинска стерлядь золотая;»

и Бѣлоозеро, котораго имя соединено съ понятіемъ о вкусныхъ снеткахъ, а стерляди красуются въ гербѣ подъ серебряною луною; здѣсь множество другихъ озеръ и рѣкъ, конечно, изобильныхъ рыбою. А между тѣмъ нигдѣ, ни за какія деньги, вы ея не достанете. Вся, говорятъ, ушла въ глубину, или въ Москву, или на сѣверъ. Въ самомъ же краѣ потребности нѣтъ. Довольствуются соленымъ прошлогоднимъ лещикомъ, которымъ и васъ подчуютъ и который возбуждаетъ въ васъ жажду, а утолить ее нѣчѣмъ. Даже и въ монастыряхъ, на́ день отопрется садокъ, чтобы покормить васъ свѣжею ухою, не богатою, но покрайней мѣрѣ, не противною, — да и только.

Не́чего сказать: не жаденъ народъ Русской; онъ лучше насъ, испорченныхъ привычками цивилизаціи. Летаетъ вокругъ него дичь: — онъ не бьетъ ея и даетъ ей летать полную волю. Гуляетъ вокругъ него рыба въ рѣкахъ и озерахъ: — не ловитъ онъ ея и довольствуется скудною и безвкусною пищей. Развѣ промыселъ заставитъ его достать всего этого для другихъ, а самому ему какъ будто ничего не надобно. Онъ свободенъ отъ всякой прихоти, слѣд. онъ свободнѣе каждаго изъ насъ, имѣющаго ихъ тысячи.

Было воскресенье и день прекрасный. Вечеромъ красавицы Бѣлозерскія гуляли по высотѣ земляной насыпи. Гулянье очень живописно, въ виду Бѣлаозера, при заходящемъ солнцѣ. Жаль, что не людно, но было еще люднѣе обыкновеннаго, потому что толпы любопытныхъ привлечены были къ вечеру ожиданіемъ Губернатора, осматривавшаго уѣздъ. Его ждали въ присутственныхъ мѣстахъ, которыя находятся, внутри вала, недалеко отъ Собора, на мѣстѣ прежней воеводской канцеляріи.

Бѣлозерскъ славится прекрасными женщинами. Слава эта ведется издревле. Іоаннъ Грозный, будучи въ Бѣлозерскѣ, замѣтилъ красоту его женщинъ, и слова, которыя сказалъ онъ въ домѣ купца Ширяева, гдѣ останавливался, передаются изъ рода въ родъ: «у васъ бабы-то хороши.» Домъ Ширяевыхъ и теперь славится въ Бѣлозерскѣ сохраненіемъ старинныхъ обычаевъ и преданій, и показываетъ, какъ слышалъ я, грамоту о льготахъ, дарованныхъ ему Грознымъ по случаю его пребыванія.

При въѣздѣ въ городъ, я встрѣчалъ красивыя лица крестьянокъ, отличавшіяся чертами тонкими и нѣжными. Гулявшія по валу купеческія дочки не обнаруживали того же. Бѣлила и румяна служили тому главнымъ препятствіемъ. При томъ же платья новаго фасона, длинные платки и длинныя за локоть перчатки, показываютъ вліяніе городскихъ модъ на здѣшнихъ горожанокъ. Но здѣсь есть и свой, незаемный обычай: носить блестящія короны на головахъ. Онѣ очень красивы. Я купилъ такую. Прилагаемый рисунокъ познакомитъ съ головнымъ уборомъ здѣшнихъ женъ, Бѣлозерскаго изобрѣтенія. Обычай носить ихъ введенъ не болѣе десяти лѣтъ. Но эти уборы надѣваютъ только по большимъ праздникамъ. Прекрасныя женщины въ Русскихъ сарафанахъ и въ такихъ коронахъ на высокомъ валу, съ котораго такъ хорошо могъ бы обрисовываться стройный станъ женскій и красивый нарядъ: картина достойная кисти художника. Много чудныхъ мотивовъ эстетическихъ въ нашей народной жизни, но что-то мѣшаетъ ихъ совершенному художественному исполненію.

Красота человѣка, даже и та, которая дается ему отъ природы, зависитъ отъ его образованія, обычаевъ, воспитанія, предразсудковъ — и потому такъ измѣнчива. Но красота міра Божія за то неизмѣнна никогда. Съ Бѣлозерскаго вала я любовался дивнымъ захожденіемъ солнца, которое въ полномъ блескѣ, по безоблачному небу, скатывалось въ волны Бѣлаозера. Я здѣсь испыталъ впечатлѣніе морское, подобное тому, какое случилось мнѣ принять на Средиземномъ морѣ, съ острова Искіо, да на Сѣверномъ съ парохода. Солнце, спускаясь къ волнамъ, лишается лу-

чей и становится на небосклонѣ раскаленнымъ мѣднымъ шаромъ. Между тѣмъ какъ свѣтъ постепенно исчезаетъ на озерѣ и на всѣхъ предметахъ, свѣтило совершаетъ чудныя превращенія. Шаръ, опустившись концомъ въ воды, перешелъ въ огненный куполъ, котораго линіи въ Италіи напоминали мнѣ куполъ Св. Петра. Вотъ, черезъ нѣсколько секундъ, огненная Бѣлозерка качается на волнахъ озера! Вотъ словно зажженная кадильница! Вотъ огонекъ, вдали угасающій! Вотъ тлѣющій уголь — и онъ потухъ — и все кругомъ внезапно измѣнилось въ цвѣтѣ.

Женевцы называютъ свое озеро, берега котораго въ ширину вездѣ ярко видны, океаномъ въ миніатюрѣ. Бѣлозерцы имѣли бы гораздо большее право такъ назвать свое озеро, потому что на берегахъ его вы встрѣчаете впечатлѣнія, подобныя морскимъ.

Въ такомъ городѣ, какъ Бѣлозерскъ, всѣ, безъ вѣдомостей, знаютъ о пріѣздѣ новаго человѣка. Это обстоятельство послужило мнѣ къ счастію. Василій Ивановичь Надпорожскій, Секретарь Городоваго Магистрата, знакомый съ современною литературою и охотно занимающійся древностями, посѣтилъ меня и доставилъ мнѣ нѣсколько любопытныхъ свѣдѣній о Бѣлозерскѣ, и нѣсколько письменныхъ документовъ. Относительно города есть древнее лѣтописное повѣствованіе о томъ: какъ поставлена была первая соборная церковь во имя Василія Неокесарійскаго на истокѣ Шексны рѣки, тамъ, гдѣ былъ древній городъ Бѣлозерскъ, и какими чудесами уничтожены были береза и камень, гдѣ язычники приносили жертвы; далѣе, какъ княжилъ на Бѣлѣозерѣ, во время Татарскаго нашествія, сынъ Василія Константиновича Ростовскаго, Князь Глѣбъ Васильевичь, братъ Бориса Ростовскаго, и похороненъ былъ въ той же соборной церкви; какъ, при Великомъ Князѣ Василіи Іоанновичѣ, Бѣлозерцы, по его указу, переселились съ Шексны рѣки въ Карголовъ городъ, и церкви и посады поставили. Это краткое сказаніе о Бѣлозерскѣ существуетъ здѣсь, рукописное, и сопровождается канонами и молитвами, чтимымъ окрестнымъ чудотворцамъ: Иро-

діону Илоезерскому, Кирилламъ Бѣлозерскому и Новоезерскому, Нилу Сорскому, равно и описаніемъ чудесъ ихъ.

Самый любопытный документъ, доставленный мнѣ Г. Надпорожскимъ, есть письмо купца Якова Чиликина, очевидца пребыванія Французовъ въ Москвѣ, къ Григорью Петровичу Вонифатьеву, помѣщику Бѣлозерскаго уѣзда. Я помѣщаю все это письмо, и надѣюсь, что оно займетъ моихъ читателей. Исправлена только ореографія, а слогъ остался тотъ же.

Письмо Якова Чиликина о пребываніи Французовъ въ Москвѣ.

Получено Января 2 ч. 1813 года.

Москва 13-го Ноября, 1812 года.

Милостивый Государь, Григорій Петровичъ!

Я думаю, что вы почитаете меня уже въ числѣ мертвыхъ; я и самъ не понимаю, какъ остался въ живыхъ, бывши у тысячи смертей; но видно еще не назначено судьбою, чтобъ лишился жизни отъ рукъ скверныхъ Французовъ, и Богъ, защититель правовѣрныхъ, спасъ меня. Я вамъ опишу подробно о себѣ съ самаго того времени, какъ выѣхалъ отъ Макарья, ибо я къ вамъ писалъ оттуда, а болѣе не писалъ. — По окончаніи макарьевской ярмонки, 11-го Августа, я выѣхалъ съ И. Г. Двойнишниковымъ, на протяжной тройкѣ; 17-го числа пріѣхали во Владиміръ, гдѣ непріятные слухи въ разсужденіи военныхъ дѣйствій — и обозы экипажей съ господами, коихъ ежедневно проѣзжало изъ Москвы по тысячѣ, нѣсколько обезкуражили, и мы не знали, на что̀ рѣшиться: ѣхать или нѣтъ; — признаю̀сь, мое желаніе было, каковы бы обстоятельства ни были, но чтобъ непремѣнно ѣхать, хотя на короткое время, но И. Григор. не согласился, и мы остались оба. — Квартиру имѣли на большой улицѣ, и прожили тутъ 8 сутокъ; вы представить себѣ не можете, какъ терзался я душевно во все наше прожитіе тутъ! Обозы экипажей, наполнен-

ныхъ дамами, между прочимъ однакожь довольно было и кавалеровъ; встревоженный народъ, который не зналъ, за что приняться, ходитъ толпами, толкуя и сами не зная что, правильно или нѣтъ, но всякой судилъ по своему. Подойдите къ одной толпѣ, услышите то, у другой другое, у третьей третье, и такъ: что толпа, то разное сужденіе, но все объ одномъ; съ другой стороны, въ это время былъ наборъ ратниковъ, съ десяти одного. Какая печальная и жалостная картина! съ утреннею зарею начинается концертъ, но концертъ таковъ, что всякаго трогаетъ до слезъ; партіями гонятъ ихъ, одна за другою къ пріему, которыя препровождаются отцами, матерями, женами и родственниками, и вотъ тѣ самые пѣвчіе, которые продолжаютъ во весь день концерты и во все наше тамъ пребываніе. Все сіе вскружило намъ головы. Наконецъ, привыкши уже къ таковой сценѣ, намъ казалось какъ обыкновеннымъ, и я сталъ вызывать И. Г. къ выѣзду въ Москву, или до коихъ мѣстъ доѣдемъ; онъ былъ согласенъ, и мы 24-го ч. поутру выѣхали изъ Володиміра въ Москву, пріѣхали на зарѣ 26-го ч. Августа; я присталъ квартирою въ Ипатьевскомъ переулкѣ къ И. А. Колесову; напившись чаю, пошелъ къ Кожевникову, звоню въ колокольчикъ, выходитъ мальчикъ, которому говорю, чтобъ доложилъ обо мнѣ Петру Ивановичу; онъ уходитъ, и чрезъ минуту возвратившись сказалъ: что дочь его чрезвычайно нездорова да и самъ также, притомъ же и не время заняться; и я принужденъ идтить обратно, и такимъ образомъ навѣщалъ его каждый день, но съ одинаковымъ успѣхомъ; наконецъ 30-е ч. пошелъ съ намѣреніемъ непремѣнно увидѣться съ нимъ; прихожу, но онъ въ это утро уѣхалъ изъ Москвы, со всѣмъ семействомъ, и я принужденъ остаться, не видавшись съ нимъ, наконецъ рѣшился и самъ ѣхать во Владиміръ. — И. А. Колесовъ выѣхалъ изъ Москвы 1-го Сентября, а я остался съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобъ изготовившись, выѣхать во вторникъ, т. е. 3-е ч., и такъ я субботу, воскресенье и понедѣльникъ ходилъ по Москвѣ и рядамъ, но видъ болѣе походилъ на воинственный, нежели какъ въ спокойное

время; вездѣ по улицамъ только и видно что солдаты, и въ эти дни все шла наша армія чрезъ Москву цѣлыми дивизіями, а особенно въ понедѣльникъ; съ самаго утра шла во весь день; я подумалъ, что и мнѣ здѣсь оставаться было не для чего, и за непремѣнное положилъ, чтобъ выѣхать поутру на другой день, но какъ я остался въ квартирѣ одинъ, только съ прикащикомъ И. А. К., то сидѣть дома показалось скучно; я поутру выхожу, иду по набережной, прохожу на Смоленской рынокъ, откуда шла наша армія; посидѣвъ тутъ, и посмотрѣвъ, какъ наши солдатушки и ратники шли, лавки и кабаки ласкали, пошелъ въ Кремль; прохожу мимо Коменданта къ старому Арсеналу, вижу множество народу толпится около онаго; я подхожу, спрашиваю причину; мнѣ говорятъ, что позволено всякому сколько угодно брать орудія, а за припасомъ приходить на другой день, т. е. 3-е ч. Съ прочими и я продрался, взялъ 2 ружья, и 2 сабли, но для чего? право и самъ не знаю, принесъ на квартиру; послѣ обѣда вздумалось мнѣ еще сходить въ Арсеналъ выбрать пару пистолетовъ. Проходя по набережной, остановился у москворѣцкаго моста посмотрѣть на конницу, которую офицеры начали поторапливать къ скорому маршу; я подбѣжалъ къ одному офицеру, спрашиваю: далеко ли непріятель, и куда они идутъ? онъ сказалъ, что непріятель за 6 верстъ и направленіе взялъ въ сторону, а мы идемъ ему на встрѣчу, и увѣрялъ, что Французу никогда не бывать въ Москвѣ: — это нѣсколько насъ покуражило; и я, тутъ простоявъ до 3-хъ часовъ пополудни, пошелъ въ Арсеналъ, вхожу въ оной, выбираю саблю и пару пистолетовъ, вдругъ сдѣлался выстрѣлъ изъ пушки у самаго Арсенала, и за онымъ послѣдовалъ другой. Народъ пришелъ отъ сего въ крайнее волненіе; я бросился на дворъ; народъ бѣгаетъ взадъ и передъ; между ими и козаки на лошадяхъ также не знали, куда дѣться; прибѣгаю къ воротамъ, но чтожъ вижу? Французская конная гвардія летитъ, какъ на крыльяхъ, мимо Комендантскаго дома и насъ, къ Никольскимъ воротамъ; вообразите, въ какомъ положеніи мы находились! Я такъ испугался,

что руки и ноги задрожали, чрезъ великую силу добрался къ уголку воротъ; тутъ еще сдѣланъ выстрѣлъ изъ пушки съ нашей стороны: опомнившись немного, отошелъ отъ стѣны., и вижу двухъ смѣльчаковъ изъ солдать съ ружьями, стрѣляющихъ въ Французовъ, а прочіе кричали: ура! ура! но Французы не оставляли своего порядка, скакали съ обнаженными саблями мимо насъ, и не смотря на дерзость нашихъ двухъ солдатъ, не сдѣлали ни одного выстрѣла противъ насъ. Нѣкоторые изъ нашихъ зачали говорить, что они насъ не тронутъ; я, понадѣясь на сіе, вышелъ было изъ воротъ и пошелъ на уголъ, чтобъ пробраться въ Никольскіе ворота, и не успѣлъ отойтить 10 саженъ, какъ одинъ Французскій офицеръ выскочилъ изъ за угла (гдѣ бы мнѣ должно было иттить) за нашимъ Русскимъ, который бѣжалъ ко мнѣ на встрѣчу съ ружьемъ, нагналъ его и изрубилъ; я, увидѣвъ сіе, не помню, какъ добрался опять до воротъ; видя, что смерть неизбѣжная, не знаю что̀ дѣлать, однако опамятовавшись отъ такого испуга, побѣжалъ во внутренность Арсенала, положившись на власть Божію,. но не успѣлъ вбѣжать до половины лѣстницы, какъ послѣдовалъ опять ударъ изъ пушки; я оглянулся, дымъ застлалъ весь проходъ въ вороты: это, видно, уже Французы были очень раздражены нашими пьяными смѣльчаками, что такого пустили въ насъ фолканета; признаюсь, я болѣе въ не силахъ былъ иттить, и мысль, что Французы, заставши насъ въ такомъ мѣстѣ, гдѣ брали орудія, чтобы поднять оное противу ихъ, не выпустятъ ни одного живаго, а изрубятъ или перестрѣляютъ до одного, приводила меня въ отчаяніе, которое, однакожъ, нѣсколько придало силъ для спасенія жизни; собираюсь съ духомъ, бѣгу во внутренность Арсенала, народъ въ ономъ бѣгаетъ взадъ и впередъ, ища каждый своего спасенія, но не́гдѣ, вездѣ могутъ найтить, да и оставаться въ такомъ мѣстѣ нѣтъ никакого резона; — я бросился съ нѣкоторыми къ окошку, къ единственному спасенію своей жизни, но желѣзная рѣшетка не позволяла намъ выскочить; нѣкоторые старались оную выломать, но стараніе ихъ осталось тщетнымъ; что

дѣлать? и куда дѣться? однакожъ одному тончаватому удалось пролѣзть сквозь рѣшетку; подобные ему послѣдовали за нимъ, а которые нѣсколько потучнѣе, сунувъ голову, но не лѣзеть, принуждены были остаться тутъ (о участи коихъ никому и неизвѣстно). Я также въ свою очередь продрался къ окошку, чтобъ испытать послѣднее средство къ спасенію, и къ счастію, хотя съ крайнею нуждою, но пролѣзъ, оборвавъ пуговицы у сертука, соскочилъ на стѣну, съ стѣны на валъ, съ валу на землю, всего летѣлъ саженъ до восьми—и отъ этихъ трехъ прыжковъ такъ отбилъ себѣ ноги, что насилу могъ встать. Тутъ попался мнѣ одинъ Московскій купецъ, который также за мною прыгалъ, но будучи поздоровѣе меня, помогъ мнѣ подняться съ земли; я прошу его, чтобъ онъ не оставилъ меня; онъ столь добродушенъ, что взявъ за руку повелъ, помогая итти; но кудажъ еще и иттить? Французы вездѣ заняли дороги; съ лѣвой стороны Никитскую улицу Французская колонна занимаетъ, съ правой по Тверской другая тожъ занимаетъ; что дѣлать, и куда спастись? противу Арсенала желѣзные ряды; мы туда потихоньку пробрались, и зашли во внутренность ряда; тутъ былъ пустой трактиръ, мы въ него и спрятались-было, но пробывъ съ четверть часа и отдохнувъ, товарищь мой, который не оставлялъ меня, сказалъ, что намъ въ этомъ мѣстѣ худое спасеніе, и мы опять вышли изъ онаго въ переулочекъ ряда, гдѣ набралось народу довольно; побродивши взадъ и впередъ, не знали, какъ изъ онаго выбраться; бывши въ такой нерѣшимости, вдругъ въѣхалъ къ намъ Французскій офицеръ, и одинъ безъ обнаженной сабли, но увидавши насъ въ довольномъ числѣ, и всѣхъ вооруженныхъ, у кого ружье, у другаго сабля, а у инаго пистолеты, и самъ обнажилъ саблю, и закричалъ алё! т. е. чтобъ мы бросили орудіе, и выходили на большую улицу; мы съ товарищемъ, видя, что дѣло худое, завернулись въ маленькой проходъ изъ этого ряда на улицу; я подбѣжалъ къ уголку и выглядывая изъ-за онаго, вижу, что одна колонна, проходя по Тверской, оканчивалась; кликнувъ товарища, рѣшились пере-

бѣжать чрезъ дорогу; но только что вышли на половину дороги, видимъ другую колонну, вступающую въ Воскресенскіе ворота, а передъ нею везутъ 2 пушки; что дѣлать? воротиться уже было поздо, и такъ пустились на власть Божію потихоньку, чтобъ не подать подозрѣнія, и перешли чрезъ дорогу, боясь оглянуться; въ этомъ мѣстѣ я бросилъ и саблю, чтобъ не увидали, а если бы это случилось, что увидали у меня оружіе, то не упустили бы изъ виду, и непремѣнно бы застрѣлили; притомъ же, мы были такъ отъ нихъ близки, что довольно одного пистолетнаго выстрѣла положить насъ на мѣстѣ, и такъ пробираясь потихоньку по Трубѣ къ яблочному ряду, завернулись изъ виду за оной. Тутъ спросилъ меня мой товарищъ: куда вамъ надобно пробраться? Я говорю, что на Ильинку въ Ипатьевской переулокъ; а мнѣ, сказалъ онъ, надобно на Солянку въ домъ Коммерческой Академіи, (ибо онъ наканунѣ только переѣхалъ въ оной съ семействомъ и имѣніемъ для безопасности). Я этому былъ очень радъ, что намъ обоимъ была дорога одна, и Академія была не далеко отъ моей квартиры, и раздѣляли только Варварскіе ворота, и такъ, выбравшись изъ виду у Французовъ, не смотря, что ноги насилу несли, пустились уже бѣгомъ, пробѣжали Никольскіе и Ильинскіе ворота, стали подходить къ Академіи, гдѣ намъ должно было разстаться, и лишь только дошли до угла, Французская конница вступаетъ въ Варварскіе ворота, намъ на встрѣчу; какой страхъ! и какъ пройтить мнѣ до квартиры! Товарищъ мой сказалъ: «вамъ теперь никоимъ образомъ туда идтить не льзя, не подвергши жизнь свою опасности», и предложилъ мнѣ съ собою идтить въ Академію; я былъ очень доволенъ его приглашеніемъ, и радъ, что нашелъ такое прибѣжище въ такихъ критическихъ обстоятельствахъ. Пришедъ въ оную, говоримъ, что Французъ вступилъ въ Москву и засталъ насъ въ Арсеналѣ, и какимъ образомъ спаслись, но намъ не хотѣли вѣрить, а говорили, что это шла наша армія; но вышедъ на дворъ, увѣрились въ истинѣ нашихъ словъ, увидя, какъ проходила Французская армія съ обнаженными

саблями, и бывши очевидными зрителями, какъ одного русскаго солдата изрубили на улицѣ противу церкви Всѣхъ Святыхъ что̀ на Куличкахъ; и такъ, мы, избавившись отъ одной опасности, ожидали предъидущей, не зная что съ нами послѣдуетъ; наконецъ, всѣ улицы и переулки были заняты Французами, и поставлены на каждомъ перекресткѣ караулы; тутъ начали они скакать взадъ и впередъ, дѣлая саблями разныя движенія, что̀ приводило насъ въ пущій страхъ; въ сумерки зажгли въ городѣ ряды, и еще во многихъ мѣстахъ по Москвѣ; въ полночь, всѣ пустились на грабежъ; во второмъ часу и къ намъ пожаловали 5 человѣкъ съ 10 лошадьми; остановившись на дворѣ и разложивъ огонь, пришли къ дверямъ, зачали стучать; но видя, что долго не отпираютъ, изломали двери, и пожаловали въ покои, сначала стали просить изъ съѣстнова: хлѣба, масла, яицъ, сыру, вина, и для лошадей сѣна, и какъ все это было выполнено, зачали варить себѣ ужинъ; поѣвши, двоихъ оставили у лошадей, а трое пошли по комнатамъ, начали обыскивать съ ногъ до головы, и ломать кладовыя и сундуки, которое получше и полегче брали, а прочее бросали; со мною было только ассигнаціями 75 руб. (а прочія оставались на квартирѣ), да серебромъ рублей 30; ассигнаціи до ихъ приходу, когда еще начали стучаться, отдалъ я дворецкому, чтобъ съ ихъ деньгами спрятать, и онѣ были спрятаны подъ кирпичи, а серебро оставилъ при себѣ, опасаясь, чтобъ не стали мучить. Обобравши прочихъ, дошла очередь и до меня, начали раба Божья повертывать по своему, въ минуту вышарили во всѣхъ карманахъ, и серебро мое очутилось въ рукахъ Французовъ! Еще былъ у меня въ карманѣ перочинный англійскій ножичекъ, купленный у Макарья, за который заплатилъ 12 руб., и тотъ отняли, мнѣ его жалко было, я сталъ было его просить пантоминами себѣ, но вмѣсто отвѣта, выхватилъ саблю и замахнулся на меня бранясь, по своему; я принужденъ замолчать и отстрониться, думая: пропадай ты, проклятое твореніе, и съ ножичкомъ; напослѣдокъ видя, что нечего больше взять, ушли на дворъ и тутъ пробыли до разсвѣта;

послѣ нихъ, попеременно, одни за другими, зачали къ намъ ходить и рыться по кладовымъ и въ сундукахъ; такимъ образомъ мы не знали ни дня, ни ночи покоя, до середы; и не спали ни на волосъ; въ этотъ день, въ 5 часовъ пополудни, зажгли во всѣхъ мѣстахъ Москву; въ одно время вездѣ запылало, за нами, передъ нами, и со всѣхъ сторонъ такъ, что едва, едва пробрались сквозь пламя къ Воспитательному Дому, задыхаясь отъ дыму; тутъ экономскій сынъ, знакомый моимъ товарищамъ, насъ пригласилъ, или лучше сказать, велѣлъ иттить къ себѣ въ комнаты; мы, оставя тутъ своихъ женщинъ и дѣтей, сами пошли съ прочими отстаивать домъ, который былъ въ величайшей опасности; какая ужасная картина представилась въ эту ночь! всѣ почитали, что это преставленіе свѣта; къ томужъ поднялася такая жестокая буря, которая срывала съ домовъ крышки съ огнемъ, и уносила на нѣкоторое пространство; а отъ жару и дыму стоять было нельзя; всѣ почитали, что намъ не спастись тутъ, а выйтить нѣкуда, кругомъ въ огнѣ; даже и къ Москвѣ рѣкѣ приступиться было нельзя, по причинѣ, что противу Воспитательнаго Дома стояло много барокъ съ хлѣбомъ, и которыя также всѣ пылали; наконецъ, на другой день утромъ, погода стала затихать, и опасность мало по малу начала уменьшаться; намъ погорѣвшимъ (такъ называли насъ и всѣхъ, у коихъ домы сгорѣли) отвели комнату во второмъ этажѣ, въ такъ называемой деревенской экспедиціи, гдѣ насъ было человѣкъ до 40. — Въ пятницу, когда все прогорѣло, а только что курилось, пошли мы въ Академію посмотрѣть, и не найдемъ ли что изъ съѣстнова припасу, ибо съ самаго выходу изъ оной куска хлѣба не было во рту; къ счастію, кладовая съ провизіею осталась цѣла, потому что была со сводами, взяли муки, масла постнаго, крупы, и еще кое-что оставшагося изъ платья, а деньги спрятанныя стали было искать, но не тутъ то было, ихъ какой-то добрый человѣкъ прежде насъ вырылъ; взявши всякой по ношѣ, пошли въ Воспитательной Домъ; но лишь перешли большую улицу и только вступили въ переулокъ, откуда ни взялись шестеро Фран-

цузовъ; остановивъ насъ, начали раздѣвать и обыскивать; ко мнѣ подошли четверо и въ одно время начали скидавать, кто сертукъ, галстукъ, другой панталоны, третій сапогъ, четвертый другой, и растянули такъ, что я, во время ихъ занятія около меня, не дотрогивался до земли, а носили, или лучше сказать, таскали на рукахъ, таща каждый въ свою сторону. Напослѣдокъ опустили, оставя меня въ одной только рубашкѣ; опамятовавшись немного, сказалъ одному изъ нихъ: мусьё! какъ пойду? и показалъ на себя и на Воспитательный Домъ, но онъ, вмѣсто отвѣта, выхватилъ саблю и сдѣлалъ махъ, я отсторонился, и махъ миновалъ меня на четверть, я тутъ такъ и обмеръ; послѣ меня, зачали такимъ же образомъ поступать и съ другими моими товарищами; я, опамятовавшись нѣсколько, стоялъ, какъ изступленный въ одной рубашкѣ, и смотрѣлъ, какъ съ прочими управлялись; между ними замѣтилъ одного нѣсколько человѣколюбивѣе, я подошелъ къ нему, и показалъ на себя и на Воспитательный Домъ, черезъ что далъ ему понять, что мнѣ нельзя иттить въ одной рубашкѣ; онъ, понявши мои пантомины, бросилъ мнѣ на плеча шубу, которую отнялъ у одного изъ моихъ товарищей; и такъ обобравши насъ кругомъ, ушли, оставя намъ муку и масло постное, котораго они не любятъ, но мы и этому были рады, и что самихъ Богъ спасъ отъ смерти; — и этимъ хлѣбомъ питались цѣлую недѣлю; потомъ Генералъ Иванъ Акинѳьевичь Тутолминъ, начальникъ Воспитательнаго Дома, собравши насъ всѣхъ сколько было тутъ, и попросивъ Французскаго полковника, чтобы отпустить съ нами одного жандарма въ провожатые, дабы не могли насъ ограбить шатающіеся по улицамъ Французы, послалъ за Москву рѣку въ лабазы за горѣлою пшеницею, для нашего пропитанія; что дѣлать? хоть и не такъ вкусно, да дѣлать нечего, что нибудь надобно ѣсть, и мы натаскали, каждый для себя столько, сколько могъ, а къ лабазамъ, гдѣ была мука, поставлены были Французскіе часовые, и намъ ни крошки не давали; и мы, во все пребываніе Французовъ, питались хлѣбомъ пополамъ съ горѣлою пшеницею, — рыбою, икрою, которую таскали съ

солянаго двора, картофелемъ и морковью, за которою ходили за заставу, и если пойдемъ съ жандармами, то принесемъ домой; они не давали насъ въ обиду прочимъ, а если безъ нихъ, то все отнимутъ, да и самаго подъ ношу запрягутъ, заставятъ что нибудь нести за собою, и такое было мученіе, что сказать нельзя; — нельзя было выдтить даже изъ воротъ Воспитательнаго Дома; какъ вышелъ, то и оберетъ да подъ ношу, а внутри Дома не смѣли тронуть, потому что Иванъ Акинѳьевичь, еще какъ взошли Французы, то ходилъ къ Наполеону, и исходатайствовалъ для всего Дома Французскій караулъ; Наполеонъ былъ очень доволенъ тѣмъ, что пришелъ къ нему, и велѣлъ отрядить человѣкъ до 50 жандармовъ для охраненія Дома, и увѣрилъ, что Воспитательный домъ будетъ невредимъ, что̀ бы ни послѣдовало съ Москвою, и сдержалъ свое слово: только одно было притѣсненіе, что велѣно очистить половину квадрата, гдѣ у нихъ была, да еще въ окружномъ строеніи, госпиталь; туда каждый день привозили раненыхъ, и даже всѣ комнаты были набиты оными; и мы, привыкши нѣсколько, ходили по близости Дома, только боялись проклятыхъ ихъ ношей, а съ насъ уже нечего было имъ взять; — кто босикомъ, другой въ оборванномъ платьѣ и лаптяхъ, даже чиновники и первогильдейцы, оставшіеся въ Москвѣ, ходили въ лапоткахъ! — 1-е число Октября напугало насъ всѣхъ; сказали (не знаю, съ чего это взяли), что съ этого числа будетъ Наполеонъ набирать изъ насъ къ себѣ въ полки, что̀ встревожило весь народъ, и мы не знали, куда дѣваться: бѣжать если, то, можетъ быть, попадешься на разъѣздъ или пикетъ Французской, которые либо отправляли обратно въ Москву, либо умерщвляли; но мы, положась на власть Божію, остались на произволъ судьбѣ; чему быть, того не миновать. — Однако 1-е число прошло благополучно, и 2-е также, и мы успокоились, не зная, что̀ впредь съ нами послѣдуетъ; — наконецъ 7-го ч. жандармы наши вдругъ собрались и въ полдень уѣхали, а на мѣсто ихъ пришла пѣхотная гвардія; послѣ жандармовъ начали вывозить раненыхъ изъ Дому, а 10-го ч. въ вечеру

караулы всѣ были сняты у Воспитательнаго Дома, и куда убрались, не знаемъ; въ этотъ вечеръ всѣмъ намъ былъ приказъ отъ Г. Тутолмина, чтобъ никто во всю ночь не спалъ, а были бъ въ предосторожности, ибо намъ извѣстно было (да я и самъ видѣлъ), какъ копали рвы около стѣнъ, что съ Кремлемъ должно быть чему нибудь. Я съ вечера, походивъ довольно около Дома, пришелъ къ себѣ въ комнату, поужинавши хотѣлъ было опять иттить на дворъ, но такой сонъ навалился на меня, что какъ легъ, такъ и уснулъ; въ 11-ть часовъ меня разбудили, чтобъ посмотрѣть какъ въ Кремлѣ дворецъ загорѣлся; я вставши пошелъ въ коридоръ и смотрѣлъ въ окошко, какъ пылалъ дворецъ; черезъ часъ дошелъ огонь и до Грановитой Палаты; мнѣ показалось, что изъ этого окошка не такъ видно, пошелъ въ третій этажъ, подошелъ къ окну, смотрѣлъ какъ внутренность Грановитой Палаты выгорала; вдругъ, въ правой сторонѣ, сдѣлалось большое освѣщеніе, и въ тожъ мгновеніе послѣдовалъ такой жестокой ударъ, что стоявшіе за мною попадали на́ полъ, а меня какимъ-то самымъ горячимъ духомъ отбросило отъ окошка, и я чрезъ упавшихъ уже и самъ перевернулся, бывши какъ ровно опаленъ и оглушенъ; я сначала думалъ, что изъ-за Воспитательнаго Дома начали изъ пушекъ стрѣлять въ насъ, но каковъ былъ ударъ, совсѣмъ не походилъ на пушечный; опомнясь немного, вскочилъ, бросился внизъ по лѣстницѣ, прибѣгаю въ свои покои, вижу всѣхъ въ равномъ же страхѣ; наконецъ увѣрились, что это взорвало въ Кремлѣ Арсеналъ; тутъ стали ожидать вторичныхъ ударовъ, я пошелъ на дворъ, походилъ съ народомъ, опять пошелъ въ коридоръ втораго этажа къ окошку, и лишь только что подошелъ къ нему, какъ вдругъ опять сдѣлалось освѣщеніе съ лѣвой стороны; я бросился опрометью отъ окошка, и не успѣлъ отбѣжать двухъ саженъ, какъ и ударъ послѣдовалъ, равный первому; — прибѣжавши въ комнату, насилу опомнился; наши всѣ собирались къ выходу изъ Дома, а собравшись вышли на парадное крыльцо, гдѣ собралось человѣкъ до 100. Но Г. Тутолминъ приказалъ, чтобъ всѣ шли по сво-

имъ комнатамъ и не выходили, а я пошелъ на площадку двора и стоялъ съ прочими туда вышедшими, — вдругъ въ третій разъ освѣтило и ударъ въ одну секунду за онымъ послѣдовалъ; мы всѣ, какъ варомъ поварены, повалились на землю; и не успѣли встать, какъ четвертый, а чрезъ секунду и пятый разъ послѣдовали въ одинъ разъ; въ это время пошелъ очень порядочной дождикъ; я пошелъ въ комнату, гдѣ нашелъ всѣхъ въ величайшемъ страхѣ; притомъ же и о себѣ думали, что, можетъ быть, какъ и подъ Воспитательный Домъ подкачено бочекъ нѣсколько, то и насъ на воздухъ подыметъ; а на меня такой сонъ опять навалился, что гдѣ ни хожу или присяду, такъ и клонитъ. — Вышедши изъ терпѣнія, помолился Богу, легъ съ тѣми мыслями: что̀ ни случится, такъ тому и быть, и проспалъ до самаго утра; не слыхавши ничего, вставши спрашиваю: что было послѣ того, какъ я уснулъ? мнѣ сказываютъ, что слава Богу ничего не было; и только 5-ю ударами и кончилось; однако все еще боялись, чтобъ не было еще подрывовъ; бывши въ таковомъ страхѣ, пошли мы на набережную, и вообразите, каковы были удары! даже въ Москвѣ рѣкѣ вода сдѣлалась какъ молоко бѣлая, и пахла порохомъ и сѣрою, рыба плыла по поверхности воды уже сонная! и вода такъ была противна, что въ ротъ нельзя было взять, и таковою была сутки. Тутъ появились наши козаки, какъ мы имъ обрадовались! и народъ, бывши слишкомъ мѣсяцъ какъ заключенные, вышли и пустились по всѣмъ улицамъ; я пошелъ кругомъ Кремля, осмотрѣлъ взорванныя мѣста, и точно Арсеналъ, угольная башня что̀ къ Каменному мосту, двѣ башенки съ набережной, и часть Ивана Великаго или придѣлъ, гдѣ висѣлъ большой колоколъ съ двумя посредственными, были взорваны на воздухъ, а самъ Иванъ Великій и всѣ соборы цѣлы; — чернь же, не смотря на очевидную опасность, пустились въ Кремль для добычи, оставленной Французами, но козаки вступили въ Москву, заняли всѣ мѣста кругомъ Кремля и не пускали никого (да и теперича еще никого туда не пускаютъ). Занявши оной по повелѣнію козачьяго Генерала 4-го Ило-

вайскаго, велѣно козакамъ осмотрѣть вездѣ, которые выкатили изъ разныхъ мѣстъ Кремля слишкомъ 60 бочекъ съ порохомъ; которыя не имѣли своего дѣйствія отъ шедшаго въ это время дождя, и чрезъ потрясенія отъ ударовъ землѝ, замочило и засыпало землею подведенныя одна къ другой нити съ порохомъ, и чрезъ это Богъ спасъ остатокъ Кремля. Послѣ таковаго происшествія, народъ какъ снова переродился; получа свободу, разсыпался по всей Москвѣ; потомъ пріѣхала и полиція, и изъ разныхъ городовъ и мѣстъ купцы; теперь опять возобновлены рынки, гдѣ продаютъ всякую провизію. — Но что касается до вида Москвы, то оной ни на что не походитъ, и болѣе ничего не увидите какъ обрушившіяся зданія, и обгорѣвшія трубы; я думаю, что и десятой части не осталось цѣлой, — куда ни пойдешь и посмотришь, одинъ ужасъ только беретъ, храмовъ Божіихъ также самая малая часть осталась, въ коихъ можно производить службу; а прочіе либо сгорѣли до основанія, либо Французами осквернены; вообразите себѣ! какую мерзость они въ оныхъ не дѣлали? сами какъ свиньи жили въ олтаряхъ, а во многихъ лошадей ставили вмѣсто конюшенъ; — да что они дѣлали, никакъ не льзя описать; изъ женскихъ монастырей многихъ монахинь съ собою вездѣ таскали, да и вообразить не льзя что только дѣлали.

Онисимъ Никитинъ, преуслужливый извощикъ съ Бѣлозерской слободы, повезъ насъ ночью въ монастырь Кирилла Новоезерскаго. Деревни и села съ бѣлыми храмами мелькали передъ глазами въ лунную ночь. Утреннее солнце освѣтило передъ нами Новое озеро и посереди его, такъ называемый, Красный островъ, на которомъ построенъ монастырь.

Кириллъ Новоезерскій былъ родомъ изъ Галича; постриженіе принялъ отъ Корнилія Комельскаго въ обители имъ основанной, втайнѣ отъ родителей, которые, будучи увлечены примѣромъ сына, сами постриглись; отецъ

въ томъ же монастырѣ, гдѣ и сынъ. Съ позволенія игумена оставивъ обитель, Кириллъ долго блуждалъ по всѣмъ предѣламъ Россіи, прежде чѣмъ достигъ странъ Бѣлозерскихъ. Прибывъ въ монастырь Тихвинскій, онъ пошелъ оттуда по направленію Бѣлоозера, и съ Кобылиной горы увидѣлъ Новое озеро, и Красный островъ, гдѣ и поселился въ 1517 году. Здѣсь, подъ высокою елью, снарядилъ онъ себѣ хижину, и выпросилъ у крестьянъ деревни Шиднемъ: Дія, Григорія и Давида, тотъ островъ, гдѣ построилъ онъ церковь и основалъ обитель, которою и правилъ до года кончины своей, т. е. 1537.

Всѣ урочища мѣстныя, упоминаемыя въ житіи Кирилла, сохранили свои названія. Вамъ покажутъ направо отъ озера ту Кобылину гору[1], откуда Кириллъ увидѣлъ указанное ему Богоматерію мѣсто. Тамъ есть церковь во имя Тихвинской Божіей Матери, и въ ней икона ея, которую принесъ самъ Св. Угодникъ, когда шелъ сюда изъ Тихвина. Бываетъ отъ монастыря ходъ къ этой церкви, въ годъ два раза: зимою по льду озера, а лѣтомъ по водѣ на лодкахъ. Духовенство въ ризахъ садится на нихъ, и развѣваются по волнамъ церковныя хоругви. За озеромъ, по ту сторону острова и монастыря, находится деревня Шиднемъ, въ которой три крестьянина уступили первую землю монастырю. До сихъ поръ три эти рода: Дія, Григорія и Давида, остаются въ этой деревнѣ не вымирая: такъ сохраняются и въ деревняхъ нашихъ преданія родовыя, особенно когда они связаны съ преданіями церковными. Деревни Шиднемъ и Кобылино были первыя, пожалованныя Грознымъ монастырю послѣ того чуда, которое Преподобный показалъ Царю, явившись ему во снѣ и давъ ему совѣтъ не ходить въ палату до 3-го часу дня, когда она рухнула и задавила многихъ князей и бояръ.

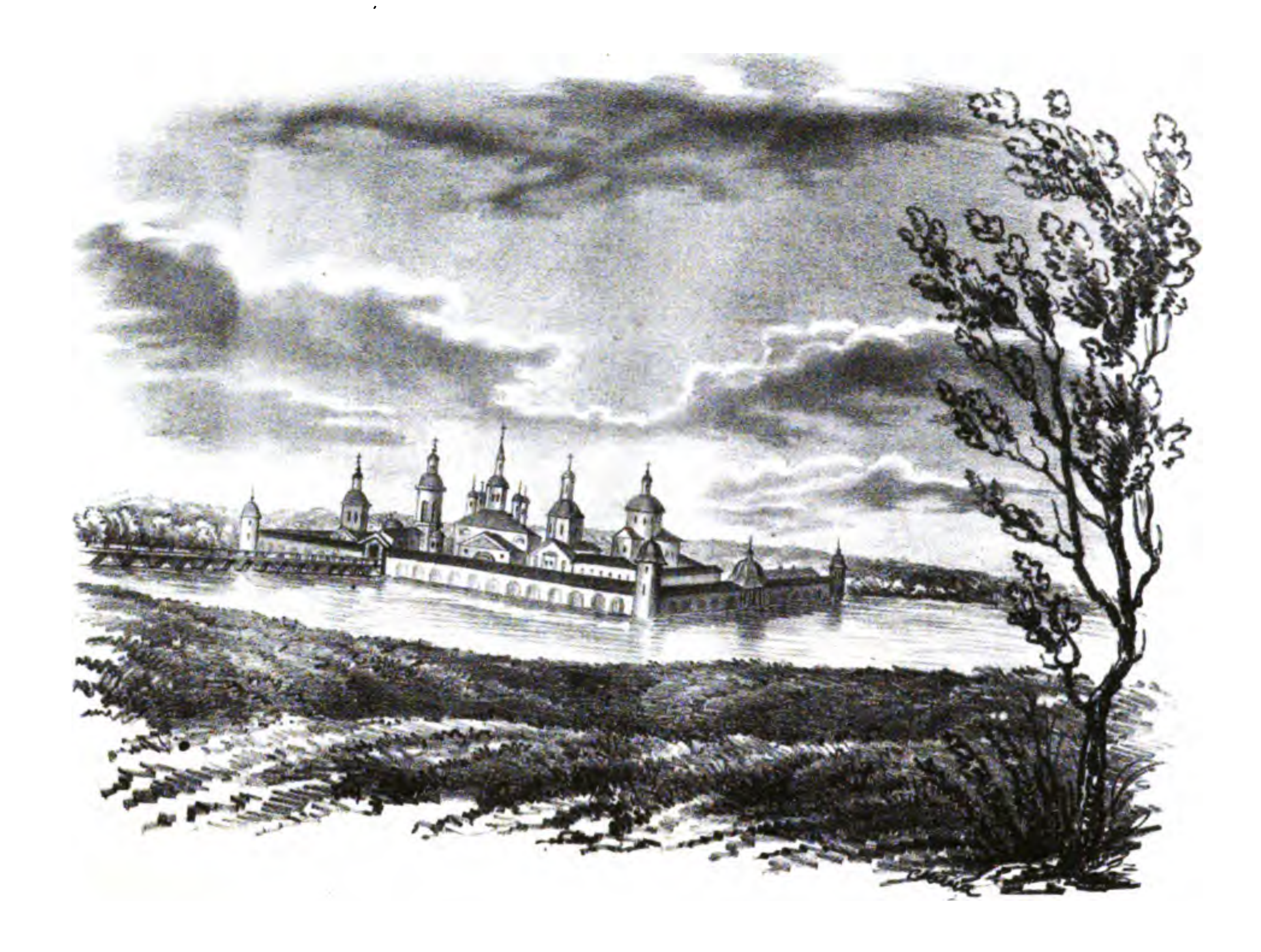
Въ лодкѣ отправились мы къ монастырю. Онъ стоитъ середи волнъ и утвержденъ на сваяхъ, какъ маленькая Венеція. Кельи примыкаютъ къ водѣ — и волна доплескиваетъ въ окна, изъ которыхъ можно удить рыбу. Петръ

Великій посѣщалъ этотъ монастырь и любилъ его: ему, конечно, нравилась смѣлая мысль утвердить стѣны его надъ водами озера, которое довольно глубоко и изобильно рыбою. Отъ монастыря идетъ къ другому острову мостъ, длиною съ полверсты, утвержденный на сваяхъ. Ворота монастыря стоятъ въ водѣ. Вы въѣзжаете черезъ нихъ въ маленькую пристань, гдѣ выходите на ступени внутренней монастырской ограды. Приложенный рисунокъ дастъ понятіе о видѣ монастыря съ берега, откуда отправляешься, равно и о необыкновенно-длинномъ мостѣ, которымъ славится обитель. Ограда ея прежде была деревянная; но Игуменъ Ѳеофанъ построилъ каменную, которая отличается прочностію и смѣло противится напору волнъ, омывающихъ ее со всѣхъ сторонъ.

Этому славному Игумену, который послѣ былъ уже Архимандритомъ, обитель обязана всѣмъ своимъ благоустройствомъ и благолѣпіемъ. Я уже имѣлъ случай упоминать объ немъ. Здѣсь память его священна. На его гробницѣ горятъ неугасимыя лампады и поются почти ежедневныя панихиды. Иноки помнятъ его испытующій взоръ, и хранятъ и читаютъ житіе его. Онъ былъ южнаго воспитанія. Въ духовномъ образованіи его участвовалъ Паисій Величковскій, распространитель иноческой жизни въ странахъ Молдавскихъ. Общежительный уставъ былъ введенъ Ѳеофаномъ въ этотъ монастырь во всей его строгости. При немъ обитель славилась своимъ гостепріимствомъ. Много добра творилъ онъ въ мѣстахъ окрестныхъ, и бѣдные находили всегда здѣсь пріютъ.

Но все это было уже въ минувшемъ. Мы застали монастырь почти безъ хозяина. Архимандритъ Аркадій лежалъ при послѣднемъ издыханіи. Каждую минуту ожидали его кончины. Послѣ его, иноки надѣялись имѣть настоятелемъ извѣстнаго Комаровскаго, который былъ питомцемъ Ѳеофана и могъ достойно замѣнить его. Желаніе ихъ исполнилось.

Отъ этихъ каменныхъ громадныхъ зданій, воздвигнутыхъ середи озера монахами и вѣрою Русскаго народа, отъ

золотыхъ и серебряныхъ иконостасовъ, всегда переносишься воспоминаніемъ къ той хижинѣ Преподобнаго, которая тутъ прежде стояла, къ той деревянной церквицѣ во имя Воскресенія Христова, съ которой онъ началъ. Каменодѣльное же устроеніе храмовъ относится ко времени Царя Алексія Михаиловича, а именно къ 1649 году, и совершено иждивеніемъ Боярина Бориса Ивановича Морозова, того самаго благочестиваго доброхота церквей и монастырей, который украсилъ Успенскій Соборъ вызолоченнымъ паникадиломъ во 113 пудъ и 1 фунтъ чистаго серебра, заказывалъ Голландскимъ мастерамъ въ Амстердамѣ церковныя украшенія и подарилъ два такихъ къ ракамъ Соловецкихъ Чудотворцевъ цѣною въ 45,000 рублей! — Тогда же, въ 1649 году, открыты были и мощи Преподобнаго.

Ризница не столько значительна, какъ въ Кирилловѣ. Есть псалтирь, можетъ быть принадлежавшая Кириллу Новоезерскому. Сохраняются его четки, посохъ и гробъ, въ которомъ обрѣтено его тѣло. Собраніе грамотъ монастырскихъ, списанныхъ въ одну книгу, начинается со временъ Грознаго; есть весьма многія временъ Лжедимитрія.

Мы присутствовали при трапезѣ. Обрядъ богородичной просфоры здѣсь строго соблюдается. Въ наказаніе даются суровыя четки. Блюда смѣняются по звонку. Во время трапезы, читается Житіе Святаго, которому празднуетъ Церковь. Трапеза была не людная. Большею частію, иноки работали на сѣнокосѣ. Въ числѣ ихъ есть и свѣтскіе образованные люди, которымъ памятенъ еще міръ иной, съ его пестрою жизнію, съ звуками другой музыки. Надзиратель гостинницы монастырской, гдѣ мы были приняты очень дружелюбно, служилъ нѣкогда воиномъ на полѣ брани.

Вечеромъ я уже снова любовался съ Бѣлозерскаго вала солнечнымъ захожденіемъ, а наутро, покинувъ Бѣлозерскъ, мы поѣхали въ Крохинъ посадъ, гдѣ и переправились за Шексну. Не далеко отсюда видны бугры — мѣсто стараго города. Здѣсь стоитъ часовня, и въ ней гробницы Глѣба и Бориса Васильковичей, которыхъ народъ считаетъ святыми. Здѣсь-то прежде стояла соборная церковь во имя Василія Неокесарійскаго.

Мы остановились у первостатейнаго купца Крохинскаго посада, С. Я. К-на. Онъ имѣетъ 17 судовъ: — это равнозначительно 1,700 душамъ, потому что здѣсь купеческое судно считается равнымъ сотнѣ душъ крестьянъ.

Крохинъ посадъ находится у самого истока Шексны. 26 рѣкъ, большихъ и малыхъ, впадаетъ въ Бѣлоозеро; изъ нихъ значительнѣе всѣхъ Ковжа, а вытекаетъ изъ озера одна только Шексна. Мѣсто великолѣпное: пристань для 600 судовъ, приготовленная самою природою. Мы гуляли по ея берегу. Теперь она уступила мѣсто новой искусственной, устроенной въ самомъ Бѣлозерскѣ. Крохинъ посадъ, со времени устроенія канала, потерялъ все свое торговое значеніе, какое имѣлъ прежде. Бѣлозерскъ совершенно побѣдилъ его. Инженерныя соображенія, основанныя преимущественно на отмѣли, которая образовалась въ озерѣ передъ Крохинымъ, потребовали, чтобы входъ судовъ изъ Шексны устроенъ былъ 7-ю верстами ниже Крохина посада. Это мѣсто называется *чайкою*. Суда рѣдко приходятъ по Шекснѣ въ Крохинъ: почти всѣ предпочитаютъ каналъ, потому что на семиверстномъ разстояніи трудно еще рѣшить: плыть ли озеромъ, или каналомъ. Когда вѣтеръ попутенъ, тогда озеро всегда предпочитаютъ, потому что плаваніе совершается чрезвычайно быстро. Но вѣтеръ легко можетъ измѣниться въ сутки, и потому почти всѣ суда входятъ въ каналъ. Къ тому же и мелководіе Шексны, только что истекшей изъ озера, бывало въ лѣтнее время причиною задержекъ. Есть теперь добрая мысль провести еще рукавъ отъ Крохина до канала: разстояніе будетъ всего въ 750 саженъ, а издержка не превзойдетъ 20,000 р. сер., что охотно дадутъ купцы и мѣщане Крохина посада. Тогда Крохинъ снова возстановитъ свои силы— и всѣ возможныя удобства плаванія по Бѣлоозеру и каналомъ соединятся вмѣстѣ, къ пользѣ промышленности и торговли мѣстной и къ славѣ попечительнаго и дѣятельнаго нашего Правительства. Для кочеваго населенія бурлаковъ Крохинъ предложитъ также большія удобства, какія предлагалъ и прежде. *Чайка же*, куда приходятъ теперь бурлаки и гдѣ должны часто по недѣлѣ дожи-

даться, пока суда входятъ въ каналъ, мѣсто ненаселенное и неудобное для ихъ пребыванія.

Отъ извощика Онисима я узналъ, что здѣсь косятъ, какъ жнутъ, *горбушами*: большія же обыкновенныя наши косы называются *стойками*. Первыя считаются удобнѣе, по причинѣ кочковатой почвы. Мѣстность изобрѣтаетъ свои земледѣльческія орудія.

Разъѣзжая по разнымъ городамъ губернскимъ и уѣзднымъ, и разговаривая съ лицами того сословія, у котораго литературное чтеніе вошло въ умственную потребность, я замѣтилъ, что начитанность распространяется весьма сильно и что всего болѣе, даже можно сказать почти исключительно, читаютъ журналы, которые теперь въ Россіи составляютъ силу дѣятельную и образующую.

Въ журналахъ, прежде всего, разрѣзываются романы, и особенно переведенные съ Французскаго: это читается всѣми безъ исключенія. За тѣмъ немногими, принимающими участіе въ движеніи современной литературы, читается и критика. Прочее — такъ.

Вѣчный Жидъ произвелъ необыкновенное дѣйствіе, и разошелся по всей Россіи въ огромномъ количествѣ экземпляровъ: его читалъ всякой, кто только читать умѣетъ и кто беретъ въ руки книги. Мнѣ разсказывали анекдотъ о купцахъ, которые дѣйствительно освѣдомлялись, въ самомъ ли дѣлѣ существуетъ жидъ, жившій еще во время распятія Хріста, и точно ли это его письма, которыя Г. Булгаринымъ были печатаны въ Сѣв. Пчелѣ?

Не могу не передать разговора моего съ однимъ офицеромъ, весьма образованнымъ, питомцемъ Харьковскаго Университета. Онъ хвалилъ одинъ Петербургскій журналъ, говоря, что въ немъ встрѣчаются статьи превосходныя. — Я спросилъ его: какія же статьи ему особенно понравились? — «Графиня Монсоро — отвѣчалъ онъ мнѣ — прекрасная статья! — Королева Марго — продолжалъ онъ — прекрасная статья!»

Время не позволило намъ видѣть *чайку*, откуда начинается каналъ. Но за то, на возвратномъ пути изъ Кро-

хина въ Бѣлозерскъ, въ селѣ Бородаевѣ мы видѣли весьма древнюю деревянную церковь, которой рисунокъ здѣсь прилагаю. Она строена во имя Положенія Ризъ, изъ осиноваго дерева. Вмѣсто колокола, служитъ ей било—чугунная полоса, въ которую ударяютъ камнемъ. Къ сожалѣнію, церковь была заперта, — и мы не могли взойти въ нее, потому что ключи староста села взялъ съ собою на покосъ. Но въ окна могли мы нѣсколько разглядѣть необыкновенную чистоту ея стѣнъ, которыя постоянно моютъ, деревянные подсвѣчники и древнее письмо на иконахъ. Умилительно было слышать, съ какимъ благоговѣніемъ, съ какою любовію говорили старушки села объ своей церкви, которую всѣми силами пытались намъ показать. — «Церковь наша премилостливая, — такъ выражались онѣ. Она насъ и креститъ, и питаетъ, и благословляетъ.» — Годы ея онѣ считали 560.

Подобные древніе деревянные храмы встрѣчаются только въ этомъ краю. Я находилъ такіе и въ другихъ здѣшнихъ селахъ, но изо всѣхъ, мною видѣнныхъ, этотъ наиболѣе привлекъ мое вниманіе своею постройкою и смиренною наружностью. Мнѣ казалось, что глядя на него, вижу образецъ тѣхъ первоначальныхъ церквицъ, о которыхъ упоминается въ житіяхъ Русскихъ Св. Угодниковъ и съ которыхъ начиналось всегда учрежденіе обителей.

Мнѣ полюбилась въ селѣ Бородаевѣ необыкновенная опрятность домовъ его. Подъ иконами, украшающими передній уголъ, приклеены къ стѣнамъ молитвы, между которыми я замѣтилъ молитву о сохраненіи дома и живущихъ въ немъ. Въ той же чистой, свѣтлой комнатѣ висѣли по стѣнамъ портреты нашихъ сановниковъ, между которыми мнѣ особенно пріятно было встрѣтить портретъ Князя Д. В. Голицына.

НИЛОСОРСКАЯ ПУСТЫНЬ. — УПРАЗДНЕННЫЙ ѲЕРАПОНТОВЪ МОНАСТЫРЬ. — ПОСЛѢДНІЕ ЧАСЫ ВЪ КИРИЛЛОВСКОЙ ОБИТЕЛИ.

Дорога къ скиту Нила Сорскаго. — Мѣстоположеніе скита. — Зданія монастыря. — Древнее устроеніе обители. — Мѣсто келліи Преп. Нила. — Преданія о житіи Нила. — Писанія Нила. — О осьми помыслѣхъ. — Три посланія. — Борьба духовная Русскаго человѣка со страстями. — Борьба съ печалію и уныніемъ. — Богомолецъ-пѣшеходъ. — Дорога въ Ѳерапонтовъ упраздненный монастырь. — Видъ на Ѳерапонтово озеро. — Жизнь Св. Ѳерапонта. — Мѣсто заточенія Патріарха Никона. — Острова его. — Гора Цыпина. — Огромность размѣровъ Кириллова монастыря. — Анекдотъ, разсказанный Блазіусомъ. — Образцы простонароднаго нарѣчія города Кирилова.

Въ 15-ти верстахъ отъ Кириллова находится Нилосорская пустыня, или бывшій прежде скитъ Нила Сорскаго. Дорога идетъ, сначала открытая, мимо озеръ, а потомъ горами и лѣсомъ. Не вдалекѣ отъ самой пустыни находится озеро, весьма привольное и живописное. Оно называется Сорскимъ отъ рѣчки Сорки, которая въ него впадаетъ.

Дико, мрачно и пустынно то мѣсто, гдѣ находится скитъ. Почва ровная, но болотистая; кругомъ лѣсъ болѣе хвойный, нежели лиственной. Рѣчка Сорка, давшая прозвище и Угоднику Божію, не вьется, а тянется по этому мѣсту, и похожа болѣе на стоячее болото, нежели на текучую воду. Въ травѣ, растущей по берегамъ ея, встрѣчается и поляника, здѣшняя вкусная, благовонная ягода: это самое сладкое, что можно встрѣтить въ этомъ дикомъ мѣстѣ. Середи этихъ различныхъ угодій, которыми такъ изобильна здѣшняя свѣтлая, счастливая природа, трудно отыскать убѣжище,

болѣе грустное и уединенное, чѣмъ эта пустынь. Можно представить себѣ, какая была здѣсь глушь въ концѣ XV-го и въ началѣ XVI-го столѣтія, когда жилъ Нилъ Сорскій. Видъ этого мѣста, съ перваго раза, даетъ понятіе о томъ, чего искалъ здѣсь Святой, и совершенно соотвѣтствуетъ характеру его духовныхъ созерцаній, которыя извѣстны намъ изъ его творенія. Онъ переселяетъ насъ тотчасъ къ началу скитскаго житія въ Россіи, котораго Нилъ былъ основателемъ.

Смиренная низенькая деревянная ограда, съ такими же башенками, окружаетъ церковь и малое зданіе келлій. Прежде было все деревянное, и самый храмъ, гдѣ находилась гробница Угодника Божія, но теперь строютъ каменный, и строютъ уже нѣсколько лѣтъ, а все не могутъ привести къ окончанію, потому что монастырь въ крайней бѣдности. Между тѣмъ вся ризница, утварь, иконы, рака Преподобнаго, что̀ была надъ гробницею, хранятся въ особенной чистой деревянной свѣтлицѣ, гдѣ и служатъ молебны. Самая же гробница, лишенная раки, надъ мощами Св. Угодника, почивающими подъ спудомъ, стоитъ подъ голубцомъ и подвержена всѣмъ непогодамъ времени (*). Въ свѣтлицѣ, у раки виситъ шерстяная одежда Нила, изъ какой-то грубой шерсти, волосья которой колются какъ иглы.

Двадцать человѣкъ братіи живетъ въ монастырѣ. Въ кельѣ у Строителя хранится Скитскій Уставъ и другія полныя писанія Нила Сорскаго, но не древняго уже, а новаго письма.

На мѣстѣ нынѣ строющейся каменной церкви была прежде общая соборная церковь братіи. Здѣсь иноки не жили, а отъ нея, на разстояніи брошеннаго камня, въ разныхъ мѣстахъ по лѣсу кругомъ, стояло 12 келлій, гдѣ жила братія по одному, по два и много по три. Такъ было устроено самимъ Ниломъ. Всю недѣлю проводили они въ келліяхъ; наканунѣ воскресныхъ дней и праздни-

---

(*) Съ тѣхъ поръ окончена была уже холодная церковь, и гробница Преподобнаго въ ней укрыта.

ковъ сходились къ вечернѣ въ церковь: здѣсь оставались сутки для богослуженія — и потомъ, послѣ трапезы, расходились снова по келліямъ. Такъ осталось въ устномъ преданіи, которое передала мнѣ братія обители; объ этомъ упоминается и въ писаніяхъ Нила.

Но двѣнадцати прежнихъ келлій, о которыхъ осталось преданіе, теперь уже нѣтъ. Извѣстно только мѣсто келліи учредителя скита. Потребна сила человѣка древняго времени, чтобы отъ церкви добросить камень до этого мѣста. Перешедъ рѣчку Сорку, мы направили шаги свои къ этому священному мѣсту. Прежняя деревянная церковь перенесена сюда Настоятелемъ Никономъ, который здѣсь жилъ самъ и благоустроилъ ее. Онъ росписалъ храмъ иконами въ древнемъ стилѣ, между которыми особенно замѣчательна икона Нила Сорскаго. При церкви находятся весьма тѣсныя, узенькія келліи самого Настоятеля, въ которыхъ онъ жилъ и предавался богомыслію. И келліи имъ росписаны. Тутъ находите изображеніе Угодника Божія. Тутъ представлена встрѣча хозяина келлій со смертію, и подъ нею надпись стихами. Не хотѣлъ ли этимъ Никонъ видимо исполнить правило, предписанное основателемъ скита о памяти смертной? «Какъ хлѣбъ нужнѣе всѣхъ брашенъ», говоритъ Нилъ, «такъ память смерти нужнѣе прочихъ добро«дѣтелей. Не возможно алчущему не поминать хлѣба: такъ «и хотящему спастися не поминать смерти, говорили Отцы.»

Но въ кельяхъ все пусто. Церковь, совершенно готовая, ждетъ освященія. Хозяина, который устроилъ ее, нѣтъ: онъ далеко, въ монастырѣ Валдайско-Иверскомъ (*). Здѣсь осталась по немъ добрая память: его, за строгую жизнь, за молитвы, за бесѣду, уважали во всѣхъ окрестныхъ мѣстахъ. Онъ слѣдовалъ тому пути, который указанъ первымъ учредителемъ скита. Къ богомыслію присоединилъ онъ и живописное искусство, которымъ выра-

(*) Отецъ Никонъ теперь снова возвращенъ въ свое убѣжище. Два придѣла храма освящены. Служеніе въ нихъ совершается по чину, заповѣданному Ниломъ Сорскимъ.

жалъ свои благочестивыя мысли. Встрѣтить слѣды такой пустынической жизни въ этомъ дикомъ уединеніи, въ наше время, особенно поучительно.

Изъ оконъ келлій виденъ прудокъ, выкопанный, какъ говоритъ преданіе, преподобнымъ Ниломъ. На холму у прудка крестъ поставленъ Никономъ. Рядомъ съ келліями колодезь съ превкусною водою, которую употребляютъ и для цѣленія: это также трудъ Угодника Божія.

Взглядъ на эти мрачныя и пустынныя мѣста, съ бѣдными деревянными зданіями обители, съ церковью недостроенной, съ гробницей святаго пустынника, не имѣющей крова, съ живыми слѣдами пустынника современнаго, искавшаго здѣсь пріюта для богомыслія, можетъ служить достойнымъ предисловіемъ къ тому, чтобы ознакомиться съ тѣмъ, кто нѣкогда освящалъ эти мѣста своимъ присутствіемъ и молитвами, кто здѣсь, за 340 слишкомъ лѣтъ, дѣйствовалъ для Бога и оставилъ намъ весьма замѣчательный письменный слѣдъ своего бытія въ духовномъ сочиненіи: ибо рѣдко бываетъ, чтобы мѣсто внѣшнимъ своимъ видомъ такъ изображало мысль того, кто избралъ его для своего пребыванія, какъ это здѣсь случилось.

Въ посланіи своемъ къ одному брату, съ которымъ Нилъ сопряженъ былъ духовною любовію и который просилъ его написать ему что нибудь на пользу души, Нилъ говоритъ такъ: «По отшествіи странничества моего, пришедъ въ монастырь, внѣ близъ монастыря створихъ себѣ келлію, и тако живяхъ елико по силѣ моей. Нынѣ жь вдалѣе отъ монастыря преселихся, понеже благодатію Божіею *обрѣтохъ мѣсто угодно моему разуму*, занежь мирской чади мало входно, якожъ и самъ видѣлъ еси. И наипаче испытую божественная писанія: прежде заповѣди Господня, и толкованія ихъ, и апостольская преданія; тажь житія и ученія святыхъ Отецъ, и тѣмъ внимаю, и яжь согласна моему разуму, къ благоугожденію Божію и къ пользѣ души преписую себѣ, и тѣми поучаюся, и въ томъ животъ и дыханіе мое имѣю.»

Очень мало дошло до насъ извѣстій о жизни Нила Сорскаго. Откуда онъ былъ родомъ, неизвѣстно. Изъ сословія, какъ должно думать, вышелъ крестьянскаго, потому что въ одномъ изъ посланій своихъ называетъ себя поселяниномъ: «невѣжда и поселянинъ есмь.» Постригся онъ въ монастырѣ Кирилла Бѣлозерскаго. Черезъ нѣсколько времени по постриженіи, съ собратомъ и ученикомъ своимъ, Иннокентіемъ, отправился онъ къ святымъ восточнымъ мѣстамъ и провелъ нѣсколько лѣтъ въ монастыряхъ Аѳона и Константинополя. Объ этомъ самъ говоритъ въ своемъ сочиненіи: «Повсюду обрѣтается въ Святыхъ писаніяхъ похваляемо, еже съ единѣмъ или съ двѣма безмолвіе, якоже и самовидци быхомъ въ святѣй горѣ Аѳонстѣй и въ странахъ Царя града, и по иныхъ мѣстѣхъ многа суть такова пребыванія.»

По возвращеніи въ монастырь, онъ, какъ мы видѣли выше, по его же свидѣтельству, устроилъ себѣ келью внѣ монастыря, а потомъ отошелъ и далѣе, обрѣлъ такое мѣсто, которое угодно было его разуму, и здѣсь окружилъ себя книгами священнаго писанія и святыхъ Отецъ. Сначала поставилъ онъ часовню и келью, и ископалъ при ней колодезь. Собралась къ нему братія. Построена церковь — и поставлено 12 келлій около нея, на верженье камня, какъ говоритъ устное преданіе. Такъ положено было основаніе скитскому житію въ Россіи. Водяная мѣльница, устроенная Угодникомъ Божіимъ на рѣчкѣ, служила для пропитанія братіи. Нилъ преставился въ 1508 году Маія 7, 75-ти лѣтъ отъ рожденія. Братіи своей завѣщалъ онъ бросить тѣло его на съѣденіе звѣрямъ и птицамъ, какъ недостойное погребенія, а если этого они не сдѣлаютъ, то ископавши ровъ на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ живетъ, пускай погребутъ его со всякимъ безчестіемъ.

Царь Иванъ Васильевичь Грозный посѣтилъ Нилосорскій скитъ въ 1569 году. Онъ приказалъ было построить тамъ каменную церковь, намѣсто деревянной; но Святой явился ему во снѣ и запретилъ это дѣло.

Чтó влекло Нила въ такія мрачныя болотныя дебри отъ привольныхъ озеръ и рѣкъ? чтó устремляло его отъ господствовавшаго тогда устава монастырскаго къ житію скитскому, къ житію отшельника? Онъ, конечно, замѣтилъ, что угодья сельскія отвлекали иноковъ отъ цѣли духовной къ другимъ цѣлямъ житейскимъ, возбуждали въ нихъ любовь къ нѣгѣ, праздности и стяжанію; онъ видѣлъ, что обрядная сторона монастырской жизни въ нѣкоторыхъ обителяхъ началà брать верхъ надъ внутреннею: милостыня вещественная надъ духовною, внѣшняя молитва надъ внутреннею. Вотъ чѣмъ объясняется стремленіе Нила къ отшельнической жизни, которая представляетъ умное подвижничество. Отсюда понятенъ будетъ и смыслъ его сочиненія, съ которымъ мы теперь хотя вкратцѣ познакомимся.

Немного осталось намъ отъ XV столѣтія такихъ замѣчательныхъ духовныхъ твореній, какъ *отъ святыхъ Писаній списаніе Отца Нила* (*). Въ своей пустынной кельѣ, на болотной Соркѣ, середи лѣсныхъ дебрей, Нилъ окружилъ себя, какъ видно, всѣми тѣми духовными книгами, въ которыхъ Святые Отцы преподали строгія правила отшельнической жизни и указали вѣрные пути для внутренняго, сосредоточеннаго богомыслія. Нечего сомнѣваться, что это сочиненіе принадлежитъ Святому Нилу: во всѣхъ рукописяхъ оно надписывается его именемъ. Кромѣ того есть мѣсто свидѣтельствующее, что оно явилось въ странахъ сѣверныхъ: «Влѣто бо и зиму, въ странахъ сѣверныхъ много день и нощь часы умножается и умаляется, не якоже въ средоземіи въ Палестинѣ, или въ Констянтинѣ градѣ. Того ради творити намъ подобаетъ противу времени, якоже лѣпо есть.»

(*) Недавно, Козельская Введенская Оптина Пустынь, въ числѣ многихъ другихъ душеполезныхъ изданій, которыми обогащаетъ она духовную нашу Словесность, напечатала и сочиненіе Нила подъ заглавіемъ: «*Преподобнаго Отца нашего Нила Сорскаго преданіе ученикомъ своимъ о жительствѣ скитскомъ.*» Москва. 1849.

Имѣвъ главною цѣлію, какъ въ сочиненіи своемъ, такъ и въ подвигахъ жизни своей, направить иноковъ на внутреннее дѣланіе, Нилъ не хочетъ однако отвратить ихъ отъ труда и рукодѣлія, которые необходимы для удовлетворенія разныхъ потребъ нашихъ. Онъ приводитъ по этому случаю слова̀ Апостола: *Не дѣлаяй, да не ястъ.*

Не льзя не остановиться на этой мысли, потому что она связана тѣсно съ прекраснымъ правиломъ жизни нашихъ простолюдиновъ. Апостолъ Павелъ во второмъ посланіи къ Солуняномъ говоритъ: «Егда бѣхомъ у васъ, сіе завѣщавахомъ вамъ, яко аще кто не хощетъ дѣлати, ниже да ястъ. Слышимъ бо нѣкія безчинно ходящыя у васъ, ничтоже дѣлающыя, но лукавно обходящыя. Таковымъ запрещаемъ и молимъ о Господѣ нашемъ Іисусѣ Хрістѣ, да съ безмолвіемъ дѣлающе, свой хлѣбъ ядятъ.» (Гл. 3. ст. 10 — 12). Замѣчали ли вы, что Русской крестьянинъ, не работающій по какой бы то ни было причинѣ, даже по болѣзни, въ семьѣ своей, совѣстится ѣсть хлѣбъ, постится, и отощалъ бы съ голода, если бы родные ему не подавали? Такъ исполняетъ онъ строго наставленіе Апостольское.

Нилъ, не отклоняя братій своихъ отъ занятій рукодѣлія, ограничиваетъ ихъ, однако, самыми необходимыми, чтобы при этихъ трудахъ они не имѣли въ виду умноженія стяжаній самой обители.

Правда, эти стяжанія умножались въ монастыряхъ подъ предлогомъ милостыни ближнимъ; но Нилъ гораздо выше тѣлесной ставитъ милостыню душевную. «Иноческая милостыня, говоритъ онъ, помочь брату словомъ во время нужды, утѣшить его въ скорби разсужденіемъ духовнымъ: душевная милостыня на столько выше тѣлесной, на сколько душа выше тѣла. А если странникъ придетъ къ намъ, упокоимъ его по силѣ нашей, и если требуетъ хлѣба, дадимъ ему и отпустимъ его.»

Сосудовъ золотыхъ и серебряныхъ, даже и священныхъ, Нилъ не желаетъ для церкви. Іоанну Златоусту

приносили ихъ, равно приносили и другія церковныя украшенія, но онъ приказывалъ все раздавать нищимъ. Великій же Пахомій не хотѣлъ, чтобы и зданіе церковное было украшено, дабы не величаться въ храмѣ Божіемъ дѣломъ рукъ человѣческихъ.

Вниманіе братіи во всемъ Нилъ обращаетъ на внутреннее дѣланіе. Умная молитва выше тѣлесной, по слову Апостола: хощу пять словъ умомъ моимъ рещи, неже тму словъ языкомъ. Тѣлесное дѣланіе, по словамъ святаго Агаѳона, только листъ, а внутреннее, т. е. умное — плодъ. Отцы сказали: кто устами только молится, объ умѣ же небрежетъ, тотъ воздуху молится: Богъ бо уму внимаетъ.

Кто видитъ молитву, дѣйствующую въ сердцѣ своемъ и не перестающую подвизаться, тотъ да не оставитъ ея для пѣнія, развѣ только сама молитва оставитъ его: ибо оставляя Бога внутри, онъ призываетъ его извнѣ; отъ высокихъ преклоняется къ низшимъ. Отцы предписывали болѣе всего упражняться въ молитвѣ, а разлѣнившись, пѣть, или читать дѣятельныя отеческія житія. Согласно съ этими мыслями, по чину служенія, заповѣданному братіи Ниломъ Сорскимъ, всенощныя бдѣнія наканунѣ большихъ праздниковъ совершаются пѣніемъ, а наканунѣ простыхъ дней однимъ чтеніемъ.

Это упражненіе во внутренней молитвѣ доводитъ человѣка до высшаго состоянія духовнаго, которое Нилъ описываетъ такъ словами Исаака Сиріна. «Престанутъ тогда уста, и языкъ и сердце, иже помысломъ хранитель, и умъ чювъствомъ кормникъ, и мысль скоро летящаа птица и безстуднаа; и не ктому имать мысль молитву, ни движеніе, ни самовластіе; но наставленіемъ наставляется силою иною, а не наставляетъ....»

«Не молитвою молится умъ, но превыше молитвы бываетъ; и въ обрѣтеніе лучшаго молитва оставляется, и въ изступленіи бываетъ, и ни хотѣніе имать чего, и по словеси Апостолову, *аще въ тѣлѣ, или внѣ тѣла, не вѣсть*.

Молитва — *сѣмя* такому духовному состоянію.

Сумеонъ новый Богословъ передаетъ его такими словами:

«Кый языкъ изречетъ? Кый жъ ли умъ скажетъ? Кое слово изглаголетъ? Страшно бо, воистинну страшно, и паче слова. Зрю свѣтъ, его же міръ не имать, посредѣ келіа на одрѣ сѣдя; внутрь себе зрю Творца міру, и бесѣдую и люблю и ямъ питаяся добрѣ единѣмъ Боговидѣніемъ, и съединився ему небеса превосхожю. И сіе вѣмъ извѣстно и истинно. Гдѣ же тогда тѣло, невѣмъ. И о Господѣ бесѣдуя, рече: любитъ же мя онъ, и въ себѣ самомъ пріемлетъ мя, и на объятіяхъ скрываетъ; на небеси будучи, и въ сердци моемъ есть, здѣ и тамо зритьмися. И абіе къ Господню лицу глаголетъ: сіе, Владыко, Ангеломъ равна показаетъ мя, и лучша тѣхъ сътворитъ. Ибо невидимъ тѣмъ еси существомъ, естествомъ же неприступенъ; мнѣ же зримъ еси всяко, и естеству твоему смѣшаетъмися существо.»

Кромѣ молитвы, которая ведетъ къ такому духовному состоянію, необходимо еще разумное и изящное бореніе съ осьмью помыслами, изслѣдованіе о которыхъ, равно и о борьбѣ съ ними, составляетъ главный предметъ Нилова сочиненія и главную цѣль его подвижничества. Первый помыселъ есть помыслъ чревообъяденія, а послѣдній гордости. Нилъ приводитъ много весьма важныхъ психологическихъ наблюденій надъ этими помыслами. Онъ излагаетъ всю постепенную лѣствицу обращенія помысла въ страсть. Первую степень называетъ онъ *прилогомъ:* это есть самое объявленіе помысла уму, которое собственно, какъ и самый помыселъ, отъ насъ не зависитъ.

Вторая степень, или второй моментъ, есть *счетаніе*, т. е. отвѣтъ нашего ума на его явленіе, съглаголаніе къ явльшемуся, пріятіе помысла, бесѣда съ нимъ, но еще не заключающая въ себѣ никакого къ нему склоненія.

Третій моментъ, *сложеніе*, есть уже преклоненіе души къ помыслу, уступка ему въ бесѣду, сочувствіе. Четвертый — *плѣненіе*, есть продолжительное совокупленіе съ помысломъ, которое наконецъ переходитъ уже въ пятую высшую степень — *страсть*, совершенно одолѣвающую человѣка.

Первое правило святыхъ Отцовъ въ этой духовной борьбѣ со страстями отсѣкать самые помыслы на первой ихъ степени, въ *прилогѣ;* ибо кто прилогу помысла сопротивляется, тотъ за разъ навсегда его отсѣкаетъ.

Такимъ образомъ Нилъ учитъ человѣка бороться съ чревообъяденіемъ, сластолюбіемъ, сребролюбіемъ, гнѣвомъ, печалью, унынiемъ, тщеславіемъ и гордостію.

За этимъ сочиненіемъ въ рукописныхъ книгахъ, содержащихъ твореніе Нила Сорскаго, слѣдуютъ три посланія его, относящіяся къ тому же предмету и заключающія въ себѣ дополненія или поясненія о немъ. Послѣднее изъ нихъ написано съ особенною любовію къ тому, который спрашивалъ Нила, но имени брата любимаго онъ не открылъ. За посланіями слѣдуетъ переводъ небольшаго, весьма замѣчательнаго сочиненія Анастасія Синаита о помыслахъ. Онъ обращаетъ вниманіе на многихъ духовныхъ дѣятелей, которые думали состязаться съ самыми помыслами и ихъ въ себѣ уничтожить, вооружались противъ нихъ постомъ и слезами, и въ пустыню удалялись, но нисколько въ томъ не успѣли: ибо въ помыслахъ своихъ человѣкъ не властенъ—и за нихъ не отвѣчаетъ Богу; но власть его начинается съ того времени, какъ помыселъ къ нему явился: и отъ него зависитъ прямое отсѣченіе прилога, какъ выше сказано, т. е. не зачинать съ нимъ никакой бесѣды, никакого знакомства. Въ заключеніе предлагаются противъ нихъ молитвы.

Такъ поучалъ братію свою Преподобный Нилъ борьбѣ духовной. Такъ, самъ удаляясь въ дебри и пустыни, боролся избранный древній Русскій человѣкъ со страстями, одолѣвавшими плоть его, и тѣмъ заготовлялъ добрую почву для своего будущаго образованія. А видно борьбы было много. Не даромъ древній Русскій человѣкъ начинаетъ прежде всего борьбу съ своимъ чревомъ: мы помнимъ изъ его сказаній и пѣсень, какого множества яствъ требовала его утроба богатырская. Замѣчательна также борьба его съ пятымъ помысломъ — печалію, и съ шестымъ, который

есть уныніе. Предлагая правила рати о другихъ помыслахъ, Нилъ говоритъ болѣе словами Святыхъ Отцевъ, а здѣсь уже отъ своего имени, и говоритъ такъ сильно, такъ живо, какъ Русской человѣкъ, наиболѣе доступный чувству унынія. «Немалъ намъ подвигъ на духъ скорбный, понеже «вметаетъ душу въ погибель и отчаяніе. Если скорбь отъ «человѣковъ будетъ, подобаетъ благодушно претерпѣвать ее, «и молиться за оскорбившихъ, зная, что не безъ Божія «промысла все съ нами случается и что все на пользу по«сылаетъ намъ Богъ, и на спасеніе душамъ нашимъ, а «если что теперь и кажется неполезнымъ, полезно можетъ «быть послѣ. Полезна намъ можетъ быть одна только «скорбь: о грѣхахъ нашихъ, и то съ надеждою и покая«ніемъ. Скорбь же праздную надобно отметать отъ сердца, «наровнѣ съ прочими злыми страстями, потому что она «творитъ душу пустою и унылою, и некрѣпкою, и нетер«пѣливою къ молитвѣ, и лѣнивою къ чтенію.

«Но если уныніе укрѣпится въ насъ, великій подвигъ «предстоитъ душѣ: лютъ его духъ, самый тяжелый, со«пряженъ съ духомъ скорбнымъ. А тѣмъ, которые пребы«ваютъ въ безмолвіи, рать на него належитъ великая. Когда «жестокія его волны встаютъ на душу, въ тотъ часъ и не «мнитъ человѣкъ, чтобы можно ему было когда-нибудь отъ «нихъ избавиться. Ему приходитъ на мысль, что и Богъ «оставилъ его, и не печется о немъ болѣе, и что его од«ного только и оставилъ Онъ, и что съ другими того не «бываетъ что̀ съ нимъ, и тогда все благое кажется ему «мерзкимъ.»

Борьба, предлагаемая Ниломъ, конечно, долго еще не окончится, — и не худо бы было Русскому человѣку новаго времени, который не пренебрегаетъ духовною жизнію, заглядывать въ его совѣты, содержащіе много глубокомысленныхъ наблюденій надъ душою человѣческою. Признаюсь, не могу не питать душевнаго сочувствія къ этимъ святымъ, высокимъ созерцаніямъ, и радуюсь тому, что они могли принадлежать моему соотечественнику въ XV сто-

лѣтія. Желаю искренно, чтобы скитъ Преподобнаго Нила Сорскаго возобновился и устроился, чтобы братія осталась вѣрна его преданію и духу его правилъ, и чтобы голосъ мой возбудилъ сочувствіе въ соотечественникахъ, которые пекутся о возстановленіи нашей великой древней святыни (*).

А добрый и вѣрный народъ нашъ памятуетъ великаго духовнаго пустынника. Когда я возвращался изъ скита, то у воротъ какой-то деревни встрѣтилъ пѣшехода-странника, который шелъ поклониться гробу Преподобнаго Нила. Странникъ служилъ во флотѣ, но вышедъ въ отставку, отправился по богомольямъ. Весь обросъ бородой, другой годъ уже какъ ходитъ. Былъ у Соловецкихъ; вытерпѣлъ бурю; судно разбилось подъ странниками; но ему тò было уже не впервые. А въ Петровъ день монастырь Соловецкій кормилъ отъ 4-хъ до 5-ти тысячъ богомольцевъ. Такъ говорилъ мнѣ очевидецъ, бывшій однимъ изъ нихъ, направляя ровные шаги свои въ пустыню Нилосорскую.

Въ тотъ же день, послѣ обѣда, поѣхали мы въ упраздненный Ѳерапонтовъ монастырь, который отстоитъ отъ Кириллова также на 15 верстъ. Дорога идетъ сначала озерами, окружающими Кирилловъ: Долгимъ, Святымъ, а потомъ углубляется въ лѣса довольно частые, перемежающіеся озерами. Когда выѣзжаете изъ лѣса, глáвы церквей виднѣются издали, и открывается прекрасное озеро, Бородавское или Ѳерапонтово, котораго форма совершенно иная, чѣмъ Сиверскаго и чѣмъ другихъ озеръ. Берега его чрезвычайно разнообразны: и гóры, и поля, и лѣсъ кругомъ его смѣняются, а по немъ видны островки съ лѣсочками. Озеро предстаетъ вамъ середи необозримаго пространства во всей своей огромной цѣлости. Загибъ, который оно дѣлаетъ, придаетъ необыкновенную красоту его формѣ.

Ѳерапонтъ былъ самъ уроженецъ Волоколамска, изъ дворянъ Поскочиныхъ, и постриженникъ Симонова мона-

(*) Приношенія на Нилосорскій скитъ можно отправлять по слѣдующему адрессу: въ городъ Кириловъ, въ Нилосорскую пустынь.

стыря въ Москвѣ. Онъ бывалъ прежде въ странахъ Бѣлозерскихъ и нерѣдко бесѣдовалъ объ нихъ съ Кирилломъ, а потомъ и сопутствовалъ ему туда. Когда Кириллъ поселился у озера Сиверскаго, Ѳерапонтъ, съ его согласія, удалился за 15 верстъ на озеро Бородавское и здѣсь основалъ монастырь. Но не въ немъ окончилъ онъ дни свои, а около Можайска, куда вызванъ былъ Княземъ Андреемъ Дмитріевичемъ, для основанія обители Можайской-Лужецкой. Ѳерапонту же наслѣдовалъ Мартиніанъ, ученикъ Кирилла Бѣлозерскаго. Его мощи почиваютъ здѣсь подъ спудомъ.

Монастырь съ 1798 года превращенъ въ приходскую церковь. Ограда еще осталась; существуютъ и развалины монастырскихъ келлій. Но вездѣ видно запустѣніе, кромѣ храмовъ, изъ которыхъ холодный въ особенности замѣчателенъ своимъ древнимъ иконостасомъ.

Это мѣсто имѣетъ и другую славу. Здѣсь жилъ нѣсколько лѣтъ въ заточеніи, Патріархъ Никонъ. Такъ записано и въ житіи его; память изгнанника хранится еще здѣсь, но не только келліи его не уцѣлѣли, а даже и мѣсто, которое занимали онѣ, предметъ спорный. Сторожъ, довольно ветхій, указалъ на нихъ съ правой стороны отъ входа въ ворота. Но священникъ, отецъ Арсеній, весьма гостепріимный и образованный, сказалъ, что тутъ были кельи настоятельскія, а каменныя палаты Никоновы находились на лѣво. Такъ впрочемъ опредѣлено и въ Исторіи Россійской Іерархіи, гдѣ прибавлено еще, что онѣ были росписаны изображеніями пустынныхъ жителей, но тому и слѣдовъ никакихъ не осталось. Изъ палатъ Никоновыхъ былъ ходъ прямо въ домовую его церковь на воротахъ (какъ сказано и въ жизнеописаніи Никона), которая и теперь существуетъ съ двумя придѣлами. Въ одномъ изъ нихъ деревянный крестъ съ надписью 1650 года, означающею, что онъ былъ водруженъ въ Кирилловомъ монастырѣ. Никонъ былъ сосланъ прямо въ Ѳерапонтовъ въ 1667 году, а оттуда въ 1676 переведенъ въ Кирилловъ. Не осталось въ этихъ храмахъ и каменныхъ стѣнахъ никакой письменной

памяти о славномъ заточникѣ, потому что всѣ надписанія его были позднѣе истреблены. Надъ домовою церковью Никона двѣ главы, формою какъ митры Епископскія, но пятиглавія здѣсь нѣтъ. Видъ съ церковной террасы на озеро, прекрасенъ. Здѣсь-то, въ этомъ озерѣ, развѣнчанный Никонъ, сѣтью, связанною собственными руками, ловилъ рыбу и ею снабжалъ братію монастыря. Здѣсь въ кельяхъ, принималъ онъ гонцовъ отъ Царя съ царскою рыбою, и угощалъ ею братію, самъ отъ нея не вкушая. Здѣсь, вокругъ озера, разсаживалъ и воздѣлывалъ онъ огороды. А вонъ на озерѣ видны два острова: одинъ изъ нихъ каменный. Это дѣло рукъ самого Никона. Глубина воды на этомъ мѣстѣ двѣ сажени. Длина же того острова 12 саженъ, а ширина пять. Никонъ, съ своими монахами, самъ на плотахъ, на разстояніи далѣе двухъ верстъ отъ берега, возилъ камни для того, чтобы сложить этотъ островъ. На немъ водрузилъ онъ крестъ съ надписью: «Никонъ Божіею милостію Патріархъ поставилъ сій крестъ «Господень, будучи въ заточеніи за слово Божіе и за свя«тую церковь на Бѣлѣозерѣ въ Ѳерапонтовѣ монастырѣ въ «тюрьмѣ». Зимою, мимо этого острова, лежала большая дорога, и проѣзжіе могли читать эту надпись. Никонъ поставилъ другіе два креста съ такими же надписями на другихъ двухъ островахъ, но всѣ эти кресты, при Патріархѣ Іоакимѣ, съ мѣстъ ихъ сняты, а надписи съ нихъ стерты, равно и со всей келейной посуды Никона, серебряной и оловянной, которую всю покрылъ онъ подобнымъ надписаніемъ. Уцѣлѣла одна такая надпись на стулѣ, который хранится въ Кирилловской ризницѣ: объ немъ говорилъ я прежде (*).

Кромѣ сложенія каменнаго острова, Никонъ украсилъ другіе острова растеніями. Одинъ изъ нихъ особенно цвѣтущъ. Во всѣхъ подобныхъ трудахъ видна необыкновенная дѣятельность его крѣпкой, неудержимой природы, которая, и въ пустынѣ Ѳерапонтовской обители, задавала себѣ работу, но устремляла ее не на тѣ предметы, не къ тѣмъ

(*) См. выше стран. 13.

цѣлямъ, которыя подобали лицу духовному. Для трудовъ такого рода Россія ждала инаго работника, который не замедлилъ явиться.

На лѣво отъ монастыря, верстахъ въ двухъ или въ трехъ, находится высокая гора Цыпина, съ которой видъ превосходный, какъ говорилъ намъ отецъ Арсеній. Я не могъ послѣдовать его любезному приглашенію и переночевать здѣсь, чтобы утромъ, при захожденіи солнца, насладиться этимъ видомъ. Завтра я долженъ былъ оставить Кирилловъ.

Солнце склонялось къ закату. Вечеръ былъ прекрасный. Мы поѣхали въ Кирилловъ, и дорогою любовались на ровное зеркало озера, которое лежало прозрачно, съ румянымъ отливомъ вечерняго неба. Легкія облака дивно отражались въ немъ, мѣшаясь съ его живописными островами.

Мѣста прекрасныя, благословенныя! На всякомъ шагу природа даритъ вамъ здѣсь свои возвышенныя впечатлѣнія, освященныя памятью мужей, угодившихъ Богу и засѣявшихъ всю эту землю сѣменами духовнаго просвѣщенія.

Нѣсколько разъ покидалъ я Кирилловъ монастырь для моихъ поѣздокъ въ окрестныя мѣста, и каждый разъ, какъ возвращался къ нему, все болѣе и болѣе поражало меня величіе бѣлыхъ столпостѣнъ его. Каждый разъ, огромнѣе и грознѣе, вставалъ онъ передо мною съ своими плотными и высокими оградами, съ крестоносными куполами церквей своихъ, съ своими необъятными башнями, особенно съ той стороны, откуда видна колоссальная башня Московская. Чѣмъ чаще возобновлялись эти впечатлѣнія, тѣмъ очевиднѣе представлялись его огромные архитектурные размѣры.

Но пришло время и оставить обитель, которой я многимъ обязанъ, и пребываніе въ которой будетъ для меня незабвенно. Москва звала на службу. Боялся опоздать къ пріемнымъ экзаменамъ.

Во время поѣздки своей, я заглядывалъ иногда въ путешествіе по Россіи Блазіуса. Лучшая сторона его касается, вѣроятно, свѣдѣній по части Естественныхъ наукъ, особенно Ботаники. Ссылки историческія на Карамзина, въ

отношеніи къ памятникамъ, довольно вѣрны. Но странно въ книгѣ ученаго и образованнаго путешественника встрѣтить слѣдующій анекдотъ:

«Въ воскресенье, 23-го Іюня, рано утромъ были мы въ Кириловѣ. Стряхнувъ съ себя дорожную пыль, мы отдохнули съ часокъ и пошли на озеро выкупаться. Чтобы не слишкомъ разгоряченному отъ солнечнаго зноя придти къ водѣ, я надѣлъ бѣлую, полотняную блузу и свѣтлую соломенную шляпу, но послѣ въ томъ раскаялся. Крестьяне, собравшіеся многочисленною толпою, падали всюду ницъ, гдѣ я ни проходилъ, творили огромное знаменіе креста и цѣловали мнѣ ноги. Они, казалось мнѣ, считали меня за высокую духовную особу, потому что я весь былъ въ бѣломъ. Такъ какъ я сначала не могъ понять, что̀ бы значило это поклоненіе, то я уже вовсе недуховнымъ образомъ ускорилъ свои шаги, дабы избавить себя отъ смущенья, и впередъ рѣшился избѣгать всякаго подобнаго повода къ обольщеніямъ.»

Чему тутъ удивляться болѣе: лжи или невѣжеству? Когда же высокія духовныя особы наши ходятъ въ бѣлыхъ полотняныхъ блузахъ и въ соломенныхъ шляпахъ? Когда же крестьяне крестятся передъ ними и цѣлуютъ у нихъ ноги? Какъ они могли бритаго Блазіуса, который шелъ купаться, принять за Епископа? Догадываюсь, что Іюня 23-го, въ день Владимірской иконы Богоматери, былъ ходъ съ образами около Кириллова и что бѣдный Блазіусъ всѣ молитвенные поклоны народа св. иконамъ принималъ на свой счетъ.

Все время употребивъ на обитель и ея памятники, я не могъ посвятить ни минуты городу Кирилову. Но въ немъ наиболѣе любопытное есть его нарѣчіе, которымъ говорятъ самые грубые простолюдины, чуждые образованія. Оно имѣетъ много сходства съ Малороссійскимъ и доказываетъ южное населеніе края. Вотъ нѣсколько примѣровъ, собранныхъ мною на мѣстѣ отъ человѣка, знающаго хорошо признаки разнообразныхъ нарѣчій всего окрестнаго края.

Экъ куда тебя згонобило, пбвно дѣло!

Куда ты залѣзъ, чудное дѣло!

Пострѣвъ тя возми; нарокъ бы тя изнырявъ; эка повѣса погонявка!

Деревенская брань.

Инъ бы тя за эту кураўку покотышкавъ бы тя кумяками.

Иной бы тебя за эту трубку потчивалъ кулаками.

Апорать скоро и дородно згоношилъ куравицы и ўпаки; только ўпаки-те хылкають.

Очень скоро и хорошо сшилъ рукавицы и сапоги; только сапоги-то очень просторны.

Параньня, збѣгай-ко въ подвавъ, а не тò въ синничю за жигалкой; вѣдь жигалка-та доканалась.

Параша, сбѣгай въ погребъ, а не то въ сѣнницу за свѣчкой; вѣдь свѣчка-то догорѣла.

Ховря, пбвно тарусу-тў боронити, а бью целомъ, попитайся покормись.

Хавронья, полно пустяки-то говорить, а прошу покорно, покушай.

Эку ты околесную городишь, шшò я къ пинью нефодила.

Какую ты ложь говоришь, что я въ церковь не ходила.

Не поѣсй ли опарника, либо тобоуки? попей пиукà.

Не поѣшь ли пирога ячнаго, или ситнова? испей пивца.

Послѣдніе два примѣра взяты въ селѣ Талицахъ.

Щó, дѣука, помѣкаешь ли? Вѣдь ёнъ отъ пéтницы попà Григорья сынок-отъ; ужь ёнъ ныньцятко слаўтникъ, въ синемъ каутанѣ фóдитъ, фантыже долгія. Вѣк-отъ вѣковись форóшова платнá наносятся. Енъ за Архимандрикомъ и фóдитъ, ужò ныньця въ пѣучихъ.

Что, дѣвка, знаешь ли? Онъ вѣдь отъ пятницы попа Григорья сынъ, и онъ нынѣ на славѣ, въ суконномъ кафтанѣ ходитъ, полы-то длинныя. Вѣкъ-то свой въ хорошей одеждѣ ходитъ. Онъ за Архимандритомъ и ходитъ, уже нынѣ въ пѣвчихъ.

ПѢСНИ.

Ванькё, затягивай!

Собирайтеся, робята,
На Пицюру на гору (*),
Да ко новому кабаку,
Къ молодому цюмаку (**).
Що на Пицюрѣ на горѣ,
Стоявъ новой кобацёкъ;
Що во этомъ кобацькѣ
Удалые вино пьють,
Богатые дивують.
Не дивуйте, богачи,
За васъ деньги заплацю;
Во корманѣ гроша два,
Да цёлковицька полтора,
Полтора ста серебра,
Да золотая не одна.

Ну-ко дѣваха, закурнацивай!

Пала порошиця (***),
Да выпадала молодая
Що на ту ли зёмлю талую,
Да на траву ли на муравую (****).
Що по той ли по травонькѣ
Да не заюшко проскакалъ,
Да не билеюшко проплясалъ.
Проѣзжавъ да доброй молодецъ
На своемъ ли конѣ вороножъ,
Да ко своей женѣ молодой.
Що жена ты моя молода
Да жонушка невѣрная!
Скуёмъ тебѣ,

(*) Названіе горы. (**) Цѣловальнику. (***) Роса. (****) Здѣсь объясняется слово *мурава* какъ прилагательное, какъ эпитетъ, обратившійся въ существительное.

Скуемъ, сдуемъ
Подъ сапожки скобоцьки.
Шшо молода жена попортилася,
Що на этихъ скобоцькахъ
Ко своему дружку ушла.
Шшо сфатилъ какъ вѣтвину
И обагнулъ ей харавину: (*)
Моя молода жена опомнилася,
На мою ли шею бросилася.

—

Наѣзжали господа,
Навезли товару.
Вы позвольте, господа,
Въ лавоцько сходити,
Да наноцьки купити,
Кумацю, китайки,
Преницькя да сайки.
Кумацю я не фоцю,
Ой преницькя не надо,
Кунья шуба шити
Да рукава пушити.
Ой тропинькя тропитьця
Да конопелькё ломитьця.
Що по той ли по тропинушкѣ
Шовъ прошовъ дѣтинушкя,
Що незнамъ незнамовичь,
Ёнъ фисталъ нафистывалъ (**),
Гаркалъ нагаркивалъ,
Душу выкликивалъ:
Выди на крилецькё,
Брякни во колецькё,
Промолви словецкё!
Душа какъ ягода
Билитьця румянитьця,

(*) Одежда женская. (**) Свисталъ насвистывалъ.

Словно са́херъ разсыпаетця.
Поцѣлуй схвативъ,
Винця купивъ;
Вина мы напили́ся,
Всѣ мы придрали́ся.

—

Цѐрьви да бу́бны
Ви́ны были кре́сти.
Подъ ябло́нью, подъ кужлявой (*)
Молодецъ въ гусли игралъ.
Цѐрьви да бу́бны,
Да ви́ны были кресты.
Поигравши да поплясавши,
Ставъ невѣстъ выбирать.
Цѐрьви да бу́бны
Да ви́ны были кресты.
Ставъ невѣстъ выбирать.
Хороша́я, пригожа́я,
По́ди, вы́ди за меня.
Цѐрьви да бу́бны,
Ви́ны были кресты.
Ты не выдешь, вспокае́шься,
Воспомене́шь молодьчя.
Ужъ я по́ду,
Про́ тя спрошу.
Цѐрьви да бу́бны,
Ви́ны были кресты.
Сосѣду́шки, собрану́шки,
Похвалите вы ее:
Ёна сла́вна, ёна про́ста,
Не дурна́ ёна, не про́ста.
Цѐрьви да бу́бны,
Да ви́ны были кресты.

—

(*) Кудрявой.

Мы подемте-ко, робята,
Во Кирилово гулѣта,
Сибѣ дѣвокъ выбирать.
Ой хо́дивъ я,
Гу́лявъ я,
Три ночѝ по ры́нку.
Искавъ я (2)
Кра́сныя дѣвицы
Мари́ньки на ры́нкѣ.
Ой даривъ я (2)
Пре́ницьки бобо́цьки
На голо мёдоцьки,
Орѣхи калёны,
Дѣ́вукамъ подарёны.

ВОЗВРАТНЫЙ ПУТЬ.

Ивановъ боръ. — Пороги Шексны.—Галинская станція.—Череповецкое нарѣчіе. — Село Любцы. — Пехтѣево.—Уломá. — Весьегонскъ. — Молога. — Дорога къ Рыбинску. — Тройка. — Рыбинскъ. — Воздвиженская церковь. — Соборный храмъ. — Протоіерей соборный.—Его поученія. — Впаденіе Шексны въ Волгу. — Пристань. — Разговоръ съ бурлакомъ. — Угличъ. — Гербъ Углича. — Соборъ. — Теремъ Царевича Димитрія. — Церковь Царевича Димитрія *на крови*. — Видъ на Волгу. — Исторія Углича Ѳ. Х. Кисселя.—Домъ старинной архитектуры.—Тверь.— Соборъ. — Отрочь монастырь. — Волга.—Церковь во имя Св. Троицы.— Мосты черезъ Волгу и Тьмаку. — Статистика Тверской губерніи (1783 и 1846 годовъ). — Памятное видѣніе.

Быстро я долженъ былъ возвращаться въ Москву. Таковъ будетъ и отчетъ мой въ заключеніи поѣздки.

Ѣдучи изъ Кирилова на Черéповецъ, можно было измѣрить всю пятиверстную длину озера Сиверскаго и долго любоваться горой Маýрой, стѣнами и башнями Кириллова монастыря, которыя скрываются за горами и перелѣсками прежде, чѣмъ покинешь озеро. На Ивановомъ бору, въ 12-ти верстахъ отъ Кирилова, переправа черезъ Шексну. Покамѣстъ переѣзжали мы на паромѣ, я разспрашивалъ о порогахъ Шексны. Ближайшій отсюда, самый большой, называется *Иванова голова;* подалѣе у Миловицъ также большой *Кривецъ*, по здѣшнему произношенію. Тамъ слѣдуютъ меньшіе: *Кольнецъ* поболѣе другихъ, *Кузнецъ*, *Косыя гряды*, *Купріянъ*, *Головникъ*, *Миль* самый начальный. Мелкимъ безъимяннимъ порогамъ счета нѣтъ. Противъ нихъ употребляется четверная сила: тянутъ бичевую съ обѣихъ сторонъ. Есть намѣреніе обойти каналомъ пороги Шексны: конечно, оно исполнится при дѣятельности нашей инженерной части.

Отъ Галинской станціи, почва замѣтно поднимается высоко, потому что открываются отовсюду тѣ чудные виды съ лѣсами отдаленными, съ безконечнымъ кругозоромъ Русскимъ, которымъ очевидно объясняется пословица: Русскій умъ любитъ просторъ. — Взоръ тонетъ въ нескончаемой дали: такъ и хочется уѣхать далеко, далеко!

Съ Ивановской станціи повезъ насъ извощикъ Семенъ, весьма красивый малой, но безъ пѣсенъ, а уже съ потребностями новаго поколѣнія, растущаго въ селахъ. Ни вина, ни пива, ему не нужно. Онъ одинъ случился трезвый между извощиками на станціи, которая пировала отъѣздъ какого-то важнаго лица, давшаго значительную водку. Потому-то онъ и повезъ насъ. Но Семену нужна была трубка. Онъ выпросилъ позволенія курить ее, какъ самаго высшаго своего наслажденія, и подчивалъ насъ такимъ тютюномъ, отъ котораго могъ спасать только свѣжій вечерній воздухъ. Карандашъ моего спутника передалъ его веселыя черты бумагѣ, пока мы смѣняли лошадей и пили чай. Вотъ онъ. —

Городъ Череповецъ мы проѣхали ночью. Онъ славится Шекснинскими стерлядями. Подъ нимъ опять переправа черезъ Шексну. Вотъ нѣсколько образцовъ Череповецкаго нарѣчія, которое похоже на Кирилловское, а все это вѣтви одного и того же Новгородскаго.

Эй Ванькё Ерму́шицъ! Що, брата́ха, продасѝ кобылу-ту? — Для цовожъ?	Эй Иванъ Ермолаевичъ! Что, братъ, продашь кобылу-то? — Для чегожъ?
А що́ баютъ: ёна̀ ономѣ́днись фара́ла, да ба́яли посѧ́днись: пустое.	А что говорятъ: она на тѣхъ дняхъ хворала, да говорили тогда: пустое.
Врё, этово я не цяялъ.	Врешь, этого я не ожидалъ.
Никакъ не моцѝ у́торокотъ ула́дити.	Никакъ не можно съ тобой поладить.
Мы го́шились чёну-ту сфа-ти́ть за нее на порядкахъ.	Мы хотѣли цѣну-то взять за нее порядочную.
Бабы те затувы́кали.	Бабы-то заплакали.

Ванькё, що гапишь, на шшо шалаганищь?

Иванъ, что дѣлаешь, зачѣмъ шутишь?

Не можно и потрафить: ёнъ гадушитъ ветя.

Не можно поладить: онъ вѣдь шутитъ.

Надъ купить ситьчю на сарафанъ; пóвно берéжник-отъ носити.

Надобно купить ситцу на сарафанъ; полно носить будничный.

У ей маренникъ еся.

У нея есть шерстяной выкрашенный сарафанъ.

Мы изъ тарáхтиля какъ пошли, тень-часъ на насъ и загáркали.

Мы изъ трактира какъ пошли, на насъ сей-часъ и закричали.

Мы кýричу-ту згонобѝли, да въ горшок-отъ втаращить не моцѝ.

Мы курицу-то ощипали, да въ горшок-атъ не могли уложить.

Дѣука, не дасѝ Богъ намъ не страсти, не ýжасти.

Дѣвка, не дай намъ Богъ ни страха, ни ужаса.

Прóхоркё, ты порáто скоро теляша-та укокошилъ, асильнó и усодóбилъ те вѣдь.

Прохоръ, ты очень скоро теленка-то закололъ, а хóрошо и изготовилъ его.

Ты йзтиха промолвилъ бы, а то во все горло гáйнулъ.

Тебѣ тихонько можно было сказать, а ты громко крикнулъ.

Кутафья, поди въ подклѝтье, принеси мою свитку (*) тý и обутку.

Кутафья (шуточное названіе), поди въ подклѣть, принеси мою свитку и сапоги.

Дарýха, покацяй-ка Овéрькю, вишь ёнъ курнáцитъ, маяцится.

Дарья, покачай Оверьяна, видишь онъ кричитъ, нездоровъ.

Ой ты бажóная! Какой у тебя стаметник-отъ зрóбленъ, повяжи пагаленки тѣ, не то цорвакъ заскользнётъ, тáкъ намаячишься, ты бы оторочила бахилы-тѣ.

Ой ты милая! Какой у тебя сарафанъ-то справленъ! Подвяжи чулки-то, не то червякъ заползетъ, такъ намучишься, ты бы обшила бахилы. (**).

Галáха! поймѝ меня съ собой, да утарáнимъ огóшки,

Галактіонъ, возьми меня съ собой, да унесемъ тихонько

(*) Одно слово съ малороссійскимъ: таже одежда. (**) Названіе обуви.

сгибникъ да заворотней, да коровай, и нарушаемъ скипъ, да говядины кусме́нь, згоношимъ хлѣбню, тамъ имутъ дѣуки писни пити.	огоньку, сгибникъ да заворотней (*), да коровай хлѣба, и нарѣжемъ порцій, да говядины часть, сваримъ похлебку; тамъ будутъ дѣвицы пѣсни пѣть (**).

Утромъ, на восходѣ солнца, надобно было опять переѣзжать Шексну, которой извивы еще своенравнѣе, нежели Оки. Село Любцы, въ утреннихъ лучахъ, красовалось за рѣкою, своею церковью и господскимъ домомъ. Сколько разъ переѣзжали мы Шексну, а еще ни разу не отвѣдали стерляди. Рыбакъ металъ сѣти и поймалъ одну. Цѣна необыкновенная — три рубли серебромъ стерлядь семи вершковъ. Но за то, въ Пехтѣевѣ намъ навязывались уже съ ними очень дешево. Чтобы сократить дорогу, вмѣсто Устюжны, мы поѣхали на Улому и прямо въ Весьегонскъ. По проселкамъ прижимокъ у нашихъ извощиковъ много, — и число верстъ всегда неопредѣленное. Мѣста здѣсь довольно дики и лѣсисты. Но современная сѣкира любитъ долины: лѣса падаютъ и здѣсь подъ ея ударами.

(*) Родъ особенныхъ пироговъ.

(**) Кстати передамъ здѣсь для собирателей народнаго слова сообщенные мнѣ признаки другихъ мѣстныхъ сѣверныхъ нарѣчій.

Новгородское. Ейная — ее, евонова — его. Евоной — онъ.

По воды по рѣки — по водѣ по рѣкѣ.

Гвёрста-дресва. — Я съ нимъ говорй, а онъ не туда и глядй, знаё-идё. Я съ нимъ говорилъ, а онъ не туда и глядитъ, знаетъ идетъ. — Говоря, ниши. Говорятъ, молчи. — Берегё, бережетъ; ушедши, пришедши, уѣхавши: ушелъ, пришелъ, уѣхалъ. Ничова, ничего. Любизной, любезной.

Боровицкое: Нѝту ни хлиба, ни похлибу́шки (похлёбки), а ѐ (есть) па́кисель (кисель) горячая. — Ой моѐ дитушки. — Я нимà, я не знаю. Онъ не ѝде (не ѣдетъ) за иту цину. — Кусо́вничать — ѣсть сухо.

Тихвинское: На́грызень, капуста; морсало — брусника топленая, хохоли — ерши.

Устюжское: Ни ба́тъ ла́нно — ты говоришь ладно. Стынно, схонно — стыдно, сходно. Во всѣхъ словахъ, гдѣ послѣ д слѣдуетъ н, выговариваютъ за два н. Бацина, дубецъ. Вѣтвина, прутъ.

Весьегонскъ лежитъ на берегу Мологи, черезъ которую переправа. Народъ называетъ его Весью: старымъ именемъ. Не доѣзжая до Веси, видишь рощу: сосны древнія, заповѣдныя, съ часовней. Такія рощи есть и еще около города. — Онъ горѣлъ два года сряду. Послѣдній разъ 12-го Іюля, какъ первый *спень заснули:* такъ выразился извощикъ съ Уломы. Покамѣстъ готовилась намъ уха изъ Шекснинскихъ стерлядей, я разговаривалъ съ старыми людьми о теперешнихъ обычаяхъ. Они сѣтуютъ на то, что все старое выходитъ изъ моды, что нѣмецкое платье совсѣмъ изгоняетъ Русское, что сарафановъ уже почти не носятъ: это голосъ общій, который случалось мнѣ не разъ слышать по дорогѣ.

Отъ Веси до Мологи дорога идетъ аллеями красивыхъ березъ, которыя принялись прекрасно. Онѣ закрываютъ, правда, виды на поля и на отдаленные небосклоны Русскіе, но для пѣшеходовъ благодѣтельны своею тѣнью. — Молога красивый городокъ на горной сторонѣ Волги, у самого втока Мологи. Онъ былъ оживленъ только что начинавшейся ярмонкой. Трактиры напоминаютъ Московскіе своимъ внѣшнимъ щегольствомъ и половыми, которые переѣзжаютъ изъ Москвы въ другіе города. Домъ купца Бушкова и городская больница — лучшія зданія въ городѣ.

Спустившись съ горы, переправляешься черезъ Волгу. Сѣно *свертышами*, какъ выразился паромщикъ, неслось по волнамъ ея. Это слѣды разливовъ и прорвавшихся мѣльницъ, которыя затопили сѣнокосъ.

Дорога къ Рыбинску идетъ сначала все берегомъ Волги. Любуешься лазурнымъ цвѣтомъ ея волны, но дно къ берегамъ видно, хотя въ нынѣшнее лѣто воды и больше. Дѣятельно шелъ сѣнокосъ по берегамъ ея. Какой-то патріархальный помѣщикъ, окруженный дворнею, разбилъ тутъ палатку. Красная рубашка, признакъ довольства и роскоши, здѣсь мелькаетъ чаще. Народъ размашистѣе, ловчѣе, какъ вообще народъ приволжскій. Сѣверное цавоканье мѣшается съ Ярославскимъ выговоромъ на о.

На послѣдней станціи, къ Рыбинску, смотритель настоялъ на томъ, чтобы мы къ тройкѣ припрягли четвертую лошадь. Я согласился тѣмъ болѣе, что онъ ссылался на грязную дорогу. Но тутъ былъ мнѣ случай узнать: — что такое Русская тройка, прославленная Гоголемъ, въ экипажѣ, который для нея и сработанъ. Четвертая только-что мѣшала. Извощикъ измучился. Наконецъ, онъ самъ увидѣлъ необходимость отпрячь четвертую — и тогда лишь мы бойко понеслись до Рыбинска. Дружная тройка, которую знаетъ извощикъ и которая сама знаетъ извощика, есть необыкновенная ѣздовая сила, созданная Русскимъ человѣкомъ. Я рѣшился бы лучше платить за лишнюю по формѣ, да не припрягать четвертую, какъ помѣху. Помню я одного мальчика извощика, который насъ возилъ два раза изъ Кириллова въ одинъ и тотъ же день: въ первый разъ была у него дружная, *его* тройка, какъ онъ ее называлъ: мы просто летѣли, — и мальчикъ весь былъ вдохновеніе. Но во второй разъ хозяинъ его тройку разрознилъ: куда-то спонадобилась одна изъ трехъ лошадей; ее замѣнили другою, и мальчикъ былъ самъ не свой, сердился, сердилъ и насъ — но подъ конецъ все объяснилось: это была ужь не *его* тройка и онъ былъ правъ. — Извощикъ съ *своею* дружною тройкой есть великое дѣло въ почтовой скорой ѣздѣ. Лошади у него везутъ лихо, какъ бы ни былъ грузенъ экипажъ, лишь бы запрягался тройкой.

Рыбинскъ виднѣется издали, а особенно его красивая соборная колокольня, которая господствуетъ надъ окрестностью. Здѣсь я могъ провести нѣсколько часовъ, — но все было слишкомъ мало для такого прекраснаго городка, какъ Рыбинскъ

Пристань Волжская оживила его и украсила. Первая красота Русскаго города — храмы Божіи; первые дары богатаго купечества — на нихъ. При самомъ въѣздѣ въ Рыбинскъ, со стороны Мологи, васъ поразитъ изяществомъ

своей легкой архитектуры новая Воздвиженская церковь. Архитекторомъ ея былъ Ярославецъ Поповъ. Живописцами также Ярославцы; въ числѣ ихъ мѣщанинъ Смирновъ. Доброхотные датели, на иждивеніи которыхъ храмъ воздвигнутъ и украшенъ: Переславцевъ Рыбинскій голова, Наумовъ, Щербаковъ и другіе граждане Рыбинска. Внутренность церкви прекраснымъ вкусомъ соотвѣтствуетъ наружности. Размѣры велики и пропорціональны. Впечатлѣніе свѣтло и торжественно. Всѣ украшенія придуманы изящно. Иконостасъ перенесенъ изъ древняго собора, равно и Апостолы въ придѣлѣ; есть и другія древнія иконы. Стѣнная живопись вся уже въ новомъ Италіянскомъ вкусѣ. Событія изъ жизни Спасителя изображены въ олтарѣ: Моленіе о Чашѣ, Тайная Вечеря, Умовеніе ногъ, Несеніе креста, Снятіе со креста, Воскресеніе. Подъ куполомъ небесная слава: всѣ чины Іерархіи небесной, окружающіе Господа Саваоѳа. Здѣсь видны уже слѣды подражанія Италіянскимъ образцамъ, — и не безъ успѣха. Я замѣтилъ большое выраженіе въ лицахъ Апостоловъ. Такъ иконопись соединяется въ этомъ храмѣ съ живописью, — и скажу, одна не мѣшаетъ другой. Сами живописцы соединяютъ, какъ замѣтно, оба рода: иконы мѣстныя пишутъ инымъ стилемъ, а стѣны расписываютъ другимъ. Рыбинская новая церковь показываетъ, что можетъ быть у насъ поприще для искусства и внутри Россіи. Промышленность и торговля могутъ оживить наше искусство, если оно посвятитъ себя Религіи. Венеціанскіе купцы содѣйствовали же къ украшенію храмовъ Венеціи.

Соборный храмъ Рыбинска стоитъ на прекрасномъ мѣстѣ, близь набережной. Церковь строится вновь, все на добровольныя приношенія гражданъ Рыбинска. Колокольня чудной архитектуры. Она послужила образцемъ для Воздвиженской. Видъ съ нея на Волгу, Шексну и окрестности, богатый. Богослуженіе совершается теперь въ малой, древней церкви.

Недалѣко отъ великолѣпнаго храма, вновь воздвигаемаго усердіемъ народа нашего къ вѣрѣ, въ укромномъ, бѣдномъ уголкѣ, живетъ Протоіерей соборный, Отецъ Родіонъ Путятинъ, столько извѣстный въ церковной нашей Словесности своими краткими Поученіями, которыя вышли, во время моей поѣздки, уже шестымъ изданіемъ и къ которымъ недавно присоединилъ онъ еще девять.

Тайна успѣха этихъ Поученій заключается въ ихъ краткости, простотѣ, ясности и жизни. Каждое изъ нихъ содержитъ въ себѣ мысль глубокую, но не отвлеченную, доступную не для одного богослова и нужную всякому Христіанину. Проповѣдникъ умѣетъ округлить ее и выразить въ немногихъ словахъ, ясно и убѣдительно.

Выпишемъ нѣсколько такихъ мыслей изъ новыхъ последнихъ поученій проповѣдника.

Вотъ самый простой совѣтъ, который онъ предлагаетъ людямъ, желающимъ, чтобы взаимное ихъ расположеніе не измѣнялось: онъ обращается къ своимъ новымъ прихожанамъ и обращаетъ тѣмъ свой частный случай въ общій.

«Вотъ что́ мы должны для сего дѣлать: мы должны другъ о другѣ молиться Богу. Если мы будемъ другъ о другѣ молиться, то наше взаимное расположеніе навсегда останется неизмѣнно: тогда чѣмъ ближе мы будемъ знакомиться, тѣмъ больше будемъ расположены другъ къ другу; тогда и духъ злобы не можетъ поселить между нами вражды: молитвами, какъ стрѣлами, мы отразимъ всякое его нападеніе. Да, ничто такъ не укрѣпляетъ взаимнаго расположенія между людьми, какъ взаимная молитва: того непремѣнно полюбишь, чье имя часто поминаешь въ своихъ молитвахъ. — Самые злѣйшіе враги сдѣлались бы друзьями, если бы они стали молиться другъ о другѣ.»

Тяжела для всякаго человѣка мысль, что память объ немъ истребится вовсе на землѣ. По случаю поминовенія

одной усопшей, такое утѣшеніе противъ этой мысли предлагаетъ Проповѣдникъ.

«Сотъ за пять лѣтъ жили, должно быть, люди и на этомъ мѣстѣ, гдѣ мы теперь живемъ; но кто они — эти люди? Кто ихъ теперь знаетъ, кто объ нихъ когда вспомнитъ? А вѣдь они тутъ—въ землѣ, можетъ быть и кости ихъ еще цѣлы, можетъ быть и прахъ ихъ еще не смѣшался съ землею. Пройдетъ еще сотъ пять лѣтъ, и—надъ нашими могилами будутъ разсуждать другіе, какъ мы теперь; будутъ разсуждать.... а можетъ быть нѣкому тогда будетъ и разсуждать; можетъ быть и города нашего не будетъ, можетъ быть вмѣсто домовъ выростутъ лѣса огромные, можетъ быть вмѣсто людей дикіе звѣри будутъ топтать наши могилы; можетъ быть.... Все можетъ быть, но не можетъ быть, слушатели, чтобы мы совсѣмъ забыты были на землѣ, не можетъ быть, чтобы объ насъ нѣкому было вспомнить: насъ не забудетъ, насъ вспомнитъ въ своихъ молитвахъ наша Св. Православная Церковь; а она будетъ пребывать на землѣ, доколѣ земля стоять будетъ.»

По случаю праздника Трехъ Святителей и Вселенскихъ Учителей, Василія Великаго, Григорія Богослова и Іоанна Златоуста, такъ соединяетъ проповѣдникъ свою паству съ этими свѣтилами Церкви первоначальной.

«Умъ успокоивается, сердце радуется, душа торжествуетъ при мысли: Я молюсь, какъ молились Василій В., Григорій Б., Іоаннъ З.,—я вѣрую, какъ они вѣровали, я призываю Бога, какъ они призывали, я приношу жертву Ему, какъ они приносили. Да, Слушатели благочестивые, и при нихъ въ храмахъ Божіихъ богослуженіе было, какъ теперь у насъ, и при нихъ было это же пѣніе, это же чтеніе, и при нихъ такъ же горѣли свѣчи при служеніи, такъ же курился ѳиміамъ, и при нихъ такъ же въ томъ же чинѣ, въ томъ же порядкѣ, предлагаема была трапеза Господня.— О, призрите на насъ съ высоты своей, Святіе тріе Святителіе; мы по всему ваши, у насъ все по вашему, ни

на одну іоту и ни на одну черту мы не отступили отъ васъ. — Твоими молитвами мы молимся, Св. Василіе; по Твоему примѣру мы покланяемся Пресвятѣй Троицѣ, Св. Григоріе; Твоимъ служеніемъ мы служимъ, Св. Іоанне.»

Въ Поученіи, направленномъ противъ тѣхъ, которые не ходятъ въ православные храмы, такъ говоритъ о Церкви проповѣдникъ.

«Изъ чего состоитъ эта церковь, въ которой мы стоимъ теперь? Изъ камней и кирпичей. Возьмите же, разбросайте эти камни и кирпичи, что будетъ? Камни, и кирпичи,—а не церковь. Церковь тогда только бываетъ, какъ эти кирпичи и камни вмѣстѣ соединяются. Камней и кирпичей много и въ другихъ мѣстахъ; но они составляютъ ли церковь? Нѣтъ, потому что они особо, одни лежатъ, не соединены вмѣстѣ. Вотъ тоже надобно сказать и о Хрістіанахъ. Если Хрістіане соединены духомъ, любятъ другъ друга; то они истинно Хрістіане, и составляютъ Церковь Хрістову, и потому спасутся; а если кто изъ Хрістіанъ отдалится, не будетъ соединенъ духомъ съ другими; то не будетъ уже и истинный членъ Церкви».

Этою мыслію изъ прежнихъ поученій я заключаю выписки, потому что въ ней — главная сила всѣхъ краткихъ поученій Отца Родіона, и ею объясняется ихъ успѣхъ. Эта мысль есть сама Православная Церковь, дающая дружбѣ нашей прочность, памяти нашей вѣчность, плачу и веселью нашему освященіе, соединяющая насъ съ первоначальными свѣтильниками хрістіанства въ единомъ свѣтѣ духовнаго общенія, могущая одна соединять и насъ всѣхъ братскою любовію, даже и съ тѣми, которые внѣ ея, потому что и тѣхъ любить она повелѣваетъ. Проповѣдникъ сознаетъ эту мысль живо, — и въ ней вся жизнь его простаго слова.

Мнѣ пріятно было познакомиться лично съ такимъ человѣкомъ. Его наружная простота и ясность взора соотвѣтствовали простотѣ и ясности его поученій. Съ участіемъ

слѣдитъ онъ за произведеніями современной словесности. О. Записки лежали на столѣ. Надобно знать и ихъ такому Проповѣднику, который хочетъ прямо дѣйствовать на жизнь современниковъ. Шекспиръ въ переводѣ Кетчера былъ также тутъ: и онъ не лишнее для того, кто хочетъ изучать страсти человѣка, самъ охраняя себя отъ нихъ въ мирной пристани Вѣры.

Великолѣпенъ видъ на то мѣсто, гдѣ Шексна впадаетъ въ Волгу. По обѣимъ сторонамъ втекающей рѣки стоятъ два села́: Петровское и Васильевское, и два храма возвышаются другъ противъ друга. Шексна при втокѣ вся загромождена судами. Волга, принявъ Шексну, потекла шире, глубже и еще голубѣе: она, кажется, потеряла желтизну своихъ мѣлей. Суда, разнообразныхъ формъ и наименованій, улицей стоятъ по ней. Вся широта Волги у пристани закрыта ими: оставленъ малый промежутокъ для проходящихъ.

Бурлаки, изъ Вятки, кончивъ свое дѣло, ждали лодки въ обратный путь до Нижняго и наняли по 2 цѣлковыхъ на брата. Въ живописныхъ положеніяхъ отдыхали они. Одинъ изъ нихъ пѣлъ пѣсню. Я подошелъ къ нему — и просилъ повторить ее. Одна у бурлака пѣсня, отвѣчалъ онъ: *весь пошелъ.*

Въ разговорѣ съ нимъ я замѣтилъ доброе отношеніе между этимъ сословіемъ и купеческимъ. «Отъ купцовъ мы живемъ, говорилъ онъ: ни намъ безъ купцовъ, ни купцамъ безъ насъ, не льзя жить». Счастлива та земля, гдѣ классъ рабочій такъ отзывается о классѣ промышляющемъ, гдѣ нѣтъ вражды между работникомъ и заставляющимъ работать.

Вятчане бурлаки всегда въ раздорѣ съ бурлаками Нижегородцами: какъ сойдутся, не могутъ не поссориться. Ссоры удѣльныя еще живы въ нашемъ низшемъ народонаселеніи. Вятчане цавокаютъ; Нижегородцы ихъ дразнятъ этимъ.—«Сказано: бурлакъ-то дуракъ,» прибавилъ бурлакъ къ своимъ пересказамъ о своемъ сословіи.

Приходящіе изъ дальнихъ губерній завидуютъ бурлакамъ Рыбинскимъ, которые здѣсь зашибаютъ по 200, по 300 рублей въ лѣто. Приходящимъ издали не придется такъ.

Съ восторгомъ говорилъ бурлакъ о Волгѣ, смотря на нее. «У Волги-то видно золотое дно. Сколько народу отъ нея живетъ! Зимою не бываетъ столько извоза по всѣмъ концамъ нашей земли, сколько по одной Волгѣ лѣтомъ. Все-то она матушка беретъ, всѣхъ-то насъ кормитъ.» Какая чистая, простая и добрая благодарность заключалась въ этихъ словахъ къ той рѣкѣ, которой берега бурлакъ обливаетъ своимъ потомъ, которая разлучаетъ его съ семьею и служитъ поприщемъ для самыхъ тяжелыхъ трудовъ его. Добрый Русскій народъ помнитъ больше добро, а труда своего не помнитъ.

Пристань, рынокъ, лавки, главная площадь — все оживлено дѣятельностью. До 100,000 простирается кочующее населеніе Рыбинска. Торговля улучшила и гостинницы. Та, въ которой мы стояли, отличалась щегольскою чистотою и хорошимъ обѣдомъ, хотя не льзя не замѣтить, что кухня нижняго этажа подъ жилыми комнатами посылала въ нихъ жаръ, совершенно лишній въ Іюлѣ мѣсяцѣ.

Рыбинскъ оставилъ во мнѣ самое пріятное впечатлѣніе. Если къ его живописному мѣстоположенію, его торговлѣ и промышленности, образованіе приложитъ изящные дары свои, — онъ будетъ однимъ изъ прекраснѣйшихъ городовъ Русскихъ.

Выѣзжая изъ Рыбинска по березовой аллеѣ на Углицкую дорогу, мы встрѣтили двухъ дамъ, изъ которыхъ одна ѣхала верхомъ, а другая правила кабріолетомъ. Рыбинскъ *цивилизируется*.

Дорога къ Угличу весьма лѣсиста. Городъ замѣтенъ издали на берегу Волги. Множество храмовъ служитъ признакомъ его древности: 150 церквей считалось въ городѣ въ древнее время. Передъ въѣздомъ виденъ на столбѣ гербъ,

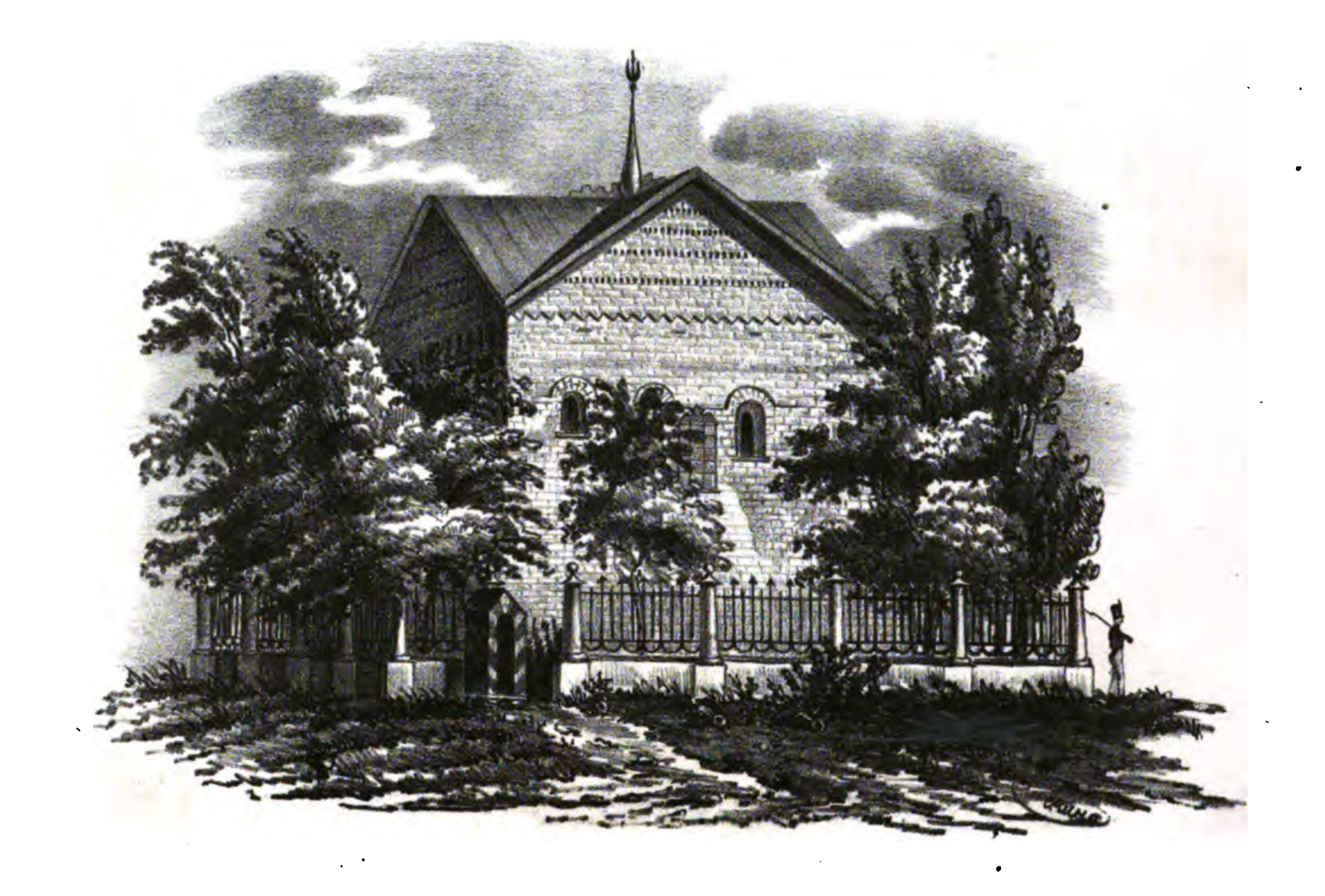
изображающій Св. Димитрія Царевича съ саблей въ рукѣ: въ этомъ гербѣ — мысль Императрицы Екатерины. Народъ постоянно хранитъ память о послѣдней отрасли Рюрикова дома, у него жившей, о младенцѣ-Угодникѣ Божіемъ, и съ благоговѣніемъ покланяется гербу-иконѣ своего города.

Мѣстоположеніе Углича тѣмъ особенно живописно, что здѣсь Волга дѣлаетъ довольно рѣзкій извивъ. Городъ стоитъ на ней какъ будто угломъ: угломъ выходитъ и противоположный берегъ. Отсюда, вѣроятно, и названіе Углича.

Соборная церковь строена при Петрѣ Великомъ на мѣстѣ древней. Она, безъ внутреннихъ столповъ, поддерживаетъ огромный сводъ. Стиль ея простъ и величавъ. Замѣчательны двѣ древнія иконы: Углицкихъ чудотворцевъ, Кассіана и Паисія. Новая живопись храма принадлежитъ двумъ эпохамъ: Петровской и нашей. Первая представляетъ еще переходъ отъ иконописи къ живописи; вторая уже вовсе чуждается иконнаго стиля. Въ одной ракѣ хранятся остатки мощей Св. Романа Владимiровича, Углицкаго Князя, сожженныхъ Поляками въ 1611 году. Въ другой серебряной ракѣ хранится нетлѣнный покровъ Царевича Димитрія, вынутый изъ его гроба при вскрытіи святыхъ мощей его. Берегутся и носилки, на которыхъ Угличане провожали тѣло своего Угодника-Царевича въ Москву.

Красива и легка соборная колокольня, увѣнчанная наверху посеребрённою крестоносною чашей.

Близъ собора находится и теремъ Царевича Димитрія: довольно высокое, какъ бы обрубленное со всѣхъ сторонъ, четвероугольное зданіе въ два этажа. Березы осѣняютъ его кругомъ. Приложенный рисунокъ ознакомитъ съ его наружностью. Внутри, въ верхнемъ этажѣ, палата — одна большая комната. Окна изъ слюды: только и есть въ ней древняго. Но стѣны и потолокъ расписаны очень дурною современною кистью. И здѣсь, чье-то неразумное усердіе нарушило старину въ пользу худой новизны. Но и самая

новизна уже успѣла испортиться отъ сырости. Штукатурка обвалилась. Извощикъ замѣтилъ: хотѣли оштукатурить дворецъ, да штукатурка не держится на стѣнахъ: не хочетъ того Димитрій Царевичь. Въ нижнемъ этажѣ другая квадратная комната, да подвалы подъ нею. Здѣсь однѣ развалины, дающія поводъ къ толкамъ, что будто бы отъ дворца былъ тайный подземный проходъ на Волгу. Но ни исторія, ни изслѣдованія мѣстныя, не оправдываютъ этихъ предположеній.

Дворецъ Царевича сохранился потому, что онъ соединенъ для Угличанъ съ священнымъ именемъ Угодника Св. Димитрія. Памятники у насъ сохраняются по мѣрѣ своего высшаго, духовнаго значенія. Другимъ же мы не придаемъ такой цѣны.

Въ пятнадцати саженяхъ отъ дворца, на самомъ берегу Волги, находится церковь Св. Царевича Димитрія *на крови*. Такъ называютъ ее, потому что построена на самомъ мѣстѣ убіенія. Прежде была здѣсь часовня, потомъ въ царствованіе Шуйскаго деревянная церковь, а при Царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, на его иждивеніи, выстроена каменная. Прилагаемый рисунокъ дастъ понятіе объ олтарѣ ея, который можетъ быть древнѣе, чѣмъ остальное зданіе. Святыней покрыла кровь, пролитая здѣсь: таковъ духъ нашего народа и нашей исторіи. Много чистыхъ и прекрасныхъ мыслей пробудитъ въ душѣ Русскаго этотъ олтарь. Кстати, голубь свилъ гнѣздо подъ его смиренною, низкою кровлей, и леталъ часто около этого мѣста, когда мы вокругъ него ходили, переносясь къ началу XVII вѣка нашей исторіи. Церковь хранитъ многія древнія и святыя драгоцѣнности.

Чудный видъ на Волгу и на заволжскую сторону открывается здѣсь. Оба конца городскаго вала примыкаютъ къ рѣкѣ. Здѣсь народное гулянье расположено на мѣстахъ историческихъ. Бесѣдка его на мѣстѣ того монастыря, гдѣ Царица Марія, въ инокиняхъ Марѳа, мать Царевича, насильно

приняла постриженіе. Гротъ недалеко отъ рыбьяго пруда, который былъ въ числѣ принадлежностей дворцовыхъ.

Домики разной величины тянутся далеко по сю сторону Волги, но есть часть города съ церковью и на той сторонѣ. Миловидныя села красуются тамъ вдали за Волгою: село Красное Г. Супонева и село Золоторучье, такъ названное отъ ручья, будто бы текущаго по золотому песку.

Кромѣ собора и церкви на крови, есть и другія замѣчательные храмы въ Угличѣ: церковь во имя Св. Алексія Митрополита напоминала мнѣ своею главою въ образѣ архіерейской митры, подобную церковь въ Переславлѣ Залѣсскомъ, во имя Св. Петра Митрополита.

Пріятно мнѣ было познакомиться съ учителемъ исторіи въ Уѣздномъ училищѣ Углича, теперь уже Штатнымъ Смотрителемъ, Ѳ. Х. Кисселемъ. Онъ написалъ весьма дѣльную исторію города, къ сожалѣнію, мало у насъ извѣстную, потому что она напечатана въ Ярославской губернской типографіи, и потому что она не романъ и не сказка, а ученый трудъ. Для этой книги Авторъ воспользовался многими мѣстными лѣтописями, которыя здѣсь ходятъ въ рукописяхъ. Весьма скромно, живетъ честный труженикъ. Все современное въ литературѣ возбуждаетъ въ немъ участіе. Послѣднюю трудовую деньгу употребляетъ онъ на выписку журналовъ. Всѣ памятники Углича и всю его древность знаетъ, какъ свои пять пальцевъ. Онъ былъ моимъ путеводителемъ по городу.

Насупротивъ дома, занимаемаго Уѣзднымъ училищемъ, есть домъ весьма старинный, должно быть архитектуры временъ Петра, съ какими-то древними изображеніями. Такіе домы можно еще встрѣтить только въ городахъ, подобныхъ Угличу. Сожалѣю, что время не позволило снять съ него вида.

Сожалѣю также, что не могъ познакомиться съ извѣстнымъ здѣсь любителемъ древностей, И. П. Серебрениковымъ.

Послѣднія мои путевыя впечатлѣнія были въ Твери. Я не буду отдавать въ нихъ подробнаго отчета, потому что принялъ ихъ слишкомъ быстро. Чтó же касается до древностей, Тверь имѣетъ ученыхъ знатоковъ этого дѣла, которымъ предоставляю подробное ея описаніе.

Я любовался Тверью, какъ изящнымъ Европейскимъ городомъ. Она процвѣла подъ управленіемъ теперешняго хозяина губерніи, А. П. Бакунина. Ея правильныя, опрятныя улицы, убранныя тротуарами, ея свѣтлыя площади, цвѣтущіе сады — по большей части, плодъ его неусыпной дѣятельности.

Соборъ отличается и внутреннимъ и внѣшнимъ благолѣпіемъ. Мощи Св. Михаила Тверскаго — первая его святыня. Въ церкви хранятся имена всѣхъ Тверскихъ Архипастырей, въ числѣ которыхъ красуется имя и нашего Московскаго Митрополита: прекрасный обычай, достойный подражанія. На правой рукѣ, за сѣверными дверями, показывали мнѣ икону съ надписью временъ Грознаго и съ именемъ того, кто ее заказывалъ. Она недавно открыта. Образа, представляющіе событія изъ жизни Михаила Тверскаго: его предсмертная молитва и самая кончина, заказаны ученику нашей школы живописи въ Москвѣ, свободному художнику Орлову, который, впослѣдствіи, ихъ и исполнилъ съ большимъ успѣхомъ.

Отрочь монастырь находится за Волгой. Келья Св. Филиппа Митрополита, гдѣ Малюта Скуратовъ совершилъ надъ нимъ убійство, превращена въ олтарь церкви одного изъ придѣловъ. Кладка зданія, потолокъ стрѣлками, какія-то углубленія внутри стѣнъ, служившія вѣрно для потребъ домашнихъ и похожія на тѣ, чтò я видѣлъ въ Александровскомъ Успенскомъ монастырѣ, свидѣтельствуютъ о древности, а прочее все уже новое. Соборный храмъ монастыря весьма благолѣпно устроенъ. Отецъ Архимандритъ Григорій подарилъ мнѣ свои духовныя Бесѣды на молитву Господню и на нѣ-

которыя избранныя мѣста Св. Писанія: его краснорѣчивое слово растворено силою Апостольскаго ученія.

Берегъ Волги, ведущій къ Отрочу монастырю, воздѣланъ недавно. Красивые домики, сады и огороды смѣнили грязь, неустройство и нечистоту.

И здѣсь въ Твери, гдѣ Волга недалека еще отъ своего источника, гдѣ она не приняла въ себя ни одной важной рѣки, любуешься, однако, ея лазурною волною. И въ колыбели видна уже ея царственная осанка. Это таже родная мнѣ Волга, которою въ ребячествѣ любовался я въ степяхъ Саратовскихъ: и въ младенчествѣ своемъ, она пророчитъ тотъ широкій разливъ, который совершаетъ на моей родинѣ.

Церковь во имя Св. Троицы за Тьмакою построена Гаврилом Тимоѳеевымъ Тушинскимъ въ 1564 году, какъ значится въ сохранившейся тамъ надписи. Царскія двери, рѣзныя изъ дерева, съ украшеніями изъ слюды и свинца, достойны бъ были того, чтобы сняла ихъ вѣрно кисть художника, какъ памятникъ древняго вкуса, весьма изящнаго. Въ верхнемъ ярусѣ церкви потаенныя три палатки, куда входъ черезъ крышу; здѣсь, какъ думаютъ, укрывались во время нашествія непріятельскаго, или сюда уносили сокровища. Есть и подземный ходъ отъ церкви, говорятъ, будто на полверсты.

Тверь служитъ поприщемъ чудесъ новой инженерной дѣятельности. Я видѣлъ мостъ черезъ Волгу для желѣзной дороги. Два огромные быка его уже готовы и ждутъ чугунной настилки, которая должна сдерживать 400 тысячъ пудовъ тяжести. Третьяго нельзя было поставить, потому что онъ стѣснилъ бы Волжское судоходство.

Черезъ Тьмаку дѣлается другой огромный мостъ.

Россія въ подобныхъ предпріятіяхъ должна бороться съ препятствіями своей колоссальной и необыкновенной природы, которыхъ другія страны не знаютъ.

Тверская губернія, благодаря просвѣщенной дѣятельности своего Начальника, имѣетъ такую статистику, которая заслуживала бы подражаніе и въ другихъ губерніяхъ. Это не мое личное мнѣніе, а мнѣніе Географическаго Общества, которое, недавно, въ своемъ печатномъ отчетѣ, отдало справедливость достойнымъ трудамъ своего Д. Члена, Тверскаго Губернатора.

Въ Губернской Чертежной города Твери хранилось хозяйственное описаніе Тверской губерніи, которое составлено было въ 1783 году, по повелѣнію Императрицы Екатерины II и по случаю окончанія генеральнаго размежеванія. Составители статистики Тверской губерніи въ 1846 году имѣли въ виду описаніе 1783 года и предложили много значительныхъ выводовъ, изъ которыхъ иные я сообщу.

Народонаселеніе всей губерніи, въ теченіи 63-хъ лѣтъ, увеличилось на 40 процентовъ. Въ сословіяхъ же произошли слѣдующія измѣненія. Дворянъ потомственныхъ мужескаго пола уменьшилось 2028. Въ одной Твери, напримѣръ, въ 1783 году считалось 210 муж. пола, а въ 1846 только 50. Число же дворянъ личныхъ вообще увеличилось болѣе чѣмъ вдвое, а въ одной Твери болѣе чѣмъ втрое. Духовенство уменьшилось болѣе чѣмъ одною третью. Купцовъ, считая въ томъ числѣ и Почетныхъ Гражданъ, объявившихъ капиталы, уменьшилось болѣе чѣмъ вдвое. Мѣщанъ же увеличилось почти втрое. Число казенныхъ крестьянъ возрасло на 54%; число помѣщичьихъ почти на 24%. Ямщиковъ увеличилось почти на 45%.

Число селъ умножилось 41, и всѣ они помѣщичьи, а деревень уменьшилось 169.

Число церквей каменныхъ въ 1783 было 141; въ 1846 — 586. Деревянныхъ церквей въ 1783 году 643; въ 1846—272. Церквей всего увеличилось 74.

Училищъ въ 1783 году считалось 19, нѣкоторыя изъ нихъ были только-что учреждены. Училищъ теперь въ губерніи находится 115, и въ томъ числѣ 61 училище для крестьянскихъ дѣтей.

Въ 1783 году существовала одна только больница въ Твери; въ настоящее время ихъ считается 21.

Наибольшее число частныхъ домовъ выстроено въ Ржевѣ, Твери, Вышнемъ-Волочкѣ, Торжкѣ и Осташковѣ, т. е. въ тѣхъ городахъ, которые ведутъ наибольшую торговлю.

Любопытно бы было сличить, сколько было земли подъ лѣсомъ въ обоихъ годахъ. Впрочемъ, и теперь, почти третью часть всего пространства губерніи занимаютъ лѣса.

Кожевеннымъ заводамъ принадлежитъ первое мѣсто въ ряду промышленныхъ заведеній губерніи. Цѣнность произведеній, на нихъ выработываемыхъ, равняется четвертой части цѣнности всѣхъ произведеній, какія выработываются на фабрикахъ и заводахъ всей Тверской губерніи, а эта цѣнность въ средней сложности составляетъ 2 милліона руб. сер. Количество выдѣлываемыхъ въ губерніи кожъ простирается до 200,000, которыя, большею частію, сбываются за границу черезъ С.-Петербургъ.

Любопытно видѣть разнообразные промыслы по уѣздамъ.

Въ Корчевскомъ уѣздѣ 7 кожевенныхъ заводовъ, на которыхъ ежегодно выдѣлываютъ до 9,500 кожъ. Кромѣ обыкновенной кожи, на нихъ приготовляется бѣлая и черная юфть и разныхъ цвѣтовъ лайка. Кожи сбываются исключительно въ селѣ Кимрѣ. Здѣсь крестьяне шьютъ сапоги, башмаки и галоши, и сбываютъ ихъ въ Москву. Все, что̀ въ Москвѣ продается готоваго товару въ этомъ родѣ, приготовляется преимущественно въ селеніяхъ Корчевскаго и Калязинскаго уѣздовъ. Я видѣлъ село Кимру: съ перваго разу замѣтны его довольство и богатство, проистекающія отъ главнаго промысла. Корчева и Калязинъ даютъ Твери самое большее число сапожниковъ.

Кашинъ отличается пряничными заводами, на которыхъ приготовляется болѣе 1,000 пудовъ пряниковъ, и колбасными (до 800 пуд. колбасы). На бумажной фабрикѣ въ уѣздѣ выдѣлывается до 6,500 пудовъ оберточной бумаги.

Торжокъ славится сафьянами, шитыми золотомъ и серебромъ. — Въ Новоторжскомъ уѣздѣ бумажная фабрика выдѣлываетъ 15,000 пудъ оберточной бумаги.

Фабричною и заводскою промышленностью, изъ всѣхъ уѣздныхъ городовъ Тверской губерніи, отличается по преимуществу Осташковъ. Бумагопрядильная фабрика его, принадлежащая Почетнымъ Гражданамъ Савинымъ, выдѣлываетъ ежегодно до 15,000 пудъ пряжи и сбываетъ ее въ С.-Петербургъ. Бумажная хлопка доставляется на фабрику изъ Остъ-Индіи, Америки и Египта, на собственныхъ корабляхъ владѣльцевъ. Въ уѣздѣ бумажная фабрика приготовляетъ ежегодно до 140 тысячъ аршинъ миткаля и холстинки. — Кожевенныхъ заводовъ считается болѣе 36, въ томъ числѣ нѣкоторые находятся при домахъ; на нихъ ежегодно выдѣлывается болѣе 113,200 кожъ. Кожи, приготовляемыя на заводѣ Почетныхъ Гражданъ Савиныхъ (до 50,000) и Мосягиной (до 15,000), отличаются своею добротою и отправляются въ большомъ количествѣ за границу черезъ С.-Петербургъ. — Послѣ кожевенной, въ Осташковѣ отличается своимъ развитіемъ желѣзная промышленность. Въ Осташковскихъ кузницахъ приготовляется весьма много разныхъ желѣзныхъ издѣлій, въ особенности топоровъ, косъ и серповъ, которыхъ примѣрно выдѣлывается каждый годъ болѣе 125,000 косъ, около 50,000 серповъ и 35,000 топоровъ. Мосягинъ топоры свои поставляетъ ежегодно въ Адмиралтейство, гдѣ они признаны за образцовые.

Хлѣбопашествомъ же всѣхъ бѣднѣе уѣздъ Осташковскій. Его болотистая почва тому причиною. Она, конечно, привела съ собою и то, что онъ развилъ въ себѣ промышленность другаго рода. Озера и болота наполняютъ воздухъ парами, неблагопріятными для здоровья. Изъ этихъ болотъ и озеръ вытекаютъ Волга и Двина. Озеро Селигеръ или Столобное имѣетъ въ длину 45 верстъ. На немъ до 160 острововъ, изъ которыхъ Хотчинъ имѣетъ въ окружности болѣе 21 версты. Столобной славится монастыремъ Св. Нила Столобенскаго. Хотѣлось мнѣ тѣмъ же лѣтомъ посѣтить его, но я не успѣлъ.

Ржевъ славится своими пеньковопрядильнями, которыхъ въ городѣ считается 42; на нихъ ежегодно выработываютъ до 177,000 пудъ бичевы, веревокъ и канатовъ.—По торговлѣ Ржевъ занимаетъ первое мѣсто въ губерніи. Здѣсь купечество съ самыми значительными капиталами. С.-Петербургскій и Рижскій порты — поприще его торговли. — Въ уѣздѣ кожевенный заводъ выдѣлываетъ болѣе 12,000 кожъ, а въ деревняхъ, Муравьевой и Хорошовѣ, приготовляется ежегодно до 50,000 топоровъ.

Старица отличается также своими кузницами. Въ Старицкомъ уѣздѣ много ярмонокъ по селамъ, но все крестьянскія. Въ Зубцовскомъ также ихъ довольно—и все такія же.

Красный-Холмъ, заштатный городъ, приготовляетъ 1,000 пудъ сахарныхъ пряниковъ и около 2,600 пудъ колбасы.

Тверская губернія обильна и сыроваренными заводами. Въ Корчевскомъ, Кашинскомъ, и особенно Старицкомъ и Новоторжскомъ уѣздахъ, изготовляется ежегодно 4,550 пудъ сыру.

Народную промышленность собственно составляютъ кожи, сапоги и кузницы. Теричи, какъ видно, отличные кожевники, сапожники и кузнецы.

Вотъ еще нѣсколько замѣчательныхъ итоговъ изъ статистическихъ таблицъ 1847 года.

Учащихся въ духовныхъ училищахъ 2,824; въ гражданскихъ 2,137.

Весьегонска мы не замѣтили въ числѣ городовъ, отличающихся какою либо фабричною или заводскою промышленностью, а между тѣмъ денежный оборотъ его внутренней торговли простирается на 454,818 р. сер. и превосходитъ всѣ другіе уѣзды. Вотъ что̀ значитъ Молога въ Весьегонскѣ — и сбытъ хлѣба черезъ нее. Къ тому же разряду относится и Вышній-Волочокъ.—Осташковъ первый городъ по фабрикамъ и заводамъ, а между тѣмъ денежный оборотъ его внутренней торговли только 12,135 р. сер., почти въ восьмеро менѣе противъ Ржева и почти впятеро противъ

Зубцова, который очень бѣденъ заводами и фабриками. Количество запаснаго капитала изъ городскихъ доходовъ у Вышняго-Волочка и Весьегонска самое бо́льшее, не смотря на то, что Весьегонскъ два раза горѣлъ.

Училищъ казенныхъ 1,864 во всей губерніи, помѣщичьихъ 90.

Число пожаровъ въ 1846 году было 157 по губерніи; въ 1847 году 173. Убытку въ 1846 году причинено на 484,209 р. сер.; въ 1847 на 220,225 р. сер.

Выводы любопытные, которые могъ бы продлить статистикъ, въ этомъ дѣлѣ опытный, потому что матеріалы для того богатые.

Сожалѣю крайне, что не могъ видѣться съ моими достойными сослуживцами: время вакаціонное было тому причиною. Каждый изъ насъ нуждается въ сельскомъ отдыхѣ, безъ котораго непрочны труды академическаго года и невозможны особыя работы, требующія уединенія и досуга. Нашъ отдыхъ есть работа на себя и для пользы науки.

22-го [illegible] вечеромъ я былъ въ Москвѣ.

Не могу пропустить одного впечатлѣнія, которое испыталъ я за двѣ ночи до возвращенія нашего въ Москву. Мы ѣхали отъ Углича къ Калязину. Ровная гладкая, открытая степь разстилалась подъ нами кругомъ — и напоминала мнѣ безконечно-ровныя степи юга. Мы, казалось, скакали все по одному и томуже мѣсту — и степь не кончалась. Мѣсяцъ мало по малу всходилъ на небо — и сначала освѣщалъ только окраины своего небосклона и поля́, а потомъ озарилъ и все небо, и всю степь. Усталый отъ дороги, я лежалъ въ какомъ-то полу-снѣ. Кругомъ меня, со всѣхъ сторонъ, во всю высоту небесъ, поднимались чудные, бѣлые соборные храмы съ своими золотыми главами, а надъ

ними вырастали исполинскія колокольни вплоть до зенита. Лишь только закрывалъ я глаза, какъ они поражали меня своимъ величіемъ, и куда я ни обращался, они, со всѣхъ сторонъ, сходились въ одинъ молитвенный соборъ, и потрясали мою душу своими гигантскими образами, какъ будто бы вся наша безконечная Россія соединяла отъ всѣхъ концовъ свои храмы, которые отъ земли до вершины неба слагались въ одинъ неизмѣримый. Никогда не забуду я этого видѣнія: такъ оно было поразительно.

Замѣтки мои отрывочны и разбросаны, какъ замѣтки всякаго путешественника. Но не смотря на то, всѣ онѣ сходятся около одной главной мысли, которая была путеводною нитью въ моемъ странствіи и будетъ такою же и во всей моей жизни.

СПИСОКЪ

рисунковъ, приложенныхъ ко второй части.